

ЭДМОНД
ГАМИЛЬТОН
РОКОВАЯ ЗВЕЗДА

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

РОКОВАЯ ЗВЕЗДА

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ РОМАНА
«РОКОВАЯ ЗВЕЗДА»
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ТАВНАЛРСА

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

**УЖЕ УВИДЕЛИ СВЕТ
СБОРНИКИ:**

ЗВЕЗДНЫЕ КОРОЛИ

БИТВА ЗА ЗВЕЗДЫ

ХРАНИТЕЛИ ЗВЕЗД

ГАЛАКТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

(МИР ЗВЕЗДНЫХ ВОЛКОВ)

**ТЕПЕРЬ ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
4 НОВЫХ ТОМА:**

БЕГЛЕЦ СО ЗВЕЗД

РОКОВАЯ ЗВЕЗДА

ЛУЧИ СМЕРТИ

ОДИССЕЯ ЗВЕЗДНОГО ВОЛКА

ТАДЖИКСКАЯ ПЕЧАТЬ

ЭДМОНД
ГАМИЛЬТОН

РОКОВАЯ
ЗВЕЗДА

ЗКМ
ПРЕСС
1997
▼▼▼

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Г 18

Разработка серийного оформления
художника *С. Курбатова*

Серия основана в 1997 году

Художник *И. Варавин*

Перевод с английского *С. Сухинова, В. Мартова*

Г 18 **Гамильтон Э.**
Роковая Звезда: Фантастические произведения. —
М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1997.— 400 с. (Серия
«Стальная Крыса»).

ISBN 5-04-000001-4

В созвездии Хейдес могущественной тайной организации удастся создать установку «Роковая Звезда», способную «отравлять» солнца, превращая их в источники смертельно опасного излучения. Звездный Патруль обычными методами не в состоянии справиться с этой всегалактической напастью. И тогда лучшая полицейская ищейка Хейдеса капитан Секма решает на отчаянный шаг: привлечь к расследованию космического флибустьера и авантюриста Джонни Кеттрика. Но удастся ли «везунчику» Кеттрику отвести страшную угрозу, нависшую над обитаемыми мирами?

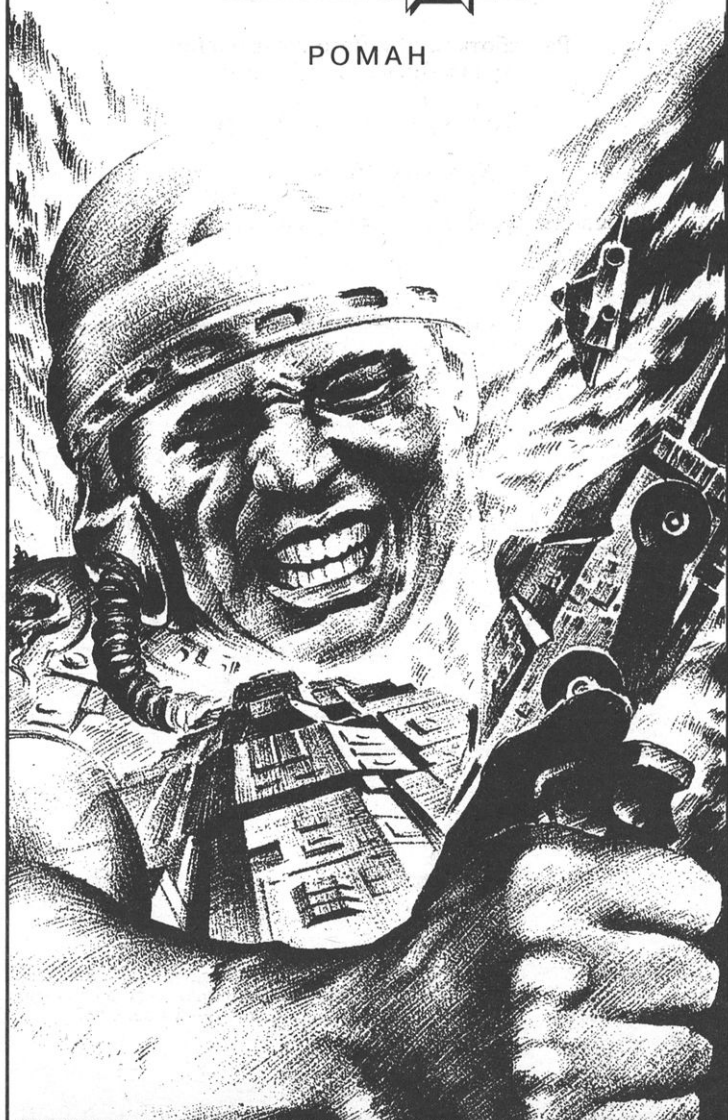
УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-04-000001-4

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО».
Оформление, перевод и издание
на русском языке, 1997 г.

РОКОВАЯ ЗВЕЗДА

РОМАН

ГЛАВА 1

Танцоры бесшумно двигались в кругу зеленовато-голубого цвета, ритмично раскачиваясь и высоко подпрыгивая. Их нечеловеческие лица закрывали маски, а серебристые тела были полностью обнажены. Непривычные движения поначалу шокировали, но постепенно сидящим в зале зрителям раскрывалась вся грациозность этого фантастического танца.

Сандра нервно передернула плечами:

— Просто мурашки бегут по коже... — пробормотала она.

— Эй, потише, — остановил ее Кеттрик. — Не стоит подавать другим дурной пример дискриминации негуманоидов.

— А мне нет до этого дела. Я простая земная провинциалка и не люблю, когда всякие космические уроды корчат из себя людей. — Она рассеянно покрутила бокал между пальцев с ярким маникюром. — Я хочу еще выпить, Джонни.

Кеттрик сделал заказ, наблюдая за танцующими.

— Похоже, тебя увлекает этот кошмар, — недовольно произнесла Сандра и поежилась, словно ей стало холодно. Этой зимой в моду вошли закрытые платья, и на девушке была длинная, красиво расшитая туника, перехваченная на талии тонким пояском. Голову Сандры украшала сложная, искусно сделанная прическа, сохранявшая форму лишь благодаря толстому слою лака. В ушах блестели серьги в виде колокольчиков с драгоценными камнями, которые мягко позвякивали при каждом повороте головы. — Хотя ты же привык к такому варварству у себя в Хейдесе, — пренебрежительно добавила она.

— Хм-м... — пожал плечами Кеттрик. — Вот что я скажу тебе, девочка. Даже самые жуткие негуманоиды с периферии галактики считают только СЕБЯ людьми, а ос-

тальных — лишь жалкой пародией на человека. Так что не очень-то задирай свой симпатичный носик.

— Ладно, Джонни, не злись, — манерно растягивая слова, проговорила девушка. Она взяла бокал вина с подноса, принесенного официантом, и сделала глоток. — Признайся, ты очень скучаешь здесь? Каждый раз, когда я вспоминаю о Хейдесе, ты заводишься.

Кеттрик натянуто улыбнулся.

— Тебе кажется, что все так просто?

— Не знаю, — озадаченно посмотрела на него Сандра. У девушки были светло-голубые глаза, затененные модными накладными бровями из белого металла, который сиял даже в тусклом свете.

— Раньше я думала, что дело в потерянных тобой деньгах, в твоём изгнании и всяком таком, но теперь вижу, что нет. Джонни, я встречаюсь с тобой уже два года и все равно не могу понять тебя по-настоящему... не могу дотянуться до тебя, если ты понимаешь, что я имею в виду. Скажи, в Хейдесе у тебя была женщина?

Танцоры застыли в финальной позе, изящно поклонились и исчезли за занавесом. Вспыхнул свет. Вновь зазвучала музыка, и на площадку потянулись пары.

Кеттрик с необычной для него нежностью погладил руку Сандры.

— Выбрось все это из головы, детка, — сказал он. — Принимай вещи такими, какие они есть, а если тебе что-то не нравится, ты свободна сделать иной выбор.

Девушка испуганно взглянула на него и сдавленно произнесла:

— Пойдем потанцуем, Джонни.

Кеттрик почувствовал, что Сандра боится потерять его, и ему стало не по себе. Он подал девушке руку, и они пошли к площадке, заполненной танцующими. В ее больших сверкающих глазах таилась тревога, словно она предвидела их неизбежное расставание. С некоторым раскаянием Кеттрик подумал о том, что он сыграл с Сандрой злую шутку, выбрав именно ее, воплощавшую в себе все, что он больше

всего презирал в женщинах. Возможно, она на самом деле привязалась к нему, хотя в это верилось с трудом. И если Сандра завтра забудет его, он будет только рад.

Девушка, должно быть, заметила перемену в его лице и призывно улыбнулась, не догадываясь об истинных чувствах Джонни. В этот момент к ним подошел метрдотель клуба Тиге. Слегка тронув Кеттрика за плечо, он сказал:

— Джонни, вон те двое джентльменов хотели бы побеседовать с тобой.

Проследив за его взглядом, Кеттрик увидел возле входа, задрапированного шелковой портьерой, двух мужчин в мундирах Службы безопасности Земли. Они выжидающе, без тени улыбки наблюдали за ним.

— Я отлучусь на минутку. — Кеттрик поцеловал руку Сандры и двинулся к выходу.

Девушка вновь уселась за столик, с тревогой провожая его взглядом.

Кеттрик поздоровался с двумя незнакомцами, на лицах которых застыло выражение вежливого равнодушия. Один из них показал Кеттрику удостоверение.

— Дьявол, что вам еще от меня надо?

Один из них ответил:

— Не знаю, мистер Кеттрик. Мы получили приказ доставить вас.

Офицеры выжидательно смотрели на него, но Кеттрик не двигался с места. Он напрягся и, сжав кулаки, пристально смотрел на этих людей недобрый взглядом. Тиге, который был на несколько дюймов выше ростом и на полсотни фунтов тяжелее Кеттрика, умоляюще произнес:

— Джонни, пожалуйста, все споры на улице. Пожалуйста.

Кеттрик пожал плечами.

— А я разве спорю?

Он оглянулся и поймал взгляд Сандры. Помахав ей рукой, он протянул Тиге банкноту в пятьдесят кредитов:

— Позаботься, чтобы девушка спокойно добралась домой.

Больше Сандра его не видела.

Кеттрик взял в гардеробе свой утепленный плащ, включил термостат, натянул на голову капюшон и пошел к выходу. Двое мужчин молча последовали за ним.

Ледяной ветер ударил ему по лицу хлесткой пощечиной, но показался даже приятным после душного воздуха ночного клуба, пропитанного смесью запахов блюд и не менее изысканных духов. Густо сыпал снег, тая на мостовой. У обочины стояла темная приземистая машина. Водитель терпеливо ждал за рулем с покорностью человека, который многое повидал в своей жизни и ничему уже не удивляется. Кеттрик уселся на заднее сиденье, а по обе стороны немедленно устроились его молчаливые сопровождающие. Глухо заурчал мотор, и машина нырнула в ночь.

Некоторое время они ехали по заснеженным улицам между тускло освещенными домами. Кеттрик не сомневался, что его везут в одно правительственное учреждение, где ему не раз приходилось прежде бывать, и зачастую далеко не по собственной воле. Он заметил, что работает видеочамера кругового обзора, с помощью которой оба офицера наблюдали за едущими сзади машинами. Кого-то они опасались, но кого? Кеттрик даже не пытался задавать подобный вопрос, поскольку знал, что ответа все равно не получит.

Они проехали блистающую огнями площадь Таймсквер, затем один из агентов что-то сказал водителю, и машина свернула в сторону от центра. Она начала совершать довольно замысловатые эволюции по узким улочкам, даже опытный соглядатай вряд ли бы смог удержаться на «хвосте», не выдав себя с головой.

Кеттрик понял, что дело обещает быть любопытным.

Видеочамера не показывала ничего подозрительного. Один из офицеров произнес:

— Ладно, Гарри, все нормально.

Водитель с облегчением вздохнул, и машина свернула в сторону ближайшей скоростной трассы, ведущей к Лонг-Айленду.

Поворот, еще поворот, и длинная пустынная улица про-

легла между оградами вилл, прячущихся в садах. Через несколько минут машина сбавила скорость, въехала в ворота и оказалась в царстве заснеженных лужаек и голого тщательно подстриженного кустарника. Недавно очищенная от снега дорожка вела к большому дому, сияющему светом окон.

Кеттрик в сопровождении обоих агентов вошел в дом.

В просторном роскошном холле швейцар помог ему снять плащ и отправился доложить, что гости прибыли. Оба охранника остались ждать его возвращения. Затем они проводили Кеттрика до порога одной из комнат и, пропустив вперед, плотно прикрыли за ним дверь.

Кеттрик осмотрелся. Он находился в библиотеке, солидной и комфортабельной. Окна были закрыты тяжелыми шторами. В старомодном камине уютно потрескивали дрова. Кеттрик мельком скользнул взглядом по рядам книг в кожаных переплетах, полированной старинной мебели, великолепному ковру, а затем перевел глаза на нескольких пожилых мужчин, молчаливо сидевших в мягких креслах вокруг овального стола, украшенного искусной резьбой.

Первым взгляд выхватил лицо от души ненавидимого им Ферсена, второго секретаря правительственной комиссии по Межзвездной торговле, представлявшего Землю в секторе галактики, куда входил Хейдес. Остальных Кеттрик знал понаслышке, некоторых из них видел на экране галактического телевидения. Он ощутил тревогу — было весьма странно, что эти люди собрались здесь только ради сомнительной чести увидеть его, Джонни Кеттрика.

Джентльмены, сидевшие за столом, не сводили с него изучающих взглядов. Говард Виккерс, худощавый, сутулый человек с высокомерным выражением лица, отвечал за безопасность Солнечной системы. Рядом сидел его помощник, холеный, словно аристократ, Маршалл Вэйд, известный своими элегантными, идеально подстриженными усиками. Следующим был Артур Раймонд, глава Департамента правосудия, с могучими плечами и массивной челюстью бульдога, известный еще и как Минотавр. Доктор Хэйтон Смит, астрофизик. И два высоких стройных дарвана с золотистой

кожей и темно-синими глазами. Они расположились возле камина. Один из них Кеттрику был очень хорошо знаком: Секма — один из лучших звездных полицейских. Другого Джонни видел впервые.

Говард Виккерс, глава Службы безопасности, первым нарушил молчание.

— Пожалуйста, садитесь, мистер Кеттрик.

Кеттрик медлил. Заметив это, Секма произнес по-английски, но с заметным акцентом:

— Лучше присядь, Джонни. Эта ночь может оказаться долгой.

ГЛАВА 2

Кеттрик с усмешкой ответил:

— Я всегда ценил ваши советы, Секма, даже если и не следовал им. Но сейчас, пожалуй, послушаюсь.

Он опустил в свободное кресло, которое как бы случайно было поставлено так, что все присутствующие могли видеть каждый его жест, малейшее изменение выражения лица. Кеттрику казалось, что это происходит словно во сне, когда все выглядит вроде бы совершенно нормально, но спящий чувствует, что надвигается кошмар, который заставит его с криком проснуться. Но сейчас ему было настолько любопытно, что вовсе не хотелось «просыпаться».

— Выпьете чего-нибудь? — спросил Виккерс.

— Спасибо, нет, — ответил Кеттрик. Он знал, что бывают случаи, когда инстинкт самосохранения является достаточно сильным стимулятором, которому алкоголь только будет мешать.

— Как хотите. Мистер Кеттрик, попрошу вас внимательно выслушать все, что я скажу. Вы знаете мистера Секму. Но, полагаю, вы не знакомы с доктором Такину. Он возглавляет астрофизический сектор Академии астрономии на Тананару.

Кеттрик молча кивнул Такину, который так же вежливо ответил на приветствие. Он выглядел старше Секмы, в его вьющихся каштановых волосах проблескивала седина, а лицо было изрезано морщинами. Астрофизик казался озабоченным и напряженным. Кеттрик подумал, что он больше похож на политика, чем на ученого, занятого абстрактными проблемами далеких звезд. Впрочем, это касалось и его коллег, доктора Смита с Земли. Оба ученых были явно чем-то озадачены.

Или испуганы?

Виккерс продолжил:

— Доктор Такину расскажет о том, что только что сообщил всем нам.

Такину посмотрел на Кеттрика:

— Вы не возражаете, если я буду говорить на галакто?

— Нисколько, — пожал плечами Кеттрик.

«Интересно, чем же Такину так напуган?»

Монотонным голосом, будто он устал повторять одни и те же слова, доктор начал:

— Наши приборы зарегистрировали изменения спектра одной из звезд созвездия Хейдес. Речь идет о небольшом заурядном солнце, не имеющем в своей системе обитаемых планет. Проводилось стандартное сканирование звездной сферы, и компьютер отметил резкое повышение интенсивности гамма-излучения в этой части пространства. Мы нашли его источник и провели очень подробное исследование странной звезды и ее системы. Оказалось, что излучение звезды стало настолько мощным, что будь на планетах этого солнца жизнь, она немедленно бы погибла. Понимаете, мистер Кеттрик, — маленькое солнце внезапно стало смертельно опасным!

Такину замолчал, помрачнев, а вместо него заговорил Секма:

— Джонни, не пытайся понять, как за одну ночь звезда смогла превратиться в бомбу замедленного действия. Каким-то образом ядерные процессы внутри солнца пошли совершенно иным путем, да так, что интенсивность гамма-из-

лучения повысилась сразу на много порядков. Не буду вдаваться в физику этого явления. Для нас, неспециалистов, достаточно знать, что это случилось.

Такину кивнул.

— Сложнее всего будет осознать причину данного явления, — глухо произнес он.

Его загнанный взгляд задержался на Кеттрике, у которого уже не оставалось сомнений — Такину в ужасе.

— Я полагаюсь не только на собственное мнение. Мои выводы подтверждает и уважаемый коллега доктор Смит из вашей Лунной обсерватории.

Смит продолжил:

— Я провел собственные наблюдения. Наши приборы зафиксировали те же изменения в спектре излучения звезды.

В библиотеке повисла напряженная тишина, и только горящие поленья беззаботно потрескивали в камине. После паузы Смит сказал, опустив глаза:

— Мы считаем, что это не природное явление.

И вновь последовала тишина. Казалось, все осмысливают эти слова. Кеттрик почувствовал, что взгляды присутствующих устремлены на него, словно все ждут его реакции. Но вместо него заговорил Секма:

— Скажу прямо, Джонни. Кто-то намеренно погубил эту планетную систему, воздействовав на ее солнце. Астрофизики уже называли это явление жаргонным словечком «отравление», а саму обреченную звезду — «роковой». Впрочем, это название я услышал отнюдь не из уст наших уважаемых ученых.

— А откуда же? — спросил Кеттрик, с удивлением глядя на своего старого «приятеля». — Вот уж никогда не думал, что такой тугодум, как вы, может интересоваться астрономией.

Секма усмехнулся.

— Сам знаешь, Джонни, по долгу службы я прислушиваюсь к разговорам, собираю любопытные сплетни и легенды. Ключу как петух по зернышку — одно словечко в город-

ской толпе, другое — на пожаре, третье на охоте в джунглях. Тогда-то я и услышал про «Роковую Звезду».

Секма дал своим собеседникам некоторое время, чтобы обдумать его слова, а затем продолжил:

— Я не слишком-то доверяю слухам. Любое существо, будь оно человеком, гуманоидом или негуманоидом, любит трепать языком. Суровая правда жизни ему кажется слишком прозаичной, и потому ничем не обузданная фантазия нередко порождает невероятных монстров. К таким порождениям нездорового разума я поначалу и отнес мифический механизм, прозванный «Роковой Звездой», и который способен из любого обычного солнца сотворить Звезду смерти. Но когда я узнал об открытии доктора Такину, это совпадение показалось мне слишком невероятным.

Кеттрик задумался.

— И как же люди с разных планет могли узнать об изменении в спектре одной из неприметных звезд, которых в галактике миллионы?

— Вот то-то и оно! Я выяснил, что никто в Хейдесе и не знал про нее. Если только астрономы могли с помощью приборов уловить изменение в спектре маленькой звезды — откуда же об этом мог узнать рядовой обыватель?

— А не проще ли принять это именно как природное явление? — спросил Кеттрик.

— О, гораздо проще, Джонни. Ну а если существует хотя бы один шанс на миллион, что некто овладел искусством управлять звездами? Тогда этот некто имеет в руках могучее оружие, с помощью которого может «отравить» любое солнце, в том числе и ваше, земное. Будешь ли ты спокойно спать по ночам, зная, что благополучие Солнечной системы висит на волоске?

Кеттрик кивнул:

— Ладно, не буду спорить. Но если вы правы... Господи, да это же великолепный метод шантажа! Если этот таинственный некто заранее сообщит о следующем «отравлении» и успешно проведет демонстрацию своего могущества... Да

тогда все звездные системы в районе Хейдеса окажутся у его ног!

— Верно, дружище, только вряд ли этот некто ограничится Хейдесом, — заметил помрачневший Секма.

Кеттрик покачал головой.

— Но демонстрации-то не было! Никто, кроме двух астрономов, ее и не заметил. Да и звезда-то была выбрана незначительная, с необитаемыми мирами, до которых никому нет дела.

— Мы полагаем, что это был всего лишь эксперимент, Джонни, — пояснил Секма. — Каждое новое оружие должно пройти определенный цикл испытаний. Этот опыт прошел успешно — кстати, не факт, что он первый. Мы думаем, демонстрация последует позже, если...

— Если что? — спросил Кеттрик, заранее зная ответ.

— Если нам не удастся предотвратить ее.

— И если установка, с помощью которой «отравляют» звезды, существует в действительности, — добавил с сомнением Кеттрик.

— Вот это нам и предстоит выяснить. Существует ли эта фантастическая «Роковая Звезда», и если да, то кто владеет ею.

— Хм-м... Это может потребовать массу времени.

— А вот времени у нас как раз и немного, — вмешался в разговор Говард Виккерс. — Если предположить, что установка существует, то вряд ли ее хозяева станут медлить. Когда они вновь пустят ее в ход, как вы думаете, мистер Кеттрик?

Кеттрик озадаченно взглянул на главу Службы безопасности.

— Та-ак, дайте подумать... Собрание Лиги Свободных миров прошло как раз накануне моего отбытия с Хейдеса. Так что следующая ассамблея состоится... — Он что-то задумчиво пробормотал себе под нос. — Черт, вечно путаюсь с межзвездными календарями... наверное, в шестом цикле Универсального галактического времени.

— Достаточно скоро, — кивнул Секма. — Но почему ты

считаешь, что некто будет дожидаться именно этого события?

— Да потому, что эффект получится намного внушительнее! Одно дело сообщать правителям различных миров о «Роковой Звезде» по отдельности и совсем другое — сделать такое сенсационное заявление на общем собрании представителей сотен планет. По крайней мере я поступил бы именно так.

Виккерс задумчиво пожевал губами.

— Вполне разумная гипотеза, мистер Кеттрик, — согласился он.

Виккерс поднялся с кресла и, пройдясь по комнате, встал перед камином и заложил руки за спину, как профессор, приготовившийся читать лекцию студентам. Но вместо этого он неожиданно предложил:

— А теперь вы не хотите ли выпить?

И снова Кеттрик отказался:

— Нет, спасибо.

Ему очень не нравился холодный, жесткий взгляд Виккерса, не обещавший ничего хорошего.

— Наверное, вы уже начинаете понимать, почему мы пригласили вас.

Кеттрик покачал головой. Он по-прежнему сидел на кресле в расслабленной позе, но ладони его внезапно вспотели.

— Я бы предпочел не строить догадок, — осторожно ответил он.

Виккерс кивнул:

— Разумно. Мы хотим, чтобы вы отправились в Хейдес и разузнали, что сможете, о... — поколебавшись, он закончил: — О «Роковой Звезде».

— Дьявол... — пробормотал Кеттрик, затравленно оглядывая сидящих в зале людей. — И кому из вас пришла в голову эта замечательная идея?

— Только не мне! — ядовито хохотнул Ферсен. — В этом могу вас заверить.

Секма развел руками, добродушно улыбаясь

— Джонни, сам посуди — кто знает Хейдес лучше тебя? Я не раз бывал в этом звездном скоплении, и тем не менее ты рассказывал мне о десятках мест, про которые я даже и не слыхивал. У тебя особый талант, Джонни. Годы, которые я потратил на то, чтобы поймать тебя с поличным, были самыми увлекательными в моей полицейской жизни. Как только речь зашла о тайной миссии на Хейдесе, я сразу же подумал о тебе, дружище.

Кеттрик ошеломленно уставился на него.

— Черт, потрясающая наглость, — сказал он. — Я даже не рассердился, Секма. — Он посмотрел на Виккерса. — Теперь, кажется, я готов выпить.

— Угощайтесь.

На столе стояло несколько початых бутылок. Кеттрик налил себе двойную порцию бренди, выпил ее одним залпом и почувствовал себя немного лучше. Затем он повторил, закрыв глаза и смакуя тонкий букет терпкого вина.

До него, словно бы издалека, донесся голос Ферсена:

— ... считаю чистым безумием посылать Кеттрика на такое задание. Вы сами знаете, что он частенько бывал в неладах с законом. А если он найдет эту... вещь, — конечно, если она существует, — что помешает Кеттрику присвоить ее и самому шантажировать звездные миры?

— Джонни, конечно, не ангел, но он честный человек, — возразил Секма. — По-своему честный. И кроме того... — Он перевел синие глаза на Кеттрика и добродушно улыбнулся: — И кроме того, Джонни знает, что я обязательно найду его и убью, если он станет нечисто играть.

Кеттрик поморщился.

— Не забывайте, дружище, что в таком случае я мог бы разрушить вашу звездную систему, как только вы повели бы себя не очень вежливо.

Секма пожал плечами.

— Я все равно достану тебя, пусть и на том свете. Ты знаешь, я человек упрямый.

И Кеттрик знал, что это чистая правда. Среди звездных

патрульных Секма славился своей волчьей хваткой и упорством бульдога.

Он с подчеркнутым равнодушием произнес:

— Впрочем, все это лишь пустое сотрясение воздуха. Я не состою, слава Богу, на государственной службе и потому не собираюсь никуда лететь. Если вам так нейдет, наймите кого-нибудь из Хейдеса или пошлите в это созвездие кого-то из своих самых опытных агентов. Чем вам может помочь простой землянин вроде меня?

— Ты не «простой землянин», Джонни, — продолжал нажимать на него Секма. — У тебя есть дар ладить с людьми, даже если они внешне походят на чудищ из кошмарных снов. Тебе доверяют. И как землянин ты везде вхож. Любой житель созвездия с подозрением относится к чужакам, и не без оснований. Скажем, мои соплеменники попали на Хейдес куда позже землян, но успели там наломать столько дров, что со мной там и разговаривать никто не захочет. Ты же — совсем другое дело.

— Ладно, — сказал Кеттрик. — А теперь мой черед задавать вопросы, джентльмены. — Повернувшись, он пристально посмотрел на своих собеседников. Виккерс все еще стоял перед камином и не спускал с него холодных, жестких глаз. Минотавр сидел, склонив массивную голову над столом, и, казалось, даже не вслушивался в разговор. Ферсен со злой усмешкой наблюдал за гостем, поджав тонкие губы, словно сердитая старуха. Оба астрофизика о чем-то тихо разговаривали, устранившись от спора.

— Я не вхожу в число ваших друзей, господа, — после паузы продолжил Кеттрик. — С подачи Секмы Департамент торговли лишил меня лицензии, обвинив чуть ли не в мошенничестве. Это обошлось мне где-то в миллион кредитов. А затем меня изгнали из Хейдеса. Вот уже в течение полутора лет после моего прибытия на Землю это ничтожество Ферсен не дает вздохнуть, прижимая меня то с одной стороны, то с другой. Он не скрывает, что ищет только предлог, чтобы бросить меня в пасть Генеральному прокурору.

ру мистеру Раймонду, знаменитому людоеду. Полагаю, вам это известно, мистер Виккерс.

Виккерс кивнул:

— Да.

— Тогда объясните, почему я должен стараться ради вас? — спокойно спросил Кеттрик.

Виккерс глянул на Раймонда, и Минотавр сразу же очнулся от сонного оцепенения.

— А потому, что у тебя нет выбора, Кеттрик. Если ты откажешься, я упеку тебя в такую крысину дыру, где скоро забудешь, какого цвета небо.

Ферсен злобно ухмыльнулся.

— И по какому же обвинению? — поинтересовался Кеттрик. — Я заплатил штраф, и больше вам не удастся ухватить меня за задницу.

— Удастся, можешь не беспокоиться, — побагровел Раймонд. — Найдем новые улики, разыщем свидетелей твоих торговых махинаций. Мы с мистером Секмой обсуждали этот вопрос и решили, что тебя нетрудно вновь посадить на крючок.

— Отвратительно, Джонни, не правда ли? — вмешался Секма. — Согласен, что все это нечестно. Мы шьем тебе дело, мы принуждаем тебя и знаем при этом, что посылаем тебя почти на верную смерть.

В синих глазах Секмы светился страх — подобного Кеттрик никогда раньше в них не видел. Это заставило его замолчать, несмотря на то, что его трясло от злости.

— Джонни, подумай как следует, и ты поймешь, насколько это необходимо. И далеко не только одним нам — речь идет о судьбах сотен миров!

Кеттрик с проклятием вскочил на ноги и подошел к окну. Отодвинув плотную штору, он некоторое время наблюдал, как в темном воздухе медленно падает снег. Немного успокоившись, он вернулся к столу и произнес ровным голосом:

— Ладно, бросайте меня за решетку и да будьте вы прокляты.

Ферсен вскочил на ноги с воплем ненависти, но Кеттрик встретил его прямым ударом в челюсть, и чиновник рухнул в кресло. Его руки бессильно повисли, словно плети.

— Прошу прощения, — с улыбкой извинился Кеттрик. — Я так давно хотел это сделать.

Ферсен очнулся и застонал, закрыв лицо дрожащими руками. Виккерс кивнул своему помощнику. Вэйд подошел к Ферсону, помог ему добраться до двери и резко захлопнул ее за несчастным. Вернувшись на свое место, Вэйд слегка улыбнулся Кеттрику.

— Вы правы, Джонни, это полное ничтожество.

Раймонд недовольно взглянул на Виккерса, но спорить не стал и лишь пожал плечами:

— Дьявол с ним. Для меня все эти псы одинаковы, лишь бы умели приносить в зубах дичь.

Кеттрик продолжил:

— Если моя помощь настолько необходима, то мы можем договориться по-другому.

— И как же? — любопытствовал Виккерс.

— Я выполню ваше поручение, а вы в обмен восстановите мою торговую лицензию и вновь допустите меня в Хейдес. Вы не можете заставить меня и угрозами ничего не достигнете. Я пойду на это опасное дело как свободный человек или не пойду вообще. Изгнав меня из Хейдеса, вы отняли у меня нечто гораздо более ценное, чем деньги, — мою репутацию. Но я готов все забыть и не платить вам той же монетой.

Секма на некоторое время задумался. Затем он кивнул и обратился к Виккерсу:

— Наверное, Кеттрик прав. Будет лучше, если у него появится стимул хорошо выполнить наше задание. Если он потерпит фиаско, то его лицензия все равно ничего не будет значить. Хейдес превратится в ад, над обитаемыми мирами нависнет страшная угроза, так что там будет не до торговли. Я склонен принять его условия.

— Главное — это само задание, — нахмурившись, ответил Виккерс, — а не условия, на которых оно выполняется.

Если вы считаете Кеттрика подходящим человеком для выполнения этой важнейшей миссии — ладно, я согласен. — Он посмотрел на Раймонда. — Полагаю, вы не возражаете?

Генеральный прокурор проворчал:

— Для меня все эти людишки одинаковы — чтр Ферсен, что Кеттрик. Каждый думает лишь о своей выгоде. Обоим наплевать на то, что речь идет о судьбе человечества и что оружие невероятной разрушительной силы может оказаться в руках каких-то безумцев.

Кеттрик рассмеялся:

— Дело совсем в ином — я просто не верю в «Роковую Звезду». Кажется, и мистер Виккерс со мной в этом солидарен.

Глава Службы безопасности бросил на него смятенный взгляд, но тут же вновь принял суровый, неприступный вид. Однако Кеттрик не унимался.

— Позицию мистера Виккерса нетрудно понять — по долгу службы он должен начать расследование в случае даже гипотетической опасности для Солнечной системы. И тем не менее я не сомневаюсь, что он абсолютно уверен в отрицательном результате. Я согласен с ним и поэтому считаю, что мне должны соответствующим образом заплатить за работу.

Он налил себе еще бокал бренди и сел в кресло.

— Завтра моя лицензия должна быть восстановлена, иначе я и пальцем не пошевелю. И желательно к ней приложить скальп Ферсена. Будем считать, господа, что этот вопрос мы уладили. А теперь можно перейти к делу. Когда я должен приступить к выполнению вашего задания и каким образом?

Кеттрик сделал глоток бренди и почувствовал, как живительное тепло разливается по его телу. Он уже мысленно праздновал победу. Даже Минотавр сейчас казался ему вполне симпатичным старичком. Он был опьянен, но не вином, а манящим светом далеких звезд.

— Джентльмены, я жду, — сказал он.

ГЛАВА 3

Кеттрик прилетел на Тананару поздно ночью. Это была вторая планета в системе Ллорда, одного из огромных оранжевых солнц в звездном скоплении Хейдес.

Он возвращался на этот мир окольными путями, пытаясь не привлекать к себе внимания. Виккерс и Секма убедили его в том, что внезапная перемена его статуса может вызвать у неведомого противника подозрение. Никто не должен заподозрить, что космический торговец Джонни Кеттрик стал работать на Лигу Свободных миров. И потому его вновь восстановленная торговая лицензия была до поры до времени надежно заперта в банковском сейфе. Все знакомые Кеттрика должны быть уверены, что их старый приятель возвращается в созвездие нелегально.

Кеттрик был на седьмом небе от счастья, и его лишь немного печалило то, что план возвращения был придуман не им, а Секмой.

— Никто не поверит, — сказал перед отлетом Секма, — что ты рискуешь головой, прилетая в Хейдес лишь ради продолжения своей торговой деятельности. Это вызовет подозрения и кривотолки, которые вполне могут дойти до создателей «Роковой Звезды». Но, к счастью, Джонни, у тебя есть другой повод тайно навестить Хейдес, которому поверят все.

Кеттрик удивленно посмотрел на Секму, и тот довольно ухмыльнулся.

— Я долго гонялся за тобой по созвездию, а когда наконец выследил, ты направлялся на Белое Солнце. У тебя руки чесались, чтобы обмануть доверчивых криннов и захватить драгоценные камни стоимостью в миллион кредитов. Но я испортил тебе всю обедню. Признайся, Джонни, ты даже не подозревал, что я был в курсе твоей аферы?

— Нет, — честно признался Кеттрик. — Даже не догадывался, что полицейская ищейка по имени Секма идет за мной по пятам. Чтобы вам гореть в аду, дружище! Вы знае-

те, сколько времени мне потребовалось, чтобы подружиться с криннами и убедить их пойти на эту сделку? И тут вмешался звездный патруль, и все пошло прахом.

— Всегда рад тебе услужить, Джонни, — осклабился Секма. — Признаюсь, я с восхищением наблюдал за тем, с каким мастерством и отвагой ты обстрепывал свои темные делишки. Ты сумел подружиться с криннами — это же уму непостижимо! Но кринны находятся под защитой закона созвездия, и мне пришлось дать тебе по рукам. И очень удачно, что получилось именно так. Теперь у тебя есть то, что мистер Виккерс называет прикрытием.

Итак, предлог для возвращения в созвездие для Кеттрика нашел Секма. Но остальное он должен был сделать сам. Даже агенты Секмы не получили никаких инструкций на его счет. Поэтому ему предстояло позаботиться о том, чтобы избежать ареста.

Кеттрику это вполне подходило. И он надеялся, что еще может преподнести старине Секме парочку сюрпризов.

Для начала Кеттрик под видом туриста отправился на Альдебаран. В гостинице при космопорте он несколько часов потратил на то, чтобы изменить внешность. Поменяв цвет кожи, глаз и волос, он через несколько часов нырнул в толпу людей и гуманоидов, которая бурлила на улицах портового городка. Купив на черном рынке поддельные документы, он нанялся на небольшой грузовой корабль и отправился в Хейдес, воротами которого и служила планета Тананару.

С парусиновой сумкой через плечо он прошел вместе с остальной толпой пассажиров через выход из дока. В иммиграционном отделе сунул документы в пасть электронного чиновника и подождал, пока тот прокомпостирует его въездную визу. Машина связалась с полицейским архивом и, не найдя в «черной» картотеке его отпечатков пальцев, разрешила Кеттрику посетить Тананару. Спустя несколько минут он оказался в Ри-Дарве, на грязных и шумных улицах.

Джонни неспешно шел, дыша всей грудью и ощущая каждой клеточкой тела этот землеподобный и в то же время совершенно не похожий на Землю мир, который всегда был для него более родным, чем родная планета. Да простит Земля этот невольный каламбур.

Покинув территорию космопорта, он наконец очутился на старых извилистых улочках города, которые существовали еще до начала космической эры и до появления инопланетян. Ри-Дарва был вечен и прекрасен, и его обитатели смело смотрели в будущее и не стыдились прошлого. Это были добрые люди, которые любили старомодные вещи и которые так и не приняли земную холодную архитектуру, сотканную из стали, стекла и бетона. Разумеется, они не чуждались технического прогресса и полностью модернизировали городские коммуникации, систему освещения и прочее, но продолжали по старинке строить невысокие, будто распластанные на земле дома из красно-коричневого камня, который давал прохладу летом и хорошо держал тепло длинными зимними ночами. Так же, как и далекие предки, они устраивали на крышах домов цветники. Сейчас, в разгаре лета, со всех сторон доносились звуки музыки, смех и переливчатые женские голоса.

Невольно улыбаясь, Кеттрик продолжал идти туда, куда вели ноги, и вспоминал, вспоминал...

По этим узким улочкам более двадцати лет тому назад он гонял наперегонки с золотокожими местными мальчишками, стыдясь своего темного загара и прямых черных волос. Повзрослев, он бегал здесь же за золотокожими местными девчонками, на этот раз уже радуясь тому, что его экзотическая внешность иногда дает ему преимущество перед здешними ухажерами. Его отец, Байрон Кеттрик, возглавлял первую торговую миссию землян в Хейдесе и он так долго прожил на Тананару, что его младший ребенок считал каникулы на Земле каторгой. И когда Кеттрик-старший вместе с семьей отправился обратно на Землю, Джонни пожелал им счастливого пути, получил лицензию на торговую деятельность и затерялся в этом дрейфующем архипелаге

солнц. Настолько затерялся, что «позабыл» о кое-каких законах и ограничениях на межпланетную торговлю для его брата-иммигранта. Его частично извиняло то, что он не считал себя инопланетянином. Именно эта «забывчивость» да настойчивость Секмы и привели столь блистательно начатую карьеру к печальному концу.

И вот он снова дома.

Но отнюдь не в безопасности.

Он вспомнил об этом, увидев нескольких хорошо одетых людей, появившихся на перекрестке. Это был респектабельный район города, и оборванцу с Альдебарана было бы сложно объяснить, что он делает здесь, так далеко от космопорта. Кеттрик спрятался в темной подворотне, пока прохожие не скрылись из виду. Затем он свернул на соседнюю улочку и, отвлекшись от воспоминаний, погрузился в живой мир старого города.

Смеркалось. На небе одна за другой взошли три из пяти маленьких медных лун Тананару. Они излучали тусклый мерцающий свет. Кеттрик направился на западную окраину, стараясь оставаться незамеченным. Деловая часть города, где улицы всю ночь полнились толпами искателей удовольствий и развлечений, осталась позади. Здесь же прохожие встречались редко, а автомашин было и того меньше. Однажды ему пришлось торопливо забраться на невысокую каменную стену и отсиживать там, пока мимо не проехала машина с откинутым верхом. Кеттрик принял ее за полицейский кабриолет, однако в салоне сидели подвыпившие молодые люди, гоготающие во все горло. Наконец он пришел к домику, стоявшему на берегу спокойной речушки, вода которой маслянисто отсвечивала в лунном свете.

Кеттрик некоторое время постоял в темноте под раскидистыми деревьями, внимательно разглядывая дом. Ветерок с реки доносил аромат цветов и звук приглушенных голосов. Кеттрик нахмурился. Было бы лучше, если бы обитатели дома уже спали. Только не хватало, чтобы они принимали сейчас гостей.

Но в любом случае ему нужно было исчезнуть с улиц го-

рода до наступления рассвета, иначе первый же патруль арестует его. Кеттрик быстро шагнул в тень дома и прижался к ограде, прислушиваясь.

В садике на крыше разговаривали двое, но слов Кеттрик разобрать не мог. Голоса были еле слышны, так что он даже не узнавал их. Но один из голосов был явно женским, и его сердце бешено заколотилось.

Кеттрик пошел вдоль ограды к входу. Калитка была распахнута, и это насторожило его, но он так горел нетерпением увидеть женщину, что не стал обращать на эту странность внимание. На вымощенной брусчаткой площадке перед домом стояли две приземистые автомашины. Вдоль внутренней стороны ограды располагались небольшие хозяйственные постройки. Деревья, высокие кустарники и сеть из вьющихся растений создавали пятна тени на стенах дома. Ночную тишину рассеивали лишь шорох листьев и приглушенные голоса, доносившиеся с крыши.

Кеттрик спрятал свою сумку в кусты и направился к каменной лестнице, ведущей из двора на крышу.

Не прошел он и нескольких ступеней, как сзади из темноты на него кто-то прыгнул. Мощные лапы подняли его в воздух и бросили на землю. Он застонал под тяжестью навалившегося на него тела. Ловя широко открытым ртом воздух, Кеттрик попытался сопротивляться, но безуспешно. Над ним нависли чьи-то массивные силуэты с мощными плечами и гладкими безволосыми головами. Он почувствовал запах сухой чистой шерсти. Послышалось тихое рычание, и горло слегка царапнули острые когти.

Кеттрик с облегчением рассмеялся.

— Хроо-хроо! — произнес он приветствие на с детства знакомом языке. — Хиту, Чайт... Это я, Джонни. Джон-ни!

Ночную мглу рассек яркий луч света. Почти ослепленный, Кеттрик взглянул на два звериных лица, склонившихся над ним.

— Джон-ни?

На горле уже не чувствовалось острых когтей.

— Джон-ни! Джон-ни! — завопили тхеллы, обнажая

клыкастые зубы. Сильные руки снова подняли его, но теперь уже нежно и бережно.

— Долго тебя не было, — сказала Чайт. — Ты играть с нами, мы не забыть.

Хиту укоризненно потряс гостя за плечи.

— Ты пришел темно. Не похож на себя. Но запах тот же. Джон-ни!

— Да, я тот же Джонни, которого вы знали, — сказал Кеттрик и потрепал с грубоватой лаской, как в детстве, этих больших «собак» с короткой дымчатой шерстью. Услышав шаги на лестнице, он поднял глаза и увидел двух людей, стоявших на каменных ступеньках.

Мужчину с дубинкой в руках звали Сери Отку. Это был золотокожий дарван с каштановыми вьющимися волосами. На нем была легкая летняя одежда: шорты, сандалии и тонкая рубашка, сквозь которую до пояса просвечивалось сухопарое тело. Когда-то он был партнером Кеттрика.

Женщина также была дарванкой, но ее кожа была более матовой, а длинные волосы даже в темноте сохраняли мягкий блеск. Голубые глаза, сочные красные губы, фигура и походка богини... На ней было светло-зеленое платье, окутывающее гибкое тело словно предвечерний туман. Ее звали Ларис, и она тоже когда-то немало значила для Кеттрика.

Женщина спустилась на одну ступеньку, потом сделала еще один шаг вниз, глядя на нежданного гостя, словно на привидение.

— Джонни... — прошептала она. — Джонни, ты не должен был возвращаться!

ГЛАВА 4

Кеттрик встал и, подойдя к лестнице, долго смотрел на Ларис. Именно такой он видел ее в своих мечтах с самого начала ссылки. Ему не хотелось сейчас говорить. Ему хотелось только смотреть на свою бывшую подругу, стоящую на

ступеньках в зеленом полупрозрачном платье, с бликами света на пышных волосах. И только краем глаза он заметил, как стоявший позади нее Сери отбросил в сторону свою дубинку и торопливо спустился по лестнице.

Неожиданно он задал вопрос, который не раз задавал себе в ссылке. Ему не хотелось задавать его, но по-другому было нельзя.

— Почему, Ларис? Почему мне нельзя было возвращаться?

Ответил Сери:

— Потому что это принесет только неприятности и тебе, и нам... Ты в своем уме — приехать сюда?

— И это все, Ларис? — спросил Кеттрик, пристально глядя в глаза молодой женщины. — Или что-то еще?

Не сразу, но он понял — Ларис изменилась. Ее лицо всегда было таким открытым и прозрачным для него, как будто было отлито из стекла. Наверное, потому, что она никогда не старалась ничего от него скрывать. Злость, любовь, скука, нетерпение, радость — все легко читалось в ее глазах, и делай с этим, что хочешь. Но теперь ее лицо было словно закрыто маской, секрет которой он не мог разгадать.

После напряженной паузы она сказала:

— Я принадлежу только себе, Джонни, как и всегда.

Она не сводила с него широко распахнутых глаз, будто бы все еще не могла поверить в появление своего прежнего возлюбленного. Легкий ветерок встряхнул ее волосы и пошелестел зеленой материей, окутывавшей ее тело. Ларис чуть вздрогнула, как от прикосновения холодных рук.

— Тебе не надо было приезжать, — вновь повторила она. Повернувшись, она оттолкнула Сери и, поднявшись по лестнице, исчезла в зарослях маленького сада.

Кеттрик смотрел ей вслед, лицо его стало сдержанным и непроницаемым.

Сери продолжал вопросительно смотреть на него.

— Ну, приятель, много же времени прошло, — наконец произнес Кеттрик. — Не надо так удивляться.

— А что надо — радоваться? — жестко усмехнулся

Сери. — Повизгивать, словно Чайт, от счастья? Ну конечно, — ведь среди ночи появился мой старый друг, мой дорогой друг!.. Послушай, Джонни, я долго не мог выбраться из того дерьма, в которое угодил по твоей милости. И если теперь тебя найдут в моем доме...

Он был вне себя от гнева.

— На этот раз тебя попросту сошлют на Наркад.

Наркад был тюремной планетой Хейдеса, не такой жуткой, как остальные тюрьмы, но все равно далеко не курортом.

— И Секма не поверит, что я не причастен к твоему появлению в созвездии. Ты погубишь меня, Джонни!

Кеттрик успокаивающе сказал:

— Не стану осуждать тебя за трусость. Но Секма еще не стучится в твою дверь, так зачем же паниковать? Остынь пару минут и пораскинь мозгами. И тогда, может, ты вспомнишь о более интересных для себя вещах. Например, о полумиллионе кредитов, которые могут оказаться вскоре у тебя в кармане.

Кеттрик брезгливо посмотрел на свою грязную одежду.

— А пока я бы хотел умыться и привести себя в порядок.

— Полмиллиона кредитов... — недоуменно пробормотал Сери и, спустившись с лестницы, подошел поближе и спросил:

— Ты о чем, Джонни? Зачем ты вернулся?

— Я хочу проверить то дельце, что начал на Белом Солнце.

Сери озадаченно покачал головой, не сводя с Кеттрика пытливых глаз, но тот думал сейчас только о Ларис. Находясь в ссылке, он старался избегать мыслей об их возможной встрече и тем не менее чувствовал себя сейчас обманутым и уязвленным.

Конечно, он отсутствовал более двух лет. И, разумеется, Ларис не могла знать, что он вернется именно сегодня ночью — и вообще когда-либо вернется. Тогда, два года назад, они навсегда попрощались друг с другом.

И все же...

Слезы, истерику, злость или просто слова о том, что она ныне принадлежит другому, — все это он мог бы принять. Но Ларис захлопнула перед ним дверь, даже не желая разговаривать, а вот такого он понять не мог.

Поддавшись порыву, он прошел мимо Сери и начал подниматься по лестнице, горя желанием найти Ларис в саду и заставить ее объясниться, пусть даже силой. Но гордость остановила его. «Ну ее к черту, пусть делает что хочет». Он нервно рассмеялся. Ради любимой женщины он мог пересечь полгалактики, но вот по этой лестнице подняться оказался просто не в силах.

Он услышал позади бормотание Сери:

— Белое Солнце... Я должен был догадаться об этом...

— Ты должен был догадаться еще кое о чем, — обернувшись, раздраженно произнес Кеттрик. — Разве трудно понять, что я никогда бы не прилетел в Хейдес, если бы не был уверен в собственной безопасности. Да и тебя мне нет смысла подводить. — Он с презрением посмотрел на Сери. — Раньше ты не был таким трусом.

Сери обиженно вскинул голову:

— У меня не было особых причин доверять тебе, Джонни.

Хиту и Чайт подбежали к лестнице, шумно дыша, как после долгого бега. Они скалили зубы, улыбаясь давнему другу.

— Мы смотреть сюда, туда, везде. Никого за тобой. Ты остаешься, Джонни?

— Пока да, — улыбнулся Кеттрик. — Спасибо, ребята.

Тхеллы радостно завизжали и помчались к себе в конуру. Сери хмуро посмотрел им вслед.

— Ты всегда умел обращаться с этими тварями, — проворчал он. — Они достаточно покорны мне, но тебя почему-то просто обожают. Почему? — Он недовольно покачал головой и вздохнул. — Ладно, Джонни. Давай поговорим.

И он дружески положил руку на плечо Кеттрика.

— Пойди умойся, приятель, а то несет от тебя, как из помойки. А затем выбрось эти нищенские тряпки и пере-

оденься. Надеюсь, мои брюки все еще налезут на твою задницу. Возьми в платяном шкафу все, что нужно.

Он подтолкнул Кеттрика к двери.

— Иди. Мы будем ждать тебя в саду.

Кеттрик вошел в дом. Здесь ничего не изменилось с тех пор, как он побывал здесь в последний раз. Он с грустью вспомнил о другом доме — том, в котором он некогда жил, всего лишь в миле отсюда, на другой стороне реки. Черт побери, если это дело выгорит, то он снова будет жить там! С Ларис или без нее — но будет!

В нем все еще кипели злость и обида.

В ванной он разделся, отложил в сторону пояс с зашитыми в него деньгами, а все остальное тряпье бросил в мусорную корзину. Пока ванна наполнялась горячей водой, Кеттрик тщательно побрился, а затем стал обтираться жесткой губкой, смывая краску с кожи и волос. Сейчас этот примитивный грим уже не поможет, и если его поймут, он будет только чувствовать себя глупо и неловко. Стараясь не думать о Ларис, он погрузился в горячую, наполненную мыльной пеной воду и отдался самому простому из плотских наслаждений. Почувствовав, что позволил себе расслабиться сверх меры, он вострепнулся, решительно встал и включил холодный душ. Спустя несколько минут он прошел через воздушную сушилку и вышел из ванной новым человеком.

В платяном шкафу Сери, как всегда, царил идеальный порядок. Кеттрик уже почти оделся, когда постучалась Ларис.

Он открыл дверь и впустил ее. Молодая женщина вошла и остановилась, глядя ему прямо в глаза. Маска равнодушия исчезла с ее лица, и сейчас Кеттрик почти узнавал свою прежнюю подругу.

— Пойми, Джонни, мне так нелегко, — после долгой паузы начала она. — Ты появился так... внезапно. Я дала себе слово, что никогда не стану с тобой встречаться.

— А разве я не говорил, что непременно вернусь?

— Мы оба знали, что это невозможно.

— Но я здесь.

— И надолго ли? Сколько дней понадобится полиции, чтобы схватить тебя? Сери прав. На этот раз тебя не просто вышлют из созвездия. Тебя загонят в Наркад, и ты увидишь свою Землю только в глубокой старости.

Он сделал шаг к Ларис.

— А если меня не найдут?

— Ну ладно, предположим, на этот раз ты вывернешься. Предположим, ты провернешь свою аферу на Белом Солнце. А что потом? Ты купишь дом в Ри-Дарве и пригласишь Секму на свой первый званный обед? Станешь добропорядочным горожанином? Нет, ухватив куш, ты дашь деру из Хейдеса. И спустишь свои полмиллиона где угодно, только не в созвездии.

— И что тебя не устраивает? — спросил Кеттрик, невольно протягивая руку к теплому золотистому изгибу ее шеи.

Ларис резко оттолкнула руку.

— Зачем мне снова разбивать себе сердце ради одного-двух счастливых дней? Это слишком тяжело, Джонни! Я не стану делать этого.

На мгновение он узнал ту, давнишнюю Ларис, с горящими от любви глазами и искаженным от злости ртом, и ему захотелось сказать, что не все так плохо. Но тут же на ее лице вновь появилась холодная маска отчужденности, и она произнесла самым серьезным тоном:

— Если ты любишь меня, если я небезразлична тебе, уходи. Не предпринимай ничего, иначе всех нас ждут большие неприятности. Я уже поговорила с Сери. Мы можем посадить тебя на корабль сегодня ночью, и к утру ты будешь в безопасности за пределами созвездия.

Только теперь он начал понимать. Ларис и Сери не супруги, но они просто живут вместе и не хотят ничего менять.

Ларис ждала ответа, но Кеттрик отвернулся, опасаясь, что голос выдаст его гнев. Он старался быть справедливым. Она имела право на выбор, и не было никаких оснований возмущаться. Просто он всегда считал Ларис своей, даже

когда умом понимал, что она живет в Тананару не в безлюдном вакууме, безропотно дожидаясь возвращения своего ветреного любовника. И все же что-то в глубине его души упорно цеплялось за нелепую мысль о том, что она живет именно так, если не телом, то по крайней мере душой. Именно так все эти годы жил он сам и потому вопреки здравому смыслу считал себя одураченным и преданным.

— Джонни, ты сделаешь это? — робко попросила Ларис. — Пожалуйста, поверь мне...

Кеттрик с усмешкой подумал — черт побери, хорош бы я был, если бы словно влюбленный мальчишка помчался вслед за ней по лестнице.

Он покачал головой:

— Нет, но не стоит волноваться, Ларис. Я ни на что не претендую. Твои отношения с Сери — это ваше личное дело.

— Все не так просто... — прошептала Ларис. Ему показалось, что она собирается заплакать. — Мы больше не увидимся... Прощай.

Повернувшись, она вышла из комнаты, тихо закрыв за собой дверь. Кеттрик постоял некоторое время, приходя в себя после тягостного разговора, а затем закончил одеваться. Поднимаясь по внутренней лестнице на крышу, он услышал, как во дворе загудел мотор отъезжающей машины.

В маленьком саду он нашел одного Сери. С довольной усмешкой тот заметил:

— Я знаю, о чем вы разговаривали. У Ларис от меня нет секретов. Тебе стоит прислушаться к ее совету.

Кеттрик мрачно буркнул:

— Не твое дело.

— Не надо злиться, Джонни. Мы с Ларис твои друзья и вовсе не хотим, чтобы ты сам засунул голову в эту петлю. Выпьешь?

Он протянул Кеттрику бокал с прохладительным напитком, который тот любил пить жаркими летними вечерами. Усевшись под пышным цветущим кустом, Сери указал гостью на соседнее кресло.

— Впрочем, поступай, как знаешь. По крайней мере,

наша с Ларис совесть будет чиста, мы тебя предупредили. Итак, поговорим о деле. Что я должен сделать, чтобы получить свою долю в полмиллиона кредитов?

Кеттрик ответил не сразу. Он с задумчивым видом прошелся мимо благоухающих кустов, цветы которых в лунном свете потеряли яркость своих красок, но чей аромат стал еще гуще в свежем ночном воздухе. Подойдя к поручням, он наблюдал некоторое время за тем, как машина Ларис уменьшалась в размерах, сделала поворот и наконец совсем исчезла из виду. Потягивая холодное питье, он пытался успокоиться. Его сжигала ревность, но надо было сосредоточиться на главном.

А ситуация была непростой. В случае, если его арестуют раньше, чем он выполнит задание Говарда Виккерса, его лицензия накроется медным тазом. Вероятно, придется провести долгие годы на тюремной планете Наркад, прежде чем ему удастся унести ноги из Хейдеса. Конечно, без Ларис созвездие теряет для него большую часть своей привлекательности. Но далеко не всю — ведь в Хейдес он влюбился задолго до того, как познакомился с этой женщиной.

Кеттрик взглянул на небо, по которому чинно плыли бронзовые луны, сопровождаемые хороводами звезд. Среди них выделялось ослепительно яркое Белое Солнце. Быть может, там его наконец поджидает удача! Он почувствовал прилив сил, и бодрость вновь вернулась к нему. Черт побери, ничего еще не потеряно. Даже Ларис — ведь женщины переменчивы, как и сама судьба.

— Мне нужен корабль, — сказал он.

Сери хмыкнул, настороженно наблюдая за старым приятелем.

— Я так и думал, что ты скажешь нечто подобное. Сейчас в космопорту стоят два моих звездолета. Один уже зафрахтован, а второй пока свободен.

Кеттрик даже не пытался изобразить восторг на своем лице. Он отлично знал, что за «звездолет» ему предлагает Сери. Земля давно уже создала скоростные корабли — к этому ее вынудила отдаленность от других обитаемых

миров. Здесь же, в плотно заселенном Хейдесе, дарванам не нужны были подобные суда со сверхсветовыми скоростями. Они были излишне дороги и неэкономичны. Да и желающих совершать путешествия в другие районы галактики было пока не так много — торговых партнеров, а также экзотики и развлечений хватало и на многочисленных мирах созвездия. Дарваны только приступили к разработке сверхсветовых двигателей нового типа, когда в Хейдес прибыли земные корабли, и вопрос решился сам собой.

Поначалу дарваны испытали нечто вроде шока — ведь до той поры они считали себя хозяевами космоса. Но они на удивление быстро приспособились к новому повороту событий. Купив лицензии на земные Родмановские двигатели, дарваны оборудовали ими свои тяжелые суда и стали совершать дальние галактические рейсы, а также осуществлять пограничное патрулирование окрестностей созвездия. В пределах же Хейдеса в основном продолжали летать тихоходные дарванские корабли старой конструкции. Впрочем, выбора у Кеттрика не было.

Он уже разработал маршрут своего путешествия по мирам Хейдеса. Часть его планов была определена в беседах с Секмой. В первую очередь следовало посетить несколько планет, где слухи о появлении смертоносной «Роковой Звезды» особенно сильно будоражили умы жителей. Возможно, там удастся найти ниточку, ведущую к таинственным создателям этого галактического феномена. Вторая часть маршрут была разработана самим Кеттриком и должна была принести ему вожделенный куш в миллион кредитов. С крыши дома Сери он мог проследить на небе большую часть предстоящего пути. Звезды Хейдеса были ему хорошо знакомы, а многие из многоцветных миров за время долгих странствий стали для него добрыми друзьями.

Кеттрик закрыл глаза, погружившись в воспоминания о своей бурной, полной приключений молодости.

- Когда корабль сможет взлететь? — спросил он.
- Дня через три.
- Хорошо. Что за корабль?

— «Звездная Птица».

— Кто капитан?

— Ты его не знаешь, Джонни. Я не могу гарантировать, что капитан и команда...

— Это не проблема. Отправь капитана во внеочередной отпуск. И команду тоже. Я найму своих людей — если они все еще на свободе, конечно.

Сери стал бурно возражать:

— Но ты же не сможешь проводить все время в космосе! Нужно обслуживать корабль, пополнять запасы продовольствия, брать на борт хотя бы какое-то подобие грузов. А в созвездии тебя знают в каждом космопорту, и...

— И нет такого порта, который бы не знал я. Включая те, где я могу быть в безопасности, как у наседки под крылышком. Предоставь мне самому разбираться с этими проблемами.

— Но...

Кеттрик раздраженно взглянул на Сери.

— Дружище, ты прекрасно разбираешься в валютных курсах, бухгалтерских документах и прочих деталях торговых операций. Без тебя наша компания и шагу бы не могла сделать. Но что-то не припомню, чтобы ты когда-нибудь был специалистом в моей области.

Сери покачал головой.

— Понятия не имею, почему я слушаю тебя.

— Потому что ты жаден, дружок, как и все люди.

— Не буду отрицать.

— К тому же ты уже взвесил риск и возможный выигрыш и пришел к выводу, что игра стоит свеч.

Сери поморщился.

— У меня не было времени что-либо взвешивать, Джонни. Ты, как кирпич с крыши, свалился на мою бедную голову.

Сери встал с кресла и нервно стал прохаживаться по небольшому саду. Оказавшись в пятнистой тени вьющихся растений, где Кеттрику не было видно его лица, он повернулся и спросил:

— А если я скажу нет, Джонни? Что тогда?

Кеттрик пожал плечами.

— Я найду более сговорчивого судовладельца. И пол-миллиона кредитов уплывут к кому-то другому. Черт побери, Сери, ты долгое время был моим партнером. И тебе первому я должен предоставить этот шанс.

Сери молча стоял и теребил лист вьюна.

Кеттрик рассмеялся.

— Согласен, замысловатая проблема для такого позднего часа. Но дело не терпит, так что я не могу дать тебе много времени на размышление. И помни, что для ищеек нашего друга Секмы я по-прежнему обретаюсь где-то на Земле. И я успею повернуть это дельце, прежде чем до них дойдет, что это не совсем так. Если, конечно, вы с Ларис не заложите меня...

Сери возмущенно выругался.

— Очень хорошо, — усмехнулся Кеттрик. — Помня о нашей старой дружбе, я доверяюсь тебе. Но еще больше я надеюсь на твою трусость. Учти, если ты сдашь меня; то тоже проведешь остаток жизни на Наркаде. Покрывать своего давнего партнера я не собираюсь. Если что, шепну Секме о некоторых делишках, которые мы проворачивали с тобой на окраинных мирах Хейдеса... Но если ты будешь держать язык за зубами, я мигом закончу наше дельце и покину созвездие до того, как меня хватятся на Земле.

Сери стоял не шелохнувшись, так что было слышно, как прохладный ветерок стряхивал лепестки с цветов и шуршал прохладной листвой сада. Наконец он сказал:

— Ладно, Джонни. Можешь взять корабль.

Кеттрик улыбнулся и, подойдя к Сери, крепко пожал ему руку.

— Отлично, дружище! Обещаю, ты не пожалеешь.

Сери как-то странно взглянул на него, но затем на его лице появилось озабоченное выражение.

— Пока корабль будет готовиться к полету, тебе нельзя здесь оставаться. Как насчет острова? Там тебя никто не беспокоит эти три дня, и ты сможешь свободно выбирать в космопорт и набирать себе команду.

Кеттрик кивнул:

— Неплохая идея.

Ему и самому не хотелось оставаться в доме Сери, и не только потому, что существовал риск быть замеченным. Чем меньше он будет видеть Ларис, тем лучше для них обоих.

Сери выглядел довольным.

— Пойду подготовлю лодку. В моем домике на острове есть все необходимое, но тебе может еще кое-что понадобится. А ты пока посиди здесь и выпей еще чего-нибудь. Я пошлю с тобой Хиту и Чайт, они помогут устроиться в доме и отгонят назад лодку. На острове есть челнок, он тебе больше подойдет. А лодка только будет привлекать внимание.

И Сери торопливо спустился по лестнице во двор. Кеттрик налил себе еще стаканчик и, усевшись в кресло, стал лениво разглядывать звезды, стараясь не думать о тех временах, когда они с Ларис чудесно проводили время на острове. Хотя именно здесь, в городе, прошли лучшие месяцы их бурного романа. Ри-Дарва был полон звуков ее голоса, движений ее грациозного тела, и Джонни хотелось поскорее покинуть место, где он был когда-то так счастлив.

Наконец Сери позвал его. Кеттрик спустился во двор и прошел через заднюю калитку к причалу. Белая моторная лодка плавно покачивалась у пирса.

— Я лично прослежу за подготовкой корабля к полету, — пообещал Сери. — Если тебе что-то понадобится, скажи Хиту, и я пришлю тебе все необходимое завтра утром.

Хиту сказал:

— Пойдем, Джон-ни.

Они с Чайт любили плавать на лодке и радостно повизгивали, предвкушая путешествие. Кеттрик уселся на заднее сиденье и положил руку на руль.

— Я дам тебе знать, когда «Звездная Птица» будет готова, — сказал Сери и обнажил в улыбке крепкие белые зубы. — Счастливого плавания, приятель.

И он оттолкнул лодку от берега. Гладкая поверхность воды заколыхалась, играя бронзовым светом лун.

Хиту неуклюже устроился возле мотора. Вскоре лодка

заурчала громче и заскользила вниз по реке, рассекая, словно белая стрела, темную гладь. Сери стоял на причале, сложив руки на груди, и провожал их глазами, а затем поспешно ушел.

Город спал на берегу, укутавшись мглой. Дома сменились причалами и рыбными бухтами по мере того, как река расширилась и незаметно переросла в озеро. Вдали, на юге, Кеттрик увидел силуэты звездных кораблей. Один из них взмыл в небо с приглушенным ревом, который всегда так будоражил его сердце.

Вскоре город и космопорт исчезли позади, и вокруг остались только звездное небо, темное озеро и маленькая белая лодка.

И тут ночную тишину расколол удар грома. Мощный толчок вышвырнул Кеттрика из лодки. Пролетев по высокой дуге, он рухнул в воду, которая жадно поглотила его. А затем на него нахлынула боль, и все исчезло.

ГЛАВА 5

Со всех сторон его окружала темная вода, теплая, как парное молоко. Джонни чувствовал, что течение несет куда-то его обессиленное тело. Он колыхался на волнах вместе с прядями водорослей, но сам не мог даже шевельнуть рукой, хотя и не потерял способности размышлять. И ему думалось, что утонуть — это довольно приятно, так же приятно, как вот так раскачиваться в тихом неспешном ритме спящего озера.

И тут он непроизвольно открыл рот и вдохнул воздух полной грудью.

Боль пронзила его тело. Он захлебнулся, закашлялся, содрагаясь в конвульсиях. Его захлестнула паника — нет, он не хотел умирать! Он попытался плыть, но боль сразу же парализовала его, так что он вновь стал тонуть.

Но что-то или, вернее, кто-то удержал его на поверхности. Кто-то тащил его, поддерживая голову над водой.

— Джон-ни, тихо. Не вырываться...

Кто-то. Мокрая шерсть и крепкая рука, держащая его за шиворот.

— Хиту...

— Хиту мертв. Это есть Чайт.

Было странно слышать, как из мохнатой пасти вырываются почти женские рыдания, странно видеть, как соленые слезы стекают в озеро, которое старается утопить человека и похожее на собаку существо. Но еще более странно было находиться в таком состоянии, когда только боль в боку и кажется единственной реальностью.

— Держи, Джон-ни.

— Не могу...

Чайт строго приказала:

— Держи!

И он вцепился левой рукой в какой-то плавучий обломок, который Чайт подтолкнула к нему. Кеттрик услышал, как она вздохнула, будто скинув с плеч тяжелую ношу. Некоторое время они вдвоем плыли в темноте, держась за обломок лодки. В голове у Кеттрика постепенно стало проявляться. Он понял, что лодка по какой-то причине взорвалась и ударная волна выбросила их в воду. Хиту погиб... А Чайт пытается сейчас спасти его.

— Ушиблась?

— Только немного.

Чайт уверенно держалась на воде, так что скорее всего говорила правду. Она ведь была на корме, дальше всех от взрыва. А Хиту оказался в самом центре...

Бедный Хиту. Бедная Чайт. Она плыла, продолжая рыдать, но теперь уже тише. Кеттрик положил голову ей на плечо и сказал:

— Бедная.

Он чувствовал, как она дрожит. Потом услышал ее слова:

— Что делать, Джон-ни.

— Ты видишь берег?

Она отпустила обломок и, сильно взмахнув лапами, поднялась высоко над водой, а затем упала в нее с сильным всплеском.

— Вижу.

Вновь ухватившись за обломок, она медленно поплыла, с силой толкая деревяшку и Кеттрика впереди себя.

— Дай передохнуть минуту, — попросил он. — И я смогу помочь.

— Больной?

— Похоже, сломал несколько ребер.

Все остальное, казалось, было цело, и если он не делал слишком глубоких вдохов и слишком резких движений, то боль была вполне терпимой.

Кеттрик начал работать ногами, помогая Чайт, насколько мог.

Они медленно плыли в ночной мгле, а луны тем временем одна за другой уходили за горизонт.

Смеркалось.

Озеро казалось безграничным, берег куда-то исчез. Кеттрик очень сильно устал и запаниковал. Но Чайт раз за разом выскакивала из воды, словно тюлень, и говорила, что видит берег и что огни уже ближе. И вновь ее мощное, большое тело оказывалось в воде рядом с Кеттриком. Казалось, она старается передать ему часть своей огромной силы, и он продолжал барахтаться ногами, со стыдом думая о том, что его дух оказался менее стойким и мужественным, чем дух этого собакообразного существа. Наверняка после взрыва она ныряла за ним и вытащила его из глубины, хотя сама тоже была оглушена.

— Спасибо, Чайт. Я не забуду, что ты меня спасла.

Некоторое время она плыла молча, а потом спросила:

— Почему лодка убивать Хиту? Он ехать в ней много раз...

Кеттрик покачал головой:

— Не знаю. Авария.

Авария?

И тут его оцепенение прошло, и в голове прояснилось.

Авария?!

Возможно. Порой на озере случаются несчастные случаи. Например, взрывается мотор лодки или из глубин выбрасываются летучие газы. Люди погибали здесь и прежде, будут погибать и в будущем.

А вдруг это не несчастный случай?

Он слишком доверял Сери и был чересчур самоуверен. Он поставил перед своим бывшим партнером столько сложных проблем, что тот вполне мог разрешить их вот таким образом. Сери мог подумать: надо устранить Кеттрика, и все проблемы исчезнут, будто их никогда не было. Заодно надо убрать Хиту и Чайт, и тогда все концы будут спрятаны в воду. Кеттрик исчезнет, как будто он и не появлялся в Риддарве. Об этом будут помнить только он, Сери, и Ларис, но уж они-то будут хранить молчание.

Впрочем, о Кеттрике будет помнить и Секма. Но этого Сери, конечно же, не знал.

Кеттрик застонал от этой мысли, которая оказалась болезненнее, чем рана в боку. Если это так, то смерть Хиту и на его совести...

— Джон-ни? — спросила Чайт, услышав его стон.

Но он не осмелился рассказать Чайт о своих догадках. Не спеша, сказал он сам себе. Ведь Сери сказал: «А если я скажу нет?» И он ответил: «Тогда я договорюсь с другими судовладельцами».

Он не загонял Сери в угол. Он предлагал своему давнему партнеру лишь участвовать в деле, которое могло принести им обоим немалую выгоду. И Сери мог отказаться, только и всего.

Зачем же убивать?

Впрочем, могли существовать и другие причины.

Ларис? Сери боялся, что она уйдет от него и вернется к своей давнишней любви?

Не исключено. И Сери, и Ларис хотели, чтобы он уехал, а он отказался. Но также возможно, что Ларис искусно скрывала свои истинные чувства, которые хорошо были из-

вестны Сери. И тогда он решил навсегда избавиться от соперника.

Кеттрик горько усмехнулся. Ему так хотелось думать, что Ларис продолжает любить его!

Но какова бы ни была истинная причина взрыва, Джонни действовал слишком самонадеянно, и теперь его грандиозные планы в буквальном смысле разлетелись в щепки.

Продолжая плыть, он от души выругался. Впервые в жизни его пытались убить. Этого уже было достаточно, чтобы вызвать гнев, но Чайт и Хиту — вот что по-настоящему приводило его в ярость. Они здесь совершенно ни при чем. Собаколюди преданно служили Сери почти восемь лет. И все же он смог так легко разделаться с ними, словно с парой назойливых мух.

Странно. Он не помнил Сери таким, иначе не сделал бы его своим партнером. Должно быть, он просто не знал Сери так хорошо, как считал прежде.

Или же Сери изменился.

— Смотри, — сказала Чайт.

Кеттрик увидел впереди огни. Во мгле ночи выделялась более густая чернота контура берега. Приглядевшись, он рассмотрел очертания зданий и темную линию пирса, отмеченного спереди предупредительным огнями. С берега подул легкий ветерок, а на востоке небо начало слегка светлеть.

Чайт поплыла быстрее, направляясь к берегу.

— Я помогу, Джонни.

— Нет.

Она повернулась и вопросительно посмотрела на него. Кеттрик упрямо бил ногами по воде, хотя сил у него почти не осталось. Голова раскалывалась от боли, сильно тошнило. Больше всего ему хотелось оказаться сейчас в теплой постели, в госпитале, где заботливые медсестры утешили бы и обогрели его. И если бы не ненависть к Сери, он мог бы сейчас сдаться и отказаться от своих планов, потому что в этот момент его меньше всего интересовали «Роковая Звезда» и Белое Солнце, и вообще весь Хейдес. Ему наплевать было на депортацию из созвездия или на ссылку в Наркад. Сей-

час ему была безразлична даже Ларис. Любовь, алчность, честолюбие, долг — все утонуло в этом озере.

Но он был полон злости, а злость всегда делала его упрямым и беспощадным. Он хотел отомстить Сери, а для этого нужно было выжить и остаться на свободе.

Он объяснил Чайт, что нарушил закон и что если люди найдут его, то посадят в клетку. Она все поняла.

— Куда тогда?

Он указал рукой в сторону пирса.

— На берегу возле пирса есть пещера. Нам надо спрятаться там и переждать день, а вечером снова отправиться в путь.

Светало. Заплыв под пирс, они торопливо стали пробираться между стальных опор к берегу. У Кеттрика еще не сложилось никакого четкого плана дальнейших действий, но он знал одно: Сери хотел убить его. Поэтому лучше всего в этой ситуации оставаться мертвым. И тогда можно будет делать все, что угодно, а Сери будет по-прежнему считать, что его враг лежит на дне озера.

Продолжая плыть в тени пирса, Кеттрик посмотрел на обломок доски, за который они с Чайт держались. Надо на всякий случай взять эту штуку с собой, подумал он.

Вскоре они выбрались из воды и спрятались в небольшой пещере, в которой едва смогли поместиться. Дно пещеры было покрыто сухим песком, и вся она была наполнена плещущим звуком волн, накатывающихся на опоры пирса.

Кеттрик объяснил Чайт, что им придется скрываться здесь до темноты. Она согласилась с собачьей покорностью, и только стряхнула капли воды с шерсти. Затем она вырыла яму в песке и улеглась там вместе с Кеттриком, прижав его к своему влажному телу.

Чайт быстро уснула, утомленная всем пережитым. Кеттрик чувствовал себя совершенно разбитым, но не смог сомкнуть глаз. Он замерз и страшно устал. Из его головы не выходил этот странный взрыв. Сери... черт побери, да с какой стати Сери убивать его? «Мы больше не увидимся, Джонни, — сказала Ларис. — Прощай». И она ушла. Да и

какую угрозу мог он представлять для них обоих, находясь на Белом Солнце? Даже если бы он попался, никто не смог бы протянуть ниточку, ведущую от него к Сери.

Наверное, от взрыва у него просто помутилось в голове и он начал выдумывать невесть что. Конечно же, произошел несчастный случай. Кеттрик от этой мысли сразу же почувствовал заметное облегчение. Такое положение дел многое упрощало. Совершенно бессмысленно прятаться в этой норе. Сейчас он пошлет Чайт к Сери и...

Он уже открыл было облепленные песком губы, но не смог произнести ни слова. Темный туман сна накатился на него, и все исчезло.

Долгое время он находился в холодной мгле. Все вокруг потеряло форму, исчезло время и пространство. Он плыл в океане небытия, а сверху на него давила пустота так, что он не в силах был даже пошевелиться.

Постепенно холод стал уходить, уступая место мягкому теплу. Окруженный им, Джонни согрелся, потянул руку — и пустота беззвучно раскололась, а обрывки небытия расплылись в стороны, словно облака под порывами ветра. И тут он понял, что являлось источником этого тепла.

Огромное оранжевое солнце сияло в небе, рассеивая пустоту, сжигая ее своим ласковым огнем. Кеттрик закричал от радости и протянул руки к солнцу, благодаря за спасение. Он пошел навстречу к нему, окутанный мягким колышущимся туманом, скрадывающим детали окружающего ландшафта.

Вскоре он почувствовал, что свет не совсем обычный.

Кеттрик остановился, не сводя озадаченного взгляда с солнца. Рыжий апельсин помутнел, покрылся уродливыми пятнами — казалось, он излучал злобу и беду. И ядовитый свет начал жалить его, нагого, оставшегося без защиты на огромной пустой равнине.

В панике он закричал:

— Что это?

— Звезда Смерти.

Это сказал Секма, стоявший неподалеку, — Кеттрик

только сейчас заметил его. Секма улыбнулся и небрежно махнул рукой, глядя на смертельно большое солнце.

— Не волнуйся, Джонни. Ведь это только миф.

И он пошел прочь, беззаботно насвистывая.

Кеттрик побежал вслед за ним.

— Это не миф! — кричал он. — Разве ты не чувствуешь ожогов?

Секма даже не обернулся. Он продолжал идти, насвистывая, и хотя Кеттрик бежал изо всех сил, ему не удавалось догнать космического полицейского.

Но он продолжал кричать:

— Это не миф! Это правда!

Свет становился все сильнее, обжигая глаза и кожу. А Кеттрик все бежал по улицам мертвого города и кричал от отчаяния. Он знал, что его никто слышит, потому что все жители погибли. Звезда Смерти смела всех, словно космическая чума...

Он проснулся от ласковых прикосновений руки Чайт, которая пыталась успокоить его.

Кошмар постепенно отступал. Кеттрик прижимался к теплому телу Чайт и даже всхлипывал от огромного облегчения. Никакой Звезды Смерти в небе не было — просто ему в глаза бил отсвет пурпурного заката, зажегший горизонт на западе от озера.

«Не волнуйся, Джонни. Это только миф».

Откуда этот сон? Неужто напомнила о себе совесть?

Не важно. Ведь это только сон.

Солнце село, и ночь вступила в свои права. Кеттрик ощутил сильный голод. Положив руку на плечо Чайт, он сказал:

— Пойдем посмотрим, хорошо ли считаться мертвым.

ГЛАВА 6

Они крались, словно призраки, по темным улицам, выбирая маршрут через деловые районы города, где дневная жизнь уже замерла и где было меньше прохожих и света.

Ночью, в типичном местном одеянии, Кеттрик мог сойти за дарвана. А огромная фигура Чайт рядом с ним отпугнула бы любого любопытного. Собаколюди, называвшие себя тхеллами, были хорошо известны в этих краях. В основном они выполняли работу телохранителей, и мало нашлось бы желающих с ними связываться.

Чайт спросила, куда они направляются.

— В дом друга.

— Сери?

— Нет, не Сери.

— Почему? Сери — друг.

— Да... — с сомнением ответил Кеттрик.

Наконец-то шок прошел. Голова кружилась, он испытывал боль во всем теле и голод, но уже мог достаточно четко и спокойно соображать. По-прежнему он не был полностью уверен в том, что кто-то пытался убить его и двоих тхеллов. Тем более ему не хотелось верить в то, что в этом замешан его давнишний партнер и друг. Но рисковать в его сложном положении было нельзя.

— Я нарушил закон, Чайт. Если я вернусь к Сери опять, его могут посадить в клетку.

Она вздохнула.

— Я пойду с тобой, Джон-ни. Сери плохой ко мне без Хиту.

Тхеллов взяли на службу вдвоем, и Кеттрик понимал, что ей не хотелось бы возвращаться домой одной. Таков был обычай тхеллов: менять жилище, когда один из пары умирает.

После паузы Чайт добавила:

— Никого не любить, только ты.

Эти слова глубоко тронули его.

— Я помогу тебе вернуться домой, Чайт. На твою родную планету.

— Нет, — покачала она головой. — Я идти с тобой.

— Ладно, — охотно согласился Кеттрик, — пойдем со мной.

Он был рад тому, что Чайт рядом, когда они шли по мрачным аллеям, огибавшим кварталы окраин. Сейчас он

был не в состоянии отразить нападение даже какого-нибудь хулигана, охотящегося за мелкой монетой, бутылкой выпивки или щепоткой наркотика. Вскоре они вышли на более широкие и светлые улицы.

Здесь было шумно илюдно, и Кеттрик легко затерялся в толпе. На окраинах Ри-Дарвы землянин не был в диковинку и не привлекал к себе особого внимания. В этом районе города можно было встретить людей со всех частей Хейдеса и множества рас — гуманоидов всех видов, размеров и цветов кожи, в разнообразных инопланетных одеяниях и в местных костюмах. Кое-кто из них постоянно жил на Тананару, занимаясь бизнесом различной степени легальности. Пестрые, шумные окраины устраивали их куда больше, чем чинные и законопослушные районы города.

Смешение архитектурных стилей поражало не меньше, чем разномастная толпа. Обитатели окраин строили дома, следуя своим обычаям и вкусам, так что улицы были заполнены зданиями в форме башен и куполов, усеченных пирамид и сфер, кубов и звезд... Одни выглядели серо и неопрятно, другие сияли радужными красками, приятно радуя глаза.

Кеттрику всегда нравился этот район. Он знал его как свои пять пальцев и потому уверенно вел Чайт по кишасим людьми улицам, мимо магазинов и базаров, где никогда не гасли огни реклам, мимо увеселительных заведений, где предавались всем грехам, известным в галактике. Большинство окон были плотно зашторены. Солнечный свет никогда не проникал в клубы и игорные залы, куда не пускали никого, кроме представителей определенных рас. Только они знали о том, что происходило там, внутри. Кеттрик давал волю воображению, представляя самые невероятные и экзотические оргии, которые скрывали эти стены. Впрочем, он прекрасно знал, что на самом деле там просто собирались старики, чтобы обсудить в неспешной беседе последние новости под унылые песни какого-нибудь местного менестреля, или же заняться не менее скучными ритуальными действиями, следуя законам своей религии.

На каждом шагу встречались бары и таверны, наполнявшие ночь аппетитными ароматами своих кухонь. Чайт оставалась возле некоторых из них и выразительно облизывалась. Кеттрик был голоден не меньше, но у него не было мелких денег, а крупные купюры могли принести здесь лишь одни неприятности, что никак не входило в его планы. Он пообещал, что скоро покормит Чайт, и она безропотно продолжала идти вперед.

Вскоре они подошли к кварталу из конических небоскребов, опоясанных паутинами наружных лестниц, ведущих к бесчисленным входам на разных уровнях этих необыкновенных зданий. Они напоминали одновременно и вавилонскую башню, и улей. И они так же гудели, как пчелиный улей. Воздух в этом квартале был наполнен голосами, смехом и острыми, как осколки стекла, обрывками музыки. Национальные мелодии казались Кеттрику малопривлекательными, он предпочитал современную музыку, потому что ее можно было слушать, не принуждая себя к этому утомительному занятию.

Кеттрик нашел здание, которое искал, и начал взбираться по одной из крутых лестниц, преодолевая слабость в ногах.

А что, если Бокер уехал, с тревогой думал он, поднимаясь все выше и выше. Его могли выслать из страны, посадить в тюрьму, убить, он может находиться сейчас на борту корабля где-то за пределами созвездия. Что делать тогда? Вернуться к Секме и сдаться на его милость?

От одной этой мысли Кеттрика замутило. Он решительно продолжал подниматься с уровня на уровень, перешагивая через груды мусора и брезгливо отгоняя грызунов, которые визжали и шипели на него, но тут же в панике разбежались, заведя Чайт. Однажды он поскользнулся и едва не перевалился через невысокие поручни, но Чайт успела поддержать его. Он сжал зубы и продолжил подъем, проклиная Бокера, который жил на десятом уровне, среди всякого нищего сброда.

Добравшись до очередной лестничной площадки, он оказался перед овальной дверью. Она была отворена на-

встречу теплому ночному воздуху. У Кеттрика едва хватило сил на то, чтобы постучать, потом он пригнулся и вошел. Чайт опустила на все четыре лапы, чтобы не удариться о притолоку.

За столом сидели три синекожих ребенка, выпучив глаза и усердно запихивая еду в рот. Женщина с подобной же кожей, пышной грудью и копной светлых волос уронила бокал с вином на колени и вскочила с испуганным криком, не сводя глаз с гостей.

Мужчина той же расы сидел спиной к Кеттрику. У него была внушительная серебристая грива, обстриженная так, что волосы росли лишь узкой полосой по центру голову. Он был обнажен, если не считать засаленных шорт. Фигура выглядела приземистой и крепкой. Через бугры накачанных мускулов левого плеча пробегала белая змейка шрама. На мочке левого уха словно капля крови блестел красный камень.

Кеттрик выдохнул:

— Бокер!

Он произнес это, как любовник, встретивший наконец-то свою возлюбленную. Разом ослабнув, он едва не упал, но Чайт подхватила его и помогла сесть в кресло.

Обернувшись, Бокер издал радостный вопль. Обняв старого друга, хозяин дома первым делом налил ему бокал вина, и Кеттрик жадно выпил. Затем последовал долгий, беспорядочный разговор. Детишки забили в дальний угол комнаты и не сводили любопытных глаз с гостей, главным образом с Чайт. Женщина говорила что-то, энергично жестикую, но на нее никто не обращал внимания.

— Откуда ты свалился, Джонни? — спрашивал Бокер, не забывая подливать другу вина. — За тобой гонятся? Небось хочешь где-нибудь спрятаться? Или ищешь партнера, чтобы облапошить пару-другую клиентов?

Голос его звучал весело, но взгляд оставался настороженным.

— У тебя такой вид, дружище, словно ты побывал в мясорубке. Что, была славная драка?

— Он же ранен, — вмешалась его жена по имени Педа. — Дай ему передохнуть.

Она подошла к Кеттрику, поглядывая и на лежащую в углу Чайт, по мохнатому боку которой текла струйка крови.

— Привет, Джонни. Позвать доктора?

— Нет. Я прибыл сюда нелегально.

— Где болит?

Он показал на окровавленный бок.

— Здесь — и везде. Но хуже то, что я умираю с голоду. Дайте сначала что-то поесть.

— Это только раздует тебе ребра, — покачала головой Педа и ощупала его бок. Кеттрик сморщился от боли и понял, что женщина права.

— Тогда хотя бы покормите Чайт. Мы долго плыли и почти не спали.

— Что она ест? — спросил Бокер.

Кеттрик усмехнулся.

— Не думаю, чтобы она была сейчас слишком разборчива. — И на языке тхеллов он обратился к Чайт. — Еда, отдых. Мы в безопасности.

— Хорошо, — ответила Чайт и с трудом поднялась на ноги. Бокер принес еды, и она принялась жевать, не спуская внимательного взгляда с Педы, которая перевязывала раненый бок Кеттрика.

Сделав перевязку, Педа разрешила ему поесть. Кеттрик разговаривал с Бокером на галакто, который Чайт не понимала. Он коротко рассказывал о своей встрече с Сери и о том, что случилось на озере.

— Я не уверен, что Сери решил от меня отделаться, — заключил он. — Но и доверять ему тоже больше не могу.

— Разумно, — кивнул Бокер.

Они с Кеттриком повстречались много лет назад в одном из окраинных миров Хейдеса. Бокер дал тогда своему неопытному приятелю несколько ценных советов по поводу браконьерских действий в местных заповедниках. Затем они помогали друг другу уносить ноги прямо из-под носа Патруля, и с тех пор стали закадычными друзьями. Спустя

некоторое время Бокер уволил со своего полупиратского корабля шкипера и взял на его место Кеттрика. Вместе они совершили немало рейсов в Хейдесе и провернули несколько весьма удачных дел. Но затем Кеттрик возмужал и начал действовать самостоятельно, что и привело его к краху и высылке из созвездия.

— На этот раз мы должны действовать вместе, как и в старые добрые времена, — убеждал приятеля Кеттрик. — Если ты, конечно, не слишком остепенился.

Бокер рассмеялся:

— Нет, я остался таким же авантюристом, как и прежде, Джонни. Но признаюсь, что особой радости мне уже это не приносит. Наверное, старею. Да и таможенники на мирах созвездия поумнели. И все же кое-где в Хейдесе можно еще пошуровать с пользой для кошелька и без особого риска. Некоторые туземные народы словно созданы для того, чтобы толковые парни вроде нас с тобой чистили им карманы.

Бокер выпил много вина, но выглядел не столько пьяным, сколько возбужденным. Его глаза сияли дьявольским огнем, на грубо скроенном лице блуждала злая улыбка. Не выдержав, он вскочил на ноги и стал мерить комнату упругими шагами, время от времени похлопывая себя по мускулистой груди.

— Говоришь, Белое Солнце, да? Что ж, это лакомый кусок, ничего не скажешь. И на черта ты связался с этим негодяем Сери и его ржавой «Птицей»? За эти полмиллиона кредитов я возьму тебя в зубы как щенка и полечу на Белое Солнце сам!

Кеттрик с надеждой взглянул на него.

— У тебя есть корабль?

Бокер встряхнул своей серебристой гривой. В свете лампы блеснули белоснежные зубы.

— Смотря что называть кораблем. Если дырявое ржавое корыто можно считать кораблем, то он у меня есть. И при этом заметь, что я владею не всей этой потасканной красоткой, а лишь третью ее. Мои совладельцы — Глеван и Хурт. Не скажу, что наш кораблик обладает особой прытью, но до

сих пор ему удавалось не только взлетать, но даже и садиться на самые разные миры.

— Глеван и Хурт... Как же, помню.

Хурт был родом с Хлакрана, так же как и сам Бокер. Он был бессменным помощником капитана на корабле Бокера. Выходец с Питтана, коренастый темнокожий уродец Глеван, служил бортинженером и отличался золотыми руками и скверным характером.

— Они пойдут на такое рискованное дело? — поинтересовался Кеттрик.

— Если не пойдут, значит, их пора пристрелить, — хохотнул Бокер. — Миллион кредитов! За такие огромные деньжищи стоит рискнуть головой. Да и этой ищейке Секме надо утереть нос, верно?

— Ты лучше найди ребят и переговоры с ними, — посоветовал Кеттрик. Он испытывал неловкость от того, что не мог рассказать всего Бокеру. Секма убедил его, что в деле, касающемся «Роковой Звезды», доверять никому нельзя. Другой вопрос — афера на Белом Солнце. Здесь он, Кеттрик, мог действовать совершенно самостоятельно и выбирать партнеров по своему вкусу. Он всерьез намеревался завершить прерванную сделку с криннами и унести в клюве вожделенный миллион кредитов прямо из-под носа Секмы. И пусть тот попробует помешать ему на этот раз! А еще лучше, если бы Секма считал его погибшим. Тогда руки Джонни были бы полностью развязаны. К черту все «Роковые Звезды», у него и своих дел хватает.

Бокер тем временем связался по коммутатору с Хуртом и обменялся с ним несколькими фразами на их родном языке. Затем снова обратился к Кеттрику.

— Хурт разыщет Глевана, и они придут сюда через пару минут. Я только сказал им, что есть важное дело.

— Отлично. — Джонни помедлил, прежде чем задать мучивший его вопрос: — Бокер, ты ничего не слышал по радио о том, что вчера вечером на озере взорвалась моторная лодка Сери?

— Ты не помнишь, Педа?.. Она слушает по радио все новости подряд. Обожает, понимаешь, дурацкие сплетни.

— Ни слова про это не было, — покачала головой Педа. — Я бы запомнила.

Впрочем, Кеттрик и не надеялся, что Сери сообщит об этом случае. Даже если он и не причастен к взрыву, болтать Сери нет никакого резона. Особенно о том, что на лодке находился Джонни Кеттрик, нелегальным путем прилетевший в Хейдес.

Все складывалось как нельзя лучше, если бы не одно важное обстоятельство. Секма знал, что Кеттрик должен был встретиться с Сери, и он будет ожидать вестей, как они и условились. Если Секма не получит никаких известий, вряд ли его первой мыслью будет: «С Кеттриком что-то случилось!». Куда вероятнее, что он подумает: «Эге, этот пройдоха Джонни пытается вести двойную игру, надо принять меры». Хорошо бы, конечно, если бы Секма узнал о взрыве на озере, но как и кто сообщит ему такое?

Черт побери, умереть оказалось не так-то просто.

Бокер отчего-то нахмурился и задумчиво почесал небритый подбородок.

— Говоришь, Сери предложил тебе лететь на «Звездной Птице»?

Кеттрик кивнул.

— Что-то у меня в голове вертится по поводу этого корабля... — пробормотал Бокер. — Погоди, сейчас вернусь.

Он вышел в соседнюю комнату. Педа принесла Кеттрику еще вина и спросила, как он себя чувствует.

— Уже лучше, — улыбнулся он. — Спасибо.

Он поднял глаза на хозяйку дома.

— Ты не будешь возражать, если Бокер отправится со мной в рейс?

— Пусть летит, — сказала женщина и рассмеялась. — Мне хватает забот с детьми, а от него дома пользы мало. С утра до ночи болтаются по кабакам с приятелями. Да и свое дело он уже сделал. — Педа выразительно похлопала себя по за-

метно округлившемуся животу, где созрел очередной отпрыск. — Вы скоро вернетесь, да?

— Надеюсь.

— И еще одно, Джонни. Тебя здесь долго не было, и ты о многом не слышал. Меня Белое Солнце не больно-то волнует, Бокер запросто может провернуть там любое дело. Да и сопливых мальчишек из таможни и космической полиции он легко заткнет за пояс. Но есть кое-что другое, о чем Бокер и его парни не любят говорить. Может, считают это бабьими глупостями, а может, просто боятся. Но ты будь поумнее и держи ухо востро.

У Кеттрика засосало под ложечкой.

— А чего же нам остерегаться, Педа?

— Точно и не знаю... — Она в упор смотрела на Кеттрика, но взгляд был отсутствующим, словно бы она была погружена в собственные мысли. — Я услышала об этом на рынке. Гурранка, которая держит рыбную лавку, сказала мне по секрету, что один мужчина из их расы сообщил: в Хейдесе грянет какая-то беда. И другие люди говорят об этом, пока шепотом, словно кого-то боятся. Вы, мужчины, считаете всех женщин дурами, но у нас есть глаза и уши и мы кое-что соображаем. Люди зря говорить не будут. В Хейдес скоро придет большая беда и принесет ее «Роковая Звезда».

Кеттрик облизал внезапно пересохшие губы. Он вспомнил о своем кошмарном сне и о том, что услышал от Говарда Виккерса. Черт побери, неужто все это правда?

— И когда наступит эта беда?

— Скоро. Не знаю точно. Все говорят по-разному.

Кеттрик вспомнил свои собственные расчеты, что он сделал во время беседы в библиотеке Виккерса. Для демонстрации «Роковой Звезды» — если она, конечно, существует в реальности — лучше всего подошла бы очередная ассамблея Лиги Свободных миров. И до нее тогда было шесть циклов Универсального галактического времени.

«С тех пор прошло...хм-м... три единицы с четвертью. Не так уж и много. Если «Роковая Звезда» действительно

существовала, то еще можно было успеть что-то предпринять!»

Он намеревался еще порасспрашивать Педу, но тут в комнату вошел озадаченный Бокер.

— Странные творятся дела, — сказал он. — Напомни, что именно говорил Сери о «Звездной Птице»?

— Что корабль в моем распоряжении, поскольку никем пока не зафрахтован, и будет готов к полету дня через три.

— Ах вот как... — вздохнул Бокер. — Я связался с приятелями из космопорта, и они сообщили, что «Звездная Птица» полностью загружена и направляется на Гурру, Твейн, Кирнаноку...

— Что — она уже загружена?

— Да. Она взлетела сегодня утром.

— Проклятие! — воскликнул Кеттрик и грязно выругался. Его затрясло от ненависти.

— Я убью этого подлеца, — процедил он сквозь крепко сжатые зубы. — Авария? «Езжай на остров, Джонни, и я сообщу, когда корабль будет готов. Через три дня ты улетишь». Ну что ж, спасибо тебе за заботу, дружище Сери. Я никогда этого не забуду... Убью мерзавца!

— Тогда тебе надо поторопиться, — усмехнулся Бокер. — Потому что Сери удрал на «Птице».

ГЛАВА 7

Замечательно было снова оказаться в космосе.

Удивительно, но «Грелла» — в точности такая развалина, какой ее описывал Бокер, — без труда поднялась в небо. Название корабля на языке хлакранов означало «Прекрасная королева».

Кеттрик потратил большую часть своих денег на экипировку корабля. Бокер изрядно подзаработал, то там то сям выторговывая скидку у купцов. Кеттрик закрывал глаза на это, ему было важно лишь одно — чтобы товары на борту

корабля были самого высокого качества и пользовались спросом в созвездии.

Это вовсе не было блажью. Совершенно необходимо по пути вести торговлю, чтобы поддерживать какую-то видимость коммерческой деятельности. Звездный Патруль имел дурную привычку время от времени обрушиваться с проверками на миры созвездия — там, где у них не было собственного представительства и где в космопортах не велся строгий учет и регистрация прибывших грузов. Кеттрик был уверен, что друзья на этих мирах не выдадут его, но Бокера ему подставлять не хотелось.

Перед отлетом в Хейдес Кеттрик договорился с Секмой о сеансах связи по передатчику, но после всего происшедшего не рискнул воспользоваться им. Да и условленная заранее встреча стала невозможной, так что он предоставил событиям идти своим чередом.

Возникли проблемы и с Чайт. Тхеллы официально признавались лишь полуживотными, и поэтому провести ее на борт корабля можно было, лишь получив массу документов, которых у них не было. Компаньоны неодобрительно покачивали головами, но Кеттрик настаивал, и им пришлось тайно протащить Чайт вместе с личным багажом.

Они подделали декларацию и с огромным трудом прошли таможеню. И только тогда «Грелла» со скрипом и дребезжанием снялась с места и поковыляла в темные глубины космоса, освещаемая звездными огнями. Корабль взял курс на Гурру, Твейн, Кирнаноку и Трейс.

Это был маршрут «Звездной Птицы» Сери.

— Зачем тебе это? — спросил его Бокер перед отлетом. — Понимаю, ты хочешь расквитаться с подонком, но...

— Дело совсем в другом, — пояснил Кеттрик. — Именно этим курсом мы доберемся до Белого Солнца. Посмотри на карту и попробуй найти путь лучше.

Он не сказал Бокеру, что именно на этих мирах, если верить Секме, больше всего ходило слухов о «Роковой Звезде».

Странно, что этот маршрут выбрал и Сери. За исключе-

нием Кирнаноку, все остальные миры относились к числу отсталых, малопривлекательных для торговли. Конечно, Кеттрика это касалось в меньшей степени — он умел выгодно договариваться даже с самыми нищими на первый взгляд туземцами. Кирнаноку был довольно богат, но его жители не очень доброжелательно относились к людям. А потому торговля там также требовала особого «таланта».

Бокер внимательно изучил карту и признал, что более удобного пути к Белому Солнцу не существует, если не считать довольно странной предпоследней остановки.

— Трейс — несколько необычный трамплин для гиперпрыжка к Белому Солнцу, — заметил он.

— Знаю, — сказал Кеттрик, — поэтому мы совершим его прямо от Кирнаноку.

Бокер уставился на него.

— С ума сошел? — Он ткнул указательным пальцем в карту. — Посмотри на это расстояние, Джонни. Это ваши громадные земные корабли могут сделать такой прыжок, но наши ржавые корыта на такое не способны. Двигатель не выдержит, и хлоп! — от нас только перья полетят. А моя Педа получит похоронку от Космического управления...

— Верно, — согласился Кеттрик. — Но «Грелла» должна преодолеть это расстояние в два прыжка. — И он показал возможный маршрут на карте. — Если корабль выйдет из первого где-то здесь...

Бокер посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Джонни, опомнись. Посмотри, куда ты тычешь пальцем. Первый прыжок выведет нас точнехонько в самую середину Лантаванской банки, самые страшные дебри в созвездии. Это так же приятно, как выброситься из окна небоскреба в жерло бетономешалки.

— Нет. Мы выйдем из первого прыжка чуть ближе, в открытом космосе. Затем мы проходим через Банку на маршевой скорости. Во время дрейфа проверим гипердвигатель, подзарядим энергоустановки, и тогда...

— Мы пойдем через Банку? — изумился Бокер. — И где же?

— Вот здесь. — Кеттрик провел ярко-красную линию, пересекающую по диагонали темную область на карте. — В самом узком месте.

— И самом опасном... — пробормотал Бокер, который, как и многие капитаны, побаивался дрейфа в космических течениях. — Послушай, Джонни, не валяй дурака. Из Уарды можно запросто добраться до Белого Солнца за один прыжок. Даже Мардир был бы лучше, несмотря на то, что там любит шастать Патруль.

— Вот именно — мы там уже один раз влипли, — напомнил Кеттрик. — Мардир — это дверь в запретный для торговли район, так что лучше туда не соваться. Уарда хороша для прыжка из этого пыльного мешка, не спорю. Потому ребята из Звездного Патруля и взяли ее на заметку. Спорим, что возле нее нас поджидает ловушка, да и не одна? — Он покачал головой. — Нет, дружище, Кирнанок — самый лучший трамплин для прыжка на Белое Солнце, как ни ряди. Эта планета считается тихим местечком, и Патрули там появляются редко. К тому же к ней мы можем добраться дрейфом в космическом течении, сэкономив массу топлива. Конечно, дрейф — это не подарок, но с другой стороны, это весьма недурная штука.

— Ладно, — проворчал Бокер. — А как возвращаться-то?

— Тем же путем. Только из Банки мы сделаем прыжок не на Кирнаноку, а на Трейс и дальше весело продолжим полет, богатые и вне всяких подозрений.

Неожиданно он в упор посмотрел на Бокера:

— Риск, конечно, есть, не стану отрицать. Но я думаю, что мы справимся. Я не был в Лантаване, но другие банки приходилось проходить, и не раз. Сам понимаешь — прямой и безопасный путь не для нас.

Бокер зажмурился и мечтательно протянул:

— Я стараюсь думать только о миллионе кредитов — по сравнению с этим, все остальное кажется не столь уж и важным.

Но тут его глаза широко раскрылись и зажглись тревогой.

— Джонни, может, Сери сам намеревается перехватить этот миллион?

Кеттрик нахмурился и покачал головой.

— Не могу себе представить, как это удалось бы ему. Кринны не станут с ним торговать. Скорее просто съедят.

Бокер хмыкнул:

— Верно. Видимо, это просто совпадение. Но странно...

— Что именно?

— А то, что Сери именно теперь, заметь, впервые за несколько лет, сам отправляется в космос, покинув свою благополучную жизнь и красивую женщину.

— Должны быть важные причины, — мрачно согласился Кеттрик.

Вот именно — причины. Причина, чтобы лгать, и причина, чтобы убивать. Кеттрику очень хотелось знать, было ли Ларис известно о замысле Сери. Быть может, она сейчас находится на борту «Звездной Птицы»?

Космическое путешествие давало достаточно времени для подобных размышлений. Джонни часами просиживал возле обзорного экрана, глядя на россыпи звезд Хейдеса восторженным взглядом человека, возвратившегося из долгой ссылки. Бархатно-черное пространство усыпали огни оранжево-красных гигантов, которые составляли ядро этого звездного архипелага. Лишь кое-где встречались группы белых солнц — к одному из них и лежал их путь. Хейдес был «просторным», мало заселенным звездами районом галактики, и этим заметно отличался от шаровых скоплений Сигнуса и Геркулеса. Здесь корабль мог дрейфовать веками, отдавшись на волю космических течений, лениво плывя мимо звездных островов, где всегда было можно найти спокойную бухту во время космических бурь.

Казалось, в созвездии ничего не изменилось. Однако на новой компьютерной звездной карте, на западной окраине Хейдеса появилась красная надпись: «РАДИАЦИЯ. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ». Включив радар, Кеттрик разглядел в центре отмеченной области отравленное солнце. У Джонни мурашки побежали по спине от мысли о том, что страшная космическая чума может передаваться от одного солнца к другому.

Корабль вышел в намеченную для прыжка точку про-

странства. Особых дел у Кеттрика не было, и он вызвался помогать Глевану, который словно опытный дирижер управлялся с оркестром стонущей ненадежной аппаратуры под скрип переборки еле дышащей «Греллы».

Перед прыжком они все собрались в приборном отсеке — это было единственное место на корабле, где было нормальное освещение и где кондиционеры ухитрялись более или менее сносно снижать температуру. Во время прыжка звездолет обычно сильно нагревался, и если что-либо случалось с энергопоглотителями, то он просто сгорал. Причиной этого явления было то, что гиперпространство не впитывало тепла, излучаемого двигателем пролетающего через него корабля. Но даже при нормально работающих энергопоглотителях в отсеках «Греллы» было достаточно жарко. Экипаж разделся почти догола и все равно истекал потом. Чайт нечего было снимать, она сидела возле Кеттрика с широко открытой пастью, из которой свешивался набок язык, и часто-часто по-собачьи дышала.

Кеттрик решил, что пора заговорить со спутниками на интересующую его тему.

— Я тут кое-что прослышал, — начал он. — Пара работяг с альдебаранского судна, на котором я прилетел на Тананару, перешептывались о какой-то «Роковой Звезде». — Это была неправда, но он не хотел открывать свои карты до поры до времени. — Бокер, твоя Педа тоже упоминала о некоей «Роковой Звезде», которая может превращать обычное солнце в Звезду Смерти. Что кроется за всем этим?

— Обычная болтовня, — презрительно отозвался Бокер. — Педа хорошая женщина, но она, как любая баба, болтает языком, как метлой метет. Вечно приносит домой дурацкие сплетни от знакомых торговков.

Глеван, маленький темнокожий питтанец с обезьяньим лицом, с сомнением покачал головой. Глаза его возбужденно загорелись.

— Я тоже слышал об этом, но не от базарных торговков. «Роковая Звезда»... Взгляни вот на ту маленькую звезду,

Джонни, что обедедена красным кружком... это предупредительный знак!

— Знак? — переспросил Хурт. Он был не так внушительно сложен, как его соотечественник Бокер, и не имел столь впечатляющей гривы. Но у него было десять детей, о чем он постоянно всем напоминал.

— Знак чего? — переспросил он, с ухмылкой поглядывая на Глевана. — Того, что не только с тобой, недотепа, но и со звездами что-то иногда случается?

Бокер подхватил этот насмешливый тон:

— Слышал я однажды в детстве, как об этом болтал наш деревенский священник: «И вот снизойдет божество, ступая босыми ногами по мирам созвездия. И голос его будет грому подобен. И возопит он: беда, беда!» Эй, Джонни, а почему они никогда не кричат «Ура» или еще что-нибудь приятное? А как ведут себя те, что попадают к вам на Землю?

— Божества везде очень мрачные, — ответил Кеттрик. — Так что за знак, Глеван? Не обращай внимания на этих олухов.

— Знак беды, — понуро ответил Глеван.

— Божественной или человеческой?

Глеван с искренним удивлением уставился на Кеттрика.

— Джонни, если бы человеку удалось такое сотворить со звездой, то он был бы богом.

Бокер и Хурт тут же начали обыгрывать эту мысль с таким едким юмором, что вскоре это рассмешило даже Кеттрика. Но все же он в глубине души соглашался с Глеваном. И ему даже показалось, что Бокер с Хуртом смеются уж слишком нарочито, словно страшатся чего-то и для собственного успокоения убеждают друг друга, будто Медуза Горгона — не более чем клоун, надевший на лицо жуткую маску.

ГЛАВА 8

Кеттрик был рад, что прыжок наконец завершился. Это всегда был тягостный момент, кроме того, на этот раз его беспокоила Чайт. Ей стало лучше, как только начала спа-

дать жара. Она с аппетитом поела и впервые за все это время начала приводить себя в порядок. Попросив у Кеттрика щетку, она долгие часы расчесывала свою шерсть, доводя ее до бывшего лоска.

И все же...

Он не мог определить, откуда у него появилось чувство тревоги. После смерти Хиту его подруга стала молчаливой и отрешенной, а печальная тхелла — не лучший компаньон в пути. Кеттрик знал, что эти существа могут быть столь же мрачными, как и опасными. В присутствии Чайт все сникали и начинали нервничать, что заставляло Кеттрика с ужасом думать о возможных последствиях.

Кеттрик стоял с Чайт возле обзорного экрана, показывая ей огромное оранжевое солнце, к которому стремительно мчался космолет. В черную пустоту уходили громадные протуберанцы, изогнутые словно огненные перья этого звездного Феникса. По сияющему диску были рассеяны золотисто-красные огневороты, а вдоль экватора тянулись сверкающие полосы солнечных бурь.

Через некоторое время из солнечного зарева выплыл крошечный темный шарик. Кеттрик сказал:

— Это Гурра. Здесь мы сядем.

— Выходить?

— Да.

— Хорошо, — ответила Чайт. — Там будет Сери?

— Не знаю, — удивленно ответил Кеттрик. — А что?

— Ты сказать недавно, Джон-ни. Сери сделать Хиту мертвым.

Ее большие круглые глаза устремили на него неожиданно осмысленный взгляд, в котором светилась и чисто животная жестокость.

— Почему ты не сказать правду раньше?

— Я боялся, что ты убьешь его.

— Почему не убить? — спросила она в ответ со странной вкрадчивостью. — Ты еще любить Сери?

Так вот о чем она все это время раздумывала! Она видела вспышку гнева Кеттрика еще в доме Бокера и слышала,

что они говорили о Сери. И все это время она напрягала свой полуживотный мозг, стараясь осмыслить поведение окружающих ее людей.

И вывод, который тхелла в конце концов сделала, был ужасным.

Кеттрик сказал:

— Нет, я не люблю его. Сери хотел, чтобы я умер, но ты помогла мне. Послушай, Чайт. Человеческие законы накажут Сери. Но если ты попытаешься разделаться с ним, тебя навсегда запрут в клетку. Понимаешь?

Чайт продолжала внимательно изучать его. Постепенно злой огонь в ее глазах погас, и она кивнула.

— Мы ловить Сери?

— Мы обязательно поймаем его.

— Ты сказать правду?

— Мы найдем его. Может, не скоро. Его корабль быстрее нашего. Но ты не должна убивать его.

— Не убивать.

Это прозвучало как обещание.

Но Кеттрик почему-то не слишком поверил тхелле.

Яркий шарик планеты мчался им навстречу, продолжая расти и закрывая собой солнце. «Грелла» с визгом вошла в атмосферу, нацелившись своим тупым носом на срединный материк восточного полушария. На нем располагались два торговых космопорта — один на востоке, другой на западе. Секма упоминал восточный порт как один из центров распространения слухов о «Роковой Звезде», и потому Кеттрик выбрал для посадки именно его.

Пройдя облачный слой, они увидели обширный материк, покрытый джунглями, горами, равнинами и извилистыми реками. Все было окрашено в желто-коричневые и тускло-красные тона. «Грелла» поднырнула под темный фронт грозовых туч, сопровождаемая вспышками молний. Бокер посадил ее на посадочную площадку в центре грязного поля и выпустил трехногое шасси, едва удержавшее ржавую развалюху в вертикальном положении.

Чайт первой выскочила через распахнувшийся люк.

Мужчины спустились по трапу и были встречены штормовым ветром. Кеттрик с тревогой смотрел, как Чайт мчалась в мрачной мгле, словно серый призрак. Пророкотал гром. Бурлящие тучи осветила серебристая вспышка молнии. Оказалось, что на посадочной площадке рядом с «Греллой» находился еще один дышащий на ладан корабль.

Обливаясь потом и задыхаясь в плотном, насыщенном тяжелыми запахами цветущих растений воздухе, путники отправились в деревню. По обе стороны дороги возвышались деревья с массивными кронами и пурпурной листвой. Ураганный ветер стряхивал с крупных цветов потоки лепестков, которые обрушивались на людей словно белая метель. Чайт ждала их под одним из деревьев, хрипло дыша и стряхивая с мокрой шерсти липкие лепестки.

И тут гроза наконец разразилась.

На Кеттрика и его спутников обрушились потоки дождя, и они сразу перестали что-либо видеть. Наугад побрели через серую пелену навстречу бешеному ветру, стремясь поскорее выбраться из-под деревьев, которые могли в любую минуту рухнуть им на головы. После того как утих первый порыв грозы, Кеттрик слышал впереди чей-то смех, и вскоре он со своими спутниками очутился в центре толпы маленьких темнокожих людей. Аборигены заботливо набрасывали на них домотканые накидки, отряхивая влагу с тел гостей, пританцовывая, как дети во время дождя. Поначалу их особое внимание привлекла сердито рычащая Чайт, но потом ее оставили в покое и переключились на едва держащихся на ногах мужчин. С веселыми криками маленькие туземцы подняли их на руки и понесли по дороге.

Спустя некоторое время они вышли на широкую деревенскую площадь, окруженную небольшими островерхими домами, подставляющими ветру свои камышовые крыши. Среди них выделялся Высокий Дом, являвшийся гостиницей для чужестранцев.

Внутри было сухо, пол был высоко поднят над уровнем грунта и утеплен хорошо утоптанными опилками. В воздухе все еще сохранился запах предгрозовой жары. Крыша скри-

пела, стены раскачивались под ударами ветра, но Кеттрик уже бывал в этом доме в такую погоду и знал, насколько здесь безопасно и комфортно.

Навстречу гостям шагнул небольшой человечек в красной униформе земного портье. Возраст человечка определить было трудно, он походил на рано повзрослевшего мальчишку.

— Веллан! — выкрикнул Кеттрик под раскаты уходящей прочь грозы.

Человечек озадаченно посмотрел на него и, узнав, восторженно воскликнул:

— Джонни!

Он бросился к Кеттрику, обнял его и заколотил по спине своими маленькими кулаками, засыпая гостя вопросами. Через голову карлика Кеттрик заметил, что на него пристально смотрит юная девушка. Он ответил ей таким же внимательным взглядом.

Она заметно подросла со времени их последней встречи. Ее прежде тоненькая детская фигурка соблазнительно округлилась. Но несмотря на эту перемену, Кеттрик сразу же узнал ее. Янтарные глаза девушки сияли. Она робко улыбнулась и подошла к Кеттрику, грациозно протянув ему руку.

— Добро пожаловать, Джонни.

Ему хотелось потрепать ее по голове, как в былые времена, дружески подразнить, но вместо этого он смущенно прикоснулся губами к ее тонким пальцам и сказал:

— Благодарю, Ниллейн.

Веллан по-отечески ласково шлепнул ее пониже спины, не одобряя такого открытого выражения чувств, не вполне приличного для столь юной девушки.

— Пойди принеси чего-нибудь поесть для наших гостей и вина, побольше вина. Такое событие надо отпраздновать! — Он приветливо улыбнулся Бокеру, Хурту и Глевану. — Всегда рад вас видеть, пройдохи. Но приезд Джонни — это особый случай!

Он вновь повернулся к Кеттрику, на этот раз с выражением озадаченности на лице.

— Джонни, объясни, как такое могло произойти? Всего три или четыре дня тому назад Сери посетил нашу деревню. Он был твоим другом и партнером, и мы спросили его — где Джонни? Сери сказал, что ты по-прежнему находишься на Земле, и таможенная полиция никогда тебя не допустит в созвездие.

Кеттрик глухо спросил:

— Сери торгует с вами?

— О да, — кивнул Веллан. — Вместо тебя, Джонни, хотя это совсем не то. Но я не могу понять, почему он не рассказал...

— Звездный Патруль по-прежнему точит на меня зуб, — прервал его Кеттрик. — Я вернулся в Хейдес нелегально. И не стал появляться у Сери. Зачем навлекать на него неприязности? — Кеттрик криво усмехнулся. — Только три моих вороватых компаньона знают об этом. А сейчас и ты.

— О, хорошо! — сказал Веллан и с довольным видом рассмеялся. — О-го! Замечательно, Джонни! Мы никогда не любили ЗП, ты это знаешь.

Кеттрик понимающе кивнул. Секма и его парни очень настойчиво пытались остановить экспорт какого-то зелья, который изготавлил Веллан и его люди. Наркотики были их основным товаром, и Патруль изрядно портил им жизнь.

Веллан торжественно повел гостей внутрь. Бокер тихо шепнул Кеттрику на ухо:

— Выходит, Сери торгует с гуррианами вместо тебя? Интересно.

— Точно. Значит, он ныне не в первый раз прилетел в эту часть созвездия.

Это на самом деле было интересно. Действительно, три года назад Веллан ничего не знал о Сери Отку.

Веллан жестом пригласил гостей занять почетные места на широкой скамье, стоявшей вдоль стен большой комнаты. Кеттрик сел на мягкую подушку, скрестив ноги и ощущая, как под давлением его спины прогнулась непрочная тростниковая стена. Дождь гулко колотил по крыше под аккомпанемент далеких раскатов грома. Чайт тактично улеглась

поближе к двери, не сводя преданных глаз с Кеттрика. А Веллан не переставал болтать, вываливая на гостей все местные новости.

Кеттрик перебил его:

— Жаль, что Сери опередил нас. Он, наверное, все у вас скупил.

Веллан повернулся, чтобы взять один из кубков с вином, которые принесла на широком блюде его дочь.

— О нет, — с пренебрежительной улыбкой сообщил он. — Сери предложил слишком низкие цены. Мы не продали почти ничего. Теперь давайте выпьем, а о бизнесе поговорим завтра.

Гости с удовольствием выпили розовое терпкое вино. Ниллейн принесла блюда с едой, а затем присела рядом с Кеттриком, с нежной улыбкой всматриваясь в его лицо.

— Что ты ищешь во мне? — спросил он.

— Себя, — тихо ответила девушка. — Три года назад ты смотрел на меня по-другому.

— Но и ты была другой! Можно было запросто растрепать твои волосы, посадить на колени и угощать экзотическими яствами с других звезд, пока у милой девочки не заболит животик. Ох, как твоя мама не любила меня за это! А ты, Ниллейн?

— Ты был тогда моим богом, — очаровательно улыбнулась девушка.

— А что же сейчас?

— Ты... такой большой, у тебя грубые руки и колючий подбородок. Конечно же, ты не бог. Но я по-прежнему люблю тебя, Джонни.

Девушка рассмеялась и долила ему вина.

С этой минуты напряжение, возникшее поначалу в их отношениях, ушло, и они стали болтать как старые добрые друзья. Кеттрик не удержался и поинтересовался, была ли с Сери женщина. Оказалось, что нет.

Пир в Большом Доме продолжался еще долго, и в нем участвовало чуть ли не полдеревни. Дождь прекратился, и за окнами стемнело. Кеттрик выпил немало вина и опьянел

от алкоголя и счастья, что он снова здесь, среди друзей. Но чем пьянее он становился, тем острее и пронизательнее становилось его зрение, и он начинал замечать на лицах смеющихся коротышек, которые ели и пили с ним, нечто странное. Это были и быстрые косые взгляды, и загадочные улыбки. Иногда в танце туземные юноши делали воинственные жесты, топали ногами словно перед боем и выпускали громкие вопли, словно завидели врагов. Это продолжалось лишь мгновение, а затем в центр круга выбегали девушки и останавливали их. Все дружно начинали смеяться и переходили к другому танцу, но слишком уж нарочитым был этот переход. Туземцы напоминали Кеттрику детей, которых объединяла какая-то общая тайна. Они скрывали что-то от взрослых... от него, от Бокера, Хурта и Глевана.

«Но что? — спрашивал Кеттрик себя. — И почему?»

Когда совсем стемнело и Кеттрик был уже совершенно пьян, а Веллан еще пьянее, маленький туземец пригнулся к Кеттрику и тихо спросил:

— Джонни, побудешь с нами, да? Немножко. Звездный Патруль...

Ниллейн перебила отца, задав какой-то пустяковый вопрос. Веллан так и не сказал того, что хотел, возбудив, однако, любопытство Кеттрика.

Так что же Веллан намеревался сказать про Звездный Патруль?

ГЛАВА 9

На следующее утро Кеттрику уже казалось, что накануне у него попросту разыгралось воображение. В теплом свете оранжевого солнца деревня выглядела такой же мирной и спокойной, как всегда. С крыш маленьких тростниковых домиков поднимались испарения — след прошедшего вчера дождя. На зеленой траве резвились ребяташки, крошечные, словно куклы, их голоса звенели, заглушая пение

птиц. Взрослые проснулись поздно после вчерашнего пира и не спеша начали готовиться к торговле с экипажем звездолета. К полудню должны были начать съезжаться жители соседних деревень, так что ярмарка могла продлиться несколько дней. Спешить некуда. Здесь никто никогда не спешил.

Жители другого полушария Гурры были совершенно другими — выше ростом и агрессивнее по характеру. Они пошли по более сложному, технологическому пути развития своей цивилизации, с готовностью воспринимая идеи, привнесенные в их общество инопланетными торговцами, приспособливая все чужеродное к своим целям и задачам. Немало молодежи эмигрировало на соседние, более развитые миры, стремясь увидеть и узнать побольше о чудесах галактики.

Соотечественники Веллана, напротив, были ленивы, нелюбопытны и полностью довольны своим примитивным образом жизни. Горы и джунгли защищали их от буйства стихий, а врагов у них не было. Плодородная почва обеспечивала изобилие еды, в сырье для одежды и строительных материалов также недостатка не ощущалось. Покой и довольство словно бы витали в воздухе и были частью окружающей природы.

Торговля в этом районе Гурры не отличалась особой интенсивностью. Туземцы охотно выменивали у инопланетных купцов синтетические ткани ярких расцветок, побрякушки, косметику, металлические ножи, посуду и простейшие лекарства. На прочие плоды прогресса типа электрогенераторов и сельскохозяйственной техники они смотрели с полным безразличием, так что их культура мало изменилась, соприкоснувшись с межпланетной торговлей.

Впрочем, не все зависело только от желаний гурриан. Лига Свободных миров запретила торговцам что-либо навязывать этому полудикому народу, так же как и сотням других примитивных рас с разных миров. Считалось, что нельзя насильственно менять ход истории ни в одной части галактики. Если народ стремился к прогрессу, то он должен

самостоятельно проделать большую часть пути к цивилизованному обществу. Если такой тяги у аборигенов не обнаруживалось, то все современные достижения других цивилизаций не могли принести им пользы. На многих мирах созвездия были оставлены недостроенные водопроводы, электростанции и фабрики, призванные улучшить быт туземных народов, но так и не запущенные в действие. И причиной этого было одно — местное население не хотело этих нововведений. По этой причине технологический прогресс был отдан на откуп самим развивающимся народам.

Соотечественники Веллана предпочитали не думать об этом. Когда-нибудь их более энергичные соседи по планете неизбежно сметут их. Но до этого печального момента было еще далеко, и потому обитатели срединного материка оставались веселыми и беззаботными, как дети, играющие в песке на солнечном берегу.

И Кеттрик решил, что все, что ему показалось прошлой ночью во время пиршества, было всего лишь плодом разывгравшегося воображения, подстегнутого общим возбуждением и выпитым вином.

И вдруг Чайт, которая спала всю ночь рядом с ним на полу, потянула воздух носом и сказала:

— Не нравится здесь, Джон-ни.

Удивившись, он спросил, почему.

Она покачала головой, сощурившись посмотрела в окно на зеленую лужайку и сказала:

— Плохо пахнет, — вздохнула она, словно огорчаясь, что человеку никогда не понять ее ощущений.

И тогда Кеттрик вновь вспомнил странные взгляды туземцев, их приглушенный смех и слова Веллана:

«Побудь с нами немного...»

Немного?

Торопливо встав с постели, он разбудил Глевана и обоих хлакранов.

Четыре следующих суматошных дня Кеттрик занимался торговлей. Остальные члены экипажа готовили «Греллу» к предстоящему космическому прыжку. И все это время Кетт-

рика не покидало беспокойство. Пока корабль не готов к космическому полету, они рискуют в любой момент оказаться в ловушке.

Он не мог объяснить себе, откуда появилось это чувство. Все шло очень гладко. Торговля была успешной, и гурриане относились к нему как всегда доброжелательно. Ниллейн порхала возле него, словно бабочка, совсем как в былые времена. Веллан устраивал для гостей каждый вечер всевозможные развлечения. Но он больше не повторял своей просьбы «побыть с ними еще немного». И Кеттрик не напоминал ему об этом.

Из расспросов местных жителей выяснилось, что Сери не торговал с этими гуррианами. Они приезжали к кораблю Кеттрика с повозками и корзинами, доверху наполненными товаром — тонкоткаными материями, резными изделиями из редких сортов деревьев, сделанными с удивительным мастерством и изяществом. Особо ценилась в созвездии кожа гуррианских речных змей, которая шла на изготовление обуви и дамских сумочек.

Бокер предположил:

— Похоже, туземцы на самом деле не торговали с Сери. Может, они расплачивались с твоим дружкой как-то иначе?

— Ты имеешь в виду наркотики? — спросил Кеттрик. Он знал, что местные жители изготавливали особый вид наркотика, применяемый на Гурре в некоторых религиозных обрядах. Космическая полиция не обращала на это внимания, но торговлю этим зельем категорически запрещала.

Сери запросто мог заниматься контрабандой этого наркотика — он весьма ценился в созвездии. Только что он предложил туземцам в обмен? В деревне на первый взгляд не было заметно ничего нового и необычного.

Бокер выслушал его соображения и в сомнении покачал головой:

— Веллан сказал, что Сери запросил за свой товар слишком высокие цены. Так что, может, они просто не сговорились и до торговли дело не дошло.

Он взлохматил пятерней свою серебристую гриву и добавил:

— Одного не могу понять — зачем же Сери тогда прилетал на Гурру. Сам знаешь, твой приятель не очень-то любит отрывать зад от домашнего кресла. А тут такой дальний перелет... Рынок этой планетки вряд ли стоит того.

На четвертый день визита Бокер сообщил, что все наладочные работы завершены и корабль готов к полету.

— Развлекись, поторгуй тут вместо меня, — предложил Кеттрик.

— Куда-то уходишь?

— Надо задать кое-кому пару вопросов. — Кеттрик нахмурился, чувствуя себя несколько неловко. — А вам троим не стоит далеко уходить от корабля. Как знать, быть может, придется срочно взлететь.

— Хм-м, — только и произнес Бокер. — Наконец и до тебя дошло.

— Что дошло?

— Не знаю, — признался Бокер, — в том-то и дело. Но я не слишком доверяю твоим друзьям-коротышкам, Джонни. Они какие-то странные... — И он наклонился поближе к Кеттрику. — Глеван говорит, что здесь что-то не чисто, а у этого парня отличный нюх на всяческие неприятности. — Бокер улыбнулся, но глаза его оставались серьезными. — Ты держи ухо востро, ладно?

— Договорились.

Кеттрик пошел прочь от корабля, пробираясь через ярмарочную толкотню повозок и скопление палаток, которые понаставили гурриане возле ржавого корпуса «Греллы». Грузовой люк судна был открыт, подъемник стонал под весом загружаемых и выгружаемых товаров. Это было обычное, очень мирное зрелище, и столь же мирными и спокойными казались дремлющие в тенике туземцы. Неужто следует опасаться этих бесхвостых кроликов? Кеттрик усмехнулся при мысли об этом. Бояться старину Веллана — это надо же до такого додуматься! И все же для очистки совести стоит поговорить с ним, а затем уже отправляться в путь.

Чайт вышла из тени небольшой лавки и бесшумно последовала за ним.

Аллея из деревьев с пурпурной листвой и крупными белыми цветами дарила приятную прохладу. Кеттрик шел по хорошо утоптанной тропинке, вдыхая ароматы пряных трав. И появление Ниллейн, идущей навстречу со стороны деревьев, показалось вполне естественным.

— Джонни! — с радостной улыбкой закричала она. — Я как раз иду к тебе. — На ее тонкой шее развевался пестрый шелковый шарф — подарок Кеттрика, а в пышных волосах были заколоты цветы. — Неужели торговля закончена?

— Еще нет, — ответил Кеттрик. — Мне просто захотелось немного побродить. Давно я здесь не был.

Девушка игриво блеснула янтарными глазами.

— Я с удовольствием прогуляюсь с тобой. — Заметив огромную серую фигуру тхеллы, она попросила: — О Джонни, отправь Чайт обратно, пожалуйста. Я боюсь ее.

Кеттрик пожал плечами и приказал тхелле возвратиться. Та послушно развернулась и пошла обратно к кораблю. Ниллейн содрогнулась, провожая Чайт глазами.

— Она такая огромная, злая и печальная... Почему? Я не могу смеяться в ее присутствии. — Ниллейн взяла Кеттрика за руку. — Куда мы пойдем?

— Куда хочешь. Но прежде я поговорю с твоим отцом.

— О Джонни, извини, но отец поехал в Третью деревню. — Девушка говорила о поселении на третьем изгибе реки вниз по течению. — Он вернется до заката. Тогда и поговорите.

— Ах вот как? Ну, в таком случае у меня нет выбора. — Кеттрик был раздражен, будто Веллан сделал это преднамеренно, чтобы избежать встречи с ним. Конечно, это глупости. Веллан не мог знать о его приходе.

Они шли вдоль аллеи деревьев. Ниллейн держала его за руку, как в былые времена, и он подстраивал свой шаг под семенящую походку ее маленьких ножек, обутых в сандалии.

Деревня дремала в полуденной жаре. Из раскрытых дверей тростниковых хижин доносились запахи приготовляемой пищи. Несколько детей играли на улице с забавным ящероподобным животным. Возле Высокого Дома было непривычно пусто. Кеттрик и Ниллейн пересекли деревенскую площадь и вошли в широкий пыльный переулок, который постепенно перешел в тропу, уходящую в густые джунгли и ведущую в соседний поселок.

Деревня в этот день казалась Кеттрику необычно тихой, будто большинство жителей покинули свои жилища или сидят внутри, затаившись и выжидая чего-то. Впрочем, скорее всего они все возле корабля. Хотя нет. Жители этой деревни уже распродали весь свой товар, гурриане, окружающие сейчас «Греллу», пришли из более удаленных мест. Странно...

Ниллейн беспечно болтала, вприпрыжку шагая рядом, и засыпала его вопросами. Обо всем сразу — о нем самом, о Земле, о Тананару. О том, что он делал последние годы, и о том, чем он собирался заняться.

— Что ты будешь делать в созвездии, Джонни?

— То же, что и всегда. Торговать.

— Но если они найдут тебя... То есть таможенная полиция. Кто-нибудь может тебя выдать.

Вместо ответа Кеттрик рассмеялся.

— А если ты снова встретишь Сери? — не унималась девушка. — Ты только чудом разминулся с ним. Сери не донесет?

— Нет, не волнуйся, — успокоил ее Кеттрик и свернул из переуллка на узкую тропинку, ведущую в джунгли. Их сразу же обступили деревья, погрузив в глубокую тень, которую пронизывали редкие оранжевые лучи, колеблющиеся вместе с движением ветвей. Вскоре тропинка свернула к высоким холмам.

Ниллейн отпустила его руку и некоторое время шла молча, пританцовывая, словно яркая пестрая бабочка, случайно залетевшая под мрачный полог деревьев.

— Сери не донесет, — продолжил после некоторого размышления Кеттрик. — Он мой друг, ты ведь знаешь.

— Да.

— И я на него не донесу.

Девушка обернулась и пристально взглянула на него.

— А о чем ты мог бы донести?

— Скажем, о том, чем Сери занимается здесь, на Гурре.

Ниллейн остановилась около цветущей виноградной лозы, грациозно обвивавшей могучий ствол дерева.

После напряженной паузы она тихо произнесла:

— Джонни, о чем ты? Сери торгует с нами, так же как и ты.

— Совсем не так, иначе после него мне здесь делать было бы нечего.

Девушка смущенно рассмеялась.

— Верно.

— Ниллейн, скажи правду — что покупает на Гурре этот пройдоха? Наркотики? Или маленьких девчонок, которым хочется повидать далекие миры?

Девушка смущенно отвела янтарные глаза.

— Мне не велели говорить об этом.

— А, вот в чем дело... Ну а как же мне уговорить тебя рассказать правду?

— Я жадная, — и девушка протянула к нему обе руки. — Я хочу сиять и блистать, так, чтобы все мужчины оборачивались мне вслед и чтобы музыка звучала при каждом моем шаге.

— Все, что хочешь, моя милая. Я наряжу тебя так, как не снилось ни одной женщине в созвездии. Все девушки в деревне возненавидят тебя и будут плакать от зависти.

Ниллейн рассмеялась и закружилась на месте.

— О, мне это очень понравится! — Она подпорхнула к нему и потянула за руку, словно проказливый ребенок. — Тогда пошли! Я покажу тебе все. Только обещай, что не скажешь ничего папе.

Кеттрик охотно пообещал, и они направились туда, где дорожка раздваивалась. Там Ниллейн свернула направо и повела его к узкому оврагу с каменистым, обкатанным

водой дном. Овраг резко уходил вверх по склону холма, постепенно расширяясь. Деревьев становилось все меньше, и вскоре, оглянувшись, внизу уже можно было увидеть зеленое море джунглей.

Солнце обрушивало на них свои палящие лучи, и лишь порывистый ветер дарил путникам немного прохлады. Несколько раз Кеттрику показалось, что он заметил какое-то движение за соседними деревьями, как будто на склоне холма находился кто-то еще. Но возможно, это ему только показалось.

Наконец они поднялись на вершину, а затем спустились в уютную котловину, с трех сторон защищенную лесом и соседними холмами. Дно котловины было плоским, выложенным многоцветными камнями, создававшими нечто вроде мозаичного панно со сложным рисунком. Котловину окружали высокие деревянные статуи, изображающие местных божков.

Кеттрик озадаченно осмотрелся по сторонам.

— Зачем ты привела меня сюда?

Ниллейн остановилась возле одной из статуй.

— Знаешь, где мы?

— Кажется, это Долина Женщин?

Девушка кивнула и облокотилась на деревянное изображение женоподобного божества, прижимавшего к своим пышным грудям снопы колосьев.

Кеттрик озадаченно посмотрел на свою внезапно посуровевшую подругу.

— Зачем ты привела меня сюда, Ниллейн?

— Мы хотим дать тебе шанс, Джонни.

— Шанс? Ты о чем? Тот шанс, о котором намекал Веллан в первый же день нашей встречи?

Девушка прислонила свою изящную головку к темному полированному дереву.

— Мой отец — доверчивый человек. Он не знал, что ты лжешь.

— Лгу?

— Ну, о том, что вернулся в созвездие торговать. Сей-

час у тебя был всего один шанс сказать мне правду, но ты опять солгал.

— Пусть так, — после некоторого раздумья согласился Кеттрик. — Предположим, я солгал. А тебе-то что?

— Мы любим тебя, Джонни, и хотим, чтобы ты жил. Останься с нами на некоторое время. В деревне ты будешь в безопасности. А когда все закончится, ты сможешь улететь, куда захочешь.

Кеттрик облизнул внезапно пересохшие губы и спросил:

— Что закончится?

Внезапно разозлившись, Ниллейн закричала:

— Перестань обращаться со мной как с ребенком! Я уже женщина, хотя по-прежнему намного меньше тебя ростом! Ты следил за Сери. Ты хотел, чтобы я рассказала, что он делал здесь. Сери предупреждал нас, что за ним могут следить, он говорил, что некоторые люди могут попытаться остановить ЭТО. Другого он убил бы сразу же, но ты — его друг...

Солнце жгло Кеттрику спину. Он чувствовал, как вдоль позвоночника ползут змейки пота, а во рту отчаянно сохнет. «Кажется, я попал в серьезную передрыгу», — подумал он и попытался изобразить на лице недоуменную улыбку.

— Ты неправа, Ниллейн. Я спросил о Сери из чистого любопытства. Да, на Гурру я прилетел не только ради одной торговли. Ваша планета — лишь одна из остановок на пути к Белому Солнцу. У меня там есть важное дело. Именно из-за него меня некогда арестовали и выслали за пределы созвездия. А Сери... мне все равно, чем занимается этот пройдоха. Пусть даже у него трюмы ломятся от наркотиков, а в кармане спрятан ключ к «Роковой Звезде»...

Глаза девушки тревожно блеснули, но он поспешно продолжал, притворяясь, что ничего не заметил.

— Я хочу закончить дело, которое некогда начал на Белом Солнце. Оно принесет мне большие деньги, Ниллейн. Миллион кредитов. И тогда я навсегда покину созвездие.

— Деньги... — сказала она и рассмеялась. — Жаль,

ведь я уже почти поверила тебе. Выходит, тебе все равно, есть ли у Сери в кармане ключ к «Роковой Звезде». Отлично. Тогда останься на Гурре, Джонни. Белое Солнце никуда не убежит. Все подождет. А когда все закончится, ты полетишь, куда захочешь, и никакой Звездный Патруль тебя не остановит.

Она сделала шаг к Кеттрику.

— Ты останешься?

Ниллейн, казалось, умоляла его. Ее глаза горели любовью и надеждой, руки робко потянулись к нему. Кеттрик криво улыбнулся и покачал головой:

— Нет.

Он повернулся, чтобы покинуть долину, но внезапно на склонах окрестных холмов и среди деревьев появились десятки гибких фигурок. Это были деревенские женщины, волосы которых были украшены яркими цветами, а в руках сверкали острые ножи.

ГЛАВА 10

Они заполняли небольшую долину, словно пестрые листья, гонимые ветром, и вскоре окружили Кеттрика со всех сторон. Он невольно отступил под этим угрожающим напором.

— Эй, красавицы, сейчас не время жертвоприношений! — воскликнул он.

Он знал, что каждый год женщины выбирали жертву из молодых мужчин, заманивали его в это место и совершали над ним жуткий и кровавый обряд. По местным верованиям, таким образом можно было задобрить богов, чтобы те заставили сады вновь плодоносить, а поля — давать богатый урожай. Но такое происходило весной, а сейчас был конец лета, хотя в этой благословенной стране все сезоны казались одинаковыми.

Ниллейн ответила:

— Это не жертвоприношение, Джонни, но этим может закончиться. — Она снова подошла к грудастому божеству, прислонилась к нему спиной и посмотрела на Кеттрика серьезно и безжалостно. — Мужчинам не всегда можно доверять, Джонни.

Кеттрик наблюдал за приближающимися женщинами и постепенно отступал к Ниллейн. Воздух наполнил шорох травы под их ногами и шелест юбок. Ему было и смешно, и страшно. Женщин было пятьдесят или шестьдесят, и у каждой в руке сверкал нож.

— Чем я вас так разгневал, Ниллейн? — спросил он.

— Ничем. Но мы думаем о судьбе нашей деревни. Сери обещал, что Звезда Смерти никогда не вспыхнет в нашем небе.

— Ах вот в чем дело... Но есть другие миры, другие деревни и другие люди.

— Я не знаю их. Почему чужаков нужно жалеть?

— Отпусти меня, Ниллейн. Я могу остановить Сери, и Звезда Смерти вообще никогда не засияет!

Девушка с сожалением покачала головой.

— Дело не в одном Сери. Звезду Смерти зажигают очень много могущественных людей, и остановить их нельзя. Так нам объяснил твой друг. Нет, Джонни. Мы заботимся только о своей безопасности. Когда в созвездии многие умрут, мы станем сильными, сильнее, чем гурриане с западного материка. Так нам обещали.

— И как же именно вы станете сильными? — нервно усмехнувшись, спросил Кеттрик и так быстро схватил девушку за руку, что она не успела отпрянуть. Яростно вскрикнув, она вонзила зубы и ногти в его запястье, вырываясь, словно попавшее в ловушку животное. Но Кеттрик легким ударом в шею заставил девушку замолчать. Подняв ее на руки словно безжизненную куклу, он предупредил наступающих на него женщин:

— Начнете метать ножи — попадете в Ниллейн.

Деревенские женщины остановились и озадаченно пере-

глянулись. Наверное, впервые в этой священной долине мужчина осмелился оказывать им сопротивление.

— Чайт! — крикнул он. — Чайт!

Женщины ответили дружными воплями. Они требовали, чтобы он положил Ниллейн, а несколько старух бросились к нему, размахивая ножами. Но Кеттрик выставил вперед тело Ниллейн словно живой щит и медленно начал отступать.

— Чайт!

— Хроо!

Краем глаза он заметил, как преданная тхелла выскочила из-за деревьев. Они встретились возле изваяния беременной женщины с гирляндой деревянных фруктов на шее.

Женщины замерли, испуганно глядя на Чайт. Она тихо рычала, тоже не спуская глаз с деревенских амазонок.

— Убить, Джон-ни?

— Только в случае крайней необходимости.

Женщины загалдели, размахивая руками в яростном споре. Они решали, что делать. А Кеттрик обернулся и с сожалением отметил, что до деревьев было далеко, а до поселка еще дальше. Он стал всерьез бояться, что ему не выпутаться, и еще крепче прижимал к себе Ниллейн.

— Ударить? — спросила Чайт.

— Ударить, — кивнул он. — Не мешает поломать пару изящных ручек этим ведьмам.

Чайт зарычала и, наклонив голову, неторопливо пошла вперед. Ниллейн неожиданно очнулась и, завизжав, начала отчаянно извиваться в руках Кеттрика. Пришлось не очень вежливо успокоить ее. В это время женщины завопили и плотной толпой двинулись вперед, выставив перед собой ножи.

Чайт подскочила к одному из деревянных идолов и, обхватив ее мускулистыми руками, раскачала и выдернула из земли.

— Большая палка, — сообщила тхелла и начала со свистом размахивать над головой идиолом, словно дубиной, отгоняя разъяренных женщин.

Тхелла была в два раза выше туземок, а деревянная скульптура имела в длину восемь или девять футов. Атакующие, получив несколько чувствительных ударов, с воплями бросились врассыпную. Некоторые упали на землю с плачем и стоном. Чайт вернулась к Кеттрику, тяжело дыша. Женское войско, расколовшееся на небольшие группы, стояло поодаль, глядя на них с бессильной яростью. Те, что посмелее, попытались было вернуться, чтобы помочь раненым, но Кеттрик остановил их.

— Оставьте нас в покое, иначе я сверну шею Ниллейн!

Он поднял девушку над головой и потряс ее маленькое тело, чтобы амазонки с ножами в руках поняли всю серьезность угрозы. Потом он прошептал Чайт:

— Давай уносить ноги, пока не поздно.

И они побежали к лесу. Чайт тащила на плече деревянного божка, а Кеттрик — девушку.

Наконец над ними сомкнулись кроны деревьев. Кеттрик поудобнее перехватил Ниллейн и большими прыжками помчался по склону. Сердце его колотилось, к горлу подступала тошнота.

Миновав овраг, они вступили в джунгли. Маленькое тело Ниллейн болезненно давило на плечо, распущенные волосы щекотали шею. Но Кеттрик почти забыл о своей плачущей ноше. Перед его глазами мелькал силуэт корабля, в мозгу была только одна мысль — добежать. Но самым главным был страх, и вовсе не за свою жизнь.

Звезда Смерти. «Не волнуйся об этом, Джонни. Это всего лишь миф».

Ниллейн вновь стала с силой вырываться из его рук. Придется еще пару раз стукнуть ее, подумал Кеттрик, но сейчас все его внимание было приковано к дороге, конца которой, казалось, не было.

Чайт завывала, и Кеттрик почувствовал внезапный удар в спину, сопровождающийся пронзительной болью. Ниллейн отчаянно закричала.

— Что за черт? — пробормотал на ходу Кеттрик, чувствуя, что ноги перестают его слушаться.

Его затрясло, и он замедлил шаг. Ниллейн разрыдалась, бессильно повиснув на его плече. Закинув за спину свободную руку, он нащупал что-то жидкое и липкое. Это была кровь — его кровь.

Чайт протянула ему окровавленный нож.

— Не ранила глубоко, — сказала она. — Я вижу.

И тогда Кеттрик понял, что Ниллейн достала припрятанный нож и хотела убить его, но Чайт успела выбить оружие из рук девушки. Кеттрик остановился и на всякий случай обыскал Ниллейн. Девушка не сопротивлялась и лежала безучастно, подавленная горем. Убедившись, что у нее больше нет при себе оружия, спрятанного в складках голубого шелкового платья, Кеттрик снова поднял ее и продолжил путь, хотя каждый шаг давался ему с большим трудом.

Наконец они вышли на широкую тропу, ведущую через джунгли. Кеттрик остановился и, хрипло дыша, сказал тхелле:

— Нам нельзя идти через деревню. Еще не хватало, чтобы на нас набросилось все мужское население. Ты не знаешь обходного пути?

Чайт бросилась вперед. Вскоре она скрылась из виду. Кеттрик пошел помедленнее, поминутно оглядываясь, — он опасался ножей деревенских амазонок. В его распаленном воображении возникла жуткая картина: он лежит на жертвенном камне, а старуха с всклокоченными волосами и ритуальной маской на лице заносит над ним каменный топор... А кругом ласково шумят пурпурные деревья, осыпая его своими благоухающими лепестками.

Чайт вернулась и приглашающе кивнула. Кеттрик последовал за ней туда, где джунгли казались совсем непроходимыми, но вскоре беглецы вышли на узкую тропинку, спрятавшуюся в зарослях. Тропа, кажется, вела в нужном направлении — к посадочной площадке корабля, но в обход деревни. Дорожка производила странное впечатление — казалось, здесь давно никто не ходил, и тем не менее кто-то явно не давал ей зарости.

Они пошли по тропе. Чайт пришлось волоочь свою ду-

бинку по земле, потому что иначе она цеплялась за ветви деревьев. Тхелла давно бросила бы ее, но Кеттрик не разрешил. Кроме маленького ножа Ниллейн, статуя божка была их единственным оружием.

Когда они почти подошли к деревне, им встретилась небольшая поляна. На ее краю стояло приземистое строение из пластика, глубоко осевшее в землю. Казалось, что совсем недавно его стены были покрыты выющимися растениями и мхом, но кто-то не очень тщательно очистил фасад. На ржавой металлической крыше уютно лежало птичье гнездо из сухих веток.

Кеттрик сглотнул. Это построили не туземцы. Но кто же? И зачем? Может быть, Сери прятал здесь установку, с помощью которой его хозяева собирались «отравить» очередную звезду?

Кеттрик поставил Ниллейн на землю. Девушка пошатнулась, так что пришлось ее придержать за плечи.

— Куда чужаки отправили то, что хранилось в этом сарае? На какое солнце?

— Не знаю. Сери не сказал. — И тут Ниллейн истерично выкрикнула: — Тебе не остановить их! Как ты можешь сделать это, если никто не знает, куда Сери отправился?

Девушка закрыла лицо руками и беззвучно заплакала. Кеттрик с проклятием вновь взвалил ее на плечо, и они продолжили путь.

Кеттрик теперь уже не сомневался, что тропа вела к посадочной площадке, так оно и оказалось. Пройдя через густые колючие заросли, они неожиданно вышли из джунглей. В полумиле на запад они увидели ржавую громадину «Греллы». Возле нее было пустынно — торговцы уже свернули свой импровизированный лагерь и разъехались.

— Отпусти меня... — попросила Ниллейн.

Кеттрик покачал головой.

— Позже, моя милашка.

Они с Чайт направились через посадочную площадку, пересекая старые черные выжженные следы других кораблей, спотыкаясь об оплавленные камни и груды покрытого

травой шлака. Не прошли они и нескольких десятков шагов, как со стороны деревни донесся гомон множества возбужденных голосов. Им наперерез торопилась большая толпа туземцев, угрожающе размахивающих палками, ножами и камнями. Конечно, их оружие было крайне примитивным, но при таком численном превосходстве аборигены даже Чайт мигом бы разодрали на куски.

Проклиная все на свете, Кеттрик побежал к кораблю. Впереди него большими прыжками неслась тхелла. Им лишь ненамного удалось опередить разъяренную толпу. Но даже издали было видно, что трюмы корабля наглухо задраены. Набрав полные легкие воздуха, Кеттрик отчаянно закричал и сделал последний, решающий рывок.

Без Ниллейн он мог бы бежать быстрее. Но он прижимал девушку к груди, как последнюю надежду. Люк «Греллы» распахнулся навстречу ему, из корабля на землю спрыгнули Бокер и Хурт со стуннерами в руках и открыли стрельбу по толпе.

Аборигены сразу же начали в панике разбегаться. Несколько парализованных остались лежать на траве. Кеттрик остановился и со вздохом облегчения поставил Ниллейн на землю.

— Вы никогда не будете сильнее, чем ваши сородичи с западного полушария, — тяжело дыша, сказал он. — Потому что у вас птичьи мозги и холодная кровь, словно у ящериц.

Девушка, казалось, не слышала его, она только шептала:

— Ты погубил нас, Джонни. Ты всех погубил.

Чайт отшвырнула в сторону деревянного божка и взбежала по трапу в корабль вслед за Кеттриком. А Ниллейн, пошатываясь и рыдая, пошла в сторону деревни. Ее голубое платье было порвано, волосы всклокочены, на руках краснели кровавые ссадины. Нагнувшись, она сняла с лежащего в пыли божка ожерелье из деревянных фруктов и побрела дальше, опустив голову и приволакивая ноги, словно старушка.

Бокер и Хурт захлопнули люк. Прозвучал предупреди-

тельный сигнал. Кеттрик стоял возле иллюминатора, ощущая, что его глаза горят от едкой влаги. Ниллейн...

Создатели «Роковой Звезды» отравляли не только солнца.

ГЛАВА 11

И снова прыжок через космическую бездну, и снова оглушающая жара, натужный рев и стон двигателя. Бокер начал прыжок задолго до того, как «Грелла» отошла от Гурры на положенное расстояние, словно торопился поскорее уйти от этого негостеприимного мира. Когда корабль оказался в гиперпространстве, Бокер смог спокойно заняться раной на спине Кеттрика. Остальные члены экипажа отдыхали в своих противоперегрузочных креслах. Глеван выглядел мрачным и задумчивым, а Хурт был просто перепуган. Немудрено, Кеттрику ничего не оставалось, как рассказать им про «Роковую Звезду» и истинную цель своей космической одиссеи.

— Эти чертовы туземцы хотели выманить нас из корабля, — сказал Бокер, наверное, уже в третий раз, смазывая рану Кеттрика противовоспалительным раствором. — Приглашали на пир, якобы отметить удачно завершившуюся торговлю. И мы бы пошли, если бы ты не предупредил. Они выглядели такими милыми и добрыми. И все равно я чувствовал, что здесь что-то не то...

Кеттрик вздрогнул от укола — Бокер использовал антибиотик.

— До сих пор не могу поверить, что у этих кроликов оказались волчьи зубы, — признался он.

— Они могли всех нас убить! — нервно воскликнул Глеван, не спуская возбужденного взгляда с Кеттрика. — Ясно, их надоумил твой дружок Сери. «Роковая Звезда» у него.

Кеттрик возразил:

— Мне кажется, что у Сери только ее часть. Я видел хи-

жину, где ее прятали. Домик был невелик, и я сомневаюсь, что солнца можно «травить» с помощью такой маленькой установки.

Глеван тяжело вздохнул:

— Кто знает — быть может, для того, чтобы убить звезду, много и не надо.

— Заткнись, нытик, — рассердился Хурт. — А вот я уверен, что установка, которую Джонни называет «Роковая Звезда», должна быть огромной. — Он взъерошил свою серебристую гриву и нервно рассмеялся. — Вот уже и я говорю об этой проклятой игрушке как о чем-то реальном, а всего несколько часов тому назад совершенно не верил в ее существование.

— И я до конца не верил, — признался Кеттрик. — И только в Долине Женщин понял — все это не досужие сплетни. — Он подумал о Сери, который обогнал их в космосе, везя в своем корабле смертоносный груз, и его охватила ярость.

— Этот подонок прикрывался моим именем, — зло сказал Кеттрик. — Используя мою дружбу с этими простодушными людьми, сумел обмануть их и запугать. Интересно, из скольких еще моих друзей в созвездии он сделал своих пособников?

— Наверное, из многих, — ответил Бокер. — Неглупо задумано. Хозяева «Роковой Звезды» не могли хранить в одном месте все части этой установки — это было бы слишком опасно, ее легко было бы найти. Бьюсь об заклад, что их тайники разбросаны по всему созвездию.

Бокер закончил перевязку и начал аккуратно укладывать медикаменты в аптечку.

— Примитивные людишки — как просто оказалось ими манипулировать... — пробормотал Кеттрик. — Никакой науки, куча предрассудков и наплевательское отношение ко всему, что находится за околицей деревни. И горячее желание иметь все, не ударив при этом и палец о палец... Сери обещал дать им все, одновременно угрожая уничтожить Гурру, если они откажут ему в помощи. «Звезда Смерти ни-

когда не засияет в нашем небе», — сказала Ниллейн... Недурная цена за то, чтобы туземцы спрятали в джунглях какие-то механизмы до тех пор, пока они не понадобятся Сери и его людям.

Здесь все ясно. Но что движет Сери? Человек он богатый и благополучный...

— Гордость? — предположил Глеван. — Величайший из всех грехов. Сери и его сообщникам кажется, что великая разрушительная сила сделает их подобными богам.

— Очень может быть, — кисло согласился Хурт. — Хотя я бы не стал сбрасывать со счетов элементарную жажду власти — а уж эта история древняя, как мир... Но меня заботит другое — что мы будем делать дальше?

В салоне звездолета наступила тишина — все озабоченно глядели друг на друга.

— Я согласен с Джонни, — первым нарушил молчание Хурт. — Куда бы ни направлялись они с этой дьявольской установкой, цель у них одна — провести еще одну демонстрацию силы, а затем взять наше созвездие за горло.

— И кто это — они? — спросил Бокер.

— Ну одного мы знаем — Сери Отку. Так что же будем делать? Вмешаемся или останемся в стороне? Лично я боюсь за свою драгоценную шкуру. Как знать, быть может, мы выйдем из прыжка возле Твейна, а солнце-то уже отравлено!

— Э, брось, то же самое может произойти в любом другом месте, — недовольно отозвался Бокер. Он мерил шагами обшарпанный пол салона, по его обнаженной груди и спине стекали ручьи пота. — Но в чем-то Хурт прав. Может, нам лучше вернуться обратно на Тананару? Что ты думаешь, Джонни? Сообщим о Сери, кому надо, и пусть власти ломают себе голову. Кто мы такие, чтобы взваливать на свои воровские плечи мировые проблемы?

Кеттрика мучала несколько иная проблема — как сообщить Секме обо всем, что им удалось узнать? Во время прыжка космическая связь не работала, а на таких отсталых мирах, как Гурра или Твейн, гиперпередатчиков просто не

существовало. Они поддерживали связь с другими мирами в пределах созвездия с помощью время от времени прилетающих к ним торговых судов. На Гурре других торговцев сейчас не было — это они выяснили, связавшись по радио с космопортом западного полушария. Встретятся ли им купцы на Твейне? Кто знает. В любом случае, связь с Секмой оставалась главной нерешенной проблемой.

Наверное, лучше на самом деле вернуться на Тананару, найти Секму или кого-то другого из руководителей космической полиции...

Кеттрик покачал головой. Нет, это займет слишком много времени. Тогда у них уже не будет никаких шансов остановить Сери. «Звездная Птица» уйдет далеко в космос — и они даже приблизительно не знают, куда она направляется. Сейчас же еще есть возможность выследить ее...

— Твейн, Кирнаноку, Трейс... Сери мог выбрать любую из этих планет, — сказал Бокер. — Черт побери, все они — такое дерьмо...

— Сери вообще может полететь куда угодно, — возразил Кеттрик. — Мы знаем только то, что он официально перечислил эти миры в своем полетном листе.

Хурт не согласился:

— Но он обязан следовать этим курсом! Иначе космическая полиция начнет интересоваться, почему он отклонился от заявленного маршрута.

— Космическая полиция? — переспросил с усмешкой Кеттрик. — Когда дело будет сделано, никакой полиции не останется и в помине.

— Верно... — пробормотал Хурт. Казалось, эта мысль потрясла его даже больше, чем все остальное.

Глеван напомнил, что Сери и его команда наверняка вооружены мощным оружием.

— У нас есть одно преимущество, — сказал Кеттрик. — Сери не знает, что мы преследуем его... если мы действительно собираемся сделать это. Он даже не знает, что я жив. И даже Секма не знает этого...

Бокер немедленно перестал расхаживать по салону. Все с удивлением посмотрели на Кеттрика.

— Секма? — спросил Бокер. — Ну и дела! А я думал, что эта полицейская ищейка повсюду гоняется за тобой.

Кеттрик про себя чертыхнулся, поняв, что проговорился.

— Не совсем так... Именно по его наводке Служба безопасности Земли смогла повесить на меня это дело.

Потом Бокер с хмурым видом произнес:

— Вот уж никогда бы не подумал, что ты снюхаешься с полицейскими! И все же кое-что мне неясно. Секма знал, что ты в созвездии, он сам прислал тебя, и ты все равно рвался на Белое Солнце?

— Да. Это одна из причин, по которой я не против был выпасть из поля зрения Патруля после взрыва лодки. Я ничего не сообщил Секме, и он не знает, что я жив.

Теперь уже Кеттрик начал нервно вышагивать по салону под внимательным взглядом остальных членов экипажа. Обстановка явно накалялась.

— Вы имеете полное право чувствовать себя обманутыми, — сказал он. — И я готов покаяться и посыпать голову пеплом. Да, я умолчал о своей сделке с Секмой. Но я вовсе не собирался впутывать вас в это темное дело с «Роковой Звездой»! Моей задачей было воспользоваться удобной ситуацией, вернуть свою торговую лицензию и заодно завершить дельце на Белом Солнце, сулящее миллион кредитов. Можете, если хотите, назвать меня двурушником — что делать, уж такой я человек. Я готов хоть сейчас лететь на Белое Солнце и выполнить свое обязательство перед вами. Но... — Он остановился и повернулся лицом к своим спутникам: — Но «Роковая Звезда» оказалась не пустым мифом. Честно говорю — мне стало страшно. Больше всего мне хочется поскорее вернуться на Тананару и первым же кораблем улететь на Землю. Но в том-то и дело, что я не могу.

— Почему, Джонни? — мягко спросил Бокер.

— По двум причинам. Сери и Белое Солнце. Именно в этом порядке. Не могу заставить вас лететь со мной. Не осмеливаюсь даже просить об этом. Мне только нужно, чтобы

вы доставили меня на Кирнаноку. А там я возьму другое судно...

— Сери... — задумчиво пробормотал Бокер. — И Белое Солнце?

— А почему нет?

— Но Сери в первую очередь?

— Конечно. Я остановлю этого мерзавца любой ценой, даже ценой собственной смерти! — Кеттрик почувствовал, что кричит каким-то неприличным мелодраматическим тоном, но ему было наплевать. — Он убил Хиту. Попытался убить меня и Чайт. А теперь собирается уничтожить ради своих амбициозных целей миллионы людей, используя для этого моих друзей, мое имя... — У Кеттрика перехватывало дыхание от ярости. — Но когда я разделаюсь с Сери, я навещу криннов на Белом Солнце. Почему бы не совместить приятное с полезным, раз уж я оказался в созвездии?

— Ты оптимист, Джонни, — с сомнением покачал головой Бокер. — Ты говоришь: надо остановить Сери. Как будто на этом все кончится! Это все равно что сказать: я вышел из корабля, сделав только шаг по трапу. Сери — лишь часть проблемы. Ты ведь не знаешь, сколько людей участвует в этом проекте и каковы их возможности. Думаешь, что сумеешь справиться со всем этим, даже с нашей помощью?

Кеттрик не ответил. Неожиданно подал голос Хурт:

— Похоже, у нас нет другого выхода. Надо попробовать, раз уж мы благодаря Джонни вляпались в это дерьмо.

Бокер посмотрел на него, потом на Глевана.

— Это будет знатная драка, — ухмыльнулся Глеван. — Может, мы и проиграем, но по крайней мере не будем чувствовать себя трусами, бежавшими с поля боя.

— Конечно, не хотелось бы чувствовать себя трусом, — согласился Бокер, смахнув с лица капли пота — в салоне было по-прежнему очень жарко. — В этом-то все дело. Ну, и как ты себе это представляешь, Джонни?

Кеттрик задумался.

— Я знаю не больше вашего. Все, что мне известно, — это то, что Сери везет на борту «Звездной Птицы» часть ус-

тановки «Роковая Звезда», с помощью которой в самое ближайшее время будет «отравлено» какое-то солнце с обитаемыми планетами. Может, по пути он подберет другие части этой установки. — Джонни снова принялся нервно вышагивать по салону, пытаясь собраться с мыслями, что в такой духоте было совсем не легко. Чайт обеспокоенно наблюдала за ним из угла, где она растянулась на полу, высунув язык и тяжело дыша.

— Если бы нам удалось догнать Сери... «Звездная Птица» быстрее «Греллы», но чудеса иногда случаются.

— Да уж, — хохотнул Глеван, — маленькое чудо нам бы не помешало. Но вряд ли оно поможет старому и ржавому корыту, которому самое место на свалке. Такие заслуженные развалины никогда не становятся космическими ястребами. Кстати, надо пойти и взглянуть на приборы.

С этими словами он встал и вышел из салона.

— На Кирнаноку, — продолжал Кеттрик, — есть пост Звездного Патруля. Там нам могут помочь.

Бокер и Хурт сразу повеселели.

Корпус корабля внезапно содрогнулся, глухой вой гипердвигателя резко изменил свой тон.

Бокер подскочил к коммуникатору и рывкнул:

— Глеван, черт тебя раздери! Если ты взорвешь установку, я тебя и в аду достану!

Зазвучал приглушенный голос Глевана:

— Не волнуйся, капитан, я хочу сделать небольшое чудо, и только. Но пока не с «Роковой Звездой», а с нашим замечательным и едва живым двигателем.

Бокер укоризненно покачал головой, но ничего не сказал. Он знал — у Глевана золотые руки, и без его мастерства «Грелла» вряд ли могла бы даже взлететь. Он подошел к маленькому настенному шкафчику и извлек из него пластиковую бутылку. Откупорив ее, сделал пару глотков, а затем передал бутылку товарищам.

Сообща они выпили все до дна. Всем хотелось хотя бы на время забыться. Но, увы...

Кеттрик сидел в кресле, закрыв глаза, и думал о Ларис.

Неужели она знала о том, что Сери собирается уничтожить целую планетную систему, убить миллионы разумных существ? Не могла не знать... Все это просто не укладывалось в голове.

Глеван на самом деле сделал маленькое чудо. «Грелла» со стонами и скрипами во всех своих железных суставах все-таки ухитрилась выйти из гиперпространства. Сердца астронавтов бешено колотились от перегрузки, глаза были прикованы к счетчику радиации. К счастью, показания были в пределах нормы.

Старое и красное солнце Твейна тяжело катилось по своей галактической орбите, печально и гордо встряхивая огненной гривой.

«Грелла» совершила головокружительный разворот и помчалась к третьей, холодной планете, мерцающей в бархате космоса своей поразительной снежной белизной.

ГЛАВА 12

Еще задолго до посадки стало ясно, что «Звездной Птицы» здесь нет. На этой планете была всего одна посадочная площадка, и локаторы не обнаружили на ней ни единого корабля. «Грелла» тяжело опустилась на свои потрепанные посадочные опоры. Джонни показалось, что сквозь клубы пыли и дыма он заметил неподалеку на поле след недавнего приземления.

Люк открылся, Кеттрик с Бокером вышли из корабля и остановились в ожидании. Хурт и Глеван остались на борту и тут же принялись за ремонт агрегатов «Греллы», не выдержавших длительный прыжок через гиперпространство. А Чайт, выскочив на заснеженное поле, начала носиться взад и вперед с радостным лаем, словно гончая, выпущенная из псарни. Кеттрик с наслаждением вдыхал холодный и свежий ветер, дувший со стороны далеких гор.

Здесь, на экваторе, тепла вполне хватало для поддержа-

ния жизни. Летом на возделанных полях обильно росли зерновые, а на лугах паслись многочисленные стада. Да и зимы в этом поясе были не столь уж страшными, не то что в средних широтах. В предгорных лесах водилась дичь, в озерах было полно рыбы, а главной дорогой служила широкая, никогда не замерзающая река.

Кеттрик прошелся немного. Тонкий слой сухого снега хрустел под его ногами — первая весточка наступающих холодов. Он взял в руку белую горсть, попробовал снег на язык, и его пронзило воспоминание. Там, на Земле, он в детстве так любил зиму...

Джонни подошел к выжженному следу, находившемуся в другом конце посадочного поля. Да, здесь на самом деле садился корабль, и притом совсем недавно — след даже не успело полностью затянуть белой пеленой.

Вдоволь надышавшись свежим воздухом и прогнозировав, Кеттрик вернулся на корабль. Бокер уже сидел в салоне, завернувшись в теплое покрывало, и пил горячий пунш. Большинство миров созвездия отличались мягким климатом, поэтому многие его обитатели никогда не видели снега. Даже Чайт, несмотря на свой толстый мех, немного дрожала, свернувшись в клубок возле кондиционера.

— Похоже, кто-то здесь приземлялся несколько дней назад, — сообщил Кеттрик, также наливая себе кружку пунша. — Если это была «Звездная Птица», то мы уже наступаем Сери на пятки.

Бокер посмотрел в иллюминатор, где неподалеку на западе виднелась гряда темных холмов.

— А вот и делегация туземцев, — сообщил он.

Действительно, к кораблю неспешно двигалась группа всадников на длинношерстных животных с массивными короткими ногами.

— Надо вести себя так, как будто мы слыхом не слыхивали о «Роковой Звезде», — предложил он. — Кто знает, быть может, Сери тоже успел охмурить и запугать местные племена.

Кеттрик кивнул — он и сам раздумывал об этом. Осторожность в любом случае не помешает.

Немного согревшись, они вновь вышли на посадочное поле. Вскоре и всадники подъехали к кораблю. Это были широкоплечие, коренастые люди, одетые в шерстяные туники и кожаные штаны. На ногах у них были сапоги, подбитые толстым мехом. С плеч свисали меховые накидки со спущенными капюшонами, поскольку погода была по их меркам достаточно теплой. Туземцы были вооружены примитивными ружьями, а на поясах у них висели допотопные пистолеты и широкие ножи для разделки туш. Обитатели Твейна отличались смуглой кожей, длинными рыжими волосами и грубо скроенными лицами.

Всадники остановились чуть поодаль от корабля, внимательно разглядывая чужеземцев. Никаких приветственных криков и громких выражений радости не последовало. Это были люди, преисполненные чувства собственного достоинства. Они образовали полукруг перед кораблем и не торопились слезать со своих мохнатых животных, которые тяжело дышали и мотали головами, отбрасывая с глаз влажные от пота пряди шерсти.

Кеттрик и Бокер стояли, сложив руки на груди, и молча смотрели на туземцев. Они знали, что первыми должны заговорить хозяева — таков был негласный этикет на всех мирах галактики. Наконец один из всадников отделился от полукруга и сделал несколько шагов вперед.

— Да пощадит Король Холода стада ваши, — произнес он традиционное приветствие на местном, довольно грубо звучащем наречии.

— Да согреет Король Солнца поля ваши, — торжественно ответил Кеттрик на том же языке. Затем он перешел на галакто:

— Здравствуй, Флей.

— Джонни, — произнес всадник и улыбнулся, обнажив крепкие желтые зубы. Его рыжая длинная борода была заплетена в две косички, волосы также были заплетены и убраны за уши. — Джонни, черт меня подери! Привет и тебе,

Бокер. — Опустив голову, он посмотрел на Чайт. — А это еще что за тварь?

— Тхелла Чайт — мой давний друг, — ответил Кеттрик, — и не такой суровый, как ты, Флей!

Флей недоверчиво посмотрел на Чайт.

— Она может ездить верхом?

— Она сама прекрасно бежит.

Флей усмехнулся:

— Ну тогда пусть держится подальше от моих гончих.

А где остальные из вашего экипажа?

Бокер кивнул в сторону корабля.

— На борту. У нас кое-какие неприятности, Флей. Взгляни-ка.

И он с помощью Кеттрика поднял лежащий на земле вал гидропривода, управляющего одной из опор. Один конец вала был начисто обломан. — Ты можешь изготовить нам такую штуку? Если нет, то мы будем твоими гостями до прибытия очередного корабля.

Флей некоторое время молча рассматривал вал. Невозможно было догадаться, о чем он думал. Густая рыжая борода закрывала большую часть его лица, темные глаза едва выглядывали из-под густых бровей.

— А где второй обломок? — наконец произнес он.

— Здесь. — Кеттрик поднял второй кусок детали. Он сам переломал вал гидромолотом незадолго до посадки. Ничего страшного, у них было еще два таких в запасе. Зато этим можно было убедить Флея, что на корабле случилась серьезная поломка.

— Наши кузнецы не имеют себе равных во всем созвездии, — наконец сказал Флей. — Мы изготовим вам эту штуку.

— Отлично, — обрадованно сказал Кеттрик. — И когда?

— Через неделю. Вы очень спешите?

— Спешим? — усмехнулся Бокер. — На этом корыте не поспешишь. Ее стоило бы назвать «Звездной улиткой».

Кеттрик кивнул и ответил:

— Что ж, неделя подходит. За это время мы успеем восстановить все, что вышло из строя на борту в последнем прыжке.

— Тогда поедem в город, — пригласил Флей.

Он кивнул в сторону двух свободных животных. Пока Кеттрик и Бокер взбирались в седла, несколько всадников спешили и приторочили обе части вала к седлу еще одного животного. Кеттрик бросил короткое приказание Чайт, и она затрусила рядом с «лошадью», которая от испуга перешла с рыси на галоп. Кавалькада пересекла поле и направилась к гряде холмов.

Город располагался в долине, огражденной с трех сторон заснеженными горами. Он уступал Ри-Дарве по размерам и красоте. Но он был уникален, как, впрочем, и его жители.

Твейн постепенно умирал, остывая, и на протяжении нескольких последних веков населяющие его народы вынуждены были мигрировать к экваториальным областям, где им также приходилось бороться за выживание, но уже между собой, отвоевывая друг у друга плодородные земли и охотничьи угодья. В прошлом ленивые, тугодумные, малочисленные и плохо подготовленные в военном отношении племена встали перед выбором — либо погибнуть, либо стать единственными хозяевами этого сурового мира.

И народ Флея выстоял в многовековой войне, обретя силу и крепость духа. Они стали называть себя фиргалами, что на их языке означало Последние. Фиргалы, воинственные и упрямые, были настроены навеки оставаться единственными хозяевами Твейна и не собирались никому отдавать ни пяди священной земли, в которой покоились останки их предков и из которой новые поколения черпали свою силу.

Открывшаяся перед взором гостей обширная долина простиралась далеко на юг, переходя от темных тонов городских окраин к светло-зеленым краскам озимых полей. И над всем царил огромный шар красно-золотистого солнца. Весной на заливных лугах, расположенных по обе стороны от широкой извилистой реки, паслись большие стада. По доли-

не были разбросаны рощи, в которых животные спасались во время летней изнуряющей жары.

Флей посмотрел на древнее красное солнце с сыновней преданностью и почтением.

— Оно переживет меня, — проговорил он. — И моих младших детей, и внуков. Наверное, и через две тысячи лет наши потомки повторят древнюю пословицу: «Зачем человеку бояться за себя, пока светит солнце?»

— Действительно, зачем? — согласился Кеттрик, выжидательно глядя на Флея. Но тот больше ничего не сказал. И всадники спустились в город по извилистой тропе.

Дома здесь походили на каменные крепости. Некоторые из них вросли глубоко в каменистый грунт, другие поднялись над поверхностью на два-три этажа, но все они жались друг к другу, как бы стараясь сохранить тепло и вместе устоять против снежных буранов и обжигающего горного ветра. Заполняя почти треть долины, городские здания захватывали и предгорья, выстраиваясь рядами на широких террасах. Из сотен труб поднимался белесый дым. Большинство построек на окраинах было предназначено для зимовки скота. Шерстистые животные самых разнообразных пород и размеров теснились в огражденных загонах. Кеттрик разглядел среди городских зданий кузницы и дубильни, мастерские и небольшие фабрики, обеспечивающие население всем необходимым. Фиргалы гордились тем, что были совершенно независимы от других миров созвездия.

— Нам не нужны торговцы, — сообщил Флей Кеттрику во время его первого прилета на Твейн. — Мы можем продолжать жить так, как жили наши предки, и ваши инопланетные штучки нас не больно-то интересуют. — И Кеттрик вскоре убедился, что это так. Фиргалы лишь внешне казались примитивными, на самом деле это был очень мудрый народ.

Лига Свободных миров не раз предлагала фиргалам покинуть их остывающий мир и переселиться на другую планету, но те постоянно отказывались. И быть может, они поступали правильно. Здесь, на Твейне, они были единствен-

ными хозяевами, а на другом мире пришлось бы приспособиться и к чужой природе, и к новым соседям. Кеттрик подумал, что любая планета, которая приняла бы фиргалов, рано или поздно пожалела бы о своем великодушии.

Спустившись с холма, всадники выехали на улицы города. Прохожие смотрели на гостей с вежливым равнодушием. Кеттрик обменивался с Флеем малозначащими фразами, с трудом подавляя желание спросить, не прилетал ли Сери в последнее время. Но Твейн — это не Гурра, здесь надо держаться настороже. Одно непродуманное слово могло положить конец путешествию «Греллы».

Разумеется, не было никаких оснований полагать, что фиргалы замешаны в этой истории с Сери и «Роковой Звездой». Но Кеттрику показалось, что глаза Флея как-то странно блеснули, когда он поинтересовался, не спешат ли гости.

Кавалькада начала постепенно рассеиваться, всадники разъезжались по домам. Части поломанного вала были отправлены в одну из кузниц. Флей остановился напротив трехэтажного здания, прислонившегося задней стеной к почти отвесной скале. Хозяин и гости спешили и вошли в дом.

Потолок в обширной гостиной был темным от копоти, почерневшие балки нависали над головами. Низкие двери вели во флигеля, где располагались многочисленные спальни. Клан Флея считался одним из самых сильных в городе, и Кеттрику показалось, что семья еще больше разрослась со времени его последнего визита.

Вокруг суетились темнокожие жены Флея, его смуглые дочери, невестки и прочая разновозрастная молодежь. Флей представил гостей, а затем с гордой улыбкой провел их по дому. Из одной комнаты доносился стук прялки и женские голоса, там несколько девочек пряли шерсть, превратив это нудное занятие в своего рода веселую игру с песнями и шутками. На кухне группа парней постарше по очереди взбивала масло. Тому, у кого лучше получалось это нелегкое дело, пожилая женщина вручала приз, и все подростки возбужденно кричали: «Пустите меня, сейчас моя очередь!». Старшие юноши в это время смотрели за стадом, собирали дрова

в горах или были заняты в кузницах и дубильнях клана. Четыре пожилые женщины убирались во дворе, их смуглые лица были морщинисты словно кора, но голоса звучали весело. Без дела пока оставались лишь малыши, которые носились, словно щенки, галдя, по коридорам огромного дома.

Флей провел двух иноземцев через все комнаты, а затем предложил подняться по широкой лестнице на второй этаж. Здесь было поспокойнее. В комнате с небольшими овальными окнами Флей пригласил гостей присесть в удобные, обитые шкурами кресла и поставил перед ними на стол большой кувшин.

Кеттрик с трудом подавил желание выпить залпом до дна высокий, наполненный до краев кубок. Это выглядело бы не совсем прилично. Но даже небольшие глотки обжигающего алкоголя понемногу успокаивали его. Фиргалы «не опускались» до виноградных вин и тому подобных утонченных напитков. Они вели тяжелую жизнь в суровом, холодном мире и пили только виски собственного приготовления, самое лучшее в созвездии виски.

— С приездом, — сказал Флей и несколькими глотками опустошил солидных размеров кубок. Налив затем вновь гостям и себе, он неожиданно сказал:

— А Сери не говорил, что ты вернулся в созвездие, Джонни.

Едва не поперхнувшись, Кеттрик изобразил искреннее удивление:

— Сери? Сери Отку, мой бывший партнер? Он, что же, был здесь?

— Не далее как полтора дня тому назад.

— Вот так странное совпадение! — недоуменно покачал головой Кеттрик. Он очень хотел выпить кубок залпом, но дрожание рук могло выдать его. С притворной искренностью Кеттрик спросил: — И как же поживает старина Сери? Надеюсь, здоров и процветает, как всегда?

— Здоров, что ему сделается, — усмехнулся Флей и повторил: — Странно, но он не сказал нам, что ты вернулся.

— А он этого и не знает.

— Вот как? — приподнял густые брови Флей. — Не зря говорят: в разных мирах и вино пьют по-разному. У нас на Твейне друзья и партнеры узнают новости в первую очередь.

Кеттрик хохотнул и потянулся к своему кубку, чтобы скрыть нервозность.

— Вы, наверное, слышали, что ЗП изгнал меня из созвездия под угрозой ареста.

— Да, слышал. Сери рассказал об этом, когда впервые приехал сюда.

— Тогда вы, должно быть, догадались, что я вернулся в Хейдес нелегально.

Он жадно выпил, чувствуя на себе испытывающий взгляд жестких глаз Флея. Помрачневший Бокер молча опрокидывал кубок за кубком, почти не пьянея. А Чайт напряженно сидела в углу у камина, нервно подергивая кончиками ушей.

— Нелегально? — переспросил Флей. — И при этом ты занимаешься торговлей?

— Официально торгует Бокер. А я со своим другом Чайт пока отсиживаюсь в тени его звездолета, ну и иногда пускаю в ход свои дружеские связи. — Кеттрик придвинулся поближе к собеседнику. — Мы ведь друзья, Флей? Надеюсь, что наша торговля будет весьма успешной, если вы, конечно, не отдали весь товар Сери... Мы хорошо заплатим, а во время следующего визита — еще больше. Очень скоро мы станем несметно богатыми и потому можем себе позволить быть щедрыми.

— И где это может разбогатеть торговец, который не имеет лицензии?

— Скажем, на Белом Солнце, покупая драгоценные камни у криннов, — небрежно ответил Кеттрик. — Там-то меня и схватили два года назад, когда я уже почти получил миллион кредитов, Флей. Но сделка осталась в силе, и потому я вернулся, и потому Бокер рискует попасть в Наркад, помогая мне. Как видите, я с вами совершенно откровенен.

Флей еще шире раскрыл глаза, которые даже засветились от изумления.

— Миллион кредитов... — повторил он и внезапно разразился громким хохотом. — Нам здесь наплевать на деньги, но мы ценим смелость и отвагу. И нам не очень симпатичен ЗП, который слишком часто рыщет на Твейне, разнюхивая, не продаем ли мы наркотики или ядовитые вещества.

Он подался вперед и потрепал Кеттрика по плечу:

— Удачи тебе, Джонни. Рад снова видеть старого приятеля. Кто знает, когда увидимся снова, и потому я хочу сделать твой визит максимально приятным. — Флей наполнил бокалы гостей, весь светясь радушием и гостеприимством. — Мы будем охотиться, пировать, много пить и, конечно, торговать, несмотря на то, что здесь только что побывал Сери. Ручаюсь, что ты заработаешь тут больше, чем на Гурре. — Он подвинул один кубок Кеттрику, другой — Бокеру. — Женщины соткали много материи за прошлую зиму, а прошлогодние меховые накидки особенно им удались...

Кеттрик встрепенулся и прервал хозяина:

— Гурра? Почему Гурра?

— Ты ведь оттуда прилетел? — спокойно спросил Флей. — Мне казалось, ты говорил...

— Нет, — вновь перебил его Кеттрик. — Мы прилетели с Пеллина, где очень удачно торговали.

— Пеллин... — Флей покачал головой. — Наверное, я ослышался. Ну, не важно. Совершенно не важно. — Он направился к лестнице и, нагнувшись, что-то прокричал вниз на своем языке. Пока он стоял к ним спиной, оба гостя выразительно переглянулись и дружно выплеснули напитки в раскрытое окно. Бокер едва слышно прошептал:

— Ну и дрянь!

Вскоре грудастая девица, игриво покачивая бедрами, принесла поднос с едой. Флей поднял свой кубок и произнес тост в честь гостей, а затем они принялись пировать. К вечеру с работы вернулись сыновья Флея и также уселись за стол. Изрядно нагрузившись виски, они вскоре со счастливым видом уже распевали песни.

Незадолго до наступления ночи (поскольку фиргалы рано ложились спать) сквозь сгущавшиеся сумерки Кеттрик и Бокер верхом возвращались на корабль, отяжелев от еды и питья. Их сопровождали три сына Флея, показывая путь. Спешившись возле трапа, фиргалы без приглашения поднялись на борт и стали довольно бесцеремонно расхаживать по отсекам корабля, радостно улыбаясь и задавая множество вопросов на корявом галакто. По их словам, они обожали звездолеты и давно мечтали оказаться в космосе.

Хурт и Глеван вяло отвечали на вопросы сыновей Флея, а затем, наскоро поев, отправились в свои каюты, чтобы отоспаться после напряженного дня. Бокер отправился в капитанскую рубку, так что роль гида пришлось взять на себя Кеттрику. Как он и ожидал, парни везде совали свои носы, явно пытаясь найти где-нибудь целый вал для гидропривода. Однако они ничего не нашли, поскольку оба запасных вала были надежно спрятаны в трюме среди тюков с товарами. Кеттрик кипел от негодования, но законы гостеприимства не позволяли ему выпроводить назойливых гостей. Наконец молодым людям наскучило болтаться по тесным отсекам, и они заснули в салоне, удобно устроившись в креслах. И тогда Кеттрик с Бокером занялись подготовкой гипердвигателя к очередному прыжку.

Они проработали полночи и только затем позволили себе немного поспать. Кеттрику казалось, что все трудности уже позади. Конечно, сыновья Флея еще будут мешаться под ногами, но убедившись, что вал гидропривода опоры действительно поломан, успокоятся. Бокер, Хурт и Глеван поднимутся с первыми лучами солнца и будут работать круглые сутки, готовя «Греллу» к полету. Ну а он в это время станет торговать, общаться с Флеем и по мере возможности помогать остальным. А затем они бросятся в погоню за Сери. Но есть ли у них шансы остановить и тем более задержать его?

Без сомнения, фиргалы замешаны в этом. Наверное, где-то в этом городском улье они хранили частицу «Роковой Звезды», обманутые увещаниями и посулами Сери. Этим

простодушным людям достаточно было пообещать всего лишь одно — безопасность их собственного солнца и их родного мира. «Надо помочь Сери, и тогда «Роковая Звезда» никогда не вспыхнет в нашем небе». Что ж, этих людей можно понять. Они отдали умирающей планете все свои силы, свою преданность и ежедневный тяжелый труд на протяжении уже многих поколений. Пожертвовать всем ради других миров, других солнц? С какой стати, если Твейну гарантирована безопасность! Конфликт с «Роковой Звездой» их не касался, вот и весь разговор. Кеттрик не мог обвинять фиргалов. Но он обвинял и всей душой ненавидел Сери, который не только сам творил черное и грязное дело, но и сумел втянуть в него по крайней мере два народа созвездия.

Кеттрику приснилось, что он вновь идет по улицам незнакомого города под смертоносными лучами отравленного солнца, а рядом с ним бредут, опустив головы, Бокер, Ниллейн, Флей и толпа других знакомых людей с разных миров. Впереди этой мрачной, обреченной процессии вышагивает Глеван, скорбно и торжественно выбивая дробь на большом красном барабане. На перекрестке он, Кеттрик, отделяется от них и бежит по извилистым улицам в поисках Ларис, которая, как он твердо знает, находится где-то в этом умирающем городе и нуждается в его помощи. Он ясно слышит, как Ларис зовет его. Несколько раз впереди за поворотами мелькает пестрый шлейф ее длинного платья. Он изо всех сил мчится к этому месту, но там — тихо и пустынно...

На следующий день началась торговля. Для уличной ярмарки возле корабля, как это происходило на Гурре, было слишком холодно. Поэтому центром торговли выбрали обширное здание Городского совета. Вереница вьючных животных свозила в один из его залов тюки и коробки, а на «Греллу» другие животные в это время доставляли меха, шерстяные изделия и пряжу.

Даже если Сери действительно вел торговлю на Твейне, это нисколько не отразилось на запасах фиргалов. Кеттрик весь день занимался обменом товарами, а ночью, успев

лишь слегка вздремнуть, заступил на свою вахту в командирском отсеке корабля. От недосыпания резало глаза, но он был счастлив от мысли, что судно будет готово за каких-то два дня вместо предполагавшихся четырех.

На следующее утро Флей пришел на корабль без вьючных животных и товаров. Его сопровождали дюжина мужчин, экипированных для охоты, и свора «гончих» — шерстистых существ с огромными зубами и когтями.

— Не стоит спешить с торговлей, Джонни, — добродушно улыбаясь, сказал Флейт. — Мой сын — самый лучший кузнец в городе, и все равно возня с вашим валом займет у него не меньше семи дней. А может, и все десять дней, потому что здесь требуется особая сталь.

Кеттрик в притворном огорчении покачал головой, впрочем, стараясь не переигрывать.

— Так что, — заключил Флей, — торговля подождет. Товары никуда не денутся, а мои собаки засиделись на псарне. Приглашаю тебя на охоту!

Кеттрик пожевал губами и огорченно вздохнул.

— Десять дней, — сказал он. — Плохо.

— Почему, Джонни?

— До Белого Солнца далеко, и время не ждет.

— Наберись терпения. Отдохнуть тоже не грех.

— Ну, если ничего нельзя сделать... — Кеттрик пожал плечами с очередным вздохом. — Может, это и к лучшему, если подумать...

Флей вопросительно взглянул на него, и Кеттрик пояснил:

— Сери тоже когда-то собирался на Белое Солнце, так что нам стоит переждать немного и дать ему возможность поторговать с криннами. Да и ни к чему нам встречаться... — Кеттрик улыбнулся обезоруживающе открытой и искренней улыбкой. — Хотя мы уже не партнеры, но я не хотел бы подставлять его, если таможенная полиция схватит меня за хвост. Сери и так уже достаточно пострадал из-за меня за последние два года.

Кеттрик знал, что именно эти соображения занимали и

Флея, но только в другом плане. Он волновался о Сери, и потому ему хотелось не допустить этой встречи.

Делать было нечего, и Кеттрик поехал на охоту с Флем. Чайт неотступно бежала возле стремени. Собаки сразу же невзлюбили тхеллу, так же как и она их, и старались держаться подальше друг от друга. Доехав до гряды холмов, охотники пустили вперед собак, и те помчались по заснеженной равнине с громким лаем. Им удалось загнать двух небольших зверьков с красной шерстью, похожих на лисиц. Но третий зверек оказался на редкость прытким и сумел оторваться от лающей стаи. Еще немного, и он мог скрыться в спасительной чаще низкого кустарника. Чайт повернула голову к хозяину и спросила:

— Убить, Джон-ни?

Кеттрик попросил Флея отозвать собак, огромная серая тхелла бросилась галопом вслед за жертвой, грациозно изгибаясь. Ее тело вытягивалось и сжималось словно смертоносная пружина. Недолгое преследование завершилось стремительным прыжком. Флей восхищенно присвистнул:

— Станный у тебя друг.

— Чайт любит меня с детства, — пояснил Кеттрик. — Ее народ не знает, что такое предательство.

Спустя несколько часов охотники направились в город, перебросив через седла туши убитых зверей. Чайт уселась на земле и аккуратно стерла с груди пучком травы следы крови.

Приближались сумерки. Чувствовалось, что скоро пойдет снег. И вдруг охотники увидели мальчишку, стрелой мчавшегося навстречу на маленькой лошадке.

ГЛАВА 13

Группа всадников остановилась, пока Флей разговаривал с мальчиком напряженным и встревоженным голосом. По взглядам, которые бросал на него ребенок, Кеттрик по-

нял, что новость касалась гостей, и это насторожило его. Он застыл в седле, крепко сжав в руках поводья. Снежинки кололи его щеки. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Флей повернулся к Кеттрику и сказал уже на галакто:

— Приземлился корабль ЗП, Джонни.

У Кеттрика радостно подпрыгнуло сердце. Наконец-то им повезло! Не придется лететь на Кирнаноку. Подмога прибыла вовремя. Он расскажет представителям властей о Сери и «Роковой Звезде», и на их быстроходном корабле ...

Повалил снег, и внезапно Кеттрик уловил напряженный взгляд Флея — казалось, тот пытается сквозь белую пелену прочитать мысли гостя по выражению его лица.

И тут он понял, что им нисколько не повезло.

Действительно, пока оба корабля не будут готовы к взлету, им волей-неволей придется оставаться в гостях у фиргалов. И если те заподозрят по какому-то неосторожному слову, что обе группы охотятся за Сери и «Роковой Звездой», то никто из них не проживет и часа.

Патруль выбрал самое неподходящее время для своего рейда на Твейн. Его прибытие прямо вслед за «Греллой», которая приземлилась несколькими днями позже «Звездной Птицы», могло вызвать подозрения у самого бесхитростного человека.

Кеттрик сам поразился, насколько спокойно звучал его голос, когда он решился заговорить:

— Этого-то мы и боялись и поэтому покупали товары и создавали видимость обычной торговли. Но теперь пришло время настоящей проверки, Флей.

— Проверки?

— Понимаешь, Бокер и другие могут сами позаботиться о себе. Звездный Патруль не имеет к ним претензий. Но я — это другое дело. Короче — ты спрячешь меня или сдашь?

Кеттрик никогда не думал, что может наступить день, когда самым желанным ответом на такой вопрос было бы: «Сдам, и черт с тобой». Но Флей возмутился:

— Сдать тебя, Джонни? Моего друга? Да превратит меня Король Холода в белый камень, если мне в голову при-

дет такая мысль. — Флей задумался, стряхивая снежинки с волос, и сказал что-то мальчику, а потом обратился к Кеттрику:

— Поедешь с ним и не волнуйся ни о каком ЗП.

Через минуту Флей и его спутники исчезли за завесой мглы и снегопада. Кеттрик посмотрел вслед своему другу без всякой благодарности. Оставалось лишь молить Бога, чтобы Бокер, Хурт и Глеван держали язык за зубами. Мальчик окликнул Кеттрика, и они оба направились в другую сторону. Кеттрик ехал вслед за своим провожатым, стараясь не терять его из виду. Чайт легкой поступью бежала рядом, настороженно глядя по сторонам.

Наконец, уже в полной темноте, Кеттрик почувствовал запах дыма и тяжелый дух запертых в загоне животных. Вскоре впереди проявились каменные стены скотного двора, и он понял, где находится. Мальчик спешил и открыл калитку. Они вошли в одно из просторных помещений, переходящих в пещеру на склоне горы, которые использовались для зимовки скота.

Кеттрик слышал шарканье ног в соседних стойлах — животные беспокоились, учуяв запах Чайт. Воздух здесь был теплее, во всяком случае снега не было. Мальчик взял уздечку «лошади» Кеттрика, и они медленно пошли между стойлами в крошечную темноту. Через мгновение вспыхнул огонек спички, погас и снова зажегся, но уже ярким пламенем масляного фонаря. Мальчик выразительно указал рукой на землю, и Кеттрик спешил. Вместе с Чайт он последовал за провожатым по туннелю, пробитому в каменной толще тыльной части пещеры. Они долго шли по узкому темному проходу. Дорога вела то вверх, то вниз. В некоторых местах каменные стены и потолок были укреплены толстыми балками. Через неравномерные интервалы встречались дверные проемы. Те, что шли по левую руку, были входами в подземные хранилища. Те, что располагались справа, вели в городские здания. Издалека даже доносились голоса людей, собиравшихся на вечерние трапезы. Повидимому, подземные туннели соединяли дома, хранилища

и загоны для скота и были построены на случай сильных холодов или заносов, когда движение по улицам затруднено.

Наконец мальчик остановился и постучал в одну из дверей. Она слегка отворилась, и Кеттрик увидел уже знакомую грудастую рыжую девицу, которая подавала им еду во время пиршества. Похоже, эта дверь вела из туннелей в подвал дома Флея.

Последовал недолгий разговор шепотом, но на этот раз Кеттрик понял, что речь шла не о нем. Мальчик схватил одну из толстых рыжих кос и потянул так, что голова девушки склонилась для поцелуя, она отбивалась с притворным негодованием, но без всякой настойчивости. Кеттрик позавидовал беззаботной юности. Даже не верилось, что когда-то и он думал только о поцелуях.

Девушка наконец приглашающе кивнула ему и повела в дом, опасливо оглядываясь на Чайт. В этой части дома Кеттрик никогда прежде не бывал. Здесь было темно и безлюдно, хотя из-за плотно закрытых дверей доносилось достаточно шума. Они поднялись наверх по шаткой лестнице, больше напоминающей стремянку. Полные крепкие ноги девушки мелькали перед его глазами. Из-под юбки выглядывало шерстяное трико. «Холодно же здесь, — подумал Кеттрик. — Не хотелось бы навсегда остаться в этом мире!»

Наверху находилась комната с узкой кроватью и пушистой шкурой на полу вместо ковра. Поднос с едой и глиняная бутылка уже стояли на столе, а рядом тускло горел фонарь. Слабое пламя в камине отчаянно боролось со сквозняком, и комната была не столько теплой, сколько полной дыма. Девушка многозначительно поманила его пальцем, взобралась на кровать и показала место в стене, где отвалившаяся штукатурка обнажала просвет между камнем кладки и толстой деревянной опорой. Он хотел уже было задать вопрос, но девушка сердито сверкнула глазами и выразительно приложила палец к губам. И тут он услышал голоса за стеной.

Девушка соскользнула с кровати и ушла, плотно прикрыв за собой дверь. Кеттрик немедленно прильнул к щели.

По другую сторону стены находилась комната, где хозя-

ин устраивал для гостей с «Греллы» пиршество. Теперь туда вошли Флей и Бокер. Их сопровождали двое в тускло-зеленых формах Звездного Патруля.

Один из них был Секма.

Кеттрик отпрянул. Он слышал голоса за стеной, но некоторое время шок мешал ему вслушиваться в слова. Чайт что-то проворчала, но он вовремя остановил ее, приказав молчать, а затем указал на стол.

— Ешь, — прошептал он. — Я не голоден. Дай бутылку.

Тхелла подала глиняную бутылку, а сама уселась возле подноса с едой. Кеттрик закутался в толстое одеяло и уселся в углу возле щели. Он сделал большой глоток виски, а затем вновь прильнул к стене.

В соседней комнате мужчины расселись поудобнее вокруг стола, и Флей наполнил кубки. Все выглядело очень мирно. Второй офицер ЗП, темнокожий долговязый парень, едва был виден Кеттрику. На его рыхлом лице не было заметно следов напряжения и тревоги. Бокер, выделявшийся своей пышной серебристой гривой, сидел спиной к Кеттрику. Его голос звучал как обычно жизнерадостно и бодро. Но Кеттрик слишком давно и хорошо знал этого человека, чтобы понять, его друг далеко не так беззаботен, как хочет казаться.

Секма сидел лицом к Кеттрику. Жесткие каштановые волосы, точеные черты лица, сверкающие голубые глаза... Вот он, совсем близко, искушающе близко. Кеттрику стоило только крикнуть сквозь отверстие в стене...

Но он плотно сжал губы, чтобы сдержать этот порыв.

— Это просто обычная проверка, — говорил Секма. — Спасибо, Флей.

Они выпили, вежливо пожелав друг другу здоровья.

«И почему, черт побери, ты не приехал со своей очередной проверкой чуть раньше, когда здесь был Сери? Тогда бы схватил его...»

Хотя вряд ли. Сери наверняка притворился бы обычным торговцем. Он тщательно запрятал бы все детали «Роковой Звезды» там, где никто бы и не додумался искать. И если

бы его случайно поймали за руку, фиргалы позаботились бы о том, чтобы Секма не смог воспользоваться своей находкой.

— Нет проблем, — небрежно отозвался Бокер. — Можете осмотреть мой корабль, когда пожелаете.

— Непременно, — кивнул Секма и принял из рук сидевшего рядом Флея очередной наполненный кубок.

— Осмотрите, если хотите, и наше торговое место, — предложил Флей. — Хотя всякий раз вы находите там одно и то же, то есть ничего противозаконного. Однажды ради интереса я подложу туда несколько пакетов наркотика, чтобы угодить вам.

— Очень буду признателен тебе, Флей, — в столь же шутливом тоне отозвался Секма. — Надо же хоть иногда оправдывать эти утомительные и дорогостоящие рейды.

— Еще бы не дорогостоящие! — рассмеялся Флей. — ЗП, наверное, денег некуда девать, раз он заставляет своих высших офицеров участвовать в обычных патрульных рейдах.

Секма улыбнулся.

— Нет, не заставляет. Я сам вызвался.

— Тогда я бы сказал, что ваше отношение к служебному долгу может сравниться только с нашей преданностью своему клану. — И Флей снова взялся за бутыль, хотя Секма еще не допил свой кубок. — Но мы можем смягчить тяготы вашего утомительного путешествия. Не хотите ли завтра поехать на охоту? Снег вряд ли будет слишком глубоким.

— Это было бы очень приятно, — ответил Секма. — Спасибо за приглашение. — Он поднял кубок и сделал очередной глоток.

Бокер сказал:

— Честно признаюсь, что на Пеллине мне предложили кое-какую контрабанду... довольно привлекательная штука, должен сказать. Но я отказался.

Секма удивленно взглянул на него.

— Поздравляю, ты становишься добродетельным, Бокер.

Потом он принялся к терпкому букету запахов местного виски и выпил содержимое кубка одним залпом.

— Но в нашем путешествии есть и кое-что необычное.

— Я так и думал, — кивнул Флей. — И что же именно, если не секрет?

Мускулы на руках Бокера напряглась. Секма также выглядел озабоченным. И только темнокожий офицер продолжал беззаботно потягивать крепкий напиток. Возможно, он не осознавал, что смерть уже поднимается по лестнице, держа косу наготове. А если он знал о дружбе Флея с Сери... что ж, тогда оставалось только позавидовать его выдержке.

— До меня дошли слухи, — продолжал Секма, — что хорошо знакомый вам Джонни Кеттрик вернулся в созвездие. — Теперь его голубые глаза по очереди впивались то в Бокера, то во Флея.

— Джонни? — переспросил Бокер. — Рад за него, если это правда.

— Джонни? — повторил Флей. — Неужели? Хотел бы снова повидать этого парня. Он умеет охотиться, пить, не пристаёт к моим женщинам и предлагает самый выгодный обмен. Бокер хорош, но второго такого торговца, как Джонни, нет. Не стоило вам высылать его из Хейдеса.

— Слышал я эту песенку, слышал, — жестко усмехнулся Секма. — Ну вы, разумеется, не видели Кеттрика.

— Я — нет, — ответил Флей.

— А ты, Бокер? Не здесь, конечно, но, скажем, в Ридарве? Говорят, его видели на окраинах.

Очень может быть, — согласился Бокер. — Кеттрик наверняка зашел бы ко мне в гости, но я, должно быть, уже покинул Тананару.

Секма пригвоздил его к месту острым взглядом.

— Почему ты сказал «должно быть»? Ты знал, что он вернулся?

«Конечно, — подумал Кеттрик, — Секма не может быть уверен, что я добрался до Тананару. Из космопорта Альдебарана я мог направиться куда угодно. Мог умереть от болезни, меня могли убить грабители, чтобы отнять товар, я мог в конце концов стать жертвой космической катастрофы».

Бокер пожал плечами.

— Вы ведь знаете, Секма, что мы с Кеттриком не раз торговали вместе и вообще были друзьями. Он бы обязательно навестил меня. Поэтому я и сказал, что Джонни прилетел на Тананару, должно быть, после моего отъезда. Не могу сказать ничего определенного. Я об этом впервые слышу.

«Неплохо блефует Бокер. Убедительно». — Но Кеттрик знал, что его друг куда охотнее придушил бы сейчас офицера ЗП. У него с Секмой тоже давние счеты. Если бы не Сери и не «Роковая Звезда»...

Кеттрик плотнее закутался в одеяло, его трясло, то ли от холода, то ли от нервного напряжения. Гости много ели и пили, а чуть позже к ним присоединились некоторые из сыновей Флея. И тогда словно между делом Флей поинтересовался у Секмы, откуда тот прибыл.

— С Кирнаноку, — ответил Секма.

— Вот как... — хмыкнул Флей. — Выходит, вы летите в южную часть созвездия?

Секма кивнул:

— Да, хочу навестить Гурру. Еще одно любимое место Джонни Кеттрика. Наверняка там о нем что-нибудь слышали.

— На Пеллине ничего о нем не говорили, — вмешался Бокер. — Я бы знал, ведь все знают, что мы дружили.

— Возможно, все эти сплетни насчет Джонни всего лишь пустой звук, — добродушно улыбнулся Флей.

Наконец ужин закончился, и все ушли. Кеттрик улегся на кровать. Закутавшись в одеяло, он молил Бога, чтобы Хурту или Глевану удалось улучшить минутку и поговорить с Секмой наедине. Конечно, такой момент можно найти. Во время осмотра «Греллы», например...

Но сыновья Флея обязательно будут крутиться рядом, развесив уши. Правда, они не говорят на дарванском, и Бокеру можно будет объясниться с Секмой на непонятном им языке. Только имя «Кеттрик» звучит одинаково на любом наречии и название «Роковая Звезда» — тоже. Да и не дураки эти фиргалы. Даже если бы Бокер рассказывал Секме по-дарвански просто свежий анекдот, они мгновенно бы насторожились. Зачем гостям говорить на непонятном языке,

если им нечего скрывать от хозяев? Что-то здесь не то... Оставалось только надеяться, что Бокер и остальные не сделают роковой ошибки.

Кеттрику не лежалось больше в холодной постели. Он встал и застыл у крошечного окошка, вглядываясь в морозную ночь. Ночь, которая обещала стать самой мучительной в его жизни.

ГЛАВА 14

Кеттрик провел в маленькой комнате, очень похожей на тюремную камеру, еще два дня. Его единственными собеседниками были глиняные бутылки с виски, которые время от времени приносила рыжеволосая толстушка. Даже скрашенное выпивкой заточение далось ему нелегко. Дрожа от нетерпения, Кеттрик каждую минуту надеялся услышать шум шагов на лестнице и стук кулаков в дверь. Но никто из его друзей не приходил.

Вечерами в соседней комнате собирались Секма, Бокер и Флей вместе с теми из его сыновей, которые были не заняты на работе. Они пили и ели, обменивались всевозможными историями, деликатно обходя щекотливые вопросы. А Кеттрику оставалось только с нарастающим нетерпением ждать, когда кто-нибудь проронит неосторожное слово. Иногда его просто раздирало желание самому вмешаться в разговор, чтобы поскорее закончить эту пытку.

Порой он впадал в беспокойный сон, нечто среднее между пьяным забытием и чередой кошмаров, в которых он все время преследовал Сери, и всякий раз безуспешно.

В промежутках между сном и возлияниями он мерил комнатуху яростными и нетерпеливыми шагами. «Грелла» должна быть уже готова к полету. Черт побери, сколько еще Секма собирается пробыть здесь? Постарается ли Флей задержать его, пока «все не кончится», как он хотел задержать Кеттрика?

Несколько раз он слышал, как Флей со свойственной ему хитростью ненавязчиво выясняет маршрут Секмы. Но всегда получает один и тот же ответ — корабль ЗП следует с Кирнаноку на Гурру.

Кеттрик удивлялся тому, как это Секма, который стартовал с Тананару спустя несколько дней после «Греллы», тем не менее сумел нагнать их. Конечно же, его корабль — не старое, измученное всеми болезнями корыто, и он мог совершать сверхдальние прыжки в гиперпространстве. А впрочем, какая разница?

У Кеттрика разболелась голова, и не только от выпитого виски. Ему хотелось выть от злости при мысли о том, насколько близок был Секма к Сери на Тананару, даже не подозревая об этом!

«Я неплохой астронавт и удачливый торговец, — думал раздраженно Кеттрик. — У меня масса друзей на всех мирах созвездия, и с их помощью до сих пор я мог проверить любое дело. Но стоило властям доверить мне особо важное задание, как я провалил его в самом начале.

Секма, должно быть, уже понял это. Тогда почему же он тратит время, разыскивая меня, вместо того чтобы заниматься «Роковой Звездой» самому?»

Ответ мог быть только один. Видимо, Сери уже нельзя остановить, и «Роковая Звезда» вот-вот вспыхнет где-то в созвездии. А Секма просто хочет выразить свою глубокую благодарность человеку, который так страшно его подвел.

Перед самым рассветом Кеттрика разбудил грохот. Он бросился к окну и увидел растворяющуюся в небе огненную полосу. На мгновение его охватила паника при мысли о том, что Бокер решил унести ноги с Твейна, пока не поздно. Но спустя несколько минут в комнату вошел Флей с радостным сообщением:

— Джонни, эти чертовы полицейские убралась с Твейна. Направились морочить головы гуррианам и вынюхивать твой след.

С этими словами он панибратски подтолкнул Кеттрика к двери:

— Ну иди. Вдохни немного свежего воздуха. Твоя подруга, кажется, тоже не отказалась бы размяться. Пойдем на охоту сегодня.

Кеттрик твердым шагом стал спускаться по лестнице.

— А может, нам лучше вновь заняться торговлей, Флей?

— Куда спешить? Вал все равно еще не готов, и мы можем отложить торговлю на случай плохой погоды. Сегодня прекрасный день для охоты.

— Хорошо, — согласился Кеттрик. — Только давай пригласим Бокера. — Подойдя к маленькому зеркалу на стене, он осмотрел себя и поскреб щетину на щеках. — Мне нужно переодеться и побриться. Подождешь?

— Подожду, конечно. — Флей, рассмеявшись, покачал головой. — И зачем только мужчине обнажать лицо подобно бабам? Отпусти бороду, Джонни. Она будет греть тебя.

— На других мирах, — возразил Кеттрик, — не так холодно, как у вас. — И он протянул руку Флею. — Я слышал все ваши разговоры с Секмой и очень благодарен тебе.

— Нет проблем, мы же друзья! Иди приводи себя в порядок, только побыстрее. Я заеду за тобой, как только выведу собак из псарни.

Кеттрик улыбнулся и кивнул, кутаясь в свою накидку от холодного ветра. Он дернул толстушку за косу, поцеловал и обещал в благодарность принести подарок с корабля. Девушка засмеялась, а Флей начал отдавать распоряжения по поводу предстоящей охоты.

Возле дома уже ждали оседланные животные. Кеттрик сел на одного из них и не спеша направился в сторону корабля. Чайт бежала рядом по свежевыпавшему снегу.

Оставив за спиной гряду холмов, Кеттрик выехал на равнину и пустил животное вскачь. Вскоре он увидел посреди заснеженного поля «Греллу». Огромное красное солнце скользило по небосклону, заливая снег кровавым светом. Животные сыновей Флея были привязаны к одной из опор корабля и терпеливо ожидали хозяев, подставив морозному ветру косматые спины.

Кеттрик привязал свою «лошадь» рядом и по трапу под-

нялся на корабль. Там его встретили Бокер и два дородных сына Флея.

— Рад, что ты приехал, Джонни. — Бокер обнял Кеттрика, похлопал его по спине и рассмеялся:

— Мы справились! Отправили этих ищеек из ЗП по ложному следу. Флей был великолепен. Жаль, что ты не видел, как он...

— Я все видел и слышал, — перебил его Кеттрик. — Я прятался в комнате, что находится через стенку от пиршественного зала. — Он улыбнулся, глядя на сыновей Флея. — Ваш отец — необыкновенный человек. Вы должны учиться у него. — Сыновья гордо переглянулись. Кеттрик снова обратился к Бокеру:

— Флей приглашает нас сегодня на охоту. Мне нужно быстро помыться. Скоро он заедет за нами.

— Ну тогда поспеши, — сказал Бокер и подтолкнул его к лестнице, ведущей в двигательный отсек. Кеттрик почувствовал короткое сильное пожатие руки капитана и все понял.

Бокер неожиданно повернулся и нанес сильный удар тому из сыновей Флея, что стоял поближе к нему. Но второй быстро сориентировался и набросился на Кеттрика. Тот был готов к нападению, и кулак противника только скользнул по его шее. Кеттрик врезал ногой в пах фиргалу, а затем добавил несколько ударов ему в челюсть. Однако широкоплечий детина оказался крепок, как скала. Взыв, он ответил мощным крюком снизу, а затем попытался достать из-за пояса пистолет. Он мычал от боли и покачивал окровавленной головой, но все еще был в сознании.

Внезапно Кеттрика оглушил мощный удар в лицо, который швырнул его на стену. В ушах зазвенело, из носа хлынула кровь. Все погрузилось во мглу. И сквозь темный туман он видел, как детина наконец-то извлек пистолет из-за пояса.

Кеттрик с отчаянным воплем бросился вперед и вцепился в рыжеволосого обеими руками. Запястье парня оказалось твердым, как железо, и он не выпустил пистолета и,

более того, нанес Кеттрику несколько сильных ударов свободной рукой. Неподалеку в тесных объятиях сплелись две фигуры, тяжело дыша и также обмениваясь ударами. Вдруг все затихло, и к Кеттрику метнулась серая тень, большая и гибкая. Послышался стон и грохот упавшего тела. Кеттрик и Бокер сидели, задыхаясь, и вытирали кровь со своих разбитых лиц. Над двумя телами сыновей Флея стояла Чайт и спокойно облизывала когтистые лапы.

Кеттрик показал на дверь люка и попросил:

— Вынеси их наружу.

Чайт наклонилась, подняла одного парня за воротник и поволокла его к выходу. И тут внутри корабля послышался шум голосов, а затем и выстрел, гулко отозвавшийся эхом в пустынных коридорах.

— Это на мостике! — крикнул встревоженно Бокер.

Они выскочили из отсека и помчались в рубку. Глеван стоял над третьим фиргалом, валявшимся ничком на полу. Хурт лежал рядом, Тяжелый стальной прут в руках Глевана был окровавлен.

— Туземец хотел разбить приборы, — сказал Глеван. — Кажется, я убил его. — Он опустил прут и склонился над другом. — Хурт пытался помешать ему. Хурт?

Ответа не было. Бокер склонился над рыжеволосым фиргалом.

— Парень мертв. Это точно. Помоги вынести...

Он осекся, взглянув в иллюминатор. К кораблю быстрой рысью направлялись Флей со своими людьми.

— Черт побери, похоже, им показалось подозрительным, почему я помчался к кораблю, как только выехал из города, — предположил Кеттрик.

Бокер выругался и сказал:

— Нам потребуется пятнадцать минут, чтобы установить этот проклятый вал. Без него не взлетишь. Ты должен нам дать это время, Джонни.

Он заставил Глевана подняться:

— Пойдем. Хурт жив, он очнется позже.

Глеван неохотно последовал за ним, оглянувшись напоследок у выхода. Хурт по-прежнему не шевелился.

Кеттрик открыл оружейный отсек и достал два ружья. Набив карманы куртки патронами со слезоточивым газом, он спустился по лестнице.

Возле трапа он увидел Чайт.

— Сюда идут, Джон-ни.

— Знаю.

Чайт вынесла двух сыновей Флея и положила их на снег. Кеттрик отправил ее за третьим телом. Сам он вышел из люка и остановился на трапе, чувствуя себя на редкость уверенно. Вид окровавленных тел, как ни странно, успокоил его. Зарядив одно из ружей, он поставил его рядом и принялся за второе. Все это время он не спускал глаз с Флея, который с десятком своих спутников неся верхом через заснеженное поле.

Кеттрик прицелился и выстрелил в приближающуюся группу.

Всадников скрыла завеса темных клубов дыма. Некоторые выскочили из едкого тумана, но через несколько шагов животные под ними начали спотыкаться, и всадники вылетели из седел.

Чайт вытащила наружу безжизненное тело третьего фиргала и бросила на грязный снег. Рядом с ней вдруг зазвенел металл от удара пули об обшивку корабля. Раздались еще выстрелы, и в рассеянном дыму было видно, что шесть или семь всадников целятся и беспорядочно стреляют в Кеттрика. Среди них был и Флей. Кеттрик приказал расшвиравшей Чайт вернуться в корабль и сам торопливо последовал за ней, выстрелив напоследок и захлопнув за собой люк. По нему тут же забарабанил град пуль.

Всадников вновь окутал темный дым, а когда он рассеялся, стало ясно, что в седлах удержались лишь Флей и еще трое.

Кеттрик взял в руки микрофон внешнего коммуникатора и, включив его на максимальную громкость, обратился к нападающим:

— Бросайте оружие. Флей, у тебя есть пять минут, чтобы вывести своих людей из зоны огня. А затем ты можешь подъехать к кораблю и забрать своих сыновей.

Он трижды повторил это сообщение. Голос его холодным металлом звенел в морозном воздухе. Посмотрев вниз, он увидел, как один рыжеволосый парень встал, уцепившись за перила трапа, потом помог подняться второму, державшемуся за сломанную челюсть. Третий лежал в неуклюжей позе там, где его бросила Чайт, нелепо раскинув руки и не шевелясь. После некоторого раздумья оставшиеся в седлах всадники побросали оружие на землю. После третьего предупреждения Флей направился к кораблю. Тем временем трое его спутников начали торопливо оттащить своих бьющихся в судорогах товарищей из зоны обстрела.

Флей встал рядом с сыновьями возле трапа. Он посмотрел сначала на них, а потом на иллюминатор, за которым стоял Кеттрик.

— Ты лгал мне, Джонни, — глухо произнес он.

— И ты лгал, Флей, — откликнулся Кеттрик, уменьшив звук динамиков.

— Я спас тебя от ЗП, а мой сын погиб.

— Хурт тоже погиб.

Лицо Флея блестело, как от пота, хотя мороз покрыл его бороду белым инеем.

— Зачем ты сделал это, Джонни?

— Потому что твои сыновья напали на нас. Они не виноваты в этом — ты послал их соглядатами на мой корабль. Что Сери пообещал тебе, Флей? Что твое древнее солнце спокойно доживет свой век? — По выражению лица Флея он понял, что угадал, и горестно покачал головой, вспоминая людей Гурры и собственные слова, обращенные к маленькой Ниллейн. — И другие народы любят свои миры, Флей. Они тоже хотят жить. — Братья тем временем подняли тело погибшего и осторожно положили его поперек седла. Кеттрик кивнул в их сторону. — Вот что сделала с вами «Роковая Звезда». Она умеет лишь убивать, и спря-

таться от нее ценой предательства собратьев по созвездию невозможно. А теперь уходите.

Флей мрачно посмотрел в последний раз на Кеттрика, а затем поднял голову к красному солнцу. Его могучие плечи поникли, от бывшей гордой осанки не осталось и следа. Возле корабля стоял старый, убитый горем человек. Он помог сыновьям, и через несколько минут они покинули мрачное место, ведя за собой животное со скорбной ношей.

«Грелла» внезапно ожила, загудел планетарный двигатель. Кеттрик нажал кнопку, и люк загерметизировался. Трап втянулся в свое гнездо с тяжелым скрежещущим стоном. Кеттрик кивнул Чайт, и они направились в глубь корабля, а за их спинами сразу же опустился внутренний люк воздушного шлюза. Прозвучала предстартовая сирена. Кеттрик поднялся на мостик.

Бокер сидел перед пультом управления, положив руки на штурвал. Хурта положили на одно из кресел, и Глеван устроился рядом. Хурт тяжело дышал и время от времени стонал. Его лицо посерело, а на бинтах, охватывающих грудь, проступили пятна крови. Кеттрик занял место второго пилота вместо Хурта. Через иллюминатор он видел, как люди Флея выносили последних своих товарищей из опасной зоны. Джонни наблюдал за ними, пока столб огня из дюз и облака дыма не скрыли из виду всю землю.

— Еще одна планета, куда мне уже никогда не вернуться, — с горькой усмешкой произнес он.

«Грелла» медленно поднималась в небо навстречу огромному красному солнцу.

ГЛАВА 15

Хурт выжил, и это было большой удачей для него и счастьем для друзей. Пуля прошла возле сердца между ребер, он потерял много крови, но выжил.

Другого повода для радости у экипажа «Греллы», к сожалению, не было.

— Мне не удалось побыть наедине с Секмой, — раздраженно сообщил Бокер. — Никому из нас не удалось. Эти три рыжие обезьяны не оставляли нас ни на секунду. Похоже, они опасались сговора между нами. Я не стал рисковать. Мы были не вооружены, а фиргалы все время держали палец на курке, готовые стрелять при первом же неверном жесте.

— Хорошо хоть то, что вы не улетели без меня, — сказал Кеттрик.

— Джонни, я люблю тебя как родного брата, — признался Бокер, — но если можно было бы бежать с Твейна и спастись...

— Понимаю, — кивнул Кеттрик. — Ну а что теперь? Секма направляется на Гурру, так что о нем можно забыть.

— Кто знает? Джонни, здесь что-то не так. Когда Секма осматривал корабль, он видел товары с Гурры, но мне, конечно, пришлось сказать, что они с Пеллина. Сыновья Флея не поняли разницы, но ты же знаешь, что Секму не обманешь, и все же он и глазом не моргнул. Он умный черт, это нам известно как никому другому. Может, он все понял. Может, он сам идет по следу Сери и просто для отвода глаз говорит, будто разыскивает тебя.

— Надеюсь, что это так, — вздохнул Кеттрик. — Но если Секма не знает о том, что Сери везет на борту своего корабля «Роковую Звезду»? Нет, нам лучше подумать о том, что делать, когда мы прилетим на Кирнаноку.

И с мрачной усмешкой добавил:

— Правда, у Кирнаноку есть одна хорошая черта — у меня там нет друзей.

— Там ни у кого нет друзей, — сказал Бокер. — И поэтому вам с Глеваном лучше после приземления оставаться на борту и не попадаться никому на глаза. Я сам пойду на разведку.

Они еще не раз обсуждали во время прыжка через гиперпространство свои возможные действия.

— Если выяснится, что Секма не идет по следу «Звездной Птицы», — говорил Бокер, — нам придется рассказать ЗП все, что мы знаем; деваться некуда. Только когда это будет.

— Что значит, когда? — спросил Хурт, рана которого начала постепенно заживать.

— Если мы направимся к ним сразу же после посадки, — рассуждал Бокер, — то можем больше не взлететь. Полицейские запросто могут задержать нас для допроса или будут ждать решения высокого начальства. Они непременно засадят Джонни в каталажку и нас всех заодно.

Хурт кивнул:

— Мне это в голову не приходило.

— А мне приходило, — нахмурился Кеттрик. — «Роковая Звезда» важнее нашей судьбы, но с другой стороны... Черт, они могут и вовсе не поверить нам. Полицейские могут подумать, что это просто трюк, чтобы отвлечь внимание от «Греллы». Пока они найдут Секму и выяснят, что я работаю в данном случае на Звездный Патруль, будет уже слишком поздно.

— Точно, — кивнул Бокер. — И поэтому я предлагаю на Кирнаноку долго не задерживаться. Сразу же после посадки начнем готовиться к следующему прыжку и одновременно постараемся разузнать все что можно о Сери. А потом пошлем сообщение в ЗП и дадим деру.

— Если, конечно, «Звездной Птицы» не будет на космодроме в момент нашего приземления, — уточнил Кеттрик. — Но если она там, то мы подыдем крик на всю планету. Пускай Сери ловят местные власти, а мы полюбуемся.

Глеван, сидевший у штурвала, скептически хмыкнул. Он считал, что «Грелле» никогда не угнаться за Сери, так же как и самому Патрулю, и что «Роковая Звезда» все равно вспыхнет и ее хозяева подчинят себе все созвездие.

Глеван был уверен, что Секма отправился на Гурру, как и говорил. Кеттрик же надеялся на то, что Секма будет поджидать их на Кирнаноку, и даже боялся предполагать обратное.

В космическом порту Акерн, главном городе Кирнаноку, было как обычно шумно. Акерн являлся центром, из которого по всем материкам растекалось то хорошее и плохое, что прибывало на планету с окрестных миров. Торговлей здесь занимались лишь люди, чьи предки когда-то прилетели на Кирнаноку, коренные же обитатели никогда не участвовали в ярмарках. Причина была проста — местные племена не могли предложить для обмена ничего, что могло представлять интерес для других миров созвездия. Ценность планеты состояла в другом — она располагалась на перекрестке главных космических трасс. Благодаря своему удачному местоположению Кирнаноку стала межзвездным базаром, где заезжие торговцы могли обмениваться товаром с другими купцами, в том числе с самых отдаленных и малодоступных миров. Кеттрик часто промышлял на здешнем рынке, перепродавая привезенное с Гурры и Твейна купцам с окраинных миров по весьма выгодным ценам.

Диспетчер порта предложил «Грелле» сесть на площадке в северо-западной части поля. Насколько охватывал глаз, повсюду стояли ровно выстроенные ряды самых разнообразных кораблей. И с первого взгляда невозможно было определить, есть ли среди них «Звездная Птица».

— Пойду зарегистрируюсь и сейчас же вернусь, — сказал Бокер.

Он торопливо спустился по трапу, вышел на транспортную полосу и сел в один из глайдеров, отвозивший пассажиров в Центральное административное здание. Спустя минуту глайдер скрылся среди силуэтов кораблей.

Вентиляционные установки «Греллы» работали вовсю, вытесняя затхлый воздух, пропитанный запахами разогретого металла. На смену ему приходил воздух космопорта, влажный и жаркий, с приторными ароматами, похожими на острую приправу, — таково было дыхание древнего Акерна. Ощущая нарастающее беспокойство, Кеттрик спустился вниз, чтобы помочь Глевану и Хурту провести подготовку гипердвигателя к очередному прыжку. Чайт, которой запре-

тили выходить наружу, с печальным видом сидела возле открытого люка.

Глеван, как обычно ворча, сразу же после посадки «Греллы» забрался в двигательный отсек, не намереваясь выходить оттуда до самого старта. Хурт, который еще не совсем оправился от раны, подавал ему инструменты и едко отвечал на все мрачные прогнозы Глевана по поводу бед и несчастий, которые неминуемо должны обрушиться на миры созвездия.

— Скоро, очень скоро настанет конец света, — пророчествовал Глеван, пристально вглядываясь в сплетение проводов на контрольной панели. — Даже если «Грелла» смогла бы превратиться в космического дракона, ей все равно не остановить прихода «Роковой Звезды».

— Тогда зачем ты так стараешься? — спросил Хурт.

— Потому что я человек тщеславный и ответственный. — Его руки мелькали среди цветных проводов. — Один только нарушенный контакт — и гибель корабля неминуема. Но я не сделаю ошибки, Хурт. И мне приятно, что только я могу заставить это старое корыто летать, хотя ему давно пора на свалку. И я буду делать свое дело до конца, — при этом он бросил на Кеттрика резкий взгляд. — Ты помнишь, Джонни, что до ассамблеи Лиги Свободных миров осталось всего ничего?

— Помню, — ответил Кеттрик. — Отлично помню.

Хурт мрачно произнес:

— И почему всегда находится какой-то идиот, который готов поставить весь мир с ног на голову?

— Вечная проблема человечества, — философски заметил Кеттрик. — Никто еще не смог ее разрешить.

Они продолжали работать, последовательно проверяя агрегат за агрегатом. Прошло полчаса, и вдруг послышался лай тхеллы.

— Джон-ни! — крикнула она. — Люди идут. Не Бокер. Все чужие.

Они бросились вверх по лестнице. Через раскрытый люк был виден небольшой глайдер, мчавшийся к кораблю.

В нем находились несколько человек, и это были акернарцы. На расстоянии можно было рассмотреть желтые мундиры охраны порта.

— Что им нужно? — встревожился Хурт. — И где Бокер?

— Не знаю, — ответил Кеттрик. — Но похоже, что мы угодили в осиное гнездо. Только посмотрите, как они несутся — так и перевернуться недолго.

— Никогда мне не нравилась Кирнануку... — пробормотал Глеван. — Здесь даже пахнет неприятностями. — Он хлопнул Кеттрика по плечу.

— Спрячься, Джонни, и заberi Чайт. Они не должны знать, что ты на борту.

Кеттрик заколебался. Хурт раздраженно сказал:

— Уйди, Джонни. Не нарывайся на скандал.

Пришлось Кеттрику уйти, хотя этого ему чертовски не хотелось делать. Что происходит? Почему Бокер не возвратился на корабль?

Кеттрик и Чайт вошли в грузовой трюм и плотно прикрыли за собой люк. В этот же момент донесся шум машины, остановившейся возле трапа, а затем послышались резкие голоса.

В крошечной темноте Кеттрик нашел проход между контейнерами с грузами и спрятался в маленькой каморке, расположенной между двумя соседними отсеками. Здесь его не нашли бы даже после самой тщательной проверки. Он уселся на холодный металлический пол, а рядом не без труда пристроилась массивная тхелла. Они сидели и ждали в полной темноте и абсолютной тишине.

Спустя несколько минут Кеттрик услышал топот ног по лестнице, ведущей на мостик. Раздались громкие голоса. Даже через перегородку Кеттрик по тональности голосов понял, что это акернарцы. Вскоре они снова спустились по лестнице, а затем послышался стук дверей.

Шаги приближались к грузовому трюму. Кеттрик успокаивающе погладил по загривку Чайт, которая начала было настороженно рычать.

— Замри, — прошептал он.

Они оба затаили дыхание, тесно прижавшись друг к другу. Запах тюков с мехами зверей с Гурры заставил Кеттрика вспомнить о Ниллейн. Встретятся ли они вновь когда-нибудь?.. И тут дверь в грузовой отсек открылась с протяжным скрипом. Яркий луч фонаря начал шарить по углам. Голоса акернарцев звучали с непривычным присвистом, который всегда не нравился Кеттрику. Обшарив весь трюм, чужаки ушли, оставив неприкрытой дверь. Свет из центрального коридора образовывал небольшую светлую лужицу на металлическом полу обширного помещения.

Со стороны выходного люка после некоторой паузы раздался взрыв голосов. Кто-то негодовал, кто-то резко протестовал, а кто-то пытался на чем-то настаивать — Кеттрик, как ни старался, не смог разобрать слов, но было ясно, что возле трапа вспыхнул нешуточный спор. Наконец все растворилось в гуле мотора отъезжающей машины. И наступила тишина.

Кеттрик не спешил выходить из своего убежища — акернарцы вполне могли оставить своего человека на борту. Он еще долго ждал, прислушиваясь. Наконец он решился послать Чайт на разведку. Ее слух и обоняние были значительно острее человеческих. Тхелла вскоре вернулась, тряся головой и отфыркиваясь с видом явного неудовольствия.

— Никого, Джон-ни. Запах остаться, как у ящериц.

— Акернарцы не люди, но они теплокровные, как и мы, — возразил Кеттрик. — Но, в общем-то, я с тобой согласен, чем-то они на самом деле напоминают пресмыкающихся. Не хватало только, чтобы они задержали и Глевана с Хуртом! Ладно, подождем до темноты.

Кеттрик посмотрел на свой наручный хронометр. Ждать осталось недолго. Потом надо будет что-то делать, ориентируясь по обстановке.

К вечеру Кеттрик рискнул выйти из трюма. Он сидел, куря сигарету за сигаретой, у двери люка — отсюда он мог издали услышать приближающиеся шаги. Корабль казался непривычно тихим, пустым, населенным зловещим эхом ис-

чезнувших голосов. Чайт лежала рядом, настороженно поводя ушами и готовая в любой момент вступить в бой за своего хозяина. Но Кеттрику все равно было ужасно одиноко.

ГЛАВА 16

Самое неприятное заключалось в том, что прошел уже не один час, а Кеттрик и понятия не имел, что же случилось.

На первый взгляд ничего экстраординарного не произошло. После приземления Бокер, как и положено капитану, пошел регистрироваться в администрации космопорта. Заодно он намеревался разузнать что можно про «Звездную Птицу». Приехала портовая охрана и забрала с собой Хурта и Глевана. Все просто.

Вопрос в другом — почему никто не возвращается?

К вечеру поднялся сильный ветер, размашисто хлеща по корпусу судна так, что даже стали поскрипывать переборки. Чувство одиночества и тревоги становилось все острее.

Бокер, Хурт и Глеван... Что с ними? Быть может, они находятся в плену у акернарцев? Кеттрик слегка содрогнулся, представив их внешний облик — золотистая чешуйчатая кожа, небольшие, слегка сплюснутые головы, квадратные подбородки, светлые полосы, идущие от уголков глаз к острым мохнатым ушам... Омерзительный облик... да и характер не лучше.

Кеттрик кипел от злости и от ощущения собственной беспомощности. Но где бы ни были Бокер, Хурт и Глеван, что бы с ними ни стряслось, это произошло по его вине. А раз так, то нужно что-то делать. Но что?

Бокер должен был пройти через центральный вход административного здания космопорта. Кеттрик хорошо помнил это огромное сооружение в виде куба со стенами из розового камня, с черным мраморным полом и мозаичными панно. На них были изображены ящероподобные создания — далекие предки обитателей этой планеты, причем с

таким искусством, что у зрителя возникала иллюзия движения персонажей этих поразительных каменных картин.

Бокер должен был подойти к стойке справа от входа с надписью «Регистрация». Там ему нужно было положить пластиковый квадратик с кодовым номером «Греллы» на сканер и отпечатать на машине свое имя и имена членов экипажа, порт посадки, порт приписки, последний порт захода и следующее место назначения, а также номер своей посадочной площадки. Затем Бокер, наверное, подошел к табло и стал разыскивать «Звездную Птицу» среди множества высвеченных названий кораблей. Если этого названия там не окажется, значит, корабль уже покинул планету. В этом случае Бокер скорее всего направился бы в кабинку справочного бюро, находившуюся за табло, набрал бы на клавиатуре название корабля и увидел бы на дисплее дату отправления «Звездной Птицы» и место назначения.

Это была обычная процедура, выполняемая сотни раз в день безучастным электронным устройством. Но если у Сери есть сообщники в космопорту, то запрос о «Звездной Птице» мог попасть в службу охраны. И тогда Бокера наверняка немедленно арестовали. А затем несколько охранников были посланы на борт «Греллы» за ее экипажем. Что ж, скорее всего так и произошло...

А это означало, что Акерн был центром, работающим на проект «Роковая Звезда», в который были вовлечены, по крайней мере частично, официальные власти Кирнаноку.

Что же предпринять? Кеттрик предпочел бы иметь дело с первобытным дикарством жителей Твейна, не имевших такого мощного и сложного бюрократического механизма. Но одно было ясно наверняка. Администрация космопорта не предоставит ему ни информации, ни помощи. И Секмы наверняка нет в Акерне, потому что он бы уже отреагировал на появление «Греллы».

Когда окончательно стемнело, Кеттрик поднялся на мостик и взял там из шкафчика нож для свежевания туш, который подарил ему Флей. Затем направился в душ и смыл с себя пятна грязи и масла, оставшегося после работ в двига-

тельном отсеке. Надев свежую одежду, он спрятал нож в карман куртки. В каюте Хурта Джонни нашел потертую кепку с офицерским значком и обмякшим козырьком, который мог немного скрыть его лицо. Он также прихватил с собой все деньги, какие смог отыскать, даже мелкие монеты. Пояс с кредитами, полученными от Веккерса, все еще был при нем, но эти средства нельзя было тратить без крайней нужды.

Затем Кеттрик спустился в мастерскую и раздобыл там кусачки. Вернувшись к выходному люку, он застал Чайт, лежавшую в тени возле стены. Освещение на корабле было отключено, за исключением центрального коридора, и потому Кеттрик не сразу заметил предупреждающий жест тхеллы.

Опустившись на корточки, он осторожно, стараясь не шуметь, подобрался к Чайт. Снаружи тоже было темно, и посадочную площадку лишь слегка освещали мерцающие звезды. Но Кеттрик полностью доверял чутью Чайт.

— Человек? — еле слышно прошептал он.

— Да. Под кораблем. Не двигайся.

Охранники все-таки оставили своего агента. Ну что ж, тем хуже для него.

— Убей.

Чайт поднялась на ноги и неслышно, словно серая тень, соскользнула по трапу на землю. Через мгновение послышался звук удара, сдавленный крик, а чуть позже Чайт позвала его. Кеттрик торопливо покинул корабль, захлопнув за собой люк. В темноте под треногой опоры «Греллы» светлела бесформенная масса — это было тело соглядатая. Кеттрик даже не остановился, чтобы рассмотреть его, и торопливо пошел мимо аккуратных рядов кораблей. Чайт бежала рядом с ним.

Кеттрик прошел весь путь пешком, стараясь избегать проезжавших мимо глайдеров, полных пассажиров. К счастью, «Грелла» стояла не так далеко от здания администрации космопорта. И все равно идти пришлось довольно долго. Всякий раз, пересекая очередную ярко освещенную стартовую площадку, Кеттрик боялся, что сейчас может

раздаться предупредительный сигнал и они будут застигнуты врасплох во время взлета какого-нибудь космолета.

Но этого, к счастью, не произошло. Корабли то и дело садились и взлетали где-то в стороне. Наконец Кеттрик достиг высокого металлического забора. Острые пики на гребне делали его непреодолимым.

Кеттрик достал из кармана мини-резак, срезал несколько прутьев, и вскоре они с Чайт оказались по другую сторону препятствия. И только тогда Кеттрик заметил, что заодно перерезал и один из проводов сигнализации. Он тихо выругался. Как только служба охраны получит сигнал, то на поиски злоумышленников немедленно будет послан патруль. Оставалось только надеяться на то, что охранники в первую очередь направятся в противоположную часть космопорта, где швартовались грузовые корабли. Но в любом случае нужно было действовать как можно скорее.

Кеттрик вернулся к ограде и выгнул прутья в обратную сторону, чтобы сбить с толку преследователей. Потом он вместе с Чайт помчался что есть духу по дороге, идущей к городу вдоль заросшего мхом рва.

Большая часть домов Акерна была построена из розового камня, твердого и прочного, как гранит. Центральные районы города были очень старыми, хотя жители Акерна с готовностью брали на вооружение то, что им подходило из достижений галактической цивилизации. Они не скрывали своей нелюбви к людям, осевшим на их планете, и прилагали все усилия к тому, чтобы они не стали весомой политической силой.

Однако люди с различных миров созвездия непрерывно прибывали на планету и толклись на Рынке, в барах, магазинах и в деловых центрах, окружавших древний Канал Синего пламени. Они торговали друг с другом, оставляли часть своих денег в карманах местных жителей, садились в свои корабли и отправлялись восвояси. Дипломатические и прочие представительства постоянно держали свои штаты на Кирнаноку, меняя их составы каждые три года.

Акерн был одним из самых красивых городов Хейдеса.

Огромные, увенчанные многочисленными шпилями здания из розового камня строились так, что походили на легкие облака, нависавшие над зеркалом каналов. Их четкие очертания смягчались резьбой по камню, напоминавшей следы пролетевшего ветерка. Жители Акерна любили подобные украшения. Даже лодки и корабли, плывущие по каналу, были расписаны резьбой. Кружевные мосты, фонари, сияющие, словно серебряные луны в теплой ночи, цветущие виноградные лозы — все это придавало городу особый шарм, делало его похожим на прекрасную женщину.

И все же Кеттрик ощутил себя крайне неудобно, оказавшись на улицах Акерна. Архитектура строений была все же не совсем человеческой, резные барельефы не радовали глаз. Причудливые лодки непривычно плавно скользили по маслянистой воде, голоса звучали чересчур мягко, шаги прохожих казались вкрадчивыми, а их взгляды — неприязненными. Аромат цветов отравлял воздух приторностью опиума. Кеттрику вскоре стало казаться, что чуть ли не из-за всех занавешенных окон за ним наблюдают аборигены. Чайт, видимо, тоже ощущала нечто подобное, поскольку то и дело принималась глухо ворчать, тревожно оглядываясь по сторонам.

Улицы были полны народа. Вечер только начинался, а в городе было где поразвлечься. Толпы инопланетян бродили по лабиринтам переулков, заходя в таверны и бары, расположенные вдоль берегов каналов. Среди них встречались купцы, торговцы, офицеры, рядовые астронавты, служащие дипломатических представительств и иноземных фирм. На Кеттрика никто не обращал внимания. На Чайт иногда смотрели с удивлением, но тхеллы здесь не были особой редкостью. Купцы часто привозили их с собой в качестве охраны, и Кеттрик не раз встречал этих существ на Рынке. Он шел как можно быстрее, но старался не привлекать при этом внимания и держаться более темных и менее людных улиц.

Космический Зал занимал большую часть одного очень древнего здания. Спиралевидное строение из розового камня разветвлялось внизу на несколько овальных флигелей.

От прежнего убранства в здании не осталось и следа, поэтому невозможно было догадаться о его первоначальном предназначении. Теперь в центральном зале стояли лишь низкие деревянные скамьи, на которых прибывшие астронавты могли дожидаться окончания таможенного досмотра, пообщаться с приятелями из других экипажей или просто выспаться вдали от глаз офицеров после бурно проведенной ночи.

На стене висел большой планшет с несколькими объявлениями. Рядом беспорядочно были развешены маршруты отдельных кораблей. В углу возле конторки, заваленной бумагами, сидел чиновник с длинными до пояса белокурыми волосами и светло-желтыми глазами, типичными для миров западной части созвездия.

Кеттрик оставил Чайт у двери и подошел к развешенным на стене бюллетеням о маршрутах движения находившихся в космопорту кораблей. Он шел вдоль стены с небрежной ленцой, делая вид, что его не очень-то интересует эта информация. Сдерживая нервную дрожь, он начал как бы беззаботно проглядывать бюллетени. Он не знал, просматривается ли Космический Зал видеокамерами и был ли среди персонала кто-либо, работающий на проект «Роковая Звезда», но в любом случае осторожность не мешала.

Застрекотал телетайп, выплевывая очередное сообщение из космопорта. Чиновник склонился над голубой лентой. Кеттрик насторожился. Он услышал, как желтоглазый встал и направился к нему.

Кеттрик перелистнул очередную страницу, ощущая сильные удары сердца. Но чиновник не обратил на него внимания, а лишь прикрепил к стене полученное сообщение. Тем временем Кеттрик убедился, что никаких сведений о «Звездной Птице» не было. Значит, она уже покинула Кирнаноку. Узнать ее следующий пункт остановки и время прибытия можно было только из дополнительных списков.

Кеттрик громко кашлянул и произнес:

— Э-эх...

Чиновник вежливо улыбнулся:

— Вам помочь?

— Вот друга ищу, — объяснил Кеттрик. — Не могу понять, приземлялся ли он здесь или нет. Может, он уже улетел?

— Как называется его корабль?

Кеттрик словно бы издали услышал собственный голос:

— «Звездная Птица».

На лице чиновника не дрогнул ни единый мускул.

— А-а, вспоминаю, — сказал он и, подойдя к конторке, быстро разыскал в кипе бумаг нужный листок. — Ну конечно. Экипаж разгрузился, а затем корабль был отправлен в доки на ремонт. Вот, взгляните.

Кеттрик смотрел невидящими глазами на лист, протянутый мужчиной.

— Экипаж пробудет тут пару недель по крайней мере, — любезно продолжил словоохотливый чиновник. — Но мне кажется, они справились со своими делами на Рынке, так что вы можете разыскать своего дружка в одной из гостиниц. Можете оставить для него записку у нас, если он случайно появится.

— Спасибо, — поблагодарил Кеттрик. — Наверное, я так и сделаю. — Он был потрясен неожиданной удачей, ему нужно было уединиться и все обдумать. — Но прежде я попытаюсь сам разыскать его.

С этими словами Кеттрик направился к выходу.

Чиновник семенил рядом.

— Вы землянин, не так ли?

— Да.

— Далековато забрались. Какое судно?

— «Отважный», — соврал Кеттрик. Это было очень распространенное название. В любой момент в таком большом порту можно было найти по крайней мере полдюжины «Отважных».

— Ну и помощница у вас, — сказал чиновник, заметив сидящую возле двери тхеллу. — Что ж, прощайте. Желаю удачи.

— Еще раз спасибо, — с облегчением ответил Кеттрик и вышел на улицу.

Дойдя до берега канала, он нашел свободную скамейку и присел, уставившись на черную гладь воды.

Итак, «Звездная Птица» находится на Кирнаноку. Груз продан на Рынке. А где же Сери? И где «Роковая Звезда»?

Гурра, Твейн, Кирнаноку, Трейс. Только Сери так и не добрался до Трейса. «Звездная Птица», похоже, разгрузилась в акернарском космопорту и встала на ремонт.

Действительно случилась поломка или Сери просто заметаает следы? Не исключено, конечно, что мог выйти из строя какой-либо важный агрегат. Корабль есть корабль, даже если он несет «Роковую Звезду». Но если бы это случилось с «Птицей», экипаж не сидел бы в гостинице. Времени у Сери в обрез, он не может ждать две или три недели. Ему пришлось бы в таком случае найти другой корабль и продолжить путь к обреченному солнцу, название которого известно только ему.

Так или иначе, но след Сери потерялся. Или еще нет?

Кеттрик встал и вернулся на центральные улицы, где бродили шумные многоцветные толпы. Здесь можно было увидеть высоких бледнолицых жителей Акерна, кутавшихся в шелковые накидки и презрительно и гордо поглядывающих на чужаков. Кеттрик зашел в кафе, где обычно обслуживали инопланетян. В фойе было несколько телефонных аппаратов, прикрытых пластиковыми полусферами для звукоизоляции.

Кеттрик вошел в одну из будок и набрал телефон ЗП.

Усталый женский голос ответил на вызов. Прежде чем соединить Кеттрика с кем-то из служащих, его попросили изложить суть дела.

— Контрабанда, — не моргнув глазом, солгал Кеттрик. Через несколько мгновений в трубке что-то щелкнуло, и слышался мужской голос — резкий и раздраженный.

— Ну что там?

Кеттрик начал с вопроса:

— У вас включен магнитофон?

Несколько растерявшись, офицер ответил:

— Да.

Заставляя себя говорить медленно и размеренно, Кеттрик начал:

— Сегодня после полудня судно «Грелла» (порт приписки Ри-Дарва, Тананару) приземлилось на площадке номер 895. Штурман и весь экипаж были арестованы охраной порта и кем-то задержаны, если они вообще остались в живых. Их имена: Бокер — капитан корабля, Хурт — помощник капитана, граждане Хлакрана, Глеван — инженер, с Питтана. Прошу вас немедленно сообщить в посольства этих планет. Единственное, чем можно объяснить их арест — это то, что они интересовались кораблем «Звездная Птица».

В трубке послышался скрип стула, будто офицер резко подался вперед, чтобы лучше расслышать голос собеседника.

— Кто говорит?

Кеттрик ответил очередным вопросом:

— Вас прослушивают?

Офицер мрачным тоном ответил:

— Кажется, последние два часа нет. Если ОНИ, конечно, не идут у вас по пятам.

— Черт побери, придется рискнуть! Меня зовут Джонни Кеттрик...

— Кеттрик? Кеттрик!

— Молчите и слушайте внимательно. Сери Отку взял часть установки под названием «Роковая Звезда» на Гурре, а вторую часть — на Твейне. Его корабль «Звездная Птица» сейчас ремонтируется в Акерне. Он направлялся на Трейс, но теперь по какой-то причине прервал полет. Вы знаете что-нибудь о местонахождении Сери Отку?

— Ничего, — ответил офицер. — Кеттрик, где вы сейчас? Кеттрик...

— До свидания. Буду действовать на свой страх и риск. А вы тоже займитесь поисками Сери Отку — и обязательно позвоните в посольства! Экипаж «Греллы» находится в руках заговорщиков!

Кеттрик опустил трубку, не обращая внимания на на-

стойчивые призывы офицера. Ему только не хватало сейчас попасть в руки ЗП и начать разбираться со своими старыми грехами.

Что даст звонок в посольства, он и сам не знал. Он даже не знал, живы ли еще Бокер и остальные. Но пока он не мог сделать ничего большего.

Они с Чайт снова вышли на улицу. Кеттрик продолжал незаметно оглядываться по сторонам, но безрезультатно. В калейдоскопе бурлящей толпы было совершенно невозможно определить, следят за тобой или нет.

На набережной одного из каналов он нанял лодку-такси. Акернарец-лодочник с нескрываемым отвращением наблюдал, как Чайт влезла в каюту лодки вслед за Кеттриком и уселась там возле занавешенного окна.

— На Рынок, — приказал Кеттрик, и лодочник оттолкнулся шестом от берега. Почти сразу же беззвучно заработал мотор на корме.

Лодка направилась по каналу, разрезая зеркальную поверхность воды между нависающими скалами розовых зданий. Через некоторое время она свернула в квартал причудливых замков, с резных барельефов которых вниз смотрели тысячи каменных, источенных временем ликов. И только тогда Кеттрик заметил, что за ними неотрывно следует одна и та же лодка.

ГЛАВА 17

На носу лодки висел фонарь с треснутым стеклом, иначе Кеттрик не заметил бы слезки. Кругом мельтешили лодки, сквозь занавешенные окна доносились смех и музыка. Музыка была мягкой и ненавязчивой, но сейчас и это раздражало Кеттрика. Трещина на стекле фонаря была очень небольшой и имела форму змеи. Она прорезала внешнюю цветную поверхность стекла, и холодный свет изнутри пробивался наружу тонкой ниткой на зеленом фоне. Кеттрик

мельком заметил это, когда они отчаливали. Но сейчас ему было не до подобных мелочей. Он оглянулся и снова увидел лодку после первого поворота, а потом и после второго.

Теперь он уже не отрывал от преследователей встревоженного взгляда.

Конечно, этот путь вел к Рынку, который не закрывался даже ночью, поскольку многие приезжие бизнесмены предпочитали торговать после заката, избегая дневной жары. Кроме того, этой же дорогой можно было направляться во множество других мест. Но Кеттрик вспомнил белокурого чиновника с вежливой улыбкой. Этот тип вполне мог сообщить кому надо о землянине и серой тхелле, которые интересуются «Звездной Птицей».

Они вышли на прямой участок канала, где в этот момент не оказалось других лодок, и вдруг зеленый фонарь начал двигаться быстрее, приближаясь с каждой секундой.

Голос акернарца на местном языке окликнул лодочника, который вез Кеттрика. Тот замедлил ход и что-то ответил. Преследующая лодка подошла ближе, и на ее нос вышел высокий акернарец в темной накидке. Он продолжал разговаривать в резком, повелительном тоне, одновременно протянув руку, чтобы ухватиться за корму лодки Кеттрика.

Кеттрик выскочил из каюты и, не говоря худого слова, нанес удар лодочнику под дых. Тот охнул, согнулся и упал в соседнюю лодку, сбив с ног акернарца в темной накидке. Оба, не удержавшись, рухнули в воду. Кеттрик схватился за штурвал, перевел ручку скорости в крайнее положение, и лодка рванулась вперед. Оглянувшись, Кеттрик увидел четырех акернарцев в лодке с зеленым фонарем. Двое из них смотрели ему вслед, остальные бросились на помощь оказавшемуся в воде. Лодочника они злобно оттолкнули в сторону, и тому пришлось самому плыть к берегу. Через минуту преследователи возобновили погоню.

Канал тянулся бесконечно и казался Кеттрику темной дорогой, по которой он мчался в никуда, словно во сне. По сторонам мелькали высокие здания, окна которых загадочно светились. Преследователи быстро приближались.

Спасения не было.

«Ладно, — подумал Кеттрик. — Придется драться». Он приказал Чайт приготовиться и развернул лодку.

Поначалу акернарцы не поняли, что происходит. На них неожиданно понеслась лодка, вздымая за собой пенистые волны. Им показалось, что беглец пытается промчаться мимо, и они развернулись, чтобы преградить путь. Но Кеттрик на полной скорости врезался в борт их лодки.

В свете фонаря он увидел перекошенные злобой и недоумением лица. Затем послышался хруст дерева, и фонарь погас, жалобно напоследок звякнув. Кеттрик согнулся и по инерции едва не перевалился через борт. Из темноты доносились всплески, крики и ругань. Кеттрик дал задний ход. Поначалу ничего не происходило, но затем лодку тряхнуло и она сдвинулась с места. Вторая лодка немедленно стала погружаться в воду. Акернарцы барахтались в канале. Кеттрик дружески помахал им рукой и продолжил путь.

Чайт подошла к нему.

— Вода идет с носа, Джон-ни.

— Понятное дело.

— Не будет драки?

— Не волнуйся, Чайт. Драка еще впереди.

Он стал высматривать место для причаливания. Возле каждого дома находились частные пристани, но все они были слишком ярко освещены. Однако ничего подходящего впереди не было, а лодка Джонни уже больше не могла продолжать путь. Трюм заполнился водой, и корма начала понемногу проседать. Пришлось рискнуть и пристать к ближайшему пирсу.

Кеттрик и Чайт вышли из лодки, бросив ее на произвол судьбы, и поднялись по лестнице. Каменные ступени были истерты ногами многих поколений акернарцев, и вряд ли когда либо на них ступали люди. Хотя понятие «люди» очень растяжимо и зависит от точки зрения. Акернарцы считали себя людьми, а инопланетян — нет. Чужаков здесь называли «зверорожденными», включая в этот список всех инопланетных разумных существ вплоть до обезьян. Так

что Кеттрик был в Акерне на положении говорящего животного, нечистого и недостойного по своей природе.

Поднявшись по лестнице, он оказался перед входом в массивное здание. По-видимому, это был частный дом. Помещения внутри были ярко освещены. Пройти на улицу можно было только через них, рискуя этим вызвать вполне понятное недовольство хозяев.

Беглецы вошли в холл. Эхо их шагов гулко отражалось от высоких сводов. Лица с каменных барельефов провожали их холодными настороженными взглядами. Кеттрик всеми фибрами души ощущал враждебность окружающего пространства. У него появился безотчетный страх, будто он попал в ловушку и сейчас по его следам идут жуткие обитатели глубин канала, оставляя на полированном полу влажные оклизлые следы.

Не выдержав, он бросился бежать. Чайт неслась рядом. Не успели они добраться до противоположной двери, как в холл вошла пара — мужчина в шелковой золотистой тунике и женщина, обтягивающее белое одеяние которой подчеркивало изящные изгибы молодого тела. Оба застыли на пороге, увидев чужаков. Кеттрик услышал их изумленные голоса. Но все это было уже позади. Хлопнула дверь, ночь обняла их с Чайт и укрыла своим темным и прохладным покрывалом.

Отдышавшись, Кеттрик перешел на быстрый шаг. По всей видимости, они сумели оторваться от своих преследователей. Но неизвестно, как надолго. Кеттрик нащупал нож в кармане куртки, просто чтобы убедиться, что он все еще там. Немного помедлив, Джонни сориентировался и проложил путь к Рынку.

Шум торговых рядов разносился далеко. Он напоминал гул встревоженного улья, слившегося с бесшабашным весельем карнавала. Через несколько минут Кеттрик вышел из тихой улочки на берег широкого канала. По нему даже во тьме ночи плавно скользили баржи, доставляя грузы из космопорта.

Рынок занимал пространство размером с небольшой го-

родок. В его центре располагались бесчисленные палатки и открытые прилавки для обмена товарами, а по краям, как стена, отгораживающая их от внешнего мира, теснились кафе и рестораны, гостиницы и ночлежки. Все это предназначалось для инопланетян-людей. Акернарцы набивали себе карманы простым сбором налогов на ввозимые и вывозимые с планеты товары.

Кеттрик прошел через ближайший мост на другой берег канала. Свет рыночных фонарей бил в глаза и казался особенно ярким после мягкого полумрака улиц. Джонни любил эти огни. Любил громкие хриплые голоса торговцев с разных планет, обсуждающих цены, спорящих, ругающихся, смеющихся.

Когда он вышел на аллею, окружавшую рынок, начался дождь. Он забарабанил по навесам и полотняным крышам лавок, выбивая из них пыль. На мостовой немедленно появились лужи. Тем не менее торговля не останавливалась. Дождь прекратился через несколько минут, и лужи тут же начали высыхать. Ночь стала еще более влажной и душной.

Кеттрик поначалу не увидел ни одного знакомого лица. Он только понял, что ужасно проголодался. В первом попавшемся кафе он наскоро перекусил, не забыв накормить тхеллу. Немного отдохнув, Кеттрик пересек рыночную площадь по диагонали мимо рядов лавок и навесов, где громоздились тюки товаров со всего созвездия. В воздухе висела неповторимая смесь запахов сотен планет, восхитительных и манящих.

Проходя мимо синеккожих мужчин с белыми хохолками волос на голове, которые пыхта разгружали тюки с грузовика, Кеттрик вспомнил о Бокере и Хурте и нахмурился. И тут один из торговцев повернулся и, увидев Кеттрика, закричал:

— Джонни! Джонни, ты мне мерещишься?

— Клутха! — Кеттрик обнял его, как брата. Хлакранин был другом Бокера и часто во время посещения Тананару приходил к нему в гости. Это был жизнерадостный космический бродяга, с которым Кеттрик не раз весело проводил время за бутылкой на десятках разных миров.

— Постой, старина, — озадаченно отстранился Клутха. — Как ты здесь оказался? Поговаривали, будто...

— Я все расскажу тебе за стаканчиком доброго вина, — улыбнулся Кеттрик.

Клутха с сомнением оглядел свои тюки.

— Но...

— Пожалуйста, — попросил Кеттрик.

Клутха посмотрел на него и кивнул. Потом он сказал что-то своим людям и направился вместе с Кеттриком в южную часть Рынка, где находились десятки развлекательных заведений.

Таверна была заполнена людьми, но свободное местечко все же нашлось. Кеттрик занял столик в углу и подозвал официанта. К нему вскоре подбежал маленький человек с пятнистой черно-белой кожей, как шерсть у спаниеля. Взглянув на Кеттрика, он издал восторженный визг, подпрыгнув на своих коротеньких ножках.

— Джонни, Джонни! Когда ты оказался в созвездии?

Услышав его радостный крик, к Кеттрику обернулись все сидящие за соседними столиками. Один из гостей встал и подошел к ним. Он был лысым и долговязым, с огромными острыми ушами, вытянутым лицом и кожей новорожденного ребенка.

— Джонни, — сказал он. — Черт меня подери, если я верю собственным глазам!

Его лицо осветила улыбка, обнажившая лошадиные зубы. Он дружески обнял Кеттрика, а затем звучно хлопнул коротышку по пухлой спине.

— Я угощаю, Кви́п. Привет, Клутха. Где ты раздобыл Джонни? Даже на Рынке таких парней ни за какие деньги не сыщешь. А Звездный Патруль знает, что ты вернулся, Джонни? Держу пари, нет.

Внезапно обернувшись, он заорал кому-то в дальнем конце зала:

— Недри! Иди сюда, у меня для тебя сюрприз.

Через минуту к столику подошел медноволосый, с золотистой кожей дарван, держа в руках бутылку вина. Когда-

то он был штурманом на одном из кораблей, которым Кеттрик владел совместно с Сери Отку.

Недри с радостной улыбкой пожал руку старому приятелю. Дарван выглядел столь же искренним и доброжелательным, как и другие посетители таверны. Но Кеттрику все казалось подозрительным: Его нервы были взведены до предела, и это было особенно неприятно, поскольку он знал — здесь у него нет врагов.

Именно за этим он приехал на Рынок — встретить друзей и поговорить с ними на интересующие его темы. В крайнем случае, можно в любой момент вскочить и удрать. И никакая полиция его не разыщет в этом людском водовороте.

Маленький пятнистый человечек принес поднос с бутылками вина и поставил их на стол.

— Деньги на бочку, парни, — сказал он. — А это за счет заведения — для Джонни.

Он вытащил из-под своей туники полную бутылку хорошего акернарского бурбона и со стуком поставил ее перед гостем.

Кеттрик искренне поблагодарил:

— Этого живительного напитка мне чертовски не хватало на Земле, Кви́п. Сегодня я хочу отвести душу. Так что мне не мешала бы толстая отбивная с кровью или что-то в этом роде.

— Понимаю, — подмигнул Кви́п. — Я знаю твои вкусы, Джонни.

— И моему другу тоже принеси мяса, и побольше. — Кеттрик повернулся к Чайт, которая уже уселась рядом с ним на стуле. На языке тхеллы он произнес:

— Отвечай, но только без имен. Этот человек часто приходил в дом, где ты жила?

Чайт прекрасно поняла, кого он имел в виду.

— Нет. Один или два раза. И очень давно.

Кеттрик кивнул и повернулся к Кви́пу.

— Принеси ей еще графин воды. Тхелла не так глупа, чтобы лакать алкоголь.

Кви́п кивнул и помчался на кухню. Недри не спускал глаз с Чайт.

— Это та самая тхелла, что жила в доме у Сери?

— Нет, — покачал головой Кеттрик. — А что?

— Помню, у него была парочка тхеллов, только и всего.

— Тхеллы живут на многих мирах Хейдеса, сам знаешь.

Кстати, а как поживает Сери?

Недри пожал плечами:

— Я не видел его уже почти два года. Этот жмот уволил меня вскоре после твоего отъезда. Да и на что он мне сдался? Я и сам могу зарабатывать на жизнь.

— О ком вы говорите — о Сери Отку? — спросил, заинтересовавшись, Клутха. — Да он был здесь несколько дней назад, на Рынке. Ему пришлось поставить судно на ремонт, и потому Сери решил побыстрее распродать товар.

— Хотелось бы повидать старого приятеля, — прочувствованно сказал Кеттрик, откупоривая бутылку бурбона. — Ты не знаешь, где он остановился?

Клутха хмыкнул.

— Он не сказал мне, Джонни. Я встречал его прежде несколько раз в Ри-Дарве, и только. А тут... я с ним просто поздоровался, а Сери так хлестнул меня взглядом, что расхотелось лезть с расспросами и разговорами. Он явно был не рад встретить здесь знакомых.

— И не один Сери, — вступил в разговор Недри. — Вся его чертова команда держится особняком. Я когда-то летал с инженером со «Звездной Птицы». Он был неплохим парнем, и мы не раз отрывались с ним в портовых кабаках. Встретил его на днях возле доков и предложил пропустить по стаканчику по старой памяти. Но парень замотал головой, словно я предложил ему броситься вниз со скалы, и поспешно затерялся в толпе. — Недри сокрушенно махнул рукой. — Все изменилось после твоего отъезда, Джонни. Сери начал набирать чужих людей, и эти люди мне сразу же не понравились. Потом он начал разъезжать по созвездиям сам, оставляя в конторе кого-то вместо себя, это были тоже подозрительные типы. И тогда я плюнул на все и ушел.

— Ну его к черту, этого Сери, — сказал молчавший до этой поры человек с длинным худым лицом, по имени Эн-аго. — Я никогда не встречал его, и судя по рассказам, он не подарок. Давайте лучше поговорим о Джонни. Парень, где ты пропадал?

— погоди, — прервал Кеттрик. — Минуточку. — Он глотнул бурбона, почувствовав, как горячая волна обдала желудок. Одновременно что-то озарило его. Мысль, которая до сих пор зрела в глубине сознания, внезапно прорвалась наружу. — Недри, что за корабли, кроме «Звездной Птицы», стояли в это время в ремонтном доке?

Недри нахмурился.

— Ну разные — несколько торговцев, как обычно. «Звездная Птица» стояла особняком рядом с какой-то яхтой, как будто не хотела якшаться с себе подобными. — Недри ухмыльнулся и налил еще вина в свой стакан. — Прости, что у меня язык заплетается. Это забористое акернарское вино всегда пробирает меня до самых костей, особенно в жару.

— Яхта? — удивился Кеттрик. — Что за яхта?

— Яхта как яхта. — Недри бросил на него удивленный взгляд. — А что, это важно?

Теперь все смотрели на Кеттрика. В этот момент подошел Квип с подносом, полным самой разнообразной еды. Он так суетился и болтал, не скрывая искренней радости, что Джонни захотелось придушить его. Наконец официант ушел.

Кеттрик нетерпеливо сказал:

— Итак, вернемся к этой яхте. Ты случайно не заметил, Недри...

— Я всегда замечаю красивые корабли, Джонни, — так же, как ты не пропускаешь ни одной красивой женщины, — ухмыльнулся дарван. — Даже несколько раз обошел ее, чтобы рассмотреть со всех сторон. Она называлась «Серебряное Крыло». Принадлежит куродаю из Акерна... как там его?

— Сессорн, — подсказал Клутха, подражая шипящим

звукам местной речи. — В чем дело, Джонни? Ты просто позеленел.

— Ничего, — натужно улынулся Кеттрик. — Все нормально. Должно быть, просто переутомился за последние дни.

Он продолжал механически жевать жесткое мясо, совершенно потеряв аппетит, хотя еще несколько минут назад был голоден, как волк. Куродай из Акерна. Это не член правительства, но человек, очень близкий к верховной власти, четвертый человек в Кирнаноку. Сессорн — могущественный и высокопоставленный чиновник, чья личная яхта случайно оказалась в доке вместе с «Птицей», бок о бок. Но случайно ли?..

— Эй, — недоуменно сказал Энаго. — Что-то вы скисли. У Джонни, наверное, неприятности?

— Ну, это было ясно с самого начала, — ответил Клутха. — Я только ждал, когда он сам о них заговорит.

Все замолчали, давая Кеттрику время собраться с мыслями.

Джонни дожевывал отбивную и запил ее несколькими глотками бурбона. Теперь он чувствовал себя лучше и решил рискнуть.

— Мои дела на самом деле неважные, друзья, — признался он. — Мы приземлились на «Грелле» сегодня после полудня. Бокер, Хурт, Глеван... и мы с Чайт — разумеется, как нелегалы. Спустя час-другой охрана порта арестовала Бокера, Хурта и Глевана.

Клутха подался вперед.

— Почему?

— Потому что Бокер начал интересоваться «Звездной Птицей». — Кеттрик резко встал. — Мне нужно позвонить в ЗП.

— Но, Джонни...

— Потом, потом.

Кеттрик направился в дальний конец зала, где за стойкой бара блестел пластиковый пузырь телефонной будки.

«Куродай из Акерна, — думал он. — Вот это да! Ребята

из ЗП скорее всего не посмеют тронуть яхту, потому что в случае ошибки... Нет, посмеют. Потому что последствия их нерешительности могут оказаться куда серьезнее, чем гнев правительства Кирџаноку. Да и пострадает в этом случае всего лишь один человек — он сам.

Хотя... если «Серебряное Крыло» не несет на борту «Роковую Звезду», то тогда все теряет свой смысл. Спустя очень короткое время в созвездии вспыхнет звезда смерти, погибнут обитатели нескольких планет — а над всеми остальными нависнет смертельная угроза. И тогда судьба отдельного человека уж наверняка не будет иметь никакой ценности.

Он открыл дверь телефонной будки и уже было шагнул вовнутрь, когда Чайт вдруг встревоженно зарычала. Повернувшись, Кеттрик увидел в дверях таверны пятерых акернарцев в мокрых черных плащах. За ними следовали еще трое в черно-золотистых мундирах и блестящих полицейских касках.

ГЛАВА 18

Они сразу же заметили Кеттрика. Один из вошедших показал пальцем в угол, где стоял Джонни. Обменявшись несколькими фразами на местном наречии, люди в черных плащах решительно вошли в зал. Один из полицейских приказал Кеттрику не двигаться с места.

В тот же самый момент друзья, ожидавшие Кеттрика за столиком, поднялись и направились к акернарцам. Квип застыл за стойкой бара с открытой бутылкой в руке.

Недри надменно спросил:

— В чем дело?

Один из полицейских ответил с ледяной вежливостью:

— У нас жалоба на человека по имени Кеттрик. Отойдите, пожалуйста.

Его черные глаза беспокойно бегали, следя за посетите-

лями таверны, которые собирались по двое-трое, окружая Недри и полицейских. Их не слишком волновали проблемы Кеттрика, но Джонни был человеком, а Рынок был человеческим оазисом в Акерне. Естественно, что людям не понравилось вторжение акернарской полиции, пришедшей арестовать одного из них.

— Может, — сказал Недри, — нам лучше обсудить эту проблему здесь?

— Это невозможно. Нам поручено задержать Кеттрика. Пожалуйста...

Тем временем со стороны улицы послышался гул — возле таверны начала собираться толпа. Кеттрику показалось, что половина Рынка была уже здесь, а вторая — на подходе.

Квип неожиданно указал рукой в другой угол зала:

— Быстро, Джонни. Там черный ход.

Кеттрик бросился в гущу людей, оттолкнув кого-то с такой силой, что тот упал. Образовалась давка, которая смяла акернарцев. Те подались назад. Одновременно таверна начала наполняться людьми с улицы. Они окружили акернарцев, которые встревоженно переговаривались друг с другом, явно удрученные столь неожиданным поворотом дела.

Кеттрик позвал Чайт и бросился к черному ходу. Он уже почти был у цели, когда среди общей суеты раздался громкий окрик:

— Джонни!

Кеттрик остановился, как от удара молнии.

— Не двигайся, Джонни. Только не двигайся с места, — приказал знакомый голос.

Кеттрик замер, не отрывая изумленных глаз от входа в таверну. У двери среди трех или четырех офицеров в форме Патруля стоял Секма. Офицеры держали свои ружья на изготовку, прицелившись в Кеттрика.

Секма обратился к толпе:

— Успокойтесь, ребята. Ничего страшного не происхо-

дит. Просто надо немного посторониться и пропустить местных джентльменов.

Толпа нерешительно начала отступать от акернарцев. Секма кивнул паре своих офицеров, которые сразу же направились к Кеттрику.

Чайт спросила:

— Драться, Джон-ни?

— Нет, — ответил Кеттрик. — Ради Бога, нет.

При приближении офицеров он покорно поднял руки. Один из них был тем самым темнокожим полицейским, которого он видел на Твейне. Кеттрик подпустил их к себе и позволил вынуть нож из кармана куртки, стараясь не выдавать своей радости. Краем глаза он видел, что по крайней мере два акернарских полицейских уже взяли наперевес свое оружие, явно готовясь к наступательным действиям. Это были небольшие черные трубочки, которые не убивали, но болезненно ранили жертву. Кеттрик содрогнулся, подумав, что им с Чайт не удалось бы добежать до выхода, если бы вовремя не вмешался Секма.

Офицеры ЗП плотно окружили Кеттрика, не подпуская к нему акернарских полицейских. Чайт стояла у него спиной, недовольная, но как всегда покорная.

Секма обратился к местным полицейским, сопровождая свои слова вежливой улыбкой:

— Я очень вам благодарен, коллеги. Мы уже долгое время охотимся за этим человеком.

Акернарцы в гражданской одежде что-то возбужденно произнесли на своем языке. Их глаза горели злобой и ненавистью. Стоявший рядом с ними полицейский кивнул и перешел:

— К нам поступила жалоба на этого человека. Мы просим передать его в наше распоряжение.

— Вот как? — удивился Секма. — Можно узнать, в чем суть жалобы?

И снова в разговор вмешались акернарские чиновники. Полицейский внимательно выслушал их и ответил:

— В этом нет никакой необходимости. Пожалуйста, не мешайте...

Но Секма усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Вынужден вам напомнить, господа, что статья четыре девять три ноль семь, параграф А Кодекса Лиги, участником которой является Кирнаноку, гласит: «В случае спорных инцидентов со стороны местных властей и офицеров Космической полиции статьи Кодекса считаются превалирующими по отношению к соответствующим статьям местных законов». — Секма снова улыбнулся полицейскому. — Мне кажется, что лучше уладить дело прямо здесь, а не в суде. В чем суть жалобы?

Полицейский что-то проворчал, но слова Секмы произвели на него должное впечатление.

— Нападение на гражданских лиц в нетрезвом состоянии, материальный ущерб и нанесение физических повреждений упомянутым лицам.

Один из присутствующих штатских вмешался в разговор и произнес на дурном галакто:

— Человек по имени Кеттрик напал на нас на канале. Он преднамеренно повредил и затопил нашу лодку. И мы все чуть не утонули.

— Ах вот в чем дело, — понимающе кивнул Секма. — Печально и предосудительно. Советую не забывать этого прискорбного случая. Когда Джонни Кеттрика отпустят с Наркада, можете взять его на Кирнаноку и судить по вашим законам. А пока что его разыскивают по куда более серьезному обвинению в нелегальном проникновении в созвездие, торговле без надлежащих лицензий, незаконном управлении кораблем и в прочих нарушениях Кодекса, перечислениями которых я не стану вас утомлять. Надеюсь, теперь вы удовлетворены?

Наступила тишина. Трое акернарских полицейских застыли в нерешительности, сжимая в руках парализующие трубки. Им явно не хотелось подчиняться этим мерзким человекообразным, напиравшим на них со всех сторон. Кеттрик понимал, что если бы их действия были бы хоть сколь-

ко-нибудь законными, то акернарские власти подняли бы на ноги весь город, чтобы захватить его.

Но закон был не на их стороне, и полицейские решили не рисковать. Секма был прав, ссылаясь на Кодекс, и акернарцы совсем не хотели ссориться с Лигой Свободных миров, которую в данном случае представляли офицеры ЗП.

С проклятиями акернарцы повернулись и покинули таверну. Толпа у входа расступилась, пропуская их. Им вслед понеслись свист, улюлюканье, едкие выкрики. Толпа двинулась вслед за акернарцами, явно намереваясь проводить их до самых ворот Рынка.

Секма тихо обратился к Кеттрику:

— Давай выберемся поскорее отсюда. Только не через заднюю дверь, Джонни. Ты все равно не ушел бы таким путем — убили бы. При попытке к бегству, понял? Не очень-то умно было так поступать с твоей стороны. — Он посмотрел на Недри и других присутствующих и неожиданно широко улыбнулся. — Но тем не менее я тебе чертовски благодарен, Джонни. У меня с акернарцами давние счеты, и сегодня я немного отыгрался.

— Отныне у меня тоже зуб на этих парней, — сказал Кеттрик.

Энаго обратился к нему со словами:

— Э-эх, жаль, что эти твари решили не начинать драки. Давно у меня руки на них чешутся... Все в порядке, Джонни? Может, тебе нужна помощь? Нас здесь много...

— Спасибо, парни, — искренне поблагодарил всех присутствовавших в зале Кеттрик. — В любом случае спасибо вам.

Клутха подошел к ним, вопросительно переводя взгляд с Кеттрика на Секму и обратно.

— А как же Бокер? А Хурт? Джонни сказал...

— С ними все в порядке, — ухмыльнулся Секма. — Спасибо статье Кодекса четыре девять три ноль семь.

Кеттрик издал победный вопль, вытащил скомканную пачку мятых кредитных бумажек и бросил их Квипу.

— Налей всем виски. Пусть выпьют за мое здоровье.

Он торопливо пошел по темному коридору в окружении офицеров Звездного Патруля. Дверь резко распахнулась. В лицо ударил теплый ночной воздух с каплями дождя. На пристани рядом с таверной стояла моторная лодка, возле которой их ждали другие полицейские.

Все уселись под низким пластиковым навесом. Секма отдал приказ человеку за штурвалом, а сам расположился рядом с Кеттриком, по другую руку которого пристроилась Чайт. Лодка рванула вперед по направлению к главному каналу. Рынок исчез за кормой, а впереди засверкали огни космопорта.

Секма глубоко вздохнул и негромко выругался.

— Ну и в историю ты втравил меня, Джонни. Клянусь, упек бы я тебя в Наркад до конца жизни, если бы... — Последнее слово так и повисло в воздухе.

— Прошу прощения, — сокрушенно пробормотал Кеттрик. — Но все так быстро произошло. Я...

Он запнулся, поймав многозначительный взгляд собеседника. При бледном свете лодочных фонарей Секма казался почти стариком с бледным, изможденным лицом. Видимо, последние недели ему дались нелегко. Неожиданно он произнес на языке тхеллов:

— Чайт, наблюдай.

И Кеттрик понял, что даже здесь он не может считать себя в полной безопасности. Неужели и среди офицеров ЗП есть агенты хозяев «Роковой Звезды»?

Лодка причалила к пристани Патруля на главном канале. Там ждал большой глайдер, который должен был довести их по окружной дороге до Административного здания. Кеттрик заметил, что водитель не свернул в сторону подземных гаражей, а подъехал к фасаду. Они вошли внутрь через служебный вход. Когда компания наконец оказалась в кабине Секмы, тот облегченно вздохнул:

— Слава Богу, обошлось. Теперь можешь свободно говорить, здесь нас никто не подслушает.

Кеттрик ошарашенно взглянул на него.

— Выходит, даже в ЗП есть вражеские агенты?

— А ты как думал? Ты и не представляешь себе, какая зараза эта «Роковая Звезда». Она отравляет не только солнца, но и души людей. Хочется надеяться, что среди тех, кто был со мной сегодня, нет предателей. Но, увы, никогда нельзя быть уверенным в этом до конца. Поэтому большинство моих офицеров на самом деле считают, что ты задержан по причине нарушения Кодекса. — Секма устало опустил в глубокое кресло возле стола. — Ты страшно рисковал с этим телефонным звонком, Джонни. Но акернарцы чуть промешкали, и мы успели тебя вытащить из петли.

— Как вы нашли меня?

— Ты же сказал, что будешь действовать на свой страх и риск. А где еще можно собрать самые последние новости, сплетни и слухи? Только на Рынке. — При этом Секма склонился вперед и зло произнес: — Но в следующий раз, черт тебя подери, не надо хитрить сверх меры! Я мог бы подобрать тебя у той самой телефонной будки, из которой ты звонил. А ты бросил трубку и помчался прямо в пасть акернарцам.

Кеттрик насупился — слова Секмы больно его задели. Не хватало только, чтобы полицейские ищейки отчитывали его как мальчишку!

— У меня были сведения, что вы направляетесь на Гурру, — зло произнес он. — Откуда мне было знать, что вы в Аkerne? Весь вчерашний день я проторчал в порту, боясь нос высунуть из корабля, — где же вы были тогда? Ваша помощь мне не помешала бы... Впрочем, всё случилось к лучшему. Если бы я не отправился ночью на прогулку в доки, то не узнал бы о том, где находится эта проклятая «Роковая Звезда».

Секма вскинул голову:

— И что ты выяснил, Джонни?

Кеттрик удовлетворенно усмехнулся, не спеша достал пачку сигарет и закурил, наслаждаясь плохо скрытым волнением Секмы.

— Яхта «Серебряное Крыло» стояла в ремонтном доке

рядом со «Звездной Птицей». Я думаю, что детали этой дьявольской установки были перегружены на нее. Кстати, яхта принадлежит Сессорну, местному куродаю...

— Знаю, — коротко бросил Секма и торопливо вышел из кабинета.

Он вернулся через несколько минут.

— Яхта «Серебряное Крыло» стартовала спустя день после того, как «Птица» была направлена на ремонт в док. Вот так-то.

Кеттрик чертыхнулся.

— Этого-то я и боялся. Куда?

— Ты же прекрасно знаешь, Джонни, что частное некоммерческое судно не обязано сообщать свой маршрут. Но меня беспокоит не только это. Кто знает, может быть, Сери уже собрал на различных мирах созвездия все части «Роковой Звезды»? Тогда настало время для окончательной сборки и запуска установки. И самым удобным средством ее транспортировки может быть именно частная яхта куродая из Акерна, поскольку она не подлежит таможенному досмотру.

Секма повернулся к карте созвездия, которая занимала одну из стен его кабинета.

— Нам надо каким-то чудом угадать направление ее возможного движения, Джонни. И сделать это с первой попытки. Второй просто не будет.

Секма с ненавистью посмотрел на карту, словно негодуя на ее равнодушное молчание.

— Какие есть соображения на этот счет?

— Никаких, — признался Кеттрик. — Пока никаких.

Он вдруг почувствовал себя слишком старым и усталым. И зачем он ввязался в это безнадежное дело? Он сделал все, что мог, но «Роковая Звезда» всякий раз с легкостью выскальзывала из его рук. Так было на Гурре. Так случилось на Твейне. И так случилось здесь, на Кирнаноку. Видимо, этот орешек просто ему не по зубам...

«Звездная Птица» выполнила свою миссию. Сколько таких же кораблей прибыло в Акерн, неся на своем борту другие части смертоносной установки? Это уже не имело

значения. А теперь где-то в темных глубинах созвездия, среди тысячи солнц, следует намеченным курсом «Серебряное Крыло», и через несколько дней одно из этих солнц погибнет в яростной вспышке, унеся с собой миллионы жизней...

Кеттрик нервно рассмеялся, хотя ему совсем не было смешно.

— Все казалось очень просто, — сказал он наконец. — Я не очень-то поначалу верил в «Роковую Звезду». — И он пальцем начал чертить на карте свой маршрут. — Первую остановку я сделал на Тананару, как вы сами предложили. Потом последовали Гурра, Твейн, Кирнаноку... все это мне тоже было по пути.

— По пути куда? — нахмурился Секма.

Кеттрик щелкнул пальцем по кружочку, изображавшему Белое Солнце.

— Я все еще помнил о том миллионе кредитов, который ускользнул из моих рук по вашей милости, Секма. И я собирался на этот раз довести это дело до конца. Правда, вы хотели, чтобы я заглянул на Трейс, но я собирался сделать это на обратном пути.

Секма негодуяюще взглянул на него, а затем задумчиво опустил голову и пробормотал:

— Гурра, Твейн, Кирнаноку, Трейс... Странное совпадение — ведь Сери тоже выбрал этот маршрут. Но ты собирался надуть меня и после Кирнаноку заняться своими грязными делишками на...

Он осекся, взял указку и ткнул ей в карту, словно рапирой.

— Куда бы ты отправился после Кирнаноку, если бы хотел отравить звезду? Не на Трейс, конечно, потому что он уже отмечен в твоём полетном листе. Но куда же? Радиус прыжка ограничен, так что выбор не столь велик. Сюда, на запад от Кирнаноку? Возможно. Но эта звездная система густо населена, а на первом этапе игры в «Роковую Звезду» подобный ход был бы слишком сильным, поскольку повлек бы многочисленные жертвы. Страх надо подпитывать осто-

рожно, не обращая его в жажду мести, и Сери это, конечно же, знает. Тогда, быть может, яхта взяла курс на восток? Там расположены сразу три планетные системы, и они также весьма многочисленны. Где же собирать грандиозную установку, не рискуя при этом попасть на глаза местным жителям? Негде. А ведь Сери и его друзьям пока еще приходится прятаться... Для них гораздо легче и безопаснее было бы для начала отравить какое-нибудь периферийное солнце, у которого немного детей, желательно, примитивных гуманоидов... А тогда выбор у них совсем невелик.

И Секма неожиданно указал на южную часть Созвездия, на Белое Солнце.

— Как ни крути, кринны идеально подходят для этих целей. Они достаточно человекообразны, чтобы их гибель вызвала шок у людей, и в то же время их смерть не будет большой потерей для Лиги Свободных миров. Сери прекрасно знает все о Белом Солнце и о криннах, потому что его бывший партнер Джонни Кеттрик когда-то интересовался этим народом. Кроме того, мир криннов мало заселен, и там нетрудно разыскать пустынный район, где можно спокойно собрать «Роковую Звезду».

Секма положил указку на стол и подошел к Кеттрику, в упор глядя ему в глаза.

— Разве я не прав, Джонни? Или ты скажешь, что я цепляюсь за любую соломинку, потому что не могу и не хочу признать свое поражение?

Кеттрик покачал головой.

— Нет, я так не думаю. Напротив, теперь я точно знаю, в какой именно момент Сери решил избавиться от меня.

Секма удивленно приподнял брови.

— Я неосторожно сказал ему, что направляюсь на Белое Солнце, — пояснил Кеттрик. — Тогда Сери заволновался и спросил, что будет, если он откажется участвовать в моем плане. Я ответил, что за долю в добыче в полмиллиона кредитов всегда смогу найти других помощников. Тогда-то он и пообещал мне «Звездную Птицу», твердо зная, что я не доживу до следующего утра.

Стены кабинета задрожали от далеких громоподобных раскатов — на космодроме садился очередной звездный корабль. И тут же зазвенел сигнал селектора на столе.

Секма поднял трубку и, выслушав сообщение, коротко ответил «Хорошо». Затем он бросил на Кеттрика странный взгляд и направился к выходу.

Он открыл дверь и замер на пороге в ожидании. Вошла Ларис.

ГЛАВА 19

Она по-мужски поздоровалась с Секмой за руку. Ларис держалась неуверенно, голос ее звучал чуть слышно, она не смела поднять глаз, будто боялась чего-то. На ней было одеяние из темного шелка, туго подпоясанное на талии, со свободными рукавами, прикрывающими полностью ее руки и плечи. Такое платье могла бы надеть женщина, которой не хотелось выделяться. «Но Ларис при всем желании не может слиться с серой толпой», — с усмешкой подумал Кеттрик.

Она вошла в кабинет, увидела его и застыла на месте. Ее глаза широко раскрылись в удивлении, она смущенно улыбнулась и прошептала что-то невнятное.

— Здравствуй, Ларис.

Она беспомощно переводила взгляд с Кеттрика на Секму и обратно. Потом сокрушенно покачала головой и села.

— Дайте мне минутку, — попросила Ларис. — Я не была готова к этому. — Она вновь взглянула на Кеттрика, и в ее глазах сверкнули слезы, хотя губы улыбались. — Ты всегда появляешься в самый неожиданный момент, Джонни... — С этими словами она повернулась к Секме. — Я говорила ему, что этим все и кончится.

Секма сказал:

— Я скоро вернусь. — И тактично вышел.

Кеттрик стоял, глядя на Ларис сверху вниз. Красавица

сжалась в комок и наклонила голову, так что ему видны были только медные завитушки ее пышных волос.

— Я говорила ему, Джонни, — наконец произнесла Ларис. — Я надеялась, что этого не произойдет, я предупреждала...

— Где Сери?

— Мы расстались. Или, вернее, я ушла от него. — Ларис поднялась и отошла в сторону, остановившись возле занавешенного окна и нервно прижав руки к груди. — Я, кажется, совершила огромную ошибку, Джонни. Но мне от тебя ничего не нужно, ни упреков, ни утешений, ни мудрых советов.

Она повернулась к нему и с внезапной яростью воскликнула:

— Почему ты не ушел, когда я просила? Почему так упорствовал? Тебя все равно поймали...

— Поймали?

— Даже если бы тебе удалось сейчас сбежать, то все равно от Секмы не уйти. Полиция уже не выпустит жертву из своих зубов. Может быть, они даже убьют нелегала Кеттрика, чтобы избавиться от своей вечной головной боли. Я бы оплакивала тебя, Джонни.

— Правда, Ларис? — Он протянул руку и осторожно прикоснулся к завитушкам ее волос на затылке. Его ладонь обдало нежным теплом. Он ласково опустил ладонь на ее шею и внезапно сжал пальцы. Ларис вскрикнула, но он заставил ее повернуться лицом к нему.

— Скажи, ты плакала в ту ночь, когда узнала о моей гибели?

— О чем ты, Джонни? — Ее глаза твердо глядели на него с вызовом и злостью.

— Прекрасно, — сказал он с горькой усмешкой. — Замечательно. Выходит, ты ничего не знала о взрыве на озере? И даже не полюбопытствовала у Сери, куда я исчез?

— Конечно же, спросила.

— И что он сказал?

— Объяснил, что отказался помогать тебе и что ты отправился искать другого партнера, но он не знает, кого и где.

— И ты поверила?

— А почему я не должна была верить?

— Да, — горько произнес Кеттрик, — почему бы и нет? — Он отпустил ее и отошел к окну, с трудом пытаясь совладать с охватившей его дрожью. — А что он сказал тебе о Хиту и Чайт?

— Ничего.

— А ты разве не заметила, что они исчезли?

— После нашей встречи я возвратилась в свой старый дом. Утром я позвонила и узнала, что Сери уехал в космопорт. О взрыве на озере я, конечно же, слышала, но не думала, что это как-то связано с тобой и тхеллами. — Ларис перевела дыхание, глядя куда-то в сторону, словно опасаясь встретиться с ним глазами.

Чайт зашевелилась при упоминании имени Хиту, и Ларис, кажется, только сейчас заметила ее присутствие.

— Не понимаю, Джонни. Ничего не понимаю, — жалобно произнесла она.

С порога донесся голос Секмы. Кеттрик не заметил, когда офицер вошел в комнату, и потому не знал, как долго он прислушивался к разговору.

— Почему бы тебе не сказать ей, что произошло, Джонни? Я уверен, что это будет интересно нам обоим.

— Нет, — возразила Ларис. — Позже, сейчас важно другое. — Она подошла к Секме. — Я узнала кое-что о Сери совсем недавно. Он попросил меня срочно приехать на Кирнаноку, и я не выдержала, все бросила и примчалась сюда. Мы встретились, и Сери неожиданно разоткровенничался...

Женщина помолчала, перевела дыхание и снова заговорила.

— Он уже давно занимается этим проектом. Среди его партнеров люди с очень высоким положением... некоторые из них занимают важные посты здесь, в Акерне... Они затеяли сложную и опасную игру, что готовилась долгие годы в глубокой тайне. И теперь эта игра началась.

Оба мужчины молчали, и потому она продолжила после некоторой паузы.

— Вы слышали о «Роковой Звезде»?

— Да, — ответил Секма. — Кое-что.

— Тогда...

Ларис осеклась. На пороге появился темнокожий офицер.

— Все готово, сэр, — отрапортовал он.

Секма кивнул. Взяв Ларис за руку, он провел ее к двери.

— Пойдем, Джонни, и ты, Чайт.

Ларис заволновалась:

— Куда мы идем?

— Думаю, что ты подскажешь нам, Ларис. Пока что мы немедленно покидаем Кирнаноку. Время не ждет, мина уже зарыта в землю, и часовой механизм заведен.

Ларис остановилась, повернув к Секме встревоженное лицо.

— Вы хотите сказать, что увозите меня отсюда? Но я не могу уехать, я планировала...

— Дорогая моя, — прервал ее Секма, — после всего того, что вы рассказали, у вас нет выбора. Я не рискнул бы оставить вас здесь на милость Сессорна.

— О, — удивилась женщина. — Так вы уже все знаете!

Темнокожий офицер тактично заметил:

— Наверное, лучше поспешить, сэр.

— Мы знаем кое-что, — сказал Секма, взяв Ларис под руку и настойчиво выводя ее в коридор. — Не все, конечно, и это еще одна причина, по которой мне следует увезти вас отсюда. Не волнуйтесь, мы постараемся облегчить вам все тяготы перелета.

Ларис затравленно посмотрела на него, но больше не сопротивлялась и не спорила.

Они быстро миновали здание и вышли в дверь, ведущую на стоянку частного транспорта. Несколько офицеров Патруля поджидали их возле двух глайдеров. Среди них, к великой радости Кеттрика, находились Бокер, Хурт и Глеван.

Друзья обменялись крепкими рукопожатиями, но времени на разговоры не было. Их буквально втолкнули в глайдер, который стремительно помчался к трем кораблям, стоявшим на специальных взлетных площадках ЗП.

Два звездолета уже были полностью готовы к взлету. Первый оказался небольшим эсминцем, которые обычно используются для патрульных рейдов. Второй — боевым крейсером, применяемым лишь в самых критических ситуациях, когда Патрулю противостоят крупные космические эскадры контрабандистов. Кеттрик знал, что они были чрезвычайно быстроходны и наверняка превосходили в скорости «Греллу», «Звездную Птицу» и любое другое торговое судно. Возможно, они могли даже соревноваться с такой превосходной яхтой, как «Серебряное Крыло».

Но Кеттрик не тешил себя пустыми надеждами. Сери Отку имел солидную фору во времени.

Ларис сидела в кресле прямо перед ним, рядом с Секмой. Ее плечи были опущены, ветер трепал волосы. Она ни разу не оглянулась, и Кеттрик грустно подумал, что надежду возвратить былую любовь он уж точно потерял.

Глайдеры разъехались в разные стороны — один из них повез офицеров на маленький эсминец, остальные двинулись дальше, к крейсеру. Через несколько минут Кеттрик уже взбирался по высокому трапу вслед за остальными членами экипажа «Греллы», включая и Чайт. За ними следовали несколько офицеров, а также Секма с Ларис.

Внутренние помещения крейсера разительно отличались от кают и отсеков «Греллы». Все было чистым, тщательно надраенным, как и положено на военном судне, без малейших следов ржавчины. Однако кубрики корабля оказались скудно обставленными, и даже офицерский салон заметно уступал в комфорте кают-компания «Греллы». Кеттрик заметил, каким злорадным взглядом оглядывал Бокер все это полированное убожество.

— Бедная моя старушка «Грелла», — сказал наконец Бокер. — Как жаль с ней расставаться.

— Можешь вернуться на нее, если хочешь, — усмехнул-

ся Секма. — Глядишь, поспеешь к Белому Солнцу прежде, чем мы оттуда улетим.

— Нет уж, спасибо, я лучше здесь посижу.

Люки захлопнулись, прозвучал предупредительный сигнал, и пассажиры пристегнули ремни безопасности. Раздвижные кресла были частью обстановки салона, их подушки оказались глубокими и упругими в отличие от кривобоких, изношенных сидений «Греллы». Даже огромная Чайт не испытывала никаких неудобств, потому что размеры кресел можно было регулировать.

Крейсер стартовал, вздрогнув всем своим массивным телом, как огромная кошка, припавшая на задние лапы перед прыжком: на мгновение металлическая громадина зависла над посадочным полем, а потом с ревом и свистом прыгнула в небо.

Гул стих, как только были пройдены нижние слои атмосферы. Перегрузка спала. На стене вспыхнула надпись «Космос», и Секма расстегнул ремни и разрешил всем сделать то же самое.

— Ну вот, — сказал он, — теперь мы можем поговорить.

Он помог Ларис справиться с ремнями, поинтересовавшись:

— Что-нибудь вам принести? Может, воды?

Она отрицательно покачала головой.

— Прекрасно, — улыбнулся Секма. — Итак, вы хотели что-то рассказать о Сери и «Роковой Звезде».

Кеттрик увидел удивление на лицах Бокера, Хурта и Глевана, которых само присутствие Ларис озадачило с самого начала.

— Да, — сказала Ларис после долгой паузы. — Я собиралась сказать вам, что Сери сел на яхту Сессорна вместе с несколькими людьми куродея и еще кем-то, уж не знаю кем. На борту находятся все составные части «Роковой Звезды»...

— То есть Сери собрал все части механизма, которым можно «отравить» звезду и тем самым убить миллионы жи-

телей ее планетной системы. Верно? — Теперь Секма говорил прямо и резко, от его бывшей обходительности не осталось и следа. Ларис вздрогнула под его жестким, ледяным взглядом.

— Да... То есть я не уверена. Я так мало знаю...

— Продолжайте.

— Они собираются, — сказала Ларис упавшим голосом, — «отравить» звезду, чтобы показать всему созвездию, кто здесь хозяин. Это должно совпасть с очередной ассамблеей Лиги Свободных миров ...

Секма нетерпеливо перебил:

— Все это мы знаем. Вопрос в другом — КУДА именно они направились?

Кеттрик весь превратился во внимание. Он слышал дыхание Ларис, видел самые незаметные движения ее ресниц. Казалось, целая вечность прошла, прежде чем она заговорила.

— Да, — сказала она. — Знаю. Совершенно случайно, потому что Сери не говорил мне об этом. Я... я подслушала его разговор с Сессорном. Яхта направляется на Трейс.

ГЛАВА 20

Эти слова прогремели как гром среди ясного неба. Кеттрик вздрогнул и растерянно посмотрел на Секму. Но офицер не обратил на него внимания, потому что пристально вглядывался в лицо Ларис. Она ответила прямым и откровенным взглядом, как тогда, когда убеждала Кеттрика, что не знает ничего о происшедшем в Ри-Дарве.

Наконец Ларис спокойно сказала:

— Не знаю, сможете ли вы вовремя догнать Сери Отку. Он давно уже отправился на Трейс, и «Серебряное Крыло» очень быстроходная яхта. — Она отвернулась, плечи ее вздрогнули. — Жаль, что я не знала раньше...

Секма взял ее руку и галантно поцеловал:

— Я очень благодарен вам, Ларис. — Он встал и направился к двери. — Джентльмены, присоединяйтесь ко мне. Вар-Кован устроит вас всех. Ларис, вы можете пока уединиться здесь, в салоне, нажав кнопку за панелью. Устраивайтесь поудобнее. Мы не предполагали, что на борту будет женщина, поэтому не сразу смогли подыскать подходящую каюту.

Секма вывел всех в коридор, ожидая не без нетерпения, пока Чайт покинет салон, после чего он закрыл массивную дверь и сделал красноречивый жест, призывающий к молчанию. Потом он повел всех по коридору до капитанской рубки, которая в этот момент пустовала.

— Садись, Джонни. Я прекрасно понимаю, что ноги тебя не держат. — Он присел на край стола и сложил руки на груди. — Ты хорошо знаешь эту женщину. Она лжет или говорит правду?

Кеттрик вздохнул и покачал головой.

— Если она говорит правду, то это очень благородно с ее стороны — ведь она любит Сери Отку. Но я не знаю, что сказать, Секма. Просто не знаю.

Он действительно не знал. Ларис так отдалилась от него, что он уже ни в чем не был уверен.

Кеттрик подошел к карте на стене и набрал на пульте номер нужного сектора. Бокер, Хурт и Глеван молча ждали объяснений, ни во что не вмешиваясь. На экране появилась ярко подсвеченная навигационная карта, показывающая расположение звезд в южном секторе Созвездия в настоящий момент. Кирианоку, Трейс, Лантаванская банка, Белое Солнце.

— Трейс — вполне подходящее место для демонстрации возможностей «Роковой Звезды», — сказал Кеттрик. — Это единственная населенная планета в системе желтого солнца. На ней обитают гуманоиды с куда более развитой цивилизацией, чем кринны, но с Лигой у них не самые дружественные отношения, так что их гибель не вызовет волны всеобщего возмущения.

Секма хмуро уставился на яркое маленькое солнце, ок-

ружавшие его крошечные планеты и на темную полосу космического течения.

— А мы считали, что Трейс надо исключить, поскольку эта планета заявлена в маршрутном листе «Звездной Птицы», — сказал он. — Наверное, именно на такую реакцию Сери и рассчитывал.

— Не исключено. — Кеттрик не сводил глаз с желтой звезды, но перед глазами было только спокойное лицо Ларис с прямым, уверенным взглядом.

— Может быть, Ларис говорит правду, — продолжил он. — Правду такой, какой она ей кажется. Сери мог специально организовать тот разговор с Сессорном, зная, что Ларис передаст нам ложную информацию.

— Ложная информация? — резко переспросил Секма. — Так ты думаешь, что это неправда?

— Да, я так считаю.

— Почему?

Кеттрик ответил не сразу. Он прикрыл глаза, вспоминая:

— Я пришел в дом к Сери. Мы стояли возле лестницы, и поначалу разговор шел нормально. Но наконец я сказал ему, что приехал для того, чтобы закончить старое дело на Белом Солнце. Я припоминаю теперь, как резко изменилось выражение его лица. Ларис тоже слышала мои слова. А затем весь разговор свелся к тому, что и Сери, и Ларис всячески пытались отговорить меня от этого замысла. Но я отказывался и заявил, что в крайнем случае найду другой корабль и другого партнера. Сери понял, что меня не остановить, и тогда он решил убить меня. Наверное, опасался, что я могу помешать осуществлению его планов.

Секма не отвечал долгое время, задумчиво опустив голову, а потом сказал:

— Трудно сделать выбор, Джонни. Я думаю, что ты прав, но разве можно быть уверенным до конца?

— Нельзя, конечно, — нервно усмехнулся Кеттрик. — Но разве не подозрительно, что Ларис пришла в полицейское управление именно сейчас, когда мы уже готовы были

броситься по следу яхты Сессорна? Раскаившаяся подруга злодея, выдавшая его противникам важную информацию... Что-то не очень подходит эта мелодраматическая роль для Ларис. — Он в упор посмотрел на Секму. — Итак, что вы собираетесь делать?

— У меня в распоряжении два корабля, — сказал после некоторого размышления Секма. — Если мы направим их разными курсами, мы ослабим наши силы. Для того чтобы найти на поверхности планеты яхту или «Роковую Звезду», необходимы оба корабля... если мы, конечно, успеем вовремя.

Он бросил мрачный взгляд на подсвеченную карту.

— Но, боюсь, другого выхода нет. Волей-неволей придется дробить силы. Эсминец направится на Трейс. Я немедленно свяжусь по радиации с отделением Звездного Патруля на Кирнаноку и распоряжусь, чтобы второй эсминец срочно направили туда же. Сессорн скорее всего перехватит это сообщение и сделает вывод, что мы все направились на Трейс. Думаю, он будет доволен тем, что его уловка с Ларис удалась, — если, конечно, красавица на самом деле пыталась обмануть нас. А мы полетим на Белое Солнце.

Он подмигнул Кеттрику, улыбаясь кончиками губ, в то время как его глаза оставались холодными.

— Сыграем на судьбу созвездия, а, Джонни? И нашими игральными костями будут десятки, сотни миров, а ставками — миллионы жизней. Недурно, не так ли? Кто не хочет быть богом?

Он резко помотал головой, словно стараясь стряхнуть с себя все сомнения и страхи.

— У нас есть один козырный туз, если считать, что мы не промахнулись с выбором цели. Крейсер куда мощнее вашей допотопной «Греллы», и ему не придется ложиться в дрейф. Мы можем достигнуть Белого Солнца одним прыжком.

Бокер пробормотал:

— И на том спасибо.

— А как насчет «Серебряного Крыла»? — поинтересовался Кеттрик. — На что способна эта яхта?

— Не знаю. Но если бы это была моя яхта и если бы я собирался использовать ее именно для таких целей, то установил бы на ней самый мощный двигатель.

— А-а... — разочарованно протянул Глеван, — тогда яхта обгонит нас запросто. Ну а если... Мы сможем прыгнуть обратно?

Все поняли, что он имел в виду. Поиски могли закончиться неудачей, и корабль мог попасть в область взрыва солнца.

— Не сразу, — честно ответил Секма.

Глеван понимающе кивнул.

— Если не ошибаюсь на этом дредноуте применяется электронная система перезарядки гипердвигателя, куда более совершенная, чем у «Греллы» и любого другого торгового судна. Так что вы можете подготовить корабль к прыжку раза в два быстрее.

— Даже еще скорее, если не обращать внимания на некоторые инструкции. Но отравленное солнце взорвется еще быстрее. Впрочем, лучше надеяться на то, что мы успеем вовремя.

«Еще бы, — подумал про себя Кеттрик. — Иначе то, что произойдет в созвездии потом, нас уже может не волновать».

— Ну что ж, пора готовиться к прыжку, — сказал Секма и решительно направился к двери. — На разговоры у нас будет еще предостаточно времени. В этой истории есть пока много непонятного.

Вар-Кован, темнокожий офицер, поджидал Кеттрика и его товарищей в коридоре. Он улыбнулся, и его зубы ослепительно сверкнули на фоне темно-оливковой кожи.

— Спать придется по очереди. Эта женщина создает проблемы на корабле. Придется предоставить ей салон, ну а мы как-нибудь разместимся в двух каютах.

Они последовали за ним в каюту размером с хозяйственную кладовку, в которой из обстановки имелась лишь двухъярусная койка, предназначенная для вспомогательного персонала.

— Прекрасно, — сказал Бокер. — У нас на «Грелле» были именно такие хоромы. Только вот воздух у вас суховат, аж в горле першит.

— Не беспокойтесь, парни, начальство обо всем позаботилось, — подмигнул Вар-Кован и достал из шкафчика бутылку. — Приказ Секмы.

Сам он отказался составить гостям компанию и тут же ушел, сославшись на крайнюю занятость. Оставшиеся расселись на койках и на полу, и Бокер налил всем по полному стакану.

— Ну, друзья, выпьем за удачу. Слава Богу, она нас не оставила в Акерне. Я рад, что ты все-таки смылся от этих крокодилов, Джонни. Ребята из ЗП вытащили нас через пятнадцать минут после твоего звонка.

— А до этого, — вставил Глеван, — весь день мы потратили на то, чтобы убедить этих сукиных детей, что Бокер просто старый друг Сери и хотел всего лишь пожать ему руку в космопорту. Славно мы провели времечко, нечего сказать! До сих пор ребра болят...

Не успели они осушить свои стаканы, как крейсер с громоподобным воем вошел в гиперпространство.

ГЛАВА 21

Той же ночью, после того как Ларис отвели отдельную каюту, друзья перебрались в салон. Секма внимательно выслушал подробный рассказ Кеттрика о его встрече с Сери и том, что произошло после этого.

Затем он спросил:

— Почему ты не нашел меня?

— Потому что хотел побыстрее попасть на Белое Солнце, — неохотно признался Кеттрик. — Я хотел выудить у криннов миллион кредитов и дать деру. В то время я еще не верил в «Роковую Звезду» и никак не связывал Сери с этой историей. Глаза у меня открылись только на Гурре.

Бокер спросил Секму:

— Выходит, вы следовали за нами, когда мы шли на Твейн?

Секма кивнул.

— Я внимательно следил за всеми, кто покидал Ридарву. Сери стартовал на «Звездной Птице», а через несколько дней взлетела «Грелла» и последовала тем же курсом. Будь это не вы, я бы просто подумал, что совпадение маршрутов — случайность. Но и Сери, и Бокер были старыми друзьями Кеттрика, и я насторожился. Тогда я изучил таможенные декларации обоих кораблей. На «Птице» не было заявлено ничего особенно интересного, но набор товаров на «Грелле» явно был во вкусе Джонни. А когда я узнал, что Бокер долгое время сидел на мели, но буквально накануне отлета у него откуда-то появились деньги, последние сомнения отпали. Я понял, что Кеттрик — на «Грелле».

И Секма бросил неодобрительный взгляд на Кеттрика.

— Тебе повезло, Джонни, что я не схватил тебя на Гурре. Потому что я знал, что ты задумал.

Бокер с любопытством смотрел на Секму.

— Выходит, вам было известно, что Джонни был с нами на Твейне. Но почему вы ничего об этом не сказали? Вы же знали, что Флей укрывает его в своем доме.

— Конечно, я знал это, — подтвердил Секма. — Когда я был на Гурре, я разговаривал с Ниллейн. Она призналась, что Джонни был у них и что он направляется на Белое Солнце, чтобы обдурить простодушных криннов. Она хотела убедить меня, чтобы я последовал за Кеттриком и немедленно арестовал его. Это показалось мне подозрительным — ведь я знал, как Ниллейн была некогда привязана к Кеттрику.

Кеттрик мрачно опустил голову. Он был страшно огорчен тем, что вновь некогда преданная женщина предала его.

— Что-то было не так в этой деревне, что-то тайное и недоброе, — продолжил Секма. — Меня насторожило, что туземцы не хотели говорить о Сери, но почему-то страстно желали, чтобы их давний друг Джонни Кеттрик был аресто-

ван. Думаю, они рассчитывали, что этой задержки будет достаточно, чтобы Сери осуществил задуманное.

Секма снова повернулся к Бокеру:

— Я наконец настиг вас на Твейне, и тут вы начали плести что-то про Пеллин, чему поверить было совершенно невозможно. Да еще глаза мозолили три сына Флея, следовавшие всюду за вами по пятам, — все это однозначно объясняло происходящее.

Секма невесело улыбнулся.

— Но в этот момент, грубо говоря, вы уже потеряли значение для нас. Я понял, что части «Роковой Звезды» находятся уже на «Звездной Птице», и ринулся за ней вслед. Я готов был сражаться с Флеем и, если необходимо, пустить в ход все имеющееся на судне оружие, но это уже не имело смысла. Пришлось вас оставить на произвол судьбы — и я рад, что вы все-таки выкрутились.

— И все равно, вы слишком поздно прибыли на Кирнаноку.

— Да. Признаюсь, Сери удалось нас вывести на ложный след. Когда же мы приземлились в Акерне, яхты Сессорна уже и след простыл. Но в то время она была вне подозрений. «Звездная Птица» тихо-мирно стояла в ремонтном доке с пустыми трюмами, а команда отдыхала в городе, ожидая окончания ремонта. А Сери... Нам объяснили, что он отправился на одном из акернарских кораблей в соседнюю звездную систему якобы для проведения торговых переговоров. Комендант порта даже показал его имя в списке пассажиров. Я начал подозревать, что совершил просчет. Сери удалось ловко запутать следы, так что оставалась надежда лишь на тебя, Джонни. И, к счастью, ты эту надежду оправдал.

— Тогда какого же черта вы не встречали нас? — нахмурился Кеттрик. — Мы угодили в Акерн, как в котел с горячей смолой.

— Встречал. Но ты же не послал мне открытку с датой своего прилета на Кирнаноку, верно? И тем не менее все бы обошлось, если бы Бокеру не пришла в голову замечатель-

ная мысль сразу же после прибытия в Административное здание сделать запрос насчет «Звездной Птицы». Прекрасно! В справочном отделе работали люди Сери Отку, и они тут же убрали из списка информацию о вашем прибытии и навели на вас местную полицию. Хорошо, что у меня есть в Аkerne свои агенты, и я вскоре узнал об аресте Бокера и остальных. Акернская полиция сделала все возможное, чтобы помешать нам. Они шпионили, прослушивали наш телефон, наши кабинеты... я недаром так спешил убратсья оттуда. Если бы тебя схватили, Джонни, то не думаю, что они дали бы и нам взлететь.

Хурт слушал, нахмурившись, время от времени потирая шрам на боку. Наконец он недовольно пробурчал:

— Но почему именно мы должны вычерпывать этот чан с дерьмом? Лично я не гожусь в герои, да и эта «Роковая Звезда» слишком большой кусок для моего рта. Не только мы, все созвездие в опасности, но что-то в драку никто не рвется.

Кеттрик согласно кивнул:

— Что верно, то верно. Немало времени прошло после нашего разговора в доме Веккерса на Земле. Наверное, можно было многое сделать, задействовав официальные каналы. Я имею в виду различные межпланетные службы безопасности, всю мощь Звездного Патруля, внешнюю разведку и прочее, прочее, прочее. Вы ведь не рассчитывали только на тонкую соломинку по имени Джонни Кеттрик?

— Мы сделали все, что могли, — сказал Секма. — Но ты же знаешь, как это бывает. В любом цивилизованном мире политиков волнуют только предстоящие выборы, интеллектуалы заняты своими теориями по совершенствованию человечества, а само человечество набивает себе желудки и болтает о всяческой чепухе. Никому и дела нет до таких неприятных вещей, как «Роковая Звезда». Люди просто не хотят верить в нее, как не верил ты сам. А те, кто верит, активно работают на нее, при этом мило улыбаются и врут всем в глаза. Так что единственное, чего нам удалось достичь, — это размножение слухов и сплетен, которых и без

того хватает. А часто местные власти просто не желают предоставлять нам информацию по непонятным причинам.

Секма вздохнул. На его лице ясно проявились все тревоги и разочарования прошедших месяцев.

— И все это время ты ходишь по острию ножа, потому что ничего не известно, — продолжил Секма. — Чиновники, охрана, местные жители, министры, куродай... каждый может оказаться врагом, и даже офицеры ЗП. Могу дать руку на отсечение, что не один раз наши запросы преднамеренно замалчивались. Люди типа Сессорна есть во всех мирах, они затягивают, запутывают дело в ожидании звездного апокалипсиса. И можно не сомневаться, что они будут громче всех призывать сдаться, когда наступит тот страшный день.

— Жажда власти, — угрюмо прокомментировал Глеван, — это еще страшнее золотой лихорадки.

— К черту все психологические мотивы, — сказал Кеттрик. — Меня интересуют сейчас более практические вопросы: что это за штука, которой можно отравить звезду? Как она выглядит в собранном состоянии? Секма, вы говорили, что нужно прежде всего осмотреть планету с орбиты. Вы считаете, что «Роковая Звезда» будет размещена на поверхности?

— Да, таков вывод наших ученых. Они считают, что инициировать ядерные процессы в недрах солнца можно только в результате многоступенчатой операции. То есть изменения на солнце не происходят после первого же удара, для этого нужно произвести серию воздействий, которая и будет стимулировать нарастающую цепную реакцию.

Есть мнение, что «Роковая Звезда» представляет из себя сравнительно небольшое пусковое устройство, которое способно произвести серию выстрелов сверхскоростными ракетами. Их боеголовки скорее всего начинены изотопами кобальта и катализаторами. Последние вступают в реакцию с атомами кобальта, которые обычно имеются в недрах звезд, и порождают другие изотопы, нестабильные и подверженные распаду. А потом реакция становится необратимой, и

солнце превращается в гигантскую ядерную бомбу, которая уничтожает все живое на миллионы миль вокруг. Наверняка ракеты не могут быть запущены с корабля вблизи солнца, потому что его экипаж и пассажиры подвергнутся чудовищному удару гамма-излучения еще до завершения операции. Если же устройство находится на поверхности ближайшей к звезде планеты, то операторы установки могут включить автоматическое пусковое устройство и спокойно покинуть это место.

Кеттрик кивнул.

— Ладно. Давайте тогда взглянем на карты. Я знаю мир криннов; наверное, как никто другой в созвездии. Может быть, нам удастся определить самые вероятные места размещения «Роковой Звезды». Кстати, мы можем увеличить свои шансы при помощи спасательных шлюпок, если разместим на них локаторы...

— Только не на обеих сразу. Одну надо придержать на случай, если мы заметим пусковой механизм в каком-то районе, где корабль не сможет сесть. Но одна шлюпка — это возможно. — И Секма расстелил карты планеты криннов на столе.

Большую часть времени прыжка они провели возле этой карты, делая перерывы на еду и сон. В один из таких перерывов Кеттрик неожиданно оказался наедине с Ларис.

Она почти не выходила из своей каюты. Когда Секма сообщил ей, что они не идут на Трейс, на лице Ларис не дрогнул ни единый мускул. Она только сказала: «Жаль, что вы не поверили мне». При этом ее лицо было похоже на непроницаемую маску, каким оно запомнилось Кеттрику в ту злополучную ночь в Ри-Дарве. С той минуты молодая женщина не произнесла ни одного слова. Лишь на короткое время она присоединялась к общим трапезам и сразу же исчезала, плотно затворив дверь своей каюты. Что было причиной такой отчужденности? Была ли то уязвленная гордость от того, что ей не поверили? Отчаяние, что она не справилась с заданием Сери? Или страх перед «Роковой Звездой», бо-

язнь за своего возлюбленного? Кеттрик не мог сказать ничего наверняка.

Когда он неожиданно наткнулся на Ларис в пустом салоне, она подняла на него усталые покрасневшие глаза.

— Прости, — пробормотала она и постаралась незаметно проскользнуть мимо Кеттрика к выходу. Но он задержал ее.

На Ларис был зеленый форменный комбинезон ЗП, который ей одолжил кто-то из экипажа, чтобы она могла сменить свое единственное платье. Но и в мужской одежде Ларис сохранила пленительную грацию, и Кеттрик почувствовал хорошо знакомое ему волнение от близости чудесного тела, которое когда-то дарило ему столько наслаждений. Сейчас она лишь напряглась под прикосновением его руки и попыталась вырваться.

— Пусти меня, Джонни. Нас с тобой больше ничего не связывает. Ничего.

— Верю, — согласился Кеттрик, но не отпустил девушку. Она была так близко, что он ощущал тепло ее кожи и аромат волос.

— Ты когда-нибудь любила меня, Ларис?

— Что за глупый вопрос!

— Да, наверное, глупый. — Кеттрик убрал руку. — Ладно, иди.

Он повернулся и вдруг услышал за спиной голос, пронизанный болью:

— Тебе не стоило возвращаться, Джонни. Почему ты не оставил нас с Сери в покое? Мы были так счастливы...

И с этими словами она ушла, с нескрываемым отворачиванием пройдя мимо Чайт. Кеттрик вспомнил, что Сери никогда не пускал тхеллов в дом, когда там была Ларис.

Чайт тихо фыркнула, но ничего не сказала. «Настоящая леди, — подумал Кеттрик, — даром что в шкуре».

Он уселся за стол, налил себе вина, но пить не стал. Так и остался сидеть, уставившись невидящими глазами на бокал и забыв про него.

Через некоторое время он осознал, что впервые с момен-

та своего отъезда с Земли вспомнил девушку по имени Сандра. И на душе стало чуть легче.

На следующий день корабль вышел из гиперпространства.

Перед ними горело Белое Солнце, одно из немногих горячих белых солнц в Хейдесе. Яростный свет безжалостно бил в иллюминаторы дредноута.

Счетчик радиации показывал норму. Белая звезда пребывала в полном здравии.

— Временная отсрочка... — пробормотал обрадованный и в тоже время озадаченный Кеттрик. — Или ошибка?

Секма не ответил.

Они смотрели на мир криннов, плывший словно голубой мотылек в ласковом зареве солнечного света. Корабль сделал широкую дугу, изучая эту небольшую систему. Уже не было сомнений относительно того, какая планета могла быть выбрана в качестве платформы для запуска кобальтовых ракет. Два маленьких внутренних мира представляли собой наполовину расплавленные каменные шары, три внешние планеты не подходили из-за отравленной атмосферы, повышенной гравитации и невыносимого холода. И только в мире криннов можно было спокойно собрать сложное техническое устройство, нацелив его в самый центр солнца.

Сквозь просветы в облаках можно было разглядеть рельеф поверхности планеты. Кеттрик сделал сотни голографических снимков белых пустынь, черных вулканических зон, ребристых горных хребтов, мелких морей, зеленых пятен лесов и джунглей. Когда на следующем витке корабль спустился ниже, он отчетливо разглядел извилистые ленты рек и четкие полосы возделываемых полей.

В коммуникаторе капитанской рубки послышался голос радиста:

— Сэр! Срочное сообщение...

Его тут же прервал чей-то властный и уверенный голос, отчетливо слышимый даже в шипении и треске атмосферных помех:

— «Серебряное Крыло» вызывает крейсер ЗП. Здравствуйте — и прощайте, поскольку мы уже уходим. А вам сове-

тую взглянуть на приборы и поразмышлять, дорога ли вам жизнь. Вы опоздали.

Наступившую напряженную тишину развеяли слова оператора радара:

— Капитан, я зарегистрировал вспышку над южным полушарием. Похоже, яхта ушла в гиперпространство.

Люди на мостике застыли, пораженные быстротой, с которой все это произошло. Кеттрик увидел, как лицо Секмы побелело, а на лбу выступили капельки пота. Впрочем, он сам вряд ли выглядел лучше.

Под ними проплывал мир криннов, спокойный и умиротворенный. Полыхало Белое Солнце, выбрасывая в бархатную пустоту гигантские протуберанцы. Все выглядело как обычно и ничего не предвещало надвигающейся катастрофы.

И тут стрелка на счетчике радиоактивности сделала небольшой предупредительный скачок.

ГЛАВА 22

Секма первый нарушил тишину. Голос его прозвучал тихо, но достаточно твердо, словно ничего и не произошло.

— Сначала мы, как и запланировано, осмотрим дневную сторону планеты. Не исключено, что мы сможем обнаружить пусковую установку и обезвредить ее до наступления цепной реакции на солнце.

Корабельный штурман, пожилой дарван, коротко спросил:

— И сколько у нас на это осталось времени?

— По прогнозам ученых, этап, когда процесс становится необратимым, наступает приблизительно через двенадцать часов после попадания в солнце первого снаряда, — хладнокровно ответил Секма, будто бы речь шла о каких-то совершенно отвлеченных, чисто научных проблемах. — Но, к сожалению, мы понятия не имеем, когда «Роковая Звезда»

выпустила первую свою ракету, так что эти подсчеты ничего нам не дают.

После наступления критического этапа, — продолжил после некоторой паузы Секма, — нарастание цепной реакции становится более стремительным. Радиация становится смертоносной уже через шесть или семь часов. Обычная корабельная защита типа нашей здесь бессильна. Поэтому...

— Поэтому, — продолжил за него штурман, — нам стоит поспешить, не так ли, сэр?

Он ничего не сказал о том, что именно нужно поспешить сделать экипажу. Но Кеттрик подозревал, что штурман имел в виду отмену орбитального поиска, быстрое приготовление к следующему прыжку и уход в гиперпространство. Наверное, об этом же подумали все остальные члены экипажа. Их всех сдерживало только одно, и, судя по себе, Кеттрик знал, что это отнюдь не храбрость, а просто стыд — никому не хотелось первому признаться в своей слабости и трусости.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Кеттрик вмешался в разговор:

— На поиск и обезвреживание пускового устройства уйдет масса времени. А нельзя ли взорвать эту штуковину ударом из космоса?

— В принципе можно, — неохотно признался Секма. — На нашем борту есть мощные ядерные бомбы. Но тогда получится, что не «Роковая Звезда», а мы собственными руками уничтожим эту планету. Сери и Сессорн будут огорчены, но для криннов это станет слабым утешением. На такое можно пойти только в самом крайнем случае.

Он отдал по коммуникатору несколько приказов, и корабль мощно рванулся вперед. Штурман вернулся на свое место, где они со вторым пилотом начали проверять параметры исходной поисковой орбиты. Все выглядели спокойными и деловитыми, словно могучий корабль нес их к победе, а не навстречу гибели. Между тем им предстояло найти иголку в стоге сена размером с планету, в то время как Сери

и его сообщники преспокойно готовятся предъявить Лиге Свободных миров жесткий ультиматум.

— Я думаю, у нас в распоряжении не так уж мало времени, — сказал он, обращаясь к капитану. — Сессорн не стал бы связываться с нами по радио, если бы это не было ему нужно. Не о нашей же безопасности он заботился, в конце концов! Нет, он наверняка опасался, что мы сможем обнаружить «Роковую Звезду», и потому решил посеять в наших сердцах панику.

Секма цинично усмехнулся:

— Ну что ж, утешай себя такими рассуждениями, Джонни, если можешь. Нам надо просмотреть из космоса полмира, только ту часть, которая ныне освещена солнцем. Как только день настанет в другом полушарии, нам придется убираться подобру-поздорову. Если у тебя возникнут какие-нибудь деловые соображения, будь другом, поделись.

— Я сделаю лучше, — сказал Кеттрик, уязвленный едким тоном капитана. — Я спущусь и завербую на эту работенку криннов. В конце концов, это их солнце. — Его позабавило сомнение на лице Секмы. — Чего вы испугались, капитан? Что я прихвачу по пути пару драгоценных камней?

— Не сомневаюсь, что прихватишь, — проворчал Секма и внезапно улыбнулся. — Ладно, черт с тобой. Если сумеешь выманить у криннов камни, то можешь оставить их у себя. Только не забывай, если Белое Солнце вспыхнет словно костер, они тебе не очень-то понадобятся. Иди на палубу, мы подготовим посадочную шлюпку через несколько минут.

Кеттрик спустился в салон, где бездельничали Бокер, Хурт и Глеван, которых капитан пока не допустил на вахту. Впрочем, они слушали разговоры экипажа по внутреннему коммуникатору и были в курсе всего происходящего.

— Надеюсь, вы слышали, в какую петлю я засунул голову.

— Да. — Бокер торопливо складывал в сумку бутылки с вином. — Нам это пригодится, чтобы отметить победу или... или свой последний час. — Одну бутылку он бросил Кеттрику: — Держи, Джонни.

Кеттрик сунул бутылку под рубашку, ощутив холод стекла на коже.

— Выходит, вы хотите спуститься вместе со мной?

— Куда угодно, хоть в преисподнюю. Мы уже намаялись от безделья на этой замечательной посудине. Эх, сюда бы сейчас мою «Греллу»!

— А ты, Чайт?

— Идти наружу, Джон-ни?

— Да.

— Хорошо. Здесь скучно и негде бегать.

Все вместе они пошли по коридору в сторону палубы. Проходя мимо двери каюты Ларис, Кеттрик остановился.

— Мы подождем возле шлюпки, — буркнул Бокер и вместе с остальными направился дальше.

Кеттрик, почувствовав учащенное биение сердца, постучал. Щелкнул замок, и дверь каюты отворилась. Ларис вновь была в своем платье. Она тщательно уложила волосы и немного подкрасила лицо, которое, как показалось Кеттрику, стало еще прекраснее. Только глаза ее оставались безжизненными и холодными.

— Я пыталась спасти тебя, Джонни, — сказала она. — Если бы корабль направился на Трейс, ты остался бы в живых. Неужели ты так ничего и не понял?

Кеттрик ласково погладил ее по плечам и покачал головой.

— Нет. Я и сейчас тебя до конца не понимаю. Кого же ты все-таки любишь, меня или Сери Отку?

— Я очень любила тебя, Джонни. Как никого и никогда. Но недостаточно для того, чтобы поехать с тобой, когда ты был выслан из созвездия. Мне жаль, что все так вышло, но я ведь никогда ничего тебе не обещала. Я всегда знала, что ты все равно оставишь меня.

— Мы еще можем спастись, Ларис, и тогда начнем все сначала.

Ему показалось, что в ее застывших темных глазах что-то мелькнуло.

— Но как?

— Если вовремя обнаружим пусковую установку и обезвредим «Роковую Звезду», прежде чем цепная реакция на солнце станет необратимой.

Он выжидательно взглянул на Ларис, но та грустно опустила глаза.

— Но я не знаю, где находится «Роковая Звезда», — ответила горько она. — Поверь, я не хочу умирать и не стала бы сейчас ничего скрывать!

Кеттрик поверил ей.

— Жаль. Делать нечего, я спускаюсь на планету, — сказал он. — Прощай, Ларис.

Она невидящим взглядом смотрела сквозь него, как будто думая о чем-то совсем далеком.

— Сери в безопасности, если тебя это может утешить, — уязвленно добавил Кеттрик.

— Сери? О да... Кто-то из вас двоих должен был умереть, и я рада, что это будешь ты. Считай это моей мезтью.

— Да, — согласился Кеттрик. — Только я не умираю один. — С этими словами он слегка коснулся пальцами ее щеки — она оказалась холодной, словно лед. — Смерть делает то, что не смогла сделать жизнь: она разлучит тебя с Сери, зато соединит со мной. Прощай, милая, и до скорого свидания — только вот не знаю, на каком свете.

Ларис в ужасе отпрянула и закрыла лицо дрожащими руками. Кеттрик вышел из каюты и, не оглядываясь, захлопнул за собой дверь.

ГЛАВА 23

Пилот шлюпки, мрачный, неразговорчивый человек, в безумной спешке высадил их в том районе, куда указал Кеттрик, и, едва дав им ступить ногой на твердую землю, умчался обратно на корабль. Кеттрик не обвинял его. Портативный счетчик показывал, что радиация все еще в преде-

лах нормы. И все равно ему казалось, что солнечный свет больно обжигает и ранит кожу, словно в его кошмарном сне.

Они стояли на самом солнцепеке, в пустыне, среди белых барханов. Рассвет здесь наступил три часа назад, но воздух был уже сухим и нестерпимо горячим. Вдали, у самого горизонта, над песчаными дюнами висело перевернутое отражение озера, обрамленного белыми полосами водорослей.

В противоположном направлении, на краю песчаного моря, простиралась плодородная долина шириной в несколько миль. Она змеей скользила вслед за изгибами реки, пересекающей половину континента. Далее вновь началась бесконечная пустыня, докатываясь до подножия высоких гор. К западу, вниз по течению реки, на равнине подымалась гряда холмов, напоминавших издали цепь старинных боевых кораблей. К востоку, вверх по течению, оазис завершался усеченным конусом небольшого вулкана, давно уже не действующего, но покрытого черными натеками старой лавы.

— Недурное местечко для нового ада, — сказал Бокер. — Здесь уже сейчас дышать нечем, а что будет, когда эта белая звезда запыхает, словно тысяча солнц!

Хурт в ответ выдал такое, отчего, казалось, даже покраснел песок. А Глеван сказал:

— Часы наши сочтены, так что давайте не будем терять времени. Я хочу встретить свой последний миг в объятиях местной красотки и с бокалом вина в руке. Пошли, чего стоим?

Они подняли рюкзаки с подарками, продуктами и фильтрами для очистки воды, захватили с собой оружие и флаги с вином и направились в сторону оазиса. Кеттрик нес также переносную рацию — это была единственная призрачная нить, связывающая их с барражирующим на орбите кораблем.

Вся группа начала спуск с крутого склона по тропинке, усыпанной коварными выскальзывающими из-под ног камушками и зыбким песком. Тропа вела к зеленому полю,

расстилавшемся внизу вдоль берега реки. Ступая по предательской почве, Кеттрик думал, что все они — и там, на орбите, и здесь, на земле, — надеются не просто на удачу. Спасти их может только чудо.

Если было бы вдоволь времени, то все можно было успеть сделать. Бортовые металлоискатели были настолько совершенными, что от них ничего не могло укрыться. Но времени не было...

Крейсер и шлюпка, сопровождающая его, должны просмотреть целое полушарие, не пропуская ни одной квадратной мили, подвергая особенно пристальному обзору малообитаемые зоны. При этом будут задействованы все локаторы и средства визуального наблюдения. И все равно шансов разыскать «Роковую Звезду» практически нет.

Яркий солнечный свет затмит любую вспышку взлетающей ракеты, если, конечно, это не произойдет прямо под бортом корабля. Низкая облачность и огромные клубы вулканического дыма затруднят обзор обширных территорий, а горы и холмы осложнят работу радара.

Оставалось лишь надеяться на то, что Сери и его друзья слишком уверовали в собственную безопасность и недостаточно тщательно закамуфлировали пусковое устройство. Блеск металла на ярком солнце виден издали, особенно в этом полудиком мире.

Пару раз во время мучительного спуска Кеттрик включал радио. Крейсер в данный момент находился вне сферы их радиовидимости, но шлюпка все еще была достаточно близко, и Кеттрик мог поговорить с ее экипажем. Разговор оказался коротким, поскольку никаких новостей пока не было.

Воздух стал заметно более влажным, вдоль склонов долины появились небольшие виноградники. Кеттрик искал глазами местных жителей, но Чайт учуяла криннов первая, дав знать об этом ворчаньем.

Внизу показались деревья с высокими блестящими стволами и гибкими ветвями, увешенными огромными, как опахала, резными листьями. Под деревьями среди травы

было заметно какое-то движение. Через секунду прямо перед ногами путников в землю воткнулось острое деревянное копье.

Кеттрик вышел вперед, остановился возле копья и выкрикнул на наречии криннов, столь же примитивном, как язык Чайт:

— Джан будет говорить с Гнаком. Он даст Гнаку много подарков и даст подарки людям реки.

Кеттрик вытянул обе руки ладонями кверху и стал ждать не без легкой тревоги. Он давно не был здесь, а у криннов короткая память. Гнака, быть может, уже давно нет в живых. Или же он просто сегодня не в духе и потому прикажет своим воинам проткнуть незваных гостей копьями.

Солнце поднималось к зениту, и жара становилась нестерпимой. Стрелка счетчика радиации медленно ползла к красной отметке, за которой излучение становилось опасным для жизни.

Наконец Гнак вышел на тропу. Кеттрик облегченно вздохнул — вождь криннов узнал его.

— Будем говорить, — сказал Кеттрик, дружески улыбаясь.

Гнак кивнул, и они вошли в гущу леса.

Деревня криннов была довольно грязной. Хижины из ветвей и огромных листьев защищали обитателей от дождя. Они были беспорядочно понаставлены среди деревьев, а в самом центре деревни, на большой поляне, находилась яма для священного костра, который разжигался перед обиталищем местного божка — жутким на вид сооружением из костей и черепов. Божком служило вертикально установленное бревно, верхушка которого была увенчана глиняной уродливой головой, размазанной яркими красками и украшенной самоцветами. Кеттрик как-то насчитал около пятидесяти таких камней на ожерелье и набедренной повязке божества. Мало кто из богов созвездия был таким состоятельным.

Мужчины уселись на гостевой стороне поляны, подальше от храма. Кеттрик не отпускал от себя Чайт, строго запретив ей рычать. Тхелла покорно подчинялась, но шерсть

на ее холке стояла дыбом. Чуть в стороне, возле другого костра, сгрудились кринны, повернувшись лицом к пришельцам. Это были заросшие шерстью сутулые создания, напоминавшие доисторических людей Земли. У них сохранился хвост, поскольку их предки были обезьяноподобными, и это тоже сближало их с людьми. У криннов были зубы, предназначенные для того, чтобы рвать добычу, мускулистые руки и массивные, сильно вытянутые подбородки. От них несло резким и отвратительным запахом, одновременно человеческим и звериным. Цвет шерсти, покрывавшей их мощные тела, был разных оттенков — от черного до пятнисто-красного. Одежду из шкур носили только самые влиятельные мужчины. Они же украшали себя ожерельями из самоцветов, число которых зависело от занимаемого в племени положения. У Гнака их было столько, сколько пальцев на руках и на ногах, больше, чем у всех остальных его людей, но куда меньше, чем у глиняного божка. Однако кринны не умели сверлить камни, поэтому оправками камням служили плетенки из жил животных. Но даже в таком уродливом обрамлении самоцветы сияли необыкновенной красотой.

В соответствии с иерархией криннов Кеттрик стал раздавать мужчинам подарки. Это был обычный набор для дикарей из всякой всячины, включающий все, что сверкало и внушительно выглядело. Кеттрик сгорал от нетерпения, но он знал, что ни в коем случае нельзя спешить. В конце он преподнес самый значительный подарок Гнаку. Это был запасной шлем от скафандра. Кеттрик вручил его со словами:

— Я дарю это Богу, который позвал меня.

Раздался удивленный вздох. Гнак принял подарок, положил его на гору костей перед храмом и вернулся на свое место.

— Бог говорить только с Гнак, — горделиво произнес он.

— Правильно, — подтвердил Кеттрик. — И ты сказал ему, почему мы пришли. — А про себя он подумал: «Господи, как внушить этим тупым обезьянам, что их солнце может

в любой момент обрушить на них потоки смертоносных лучей?»

— Бог сильный, как Гнак, — продолжил Кеттрик. — Он может сказать очень громко. Он может крикнуть через звезды. Он сказал мне: «Пришли злые духи в облике людей. Они стоят на моих горах. Они колдуют. Гнак, великий вождь, мой брат, видел это. Он знает это колдовство. Он знает, что они замыслили».

Маленькие глазки Гнака озадаченно округлились. Если Бог действительно так сказал, то возражать нельзя было, равно как нельзя было признаться перед всем племенем, что он не в курсе дела. Ему пришлось хмыкнуть, стукнуть себя кулаком в грудь и произнести:

— Гнак — брат Бога. Он знает все.

Кеттрик подсказал:

— Гнак знает, те злые люди приходили, чтобы убить солнце.

Гнак приоткрыл от изумления рот. По толпе мужчин пробежал взволнованный шепот. За их спинами резко заголосили женщины и дети. Инстинктивно все вскинули головы к небу.

— Они убивают солнце! — прокричал Кеттрик, входя во вкус роли деревенского прорицателя. — Они отравляют его своим злым колдовством! — Он вытащил нож Флея из-за пояса и воткнул его в грязь под своими ногами. — Они проткнули его вот так, и оно умрет. И кринны тоже умрут.

Гнак в ужасе уставился на лезвие ножа.

Кеттрик вскочил на ноги и указал рукой в небо.

— Бог и его брат Гнак спасут солнце. Они позвали нас сюда на помощь. Потому что мы знаем пути тех злых людей и можем напустить на них свое колдовство.

Веди нас, великий вождь! Говори с людьми на реке и найди тех злых людей и убей их! — Кеттрик по местному обычаю опустился на колени перед Гнаком. — Веди нас, Гнак, туда, где злые духи колдуют с огнем и громом, с грохотом, идущим с небес и на небеса. Спеши, о вождь, и спаси солнце!

Гнак не спускал с гостя напряженного непонимающего взгляда. Кеттрик не вставал с колен. Бокер, который понимал речь криннов, толкнул в бок Хурта и Глевана, и они тоже сразу же склонили головы.

Наконец второй вождь с десятью камнями в ожерелье вскочил на ноги и, потрясая копьем, выкрикнул:

— Веди нас, Гнак!

Остальные мужчины племени слились в дружном крике:

— Гнак! Гнак!

Гордость распирала Гнака, хотя он по-прежнему ничего не понимал. Его хвост выгнулся упругой дугой. Вести вперед своих людей — это дело вождя, и само величие идеи подхлестнуло его самолюбие. Он топнул ногой, стукнул кулаком в грудь и прокричал:

— Гнак спасет солнце!

И он пошел в сторону реки, и вслед за ним потянулась добрая половина племени.

— Бог будет говорить через говорящие бревна, — поразмыслив, сказал Гнак шагавшим рядом с ним гостям.

— А если не будет? — взволновался Бокер, обращаясь к Кеттрику на галакто. — А если люди реки ничего не знают о Сери и его людях?

— Тогда ты не переживешь следующее утро, только и всего, — подбодрил его Кеттрик. — Так что успокойся и наслаждайся жизнью.

— А я буду молиться о чуде, — дрожащим голосом произнес Глеван.

Вскоре отряд спустился к реке. На ее берегу лежали выдолбленные внутри бревна различной длины, которые служили для криннов своеобразными барабанами. С помощью таких бревен могли переговариваться все племена криннов, живущие вдоль реки. Гнак взял в руки тяжелую палку и начал лупить ей по «барабанам» что было сил. А Кеттрик включил тем временем рацию, но никто не ответил на его призыв — видимо, шлюпка уже ушла из зоны слышимости.

Солнце поднялось выше, и жара стала еще сильнее. Стрелка счетчика уверенно двигалась к красной черте. Гро-

хот первобытного телеграфа джунглей замер, захлебнувшись. На Кеттрика нахлынуло острое чувство нереальности происходящего. Он перестал бояться и даже вообще беспокоиться. Оглянувшись на глиняного божка, сидящего возле священного костра, он тихо произнес на галакто:

— Если подведешь своего братца, больше никаких тебе подношений, понял?

И так Кеттрик продолжал сидеть в полузабытьи, ни о чем не думая и ничего не слыша.

Его вернул к действительности Бокер, который тряс его за плечо, приговаривая:

— Очнись, Джонни. Кажется, они что-то узнали.

ГЛАВА 24

Кеттрик встрепенулся и поднял голову. Он услышал, как Гнак громовым басом возвещал, что поведал ему Бог. Его поддерживал гул голосов: «Гнак! Гнак!» Женщины заголосили, а воины стали приплясывать от восторга.

Гнак взобрался на здоровенный пенёк и с важным видом сообщил:

— Мой брат Бог сказал мне, что племя кринннов за Большими Горами видело колдовство солнцеубийц.

Кеттрик мысленно перекрестился и крикнул:

— Пускай Гнак поведет нас!

Он взглянул на своих спутников и понял, что они так же боятся поверить этому чуду.

Гнак говорил что-то нараспев. Ему вторила толпа соплеменников. Они топали ногами и воинственно взмахивали копьями, высоко подняв дрожащие от возбуждения хвосты. Кеттрик отошел в сторону и, усевшись на одно из говорящих бревен, включил радио и вызвал на связь шлюпку.

После долгого молчания, которое показалось ему бесконечным, помощник пилота ответил на вызов. Голос его был далеким и довольно раздраженным.

— Пока нет ничего нового, — сказал он. — Ничего, кроме пыли и пылающих вулканов. Это просто ад. Я потерял связь с кораблем, но их последнее сообщение было малоободряющим.

— Зато у меня, кажется, что-то прояснилось, — сказал Кеттрик и поспешил объяснить создавшуюся ситуацию.

— Большие Горы — это цепь высоких холмов к западу от того места, где вы нас высадили. Где там живет племя криннов, я понятия не имею. Пару раз я пролетал когда-то над теми местами, но с воздуха эта страна — просто винегрет какой-то...

— Знаю, сам видел это сегодня утром, — ответил пилот. — Ладно, посмотрим на нее поподробнее, когда вновь войдем в эту зону на следующем витке в западном направлении.

Кеттрик резко возразил:

— Думаю, что вам стоит немедленно перейти на этот курс.

— Нам задал маршрут капитан, понял, Джонни? Мы не собираемся делать крюк в несколько тысяч миль из-за того, что какая-то ваша обезьяна увидела приближающуюся грозу или...

— Извержение вулкана, — подсказал Кеттрик. — Конечно, вам с высоты виднее. Большой привет.

И он отключил связь дрожащими руками. Он не имел права злиться и знал это. Знал, что помощник пилота был совершенно прав.

Туземцы тем временем вооружились копьями и направились по тропе вслед за Гнаком. Кеттрик с товарищами присоединились к этому отряду. К берегу реки уже были подтянуты две большие лодки. Кринны на воде чувствовали себя как дома. Они прекрасно плавали, охотились на речных животных. Для долгих путешествий они сконструировали нечто вроде катамаранов из двух больших, заточенных с обоих концов бревен. Река была главной магистралью оазиса, от которой ответвлялось множество притоков. Порой кринны удалялись на большие расстояния от своих деревень, пускаясь иногда в неоправданно далекие плаванья, то ли из

стремления к освоению новых земель, то ли из простого любопытства. Они были отважными и энергичными существами и через какой-то миллион лет могли кое-чего добиться. Если, конечно, останутся в живых.

Лодку столкнули в воду. Держа в руках длинные весла, по пятнадцать криннов оседлали каждое бревно «катамарана». Гости разместились на соединительной платформе. Вместе с ними уселась и Чайт, которая все время была настороже, но послушно следовала за Кеттриком. Кринны решили не обращать на нее внимания, но ей не слишком удавалось отвечать им тем же. Кеттрик склонился к ней и сказал:

— Потерпи, скоро все кончится.

Кринны принялись молотить веслами воду. На каждом бревне сидел рулевой, который выкрикивал: «Ух! Ух! Ух!», отмеряя ритм гребли. Гребцы поймали заданный темп, и оба «катамарана» устремились вниз по течению по направлению к Большим Горам.

«Вот мы какие, — иронически заметил про себя Кеттрик. — Здрава хвосты, наша маленькая компания отправляется спасать солнце».

И вновь его охватило странное ощущение нереальности происходящего. «Я уже когда-то проделывал это путешествие», — вспомнил он. Действительно. Он уже сидел среди криннов, управляющих примитивным катамараном, смотрел им в волосатые спины и видел ритмичные движения весел, сверкающих на солнце. Мимо него уже когда-то проплывали изумрудные берега реки, которая дышала влажным теплом, а хвосты отважных моряков точно так же аккуратно задирались, спасаясь от брызг.

Дежа вю...

Лодки неслись быстро, но солнце все равно обгоняло их, спеша к зениту навстречу своей гибели. Больное, умирающее солнце... Кеттрику показалось, что его свет стал неестественным, бледным и призрачным. Высокие холмы нависали над рекой, их крутые склоны казались боками огромных животных, ободранными до костей. Вдоль реки темной по-

лосой простирался лес, полный странных звуков и криков неведомых птиц. Вдалеке, в южной части неба, появился грозовой фронт, сверкая изгибистыми молниями. Гребцы без устали то сгибались, то распрямлялись под ритмичные выкрики рулевых, взбивая длинными веслами желтую пену. А над всем царило белое солнце, которое постепенно превращалось в Звезду Смерти.

Высоко в небе внезапно появилась ослепительно сияющая точка. Вскоре она спустилась ближе к земле, и Кеттрик с радостью увидел, что это летит шлюпка, расправив серебристые крылья.

Кринны тоже заметили ее и сразу же сбились с ритма, крича, что это солнцеубийцы. Кеттрик стряхнул с себя оцепенение и, перекрикивая общий шум, попытался объяснить, что это Бог посылает им помощь, о которой просил Гнак. Затем он поспешно включил рацию.

Помощник пилота по-прежнему ворчал, но все же объяснил:

— Мы решили вернуться этим путем, просто для разнообразия. Ты говорил, что надо поглядеть к западу от цепи холмов? Какова, по-твоему, территория поиска?

— Не слишком большая, где-то поблизости от русла реки.

— Хм-м... вижу горстку каких-то существ возле крутого изгиба реки. Они, кажется, заметили нас. Это, вероятно, и есть то самое племя, с которым разговаривал твой волосатый дружок.

Шлюпка сделала разворот и стала спускаться, скрывшись из виду за холмом, который еще не обогнули «катамараны».

— Черт-те что, — жаловался пилот. — Не планета, а головка протухшего сыра. Старые кратеры, потоки застывшей лавы, изуродованные расщелинами плато...

— Вы что-нибудь видите подозрительное? — спросил Кеттрик по передатчику. — Что-нибудь?

Он чувствовал на себе напряженные взгляды Бокера, Хурта и Глевана, сидевших рядом.

— Пока ничего. Мы продолжаем спускаться. — Долгая пауза. — Нет... — Потом послышался негромкий обмен репликами между пилотами. — Ничего. — Снова тишина, за которой последовало усталое: — Ну ладно, хватит. Здесь нам делать нечего, так что...

Но тут его перебил хриплый возглас первого:

— Посмотри!

Его помощник после небольшой паузы удивленно вскрикнул.

Рация внезапно замолчала. Были слышны лишь шорохи и треск атмосферных помех. Кеттрик тряс рацию, перебирал все частоты, кричал до хрипоты, пока не понял, что ответа не будет. Радиосвязь со шлюпкой была окончательно нарушена.

— Парни, наверное, потерпели аварию, — встревоженно сказал Бокер. — Или приземлились. Вопрос в другом — что они увидели? Эту проклятую установку или что-то еще?

Кеттрик пожал плечами. Он не стал отключать приемник. А два «катамарана» тем временем продолжали неспешно плыть по широкой и извилистой реке к Большим Горам.

И вот солнце перевалило через зенит и начало свой скорбный путь на запад.

Часа через два на правом берегу показалась цепь высоких холмов. Гребцы заметно оживились, а Гнак встал и, потрясая руками, стал что-то громко выкрикивать. Сделав последний поворот, лодки причалили к пологому берегу, где их уже ждала большая толпа туземцев. Впереди всех стоял вождь, такой же красавец, как и Гнак.

Кеттрик подождал, пока оба вождя не произнесут все полагающиеся приветствия, и потом только сказал:

— Гнак и Хурр — великие вожди. И потому Бог сказал им, что нужно спасти солнце. Где Хурр видел колдовство солнцеебийц?

Хурр, мускулистый кринн со множеством шрамов и двадцатью самоцветами в плетеном ожерелье, показал в сторону леса.

— Колдовство было на Черной Горе.

— Гнак поведет нас, — сказал Кеттрик. — И Хурр тоже. Они поведут нас быстрее ветра.

В путь отправились более сотни мужчин-криннов, вооруженных самым примитивным оружием. Вместе с ними шли четверо людей в сопровождении могучей Чайт. Вожди постепенно перешли на бег, и их воины, вытянувшись в цепь, последовали за ними вверх по пологому склону. Чайт легко поспевала за ними. Люди же, чьи силы были ослаблены достижениями цивилизации, вскоре выдохлись. Пришлось им принять помощь самых крепких воинов, которые по очереди несли их на руках, задыхаясь от тяжелой ноши.

Так они пересекли лес и продолжали бежать по раскаленной пустыне, где из-под камней то и дело с шипением выскакивали испуганные ящероподобные создания. Отряд миновал реку застывшей лавы, по которой были разбросаны огромные валуны. Полукругом к западу и северу стояла цепь древних потухших вулканов. А на юге, на краю плоского каменистого плато, возвышалась Черная Гора.

Она действительно была черной от старой лавы и останков обгорелого леса на склонах. Но вскоре на темном фоне вспыхнула яркая точка, послышался грохот двигателя, и в небо вонзилась серебристая стрела ракеты.

— «Роковая звезда», — тихо произнес Кеттрик, не веря собственным глазам.

Толпа дикарей остановилась. Воины показывали пальцами на склон горы и на небо и возбужденно кричали.

— Колдовство! Колдовство! — вопил Хурр.

Гнак колотил себя в грудь и выкрикивал что-то с яростью и испугом. Остальные потрясали в воздухе копьями. Кеттрик облизнул пересохшие губы и, набрав полные легкие воздуха, изо всех сил прокричал:

— Они запускают копьа в солнце! Солнцеубийцы! Убить! Убить!

— Убить! Убить! — кричали дикари. Они бросились вперед, словно стая волков, увидевшая добычу.

— Там некого убивать, — сказал Глеван.

— Кто-нибудь наверняка остался возле пусковой уста-

новки, — возразил Кеттрик. — Им все равно, кого растерзать. — Он посмотрел на солнце и на заметно удлинившиеся тени. — Сколько еще до заката?

— По крайней мере, часа два, — ответил Бокер. — Может, три. — Он взглянул на Черную Гору, пытаясь оценить расстояние, которое им предстояло преодолеть. — Будем надеяться, что все-таки три. Если тебе, конечно, не удастся вызвать корабль. — Бокер с ненавистью посмотрел на захлебывающийся шумами помех приемник.

— Пока не удастся, — зло процедил Кеттрик и выключил рацию. — Нам стоит рассчитывать только на самих себя.

— А что же случилось со шлюпкой? — спросил Хурт, тяжело дыша и едва поспевая за друзьями. — Должно быть, они увидели взлетающую ракету. Но что произошло потом?

— Сейчас не о них надо думать, — сказал Кеттрик.

Он заметно устал и в конце концов бросил рацию, которая стала помехой движению. Он бежал из последних сил, спотыкаясь о камни, ослепленный солнечным заревом, а впереди с воплями неслась зловонная толпа дикарей, у которых шерсть слиплась от засохшего на солнце пота. Тени стали еще длиннее, но Черная Гора была по-прежнему далека от них. Через час в небо взмыла очередная стрела, нацеленная в раненое солнце. Кеттрик чувствовал себя совершенно опустошенным. Не было ни тревоги, ни волнения, ни даже обыкновенного интереса. Все свелось к одному: он должен был добежать до определенного места и ни до чего другого ему сейчас не было дела.

Наконец перед ним вырос крутой, испещренный трещинами и выбоинами склон. По нему уже ловко взбирались кринны. Кеттрик понял, что это и была Черная Гора, и тут же ощутил смертельную усталость. Однако ему удавалось хоть и медленно, но преодолевать метр за метром, приближаясь с каждой минутой к плоской вершине горы. Чаят, которая тоже не слишком хорошо лазила по скалам, не отставала от него.

Кринны первыми добрались до вершины. И тут же стали оступаться и падать с дикими воплями.

Чайт взволнованно произнесла:

— Джон-ни!

Но он уже и сам увидел, что на вершине стояли люди, стреляющие в карабкающихся наверх дикарей.

Кеттрик заорал:

— Прижимайтесь к склону! Ближе друг к другу!

Он не знал, слышал ли его кто-то. Кринны вопили, выкрикивая боевые кличи. Некоторые продолжали карабкаться вверх, разгоряченные близостью врага. Другие нерешительно остановились, их ярость и злоба уравнивались страхом перед могущественным оружием, от которого плавился камень и сгорали словно факелы их соплеменники. Кеттрику казалось, что еще минута-другая — и они бросятся врассыпную.

Кеттрик как можно плотнее прижался к скале, вытащил из-за пояса пистолет и начал стрелять в обороняющихся людей, силуэты которых вырисовывались на фоне темнеющего неба. Их было немного, не более десяти. Бокер и товарищи последовали его примеру. В воздух то и дело взлетали копья, однако они падали, не долетая до вершины, не причинив никому вреда. Правда, одно из них попало в Кеттрика, уколов его пониже спины.

Злобно выругавшись, он поморщился от боли и выстрелил почти наугад. Одна из фигур на вершине внезапно покачнулась и рухнула вниз. Тут же с болезненным криком его сосед согнулся пополам, выронил бластер и упал на колени. Остальные оборонявшиеся отпрянули. Огонь сверху начал стихать и прекратился совсем тогда, когда третий стрелок, целившийся в Кеттрика, схватился за раненую руку.

Кеттрик закричал:

— Гнак поведет нас! Убить! Убить!

И снова начал карабкаться по отвесной скале. Кринны воинственно взвыли и бросились вперед, молотя в воздухе

хвостами. Бокер что-то прокричал, но Кеттрик не расслышал слов. Бокер и Глеван медленно позли вслед за туземцами вперед, а Хурт остался на месте. Он как будто внезапно устал от битвы и, свернувшись калачиком, заснул меж камней. Кеттрик дважды позвал его, прежде чем понял, что Хурт мертв.

Край плоской вершины теперь нависал над его головой. Первая волна криннов уже преодолела последний барьер. Продолжали раздаваться выстрелы, перемешиваясь с воинственными кличами дикарей. Кеттрик перевалился через каменный козырек и сразу же прижался к земле, спрятавшись за труп кринна.

Оборонявшиеся люди отступили к сооружению, возвышавшемуся в центре столообразной вершины. Лишь на мгновение Кеттрик рискнул выглянуть из-за трупа, но он все же сумел разглядеть контуры необычной установки и сразу же догадался, что это такое. Теперь было ясно, почему пилоты шлюпки заметили ее только тогда, когда была выпущена ракета.

Плоская вершина горы была черной от старой лавы, что и дало название всей горе. И «Роковая Звезда» была абсолютно черной, включая ракеты, размещенные в кассетах. А сверху над вспомогательными устройствами была еще наброшена черная камуфляжная сетка, делавшая «Роковую Звезду» невидимой для любых локаторов и металлоискателей.

В нескольких десятках метров от «Роковой Звезды» стояла посадочная шлюпка, также накрытая «сеткой-невидимкой». Поначалу Кеттрик подумал, что это шлюпка с их дредноута, но потом заметил различие в размерах и форме. Повидимому, это была шлюпка с «Серебряного Крыла». А это означало, что демонстративное исчезновение яхты в гиперпространстве было просто обманным маневром.

Семеро оставшихся в живых людей стеной загородили установку от атакующей толпы, делая залп за залпом. А в это время зарядный механизм медленно подавал очередную ракету, и казалось, ничто не может ее остановить. Кринны,

израсходовав впустую все свои копыя, начали отступать, падая под лучами бластеров один за другим. Некоторые поспешили спрятаться за крупными камнями, а кое-кто с испуганными воплями начал спускаться по крутому склону.

Кеттрик не сразу понял, что тело, которое защищало его от выстрелов, было телом Гнака. Ожерелье из драгоценных камней сверкало и переливалось на шее мертвеца. Это заметили кринны, что вызвало дружный вопль отчаяния и страха.

Вдруг Чайт истошно взвыла и помчалась вперед быстрее ветра, низко пригнувшись к земле. Кринны, увидевшие это, вскрикнули от удивления и бросились врассыпную. Возможно, это отвлекло на секунду внимание человека, который стоял чуть впереди своих шестерых товарищей и перезаряжал бластер. Так или иначе, он чуть запоздал и выстрелил, когда Чайт была в прыжке. Она завизжала от боли, но ее вытянутые вперед лапы с выпущенными острыми когтями не промахнулись. Всем телом Чайт обрушилась на жертву и вцепилась зубами в горло.

Кеттрик издал хриплый вопль, на который может быть способно только животное. Он вскочил и бросился вперед, делая выстрел за выстрелом. Рядом с ним раздавались другие выстрелы — это в атаку бросились Бокер и Глеван. Двое из оборонявшихся упали, остальные отступили под натиском воспрявших духом криннов.

Кеттрик не видел окончания схватки. Он склонился над окровавленной Чайт, глаза которой уже затуманила предсмертная поволока.

Она едва слышно прошептала:

— Не убить, Джон-ни.

Она действительно не убила свою жертву. Сери был еще жив, хотя когти тхеллы изуродовали его лицо и грудь. Чайт с огромным трудом привстала, потерлась головой о плечо Кеттрика знакомым жестом выражения любви и преданности. Тхелла попыталась произнести его имя, но оно замерло на ее губах.

В кассете «Роковой Звезды» оставались еще две ракеты.

До пуска очередной из них оставалось шесть минут, когда Бокер и Глеван отключили питание и не дали родиться Звезде Смерти.

ГЛАВА 25

Была глубокая ночь. В небе медленно плыли две луны, освещая землю призрачным светом. Кеттрик шел по широкой тропинке, ведущей прочь от деревни, которая когда-то принадлежала Гнаку. Его сопровождали десятки криннов, мужчин и женщин, распевавших протяжные песни в честь своего нового вождя Джана, пришедшего со звезд, чтобы наказать проклятых солнцееубийц. Джан, он же Кеттрик, не возражал против такой чести, поскольку ему досталось по наследству ожерелье вождя. Правда, в нем осталось только восемнадцать самоцветов, поскольку два камня были принесены в дар Богу в память о погибшем Гнаке.

В деревне все еще горели костры и гремели барабаны, оповещая жителей, что великий вождь Джан возвращается к себе домой на звезды. Вместо себя он оставлял смышленного крепыша по имени Храк. Сам Джан был пьян и должен был быть невероятно счастлив тем, что стал вождем криннов после победы над солнцееубийцами. Но у Кеттрика было тоскливо на душе. Ему не хватало серой тхеллы, которая, словно тень, следовала за ним по пятам, а сейчас ушла навсегда.

На вершине обрыва он остановился и попрощался со своими братьями-криннами, обещая им вернуться. А затем продолжил путь в одиночестве через пустыню, туда, где, сверкая огнями, стоял могучий крейсер, которому так и не пришлось вступить в бой.

«Серебряное Крыло» появилось в небе перед закатом, спустя два часа после того, как была обезврежена «Роковая Звезда». Кеттрику и его друзьям грозила неминуемая гибель, но в это же время рядом с заходящим солнцем возник-

ла яркая точка. Невысоко над землей летел крейсер, услышавший призыв о помощи, посланный с борта яхтовой шлюпки. «Серебряное Крыло» исчезло через несколько мгновений, на этот раз уже окончательно.

Секма узнал все подробности заговора, но не от Сери, а от другого участника событий, чудом уцелевшего в бою. А затем весь экипаж крейсера поднялся на гору, где вскоре прозвучал оружейный салют в честь погибших людей и криннов. Туземцы после этого унесли своих мертвых, чтобы сжечь их в общем погребальном костре, а на плоской вершине горы тем временем выросли две пирамидки из черных лавовых камней. Хурт и Чайт остались здесь навсегда.

После долгих поисков удалось разыскать и шлюпку. Она была сбита людьми Сери и рухнула в такое глубокое ущелье, что даже кринны не рискнули спуститься туда, чтобы достать из-под обломков тела погибших пилотов.

Кеттрик шел по еще прохладному белому песку и вспоминал свой последний разговор с Сери на месте боя, там, где его настигла Чайт. Очнувшись, Сери едва слышно прохрипел, глядя на него с ненавистью:

— Если бы ты вернулся... хоть на день раньше... я бы своими руками прикончил тебя... и эту проклятую бестию тоже... Будь ты проклят, Джонни...

Теперь Сери был заперт в одной из кают крейсера, где верная Ларис залечивала его раны. Но второй выживший в бою человек оказался весьма разговорчивым, и Секме удалось выудить у него большое количество имен. Оказалось, что в проекте «Роковая Звезда» были задействованы очень влиятельные люди с разных планет, включая и Землю.

— Многие из них наверняка сумеют открутиться, — сказал тогда Секма. — Адвокаты и взятки сделают свое грязное дело. Но Звезда Смерти никогда больше не вспыхнет в небе!

Кеттрик обернулся и обвел прощальным взглядом оазис и цепь Больших Гор. На них лежал серебристый лунный отблеск, который тускнел с каждой минутой. Восточная часть

▲ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

неба наливалась багрянцем, и звезды в темно-синем небе гасли одна за другой, словно свечи, задутые прохладным утренним ветерком. Могучий корабль стоял посреди пустыни, залитый огнями прожекторов, и ждал Кеттрика.

Прошло несколько минут, и над долиной пронесся рев и грохот взлетающего звездолета. Кринны проводили взглядами трепещущее красное пятно, быстро затерявшееся среди последних утренних звезд.

А затем взошло солнце.

РАССКАЗЫ

ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ

ГЛАВА 1

ЗАМЕДЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

Мертвец стоял на поляне в джунглях. Там-то на него и наткнулся Фаррис. Покойник, да еще стоящий, это нечто. Как потом выяснилось, человеческое существо оказалось не вполне мертво, но в тот момент впечатление было стопроцентным.

Невысокий смуглолицый человек в белой робе, типичный представитель одного из лаосских племен центральной части Индокитая, стоял, ни за что не держась, а широко открытые глаза не моргая смотрели вперед. Одна нога была слегка приподнята. И он не дышал.

— Но он не может быть мертвым, — воскликнул Фаррис, — мертвые люди не стоят в джунглях. Они вообще не могут, не должны стоять. В джунглях или где-либо еще. Ведь он даже не привязан и должен бы упасть.

Его перебил Пианг, проводник. Этот бойкий маленький лаосец начал терять присущую ему самоуверенность, как только они сбились с тропы. А стоящий в джунглях покойник довершил его деморализацию.

Как только они наткнулись на загадочного мертвеца, Пианг застыл на месте, выпучив глаза. Теперь он дал волю своему испугу.

— Этот человек — хунати! Не трогайте его! Нам нужно уходить отсюда! Мы остановились в плохой части джунглей.

Фаррис не двинулся с места. Он уже давно охотился в юго-восточной Азии и с определенной долей скептицизма относился к предрассудкам местных жителей. Но с другой стороны, он чувствовал некоторую растерянность.

— Если этот человек и не мертв, то выглядит он плохо. Ему наверняка нужна помощь, — заявил он.

— Нет, нет, — настаивал Пианг. — Он хунати, давайте быстрее уходить отсюда.

Белый от страха Пианг постоянно озирался вокруг себя. Они находились на низком плато, где росли деревья, свойственные скорее климату с чередующимися сезонными дождями, чем заливаемым непрекращающимися ливнями джунглям. Фикусы были здесь не такими густыми, и среди них можно было увидеть верхушки далеких гигантских смоковниц, возвышавшихся словно скалы в безмолвном лунном свете.

Неестественная тишина окружила путешественников. Они с трудом различали голоса птиц и крики обезьян где-то вдаль, а рев тигра донесся аж из предгорий. Но здесь, на плато, было удивительно тихо.

Фаррис подошел к неподвижному аборигену и осторожно прикоснулся к его смуглому запястью. Сначала он не почувствовал пульса, затем уловил слабое биение.

— Один удар в две минуты, — пробормотал Фаррис. — Как, черт возьми, он может жить?

Он посмотрел на голую грудь мужчины. Она вздымалась, но так медленно, что глаз с трудом улавливал движение. Несколько минут она оставалась слегка выпуклой, затем так же медленно опускалась.

Фаррис достал карманный фонарик и посветил в глаза аборигену.

Сначала не было никакой реакции на свет. Затем очень медленно веки начали опускаться и полностью закрылись. А потом опять раскрылись.

— Он моргает, но в сотни раз медленнее! — воскликнул Фаррис. — Пульс, дыхание, реакции — все замедленно в несколько сотен раз. Человек либо в шоке, либо под воздействием наркотиков.

Затем он заметил то, что заставило его содрогнуться. Зрачок аборигена начал медленно поворачиваться в его сторону. А его поднятая нога оказалась теперь немного выше.

Как будто он шел, но в сотни раз медленнее, чем нормальный человек.

Все это было необъяснимо. Затем произошла еще более странная вещь. Раздался звук треснувшей ветки.

У Пианга от страха перехватило дыхание, и единственное, что он смог сделать, это махнуть рукой в сторону. Фаррис посмотрел в том направлении.

На поляне находился еще один абориген, замерший в сотне футов в стороне. Он тоже не двигался. Но его тело было наклонено вперед в позе бегуна, который внезапно застыл на месте. Ветка треснула именно под его ногой.

— Они поклоняются великим Изменениям! — шепотом произнес Пианг. — Мы не должны мешать.

Фаррис был согласен с этим. За долгое время пребывания в Азии он успел получить некоторое представление о кое-каких местных культах и меньше всего хотел вмешиваться в религиозные таинства.

Его делом была охота. А эти странные живые мертвецы, независимо от того, под действием какого наркотика они находились, были в безопасности, особенно если другие рядом.

— Мы пойдем дальше, — сказал Фаррис.

Пианг поспешно направился к краю плато. От страха он проламывался через заросли, как преследуемый волками олень, пока они наконец-то не вышли на потерянную тропинку.

— Вот тропа, которая ведет к правительственной станции, — сказал он с большим облегчением. — Мы, должно быть, потеряли ее у ущелья. Я не так много раз заходил в эту часть Лаоса.

Фаррис спросил:

— Пианг, что такое хунати? И поклонение Изменению... Что ты имел в виду?

После странной встречи в джунглях проводник стал менее говорливым, чем в первые дни путешествия.

— Это религиозный культ, — скупко ответил он.

Затем добавил немного надменно:

— Аборигены очень невежественны. Они не посещали школы в миссии, как я.

— Чему они поклоняются? — спросил Фаррис. — Ты употребил слово — великим?

Пианг пожал плечами и соврал:

— Я не знаю. Говорят, что в этих лесах есть люди, которые могут стать хунати. А как это происходит, я не знаю.

Всю дорогу Фаррис размышлял об услышанном от проводника, а еще больше об увиденном. Что-то странное было в этих людях. В их похождениях на мертвецов. Это не была полная неподвижность, скорее замедленное движение.

Что было тому причиной и какую цель преследовали поклонники неведомого культа? Если это действительно был культ.

— Мне кажется, что они могут стать легкой добычей для змеи или тигра.

Пианг отчаянно покачал головой.

— Нет, человек, который хунати, находится в безопасности, по крайней мере от зверей. Ни одно животное не тронет его.

Фаррис удивился. Возможно, причиной была их полная неподвижность? Он предположил, что этот культ основан на страхе перед силами природы. Подобные верования часто встречались в этой части мира. И не удивительно. Жизнь тропических лесов была совсем не похожа на размеренное существование леса умеренных поясов. Ее трудно было любить, но вполне можно было бояться.

Однако он должен разобраться! Прошло уже два дня с тех пор, как он покинул верховья Меконга и блуждал по джунглям в надежде как можно скорее добраться до французской исследовательской ботанической станции, которая и являлась целью его похода.

Фаррис смахнул moskitov со своей потной шеи, жалея о том, что не остановился на привал еще на закате. Но карта показывала, что он находился в нескольких милях от станции, и оставалась надежда добраться до нее до ночи. Но он не предусмотрел, да и не мог рассчитывать на то, что Пианг

потеряет тропинку. Должно быть, именно так и произошло. Сейчас они шли по узкой дорожке, которая вела по краю плато.

Стофутовой высоты фикус закрывал лунный свет. Тропинка извивалась и петляла, огибая заросли бамбука и маленькие ручейки, а окружавшие ее ползучие растения и лианы создавали в темноте дьявольские образы.

Фаррису казалось, что они опять потеряли путь. Снова и снова он спрашивал себя, ради чего он покинул Америку.

— А вот и станция, — внезапно произнес Пианг с явным облегчением.

Впереди открылась поляна, на дальнем ее конце ютился домик. На траву из окон этого ветхого бамбукового бунгало падал свет.

Когда до места оставалось всего несколько ярдов, Фаррис ощутил, как сильно он устал. Ему хотелось знать, сможет ли он сегодня ночью получить приличную кровать и что за парень был этот Берроу, который добровольно похоронил себя в таком забытом богом месте.

Бунгало было окружено грациозными деревьями, в которых Фаррис узнал представителей семейства красильных. Луна освещала небольшой садик, обнесенный низким забором.

С темной веранды донесся голос, который поверг Фарриса в замешательство. Это был голос девушки. Она говорила по-французски.

— Пожалуйста, Андре! Не уходи! Это безумие!

Хриплый мужской голос ответил:

— *Lys, tais-toi! Je reviendrai...*¹

Фаррис дипломатично кашлянул и произнес в темноту:

— Месье Берроу?

Зависла мертвая тишина. Затем дверь бунгало резко распахнулась и яркий свет ударил в лицо Фарриса и его проводника.

В свете Фаррис увидел лысоватого мужчину лет тридцати. Вернее, в дверном проеме Фаррис разглядел тонкую прямую фигуру, одетую в белое. Девушка казалась таким же белым пятном в глубине.

¹ Лиз, замолчи! Я вернусь... (фр.)

Он поднялся по ступенькам.

— Не думаю, что у вас часто бывают гости. Меня зовут Хью Фаррис. У меня для вас письмо из бюро в Сайгоне.

Возникла пауза. Затем...

— Заходите, месье Фаррис...

В свете лампы Фаррис быстро оглядел двоих обитателей бунгало. На его взгляд опытного охотника, Берроу походил на человека, который слишком долго жил в тропиках: свежесть кожи и красота лица потускнели в условиях жестокого климата, а глаза выражали слишком явное беспокойство.

— Это моя сестра Лиз, — произнес он, забирая из рук Фарриса письмо.

Удивление последнего еще более возросло. Он-то думал, что она жена. Зачем женщине, которой не более чем за тридцать, запирать себя в этой глуши?

Поэтому то, что женщина выглядела несчастной, его не поразило. Еще бы! В таких дебрях! Ее можно было бы назвать симпатичной, если бы не лицо, которое ни на минуту не покидало выражение тревоги.

— Что-нибудь выпьете? — спросила она, отдавая дань гостеприимству. А затем, тревожно взглянув на брата и обращаясь уже к нему, добавила:

— Ты теперь никуда не пойдешь, Андре?

Берроу посмотрел в сторону покрытого лунным светом ночного леса, и его лица коснулось выражение странного волнения, что сильно не понравилось Фаррису. Но француз повернулся назад и произнес:

— Нет, Лиз. Пожалуйста, подай напитки и прикажи Ахре позаботиться о проводнике.

Пока Фаррис со вздохом облегчения усаживался в скрипучее кресло, Берроу быстро прочитал письмо. Затем он встревоженно посмотрел на Фарриса.

— Значит, вы пришли за тиковым деревом?

Фаррис кивнул:

— Да, но меня интересуют только помеченные деревья. Вы знаете, что они простоят еще несколько лет, прежде чем будут срублены.

— Директор бюро пишет, что я должен оказывать вам всяческое содействие. Он объясняет необходимость создания новых тиковых вырубок.

Берроу медленно сложил письмо. Для Фарриса стало очевидным, что эта идея совсем не нравилась французу, но он был вынужден подчиниться.

— Я сделаю все, что в моих силах, — пообещал Берроу. — Я думаю, вам понадобятся помощники. Мы что-нибудь придумаем.

Затем в его глазах промелькнуло странное выражение, и он добавил:

— Но здесь есть некоторые участки леса, труднодоступные для вырубки. — Он смешался и добавил: — Однако мы поговорим об этом позже.

Фаррис, слишком уставший после долгого путешествия через джунгли, был благодарен за ром с содовой, принимая бокал из рук Лиз.

— У нас есть одна свободная комната, — произнесла она. — Я думаю, там вам будет удобно.

Он поблагодарил ее.

— Я так устал, что могу уснуть даже на бревне. Мои мускулы настолько отвердели, что я чувствую себя, словно хунати.

Стакан внезапно выпал у Берроу из рук.

ГЛАВА 2 МАГИЯ НАУКИ

Не обращая внимания на разбитый стакан, молодой француз рванулся в сторону Фарриса.

— Что вы знаете о хунати? — глухим голосом спросил он.

Пораженный Фаррис заметил, что пальцы француз за тряслись.

— Практически ничего, кроме того, что я видел в лесу. Мы наткнулись на человека, стоящего в лунном свете, который выглядел словно и мертвый, и живой. Казалось, что он

просто жил невероятно замедленной жизнью. Пианг сказал, что это хунати.

Глаза Берроу вспыхнули, и он воскликнул:

— Я знал, что они собрались провести обряд. И другие были там...

Он прервал себя на полуслове, вспомнив о присутствии Фарриса.

Лиз опустила голову, глядя куда-то в сторону.

— Вы что-то говорили? — продолжил американец.

Но Берроу уже взял себя в руки и теперь более осторожно подбирал слова.

— У лаосских племен есть некоторые странные верования, месье Фаррис. Иногда их бывает немного трудно понять.

Фаррис пожал плечами.

— В свое время я много чего повидал в Азии. Но это просто невероятно!

— Это наука, а не колдовство, — поправил его Берроу. — Примитивная наука, рожденная давным-давно и передаваемая из поколения в поколение. Этот человек, которого вы видели в лесу, находился под действием химиката, неизвестного нашей фармакологии, но от этого действующего с не меньшим эффектом.

— Вы хотите сказать, что эти племена используют наркотик, способный замедлить жизненные функции до невероятно медленного темпа? — скептически спросил Фаррис. — Наркотик, о котором не знает современная наука?

— А вам это кажется таким странным? Вспомните, месье Фаррис, что в прошлом веке одна старая английская крестьянка лечила сердечных больных с помощью наперстянки, пока врач не исследовал ее метод лечения, и... вот результат — он открыл дигиталис.

— Но почему, черт возьми, они хотят жить в таком замедленном темпе?

— Потому что они верят, что в таком состоянии способны общаться с чем-то большим, чем они сами.

Лиз перебила его:

— Должно быть, месье Фаррис сильно устал. Его постель готова.

Фаррис видел нервный страх на ее лице и понял, что ей очень хотелось прекратить этот разговор.

Прежде чем заснуть, он долго думал о Берроу. Было в этом парне что-то странное. Он слишком увлечен этими хунати.

В конце концов, кому какое дело, что эти люди предпочитают жить таким странным образом. Как он там сказал: «Чтобы общаться с чем-то большим, чем они сами».

Что же это были за странные боги, для общения с которыми необходимо жить в сотни раз медленнее?

На следующее утро Фаррис завтракал вместе с Лиз на широкой веранде. Девушка сказала ему, что ее брат уже ушел.

— Сегодня он поведет вас в местную деревушку, чтобы договориться о рабочих, — добавила она.

При этом Фаррис заметил легкую тень недовольства на ее лице. Она в молчании смотрела на великий зеленый океан леса, раскинувшийся по плато, на краю которого они находились.

— Вы не любите лес? — предположил он.

— Я ненавижу его. В нем можно задохнуться.

Тогда он спросил, почему она не уехала. Девушка пожала плечами.

— Скоро уеду. Мне нет смысла больше здесь оставаться. Андре не поедет со мной. — Затем она добавила: — Андре тут уже пять лет. Когда он не вернулся во Францию, я приехала сюда, чтобы забрать его. Но он не захотел ехать домой. У него здесь есть то, что привязывает его к этому месту.

Внезапно она вновь замолчала, словно сболтнула лишнее. Фаррис деликатно воздержался от вопроса, о чем она хотела сказать. Возможно, она стала слишком походить на местных женщин, у которых замкнутость была в крови. Хотя Берроу не похож на того мужчину, которому нравилось бы подобное.

Наступил день, сменив не менее жаркие утренние часы. Фаррис, удобно устроившись в кресле, ожидал возвращения Берроу.

Но того все не было. Когда миновал полдень, Лиз явно начала испытывать беспокойство.

За час до заката она пришла на веранду, одетая в брюки свободного кроя и куртку.

— Я иду в деревню. Скоро вернусь, — сказала она Фаррису.

Ложь ей явно не удавалась. Фаррис понял и поднялся на ноги.

— Вы идете искать своего брата. Где он?

На ее лице боролись горе и сомнение. Она продолжала молчать.

— Поверьте мне, я хочу быть вашим другом, — быстро добавил Фаррис. — Ваш брат ввязался здесь во что-то, не так ли?

Она кивнула. Ее лицо стало белым как полотно.

— Да, поэтому он и не хотел возвращаться во Францию вместе со мной. Он не мог заставить себя уехать. Он здесь, как в ужасных тисках.

— Что вы имеете в виду?

— Я не могу сказать вам. Пожалуйста, подождите здесь.

Он смотрел вслед девушке и вскоре понял, что она направлялась не вниз по склону, а вверх, к вершинам, выступающим над покрытым лесом плато.

Быстрыми пружинистыми шагами он нагнал ее.

— Вы не можете идти туда одна. Вы ведь даже не знаете, где его искать.

— Нет, я думаю, что знаю, где он находится, — шепотом произнесла Лиз. — Но вы не должны идти туда. Местным это не понравится.

Внезапно Фаррис все понял.

— Это большая поляна на вершине плато, где мы встретили хунати?

Девушка не произнесла ни слова, но ее недовольное молчание говорило само за себя.

— Возвращайтесь в бунгало, — сказал Фаррис. — Я найду его. — Она отказалась. Фаррис пожал плечами и направился вперед. — Тогда мы пойдем вместе.

Некоторое время Лиз стояла в нерешительности, но затем все же направилась за ним.

Они шли через лес. Лучи заходящего солнца пробивались через густую листву и освещали их путь. Зелень отдавала жарким паром. Даже птицы и обезьяны вели себя бесшумно в этот час.

— Берроу вмешался в этот обряд хунати? — спросил Фаррис.

Лиз бросила на него взгляд, которым хотела выразить резкое отрицание, но затем опустила глаза.

— Да, некоторым образом. Его страсть к ботанике была тому причиной. Теперь он втянут в это.

Фаррис был озадачен.

— Как может страсть к ботанике вовлечь человека в какой-то сумасшедший обряд или во что бы там ни было?

На этот вопрос она не ответила. Она больше не проронила ни слова, пока они не достигли поляны плато. Затем шепотом произнесла:

— Мы должны вести себя тихо. Будет плохо, если нас кто-нибудь заметит.

Впереди росли огромные баньяны, которые Фаррис заметил еще прошлым вечером.

За ними он увидел лаосца, маленькую смуглую фигуру в десяти ярдах от себя. На некотором расстоянии от него находились еще двое. Все они стояли неподвижно, обращенные лицами в противоположную от Фарриса сторону.

Фаррис понял, что это хунати, находящиеся в странном состоянии замедленной жизни.

Неожиданное чувство холода стиснуло ему грудь, и он бросил через плечо:

— Вы бы лучше вернулись назад и подождали.

— Нет, — упрямо ответила Лиз. — Здесь Андре.

Фаррис повернулся в замешательстве и затем тоже увидел Берроу. Он стоял под большим фикусом в нескольких сотнях футов в стороне, а на его лице застыла неподвижная маска.

Хунати!

Фаррис ожидал этого, но все равно испытал шок. Это не

значило, что остальные застывшие люди не имели для него значения. Но он же говорил с Берроу всего несколько часов назад. И вот теперь увидел его таким!

Берроу находился в позе, напоминавшей «живые скульптуры» прошлых времен. Одна нога немного приподнята, тело слегка наклонено вперед, поднята одна рука.

Как и у остальных, лицо Берроу было направлено на ту часть поляны, где росли огромные баньяны.

Фаррис дотронулся до его руки.

— Берроу, кончайте это.

— Нет смысла говорить с ним, — прошептала девушка, — он не слышит.

Действительно, Берроу не мог слышать. Он сейчас жил в таком замедленном темпе, что ни один звук не мог донестись до его слуха. Его лицо превратилось в маску, губы слегка раздвинуты, глаза смотрят вперед. Вот медленно-медленно опустились веки, а затем так же медленно поднялись. Медленно-медленно его приподнятая рука опустилась ближе к земле.

Движение, пульс, дыхание — все в сотни раз медленнее. Жизнь, но какая-то нечеловеческая.

Лиз была не так ошарашена, как Фаррис. Он догадался, что она уже видела брата в таком состоянии раньше.

— Мы должны каким-то образом отнести его обратно в бунгало, — пробормотала она. — Я не могу позволить ему снова стоять здесь много дней и ночей.

Размышление над этой проблемой дало Фаррису возможность отодвинуть на второй план мысли об этой страшной неподвижной картине.

— Мы можем попытаться соорудить носилки из наших курток, — сказал он. — Я только срежу несколько палок.

Две бамбуковые палки, просунутые через рукава, превратили одежду в подобие носилок, которые они положили на землю.

Фаррис приподнял Берроу. Его тело оказалось на удивление мускулистым. Он положил француза на носилки, а затем повернулся к девушке.

— Вы поможете мне нести его? Или позовете кого-нибудь из местных?

— Они ничего не должны знать об этом. Андре не тяжелый.

Он действительно немного весил. Его тело было легким, словно после долгой иссушающей болезни. Но Фаррис знал, что не болезнь явилась тому причиной.

Зачем молодому цивилизованному ученому отправляться в джунгли и принимать какой-то отвратительный примитивный наркотик, который приводит его в состояние ступора? В этом нет никакого смысла.

Лиз несла «живую ношу» в полном молчании. Даже когда они время от времени опускали носилки на землю, чтобы передохнуть, она продолжала молчать.

Когда они вернулись в бунгало и положили Берроу на кровать, девушка обессиленно упала в кресло и закрыла руками лицо.

Фаррис заговорил с грубой уверенностью:

— Не расстраивайтесь, с ним все будет в порядке. Я скоро выведу его из этого состояния.

Она покачала головой.

— Не смейте даже и пытаться! Он выйдет сам. На это уйдет много дней.

«Черта с два, — подумал Фаррис. — Я должен искать тиковое дерево, а без помощи Берроу мне не обойтись».

Затем его охватила жалость к этой хрупкой девушке. Он взял ее за руки и произнес:

— Хорошо, я помогу вам ухаживать за ним. Мы вместе попытаемся привести его в чувство и вернуть домой. А теперь приготовьте что-нибудь поесть.

Лиз зажгла керосиновую лампу и вышла. Он услышал, как она зовет слуг.

Фаррис посмотрел на Берроу. И вновь почувствовал приступ тошноты. Открытые глаза француза уставились в потолок. Он жил, дышал, но был похож на мертвеца.

Но он не был мертвым. Фаррис заметил, как очень медленно глаза Берроу повернулись в его направлении.

В комнату вернулась Лиз. Она выглядела спокойной. Но за это время американец уже сумел узнать ее. Он понял, что она была напугана.

— Слуги ушли. Арха, девушки и ваш проводник. Они, должно быть, видели, как мы несли Андре.

Фаррис все понял.

— Они ушли, потому что мы принесли человека, который хунати?

Лиз кивнула.

— Все местные боятся этого обряда. Говорят, что только немногие участвуют в нем. Но их боятся.

Фаррису хотелось выругаться.

— Пианг удрал, как трусливый кролик. Неплохое начало моей работы.

— Возможно, вам лучше уйти, — неуверенно произнесла Лиз. Затем добавила совершенно противоположное: — Нет, я не смогу вынести этого одна. Пожалуйста, оставайтесь.

— То, что я останусь, это точно. Я не могу вернуться и сообщить, что прервал свою работу из-за...

Фаррис замолчал. Девушка не слушала его. Она смотрела через него на кровать.

Фаррис оглянулся. Пока они говорили, Берроу начал двигаться. Очень медленно, но он двигался.

Теперь его ноги были на полу. Он вставал. Его тело с огромным трудом выпрямлялось в течение нескольких минут.

Затем его правая нога начала подниматься от пола. Он пытался идти в сотни раз медленнее, чем нормальный человек.

Он направлялся к двери.

Глаза Лиз наполнились грустью.

— Он пытается уйти обратно в лес. И будет пытаться до тех пор, пока он хунати.

Фаррис осторожно положил Берроу обратно на кровать. Он почувствовал холодный пот на лбу. Что же было там, наверху, что вводило этих людей в странный транс замедленной жизни?

ГЛАВА 3

СТРАШНЫЙ СОБЛАЗН

Фаррис повернулся к девушке и спросил:

— Как долго он будет оставаться в таком состоянии?

— Долго, — грустно ответила она. — Чтобы организм справился, потребуется несколько недель.

Фаррису такая перспектива не понравилась, но он ничего не мог с этим поделать.

— Хорошо. Мы с вами позаботимся о нем.

Лиз сказала:

— Одному из нас придется наблюдать за ним все время. Он будет пытаться вернуться в лес.

— С вас на сегодня хватит. Я буду следить за ним этой ночью.

И Фаррис следил. Не только этой ночью, но и много ночей подряд. Уже прошло несколько недель. Местные по-прежнему избегали их, и он не видел никого, кроме бледной девушки и мужчины, живущего в необычном состоянии.

Берроу не изменился. Казалось, что он не спал и не нуждался ни в воде, ни в пище. Он постоянно двигался, только это движение происходило так медленно, что трудно было заметить.

Лиз была права. Берроу хотел вернуться в лес. Хотя он и жил необычным образом, но находился в сознании и постоянно пытался уйти в этот запретный тихий лес на плато, где они нашли его.

Фаррис устал постоянно возвращать неподвижную фигуру на кровать и с разрешения Лиз привязал его руки. Это не улучшило положения. Было так грустно наблюдать, сидя в освещенной керосиновой лампой комнате, как Берроу пытается освободиться от своих пут.

Все это сильно действовало на нервы Фарриса. Ему хотелось дать Берроу какое-нибудь снотворное, чтобы тот уснул. Но он не решался сделать это.

Он нашел на предплечье француза странные порезы, на-

полненные зеленой жидкостью. Рядом с ними находились шрамы от старых порезов. Итак, Берроу действительно ввел, или ему ввели, наркотик. И наркотик этот был никому не известен. Фаррис не осмеливался искать противоядия.

Однажды ночью Фаррис, оторвав свой взгляд от зачитанного до дыр журнала «Л'Иллюстрейшн», вскочил на ноги.

Берроу все еще лежал на кровати, но он моргал. Он моргал с нормальной скоростью, а не в замедленном темпе.

— Берроу! — быстро произнес Фаррис. — Вы в порядке? Вы слышите меня?

Берроу недружелюбно посмотрел на него.

— Я вас слышу. Могу я вас спросить, зачем вы вмешались?

Фаррис был ошарашен. Он так долго исполнял обязанности сиделки, что уже бессознательно начал думать о нем, как о больном, который будет благодарен за его заботу. Теперь он понял, что Берроу совсем не был благодарен. Он был в ярости.

Француз развязывал веревки. Хоть его движения и были неуверенными, а руки тряслись, освободившись от пут, он нормально встал на ноги.

— Ну? — спросил он.

Фаррис пожал плечами.

— Ваша сестра пошла за вами туда. Я помог ей принести вас назад. Вот и все.

Берроу выглядел немного озадаченным.

— Это сделала Лиз? Но это нарушение обряда. У нее могут быть неприятности.

От усталости и напряжения Фаррис внезапно сорвался:

— Почему вы сейчас беспокоитесь о Лиз, когда вы заставили ее несколько месяцев подряд сходить с ума своим баловством с местным чародейством?

Фаррис ожидал грубого ответа, но вместо этого француз грустно произнес:

— Вы правы. Это я во всем виноват.

Фаррис воскликнул:

— Берроу, почему вы делаете это? Зачем занимаетесь

этой ересью, становясь хунати, живя в сотни раз медленнее? Чего вы хотите добиться?

Берроу и в то же время не Берроу, а другой незнакомый мужчина посмотрел на него измученными глазами.

— Делая так, я вхожу в другой мир. В мир, который существует вокруг нас всю нашу жизнь, но о котором мы ничего не знаем.

— Что это за мир?

— Это мир зеленого листа, корня и ветки, — ответил Берроу. — Мир растений, который мы не способны ощутить из-за разницы в жизненном темпе.

Фаррис медленно начал понимать.

— Вы хотите сказать, что эта перемена дает вам возможность жить в том же темпе, что и растения?

Берроу кивнул.

— Да, и эта разница в движении и является проходом в этот неизвестный, невероятный мир.

— Но каким образом?

Француз указал на еще не совсем зажившие царапины на своей руке.

— Это делает наркотик. Местный наркотик, который замедляет метаболизм, работу сердца, дыхание и все остальное.

В его основе лежит хлорофилл. Зеленая кровь растений, химический комплекс, который дает растениям возможность брать энергию прямо из солнца. Местные готовят его сами только им известным способом.

— Я никогда не думал, что хлорофилл может как-то воздействовать на животный организм, — недоверчиво произнес Фаррис.

— Это высказывание говорит о том, что ваши познания в биохимии уже устарели. В марте 1948 года двое химиков из Чикаго, занимавшиеся массовым производством экстракта хлорофилла, заявили, что их инъекции двум собакам и крысам способствовали продлению жизни последних путем изменения скорости процессов окисления в клетках.

Хлорофилл продлевает жизнь, да, но замедляя ее! Дерево живет дольше, чем человек, потому что живет не в таком

быстром темпе. Мы можем продлить человеческую жизнь до жизни дерева, вводя в его организм определенное количество хлорофиллового компонента.

Фаррис сказал:

— Так вот что вы имели в виду, говоря, что примитивные люди иногда используют достижения современной науки?

Берроу кивнул.

— Использование хлорофилла для хунати может быть секретом вековой давности. Я верю, что некоторые лесные племена его давно уже знают.

Он грустно посмотрел мимо американца.

— Поклонение дереву — такая же древняя религия, как и само человечество. Священное Дерево шумеров, поляны Додоны, дубы друидов, ясень Игдрассил в Норвегии и даже наша новогодняя елка — все это исходит из примитивных верований в другую, чужую жизнь, которая существует рядом с нами на Земле.

Я думаю, что несколько тайных адептов всегда знали, как приготовить подобный наркотик, который позволял им вступать в контакт с этой другой жизнью, переходя на ее уровень и замедленный темп.

Фаррис удивленно уставился на него.

— Но как вам удалось приобщиться к этому таинству? Ведь без сомнения это «святая святых», тайна для непосвященных!

Берроу пожал плечами.

— Местные жители благодарны мне за то, что я спасаю джунгли от возможной смерти.

Он прошел через комнату и, подойдя к углу, который был переоборудован под химическую лабораторию, взял пробирку. Она оказалась наполнена грязными маленькими спорами серо-зеленого цвета.

— Это Бирманская гниль. Она охватила все леса к югу от Меконга. И она смертельна для тропических деревьев. Листья растений опадают и увядают без гниения, хотя и называется эта болезнь — гниль. Я показал племенам, как остановить ее. В награду они приобщили меня к секте хунати, то есть сделали посвященным.

— Но я все равно не понимаю, почему такой образованный человек, как вы, решил влезть во всю эту тумбу-мумбу, — спросил Фаррис.

— Боже, да я и пытаюсь объяснить вам. Мое профессиональное любопытство заставило меня присоединиться к обряду и принять наркотик. — Берроу продолжал: — Но вы, как и Лиз, не хотите меня понять. Вы не можете принять чудо и странности и... красоты этой другой жизни.

Что-то в глазах Берроу, в его лице заставило Фарриса похолодеть. Его слова будто опустили вуаль на старое и знакомое, сделав его странным и пугающим.

— Берроу, послушайте. Вы должны немедленно покончить с хунати и покинуть это место.

Француз загадочно улыбнулся.

— Я знаю. Я уже говорил себе это много раз. Но я не уйду. Как я могу покинуть то, что является раем для ботаника.

В комнату вошла Лиз. Она грустно посмотрела на брата и произнесла:

— Андре, брось все это и давай поедем домой.

— Или вы настолько поглощены этим обрядом, что вам наплевать на разбитое сердце сестры? — добавил Фаррис.

Берроу вспыхнул:

— Спелись! Вы обращаетесь со мной, как с наркоманом, даже не зная, к какому чуду я прикоснулся. Я попал в другой мир на Чужую Землю, которая постоянно находится вокруг нас и которой мы не видим. И я буду возвращаться туда снова и снова.

— Ну что же, тогда используйте свой наркотик и снова станьте хунати, — грубо произнес Фаррис.

Берроу отрицательно покачал головой.

— Нет?! — удивленно переспросил Фаррис. — Хотя да! Я понимаю. Вы не сделаете этого, потому что если сделаете, мы опять приведем вас обратно. Когда вы хунати, вы не в состоянии сопротивляться нам.

Француз пришел в ярость.

— Я могу остановить вас! Вы мешаете мне!

— Не можете, — лукаво произнес Фаррис. — Когда вы

находитесь в ступоре, вы бессильны против нормальных людей. А я пытаюсь спасти ваш рассудок.

Берроу выбежал из комнаты без ответа. Лиз посмотрела на американца. По ее лицу текли слезы.

— Не волнуйтесь, — постарался он успокоить ее. — Со временем он преодолеет это.

— Я не боюсь, — прошептала девушка. — Но «чужая жизнь» стала для него навязчивой идеей.

Фаррис согласился. Каков бы ни был соблазн этого другого мира, он захватил в свои сети Берроу.

Холод прошел по коже Фарриса, когда он представил себе человека в этом чужом, неведомом мире, живущем жизнью в сотни раз медленнее нормальной.

В тот день бунгало было необычно тихим, Берроу заперся в своей лаборатории, а Лиз ходила по дому с печальными глазами.

Но Берроу не пытался убежать, хотя Фаррис предполагал стычку. К вечеру, казалось, он пришел в себя и даже помог приготовить ужин.

За ужином он вел себя необычно весело. Но его шутки не понравились Фаррису. Никто из них не говорил на ту тему, которой были заняты все их мысли.

Берроу ушел, и Фаррис сказал Лиз:

— Идите спать. Вы провели столько бессонных ночей, что засыпаете прямо на ходу. Я покараулю.

Дойдя до своей комнаты, Фаррис почувствовал, что его тоже охватывает сонливость. Он опустил в кресло, борясь с тяжестью, давившей на его веки.

Затем внезапно он понял.

— Это снотворное, — крикнул он. Но его голос прозвучал не громче шепота. — В еде что-то было.

— Да, — услышал он отдаленный голос. — Да, Фаррис.

Вошел Берроу. Он вырос как скала перед затуманенными глазами Фарриса. Берроу подошел ближе, и Фаррис увидел в его руке шприц с зеленой жидкостью.

— Простите, Фаррис, — сказал он, закатывая рукав американца.

Фаррис не мог сопротивляться.

— Мне очень жаль, что приходится это делать с вами и Лиз. Но вы вмешались. И это единственная возможность заставить вас не пытаться вернуть меня назад.

Фаррис почувствовал укол. И все. Он больше ничего не осознавал. Наркотический транс охватил его.

ГЛАВА 4 НЕВЕРОЯТНЫЙ МИР

Фаррис проснулся. Сначала он не мог понять, что же с ним произошло, но вскоре память подсказала, и он до мельчайших подробностей вспомнил вечер, ужин и Берроу со шприцем в руке.

В момент, когда Фаррис пришел в себя, был день. Он наступал и проходил каждые несколько минут. В комнате то зависала тьма ночи, то внезапно рождались лучи рассвета, то наступал полдень, то снова ночь.

Фаррис беззвучно наблюдал за этой бесконечной сменой тьмы и света.

Дни сократились до минут? Но как это возможно? А затем, когда он полностью проснулся, он вспомнил.

— Хунати! Он ввел наркотик мне в вену!

Да, теперь и он стал хунати и жил в темпе в сотни раз медленнее обычного. Вот почему дни и ночи проносились так быстро. Он уже прожил несколько дней.

Фаррис встал на ноги. Поднимаясь, он зацепился курительной трубкой за ручку кресла. Она не упала, а просто исчезла. А в следующий момент уже лежала на полу.

— Она упала, но упала так быстро, что я не видел этого.

Его мозг не мог поверить в происходящее. Фаррис почувствовал, что его трясет.

Он попытался взять себя в руки. Это не волшебство и не наваждение, внушал он себе. Это всего лишь дьявольский секрет науки, но в этом нет ничего сверхъестественного.

Фаррис себя чувствовал абсолютно нормально. И только быстрые смены дня и ночи говорили о том, что он изменился.

Неожиданно Фаррис услышал крик и побежал из гостинной бунгало. Ему навстречу выбежала Лиз. Она по-прежнему была одета в просторные, не стесняющие движений брюки и куртку. Ее глаза переполнял страх.

— Что случилось? — кричала она. — Свет...

Фаррис взял ее за плечи.

— Лиз, держите себя в руках. То, что сейчас происходит, означает, что мы стали хунати. Это сделал ваш брат. Он подсыпал снотворное во время ужина, а затем ввел нам наркотик.

— Но зачем?

— Разве вы не понимаете? Он опять ушел в лес и стал хунати. Если бы мы остались нормальными, то смогли бы найти и вернуть его назад. Поэтому он изменил нас.

Фаррис пошел в комнату Берроу. Все было так, как он и ожидал. Француз исчез.

— Я пойду за ним, — твердо произнес он. — Он должен вернуться. Возможно, у него есть противоядие. Подождите здесь.

Лиз уцепилась за его руку.

— Нет, если я останусь здесь одна, то сойду с ума.

Фаррис видел, что девушка находилась на грани истерики. Он не был удивлен. Быстрая смена дня и ночи могли свести с ума кого угодно.

— Хорошо, — сдался он. — Подождите здесь, пока я постараюсь что-нибудь найти.

Он вернулся в комнату Берроу и снял со стены большой тесак, используемый в джунглях для прорубания дороги. Затем он увидел кое-что еще, что блистало на лабораторном столе ботаника.

И это Фаррис сунул себе в карман. Если он не сможет вернуть Берроу силой, то, возможно, используя это в качестве угрозы, можно будет заставить его поступать разумно.

Они с Лиз поспешили на веранду и начали спускаться по ступенькам, но в нерешительности остановились.

Лес перед ними теперь представлял из себя просто кошмар. Он кипел и бурлил беспокойной жизнью. Ветви ползли вверх, уничтожая друг друга в борьбе за свет, через них с невероятной скоростью пробивались лианы. Все звуки сливались в шуршащий рев.

Лиз отшатнулась.

— Лес теперь живой!

— Нет, он такой же, как и всегда, — постарался успокоить ее Фаррис, — это мы изменились. Мы сейчас живем так медленно, что нам кажется, что растения живут быстрее.

— И Андре там, среди них? — Но затем смелость вернулась к ней. — Я не боюсь.

Они направились через лес к плато гигантских деревьев. В этом невероятном мире вокруг них все казалось нереальным.

В себе Фаррис не чувствовал никакой разницы. Никакого внутреннего ощущения замедления. Его движения и чувства казались ему нормальными. Единственное, что было не так, так это то, что вся растительность вокруг него теперь жила новой жизнью, которая представлялась животной в своей дикости.

Из-под их ног выбивались травинки, тянущиеся к свету. Бутоны распускались, выпуская свои лепестки в воздух, выдыхали свой аромат и умирали. Листья появлялись на своих веточках, проживали всего лишь один момент и, оторвавшись, падали на землю. Лес вокруг них превратился в калейдоскоп цветов от бледно-серого до желто-коричневого.

Но жизнь леса совсем не была спокойной и мирной. Раньше Фаррису казалось, что растительный мир земли не такой, как животный, где нужно постоянно бороться за выживание. Теперь он видел, как сильно ошибался.

Неподалеку тропическая крапива оплелась вокруг гигантского папоротника. Подобно спуту ее усики охватывали и пронзали растение. Папоротник мучился. Он отчаянно боролся, пытаясь освободиться. Но жгучая смерть его побеждала.

Лианы подобно огромным змеям оплетались вокруг стволов деревьев, вонзая свои корни в живую кору. Деревья бо-

ролись с ними. Фаррис видел, как ветви пытались отбиться от смертоносных лиан. Эта картина напоминала борющегося человека, отчаянно пытающегося разжать кольца охватившего его питона.

В этом мире растения были подобны своим братьям — животным. Охотники и жертвы. Душащие лианы, смертельно красивые орхидеи оказались подобны раку, поедающему жизненную силу, ядовитые грибки — они стали волками и шакалами этого растительного мира.

Даже среди самих деревьев велась борьба за выживание. Пальмы, бамбуки и фикусы — все они знали, что такое боль, страх и смерть.

Фаррис мог слышать их. Теперь, когда его чувства оказались не столь замедленны, он воспринимал голоса леса, настоящие голоса, которые совсем не похожи на те звуки, которые издают ветки, когда по ним проходит ветер. Первобытный голос жизни и смерти, который говорил еще до того, как человек появился на Земле, и будет говорить, когда человек исчезнет.

Сначала Фаррис осознавал только этот гул. Теперь он мог различать отдельные звуки: слабые крики травинки и ростков бамбука, выбивающихся из земли, стон и вздохи умирающих ветвей, смех молодых листьев высоко в небе, тихий шепот оплетающихся лиан.

Он даже мог воспринимать их мысли. Вековые мысли деревьев. Фаррис почувствовал ужас. Он не хотел слышать этого.

Бег дня и ночи продолжался. Рассвет и закат с невероятной скоростью продолжали сменять друг друга.

Лиз, которая плелась за ним по тропинке, внезапно издала крик ужаса. Черная лиана, выскочившая из куста, набросилась на нее со скоростью змеи, пытаясь оплестись вокруг ее тела. Фаррис выхватил тесак и рубанул по лиане. Но она продолжала наступать с прежней яростью. Теперь ее кончик тянулся к нему.

Он ударил снова, чувствуя тошноту от ужаса, толкая девушку назад к краю плато.

— Мне кажется, — прошептала она, — что я слышу голоса леса.

— Это ваше собственное воображение, — сказал он ей. — Не слушайте!

Но он тоже мог слышать их! Это были очень слабые голоса, словно доносящиеся откуда-то издалека. Фаррису казалось, что каждую минуту, которая в этом мире осознавалась днем, он все яснее мог воспринимать телепатические импульсы организмов, живших своей собственной жизнью рядом с человеком, но эта жизнь была невидима ему до тех пор, пока он — человек — не становился хунати.

Фаррису показалось, что ритм жизни леса изменился. Что после того как он расправился с лианой, лес стал ощущать их присутствие. Подобно яростной толпе, деревья вокруг них наполнились гневом, издавая крики и стоны.

Ветки рвались к Фаррису и девушке, лианы пытались их схватить и ужалить, словно змеи. Тонкие молодые деревца хлестали их, как прутья, бамбуковые ростки преграждали им путь.

— Это только наше воображение, — говорил он девушке. — Мы только представляем себе, что лес знает о нас.

Прежде всего Фаррис должен был сам поверить в то, что говорил, потому что иначе вокруг оставалось только темное безумие.

— Нет, — крикнула Лиз. — Нет, лес знает, что мы здесь!

Паника девушки угрожала разрушить самообладание Фарриса, а яростный шум леса все усиливался. Охотник бежал, таща за собой девушку, закрывая ее своим телом от гнева джунглей.

Они спешили на вершину плато. И всю дорогу их сопровождала постоянная смена дня и ночи. Теперь деревья вокруг казались гигантами; они сражались друг с другом, борясь за место под солнцем и нависая над двумя маленькими людьми, казавшимися по сравнению с ними пигмеями.

Но и маленькие растения у них под ногами продолжали яростно бороться с двумя бегущими людьми. Все сильнее и четче мозг Фарриса воспринимал телепатические импульсы.

Затем до мозга Фарриса донесся более сильный импульс, поглотивший все остальные. Это были мысли-крики, призыв более глубокий и могущественный, более чужеродный, чем голос первобытной Земли.

— Остановите их! — эхом отдались эти мысли в мозгу Фарриса. — Остановите их! Убейте их! Они наши враги!

Лиз издала нервный крик:

— Андре!

И тогда Фаррис увидел его. Берроу стоял впереди под тенью монстроподобных баньянов. Его руки были подняты в сторону этих колоссов джунглей, словно он молился. А над ним и над всем лесом возвышались эти гиганты.

— Остановите их! Убейте их!

Эти таинственные крики-мысли неумолчным гамом отдавались в мозгу Фарриса, но он старался не вслушиваться, подходя ближе и ближе...

Он знал, хотя отказывался верить в это, откуда неслись эти мысли и почему Берроу молился баньянам.

Да, эти гигантские колоссы были подобны богам. Они прожили много веков. Их ветви, подобно множеству рук, простирались к небу, а их корни, подобно сотням ног, глубоко уходили в землю.

Фаррис пытался отогнать от себя эту мысль. Он был человеком, человеком своего мира, и он не верил этим чужим богам.

Берроу повернулся к ним. Его глаза горели яростью. И прежде чем он заговорил, Фаррис понял, что француз уже не был больше нормальным человеком.

— Вы оба, уходите! — приказал он. — Глупцы! Зачем вы пришли за мной сюда? Идя через лес, вы убивали, и лес это знает!

— Послушайте, Берроу! — кричал Фаррис, пытаясь вызвать его к голосу разума. — Вы должны вернуться вместе с нами! Забудьте это безумие!

Берроу пронзительно засмеялся.

— Безумие в том, что Боги подняли свой голос гнева против вас? Вы слышите его в вашем мозгу, но боитесь при-

слушаться! Бойтесь, Фаррис! На это есть причина! Вы уничтожали деревья много лет, так же как убили несколько растений по пути сюда! И лес это знает! Он считает вас своим смертельным врагом!

— Андре! — сквозь рыдания произнесла Лиз. Она закрывала руками плачущее лицо.

Фаррис почувствовал, что находится на грани нервного срыва под влиянием этой безумной сцены. Непрерывающаяся смена дня и ночи, шум леса вокруг них, лианы, ползущие, словно змеи, ветки, бьющие по лицу, и гигантские баньяны, грозно возвышающиеся впереди.

— Это мир, в котором живет человек всю свою жизнь, но никогда не видит его! — кричал Берроу. — Я приходил в него снова и снова. И каждый раз все более отчетливо слышал голоса Великих!

Они самые древние и самые могущественные существа на нашей планете! Много веков назад люди знали это и почитали их за те знания, которым они могли научить. Они поклонялись им в виде ясеня Игдрассил и дуба друидов. Они поклонялись им в виде Священного Дерева! Но современные люди забыли эту другую Землю. Кроме меня, Фаррис, кроме меня! В этом мире я нашел такую мудрость, которая вам и не снилась. И вы, глупые слепцы, не сможете помешать мне!

В тот момент Фаррис понял, что уже поздно пытаться вразумить Берроу. Француз много раз бывал в этом мире и зашел в своем увлечении «другой жизнью» слишком далеко. Эта другая Земля была настолько чужда человечеству, словно находилась в иной вселенной.

Именно потому, что он боялся этого чужого мира, Фаррис и захватил с собой эту маленькую пробирку. Единственная вещь, которая могла бы заставить Берроу подчиниться.

Фаррис достал ее из кармана. Он держал ее так, чтобы французу было хорошо видно.

— Вы знаете, что это такое, Берроу! Вы также знаете, что я с этим сделаю, если вы меня на это толкнете!

Дикий страх промелькнул в глазах Берроу, когда он

узнал пробирку из своей лаборатории и ее поблескивающее содержимое.

— Бирманская гниль! Вы не посмеете, Фаррис!

— Посмею! — глухим голосом произнес Фаррис. — И сделаю это, если вы не пойдете с нами, сейчас же!

В глазах Берроу перемешались гнев и страх, когда он смотрел на маленькую и такую безобидную с виду склянку. Он тяжело произнес:

— За это я убью вас!

Лиз вскрикнула. Черные лианы оплелись вокруг нее, стоящей и опустившей голову. Они пытались свалить ее на землю.

Казалось, шум леса стал триумфальным. К Фаррису и Лиз ползли все новые лианы, ветви, вьюнки и побеги, и в их головах звучали голоса растений, подобные раскатам грома.

— Убейте их! — сказали деревья.

Фаррис прыгнул навстречу этой живой массе, выхватив тесак. Он обрубил лианы, державшие девушку, и начал яростно наносить удары по ветвям, хлеставшим их.

Затем находящийся за спиной Берроу нанес Фаррису сильный удар по плечу. Тесак выпал из его рук.

— Я говорил вам не убивать, Фаррис! Я говорил вам!

— Убейте их! — проносились в голове чужеродные мысли.

Берроу теперь уже кричал. Его глаза ни на минуту не выпускали Фарриса из поля зрения.

— Беги, Лиз. Убегай из леса! Этот убийца должен умереть!

С этими словами он прыгнул на Фарриса, вцепившись в него мертвой хваткой.

Фаррис оказался откинут назад и прижат к одному из баньянов. Оба мужчины упали и покатались по земле. Лианы оплетались вокруг них, все сильнее сжимая свои смертельные тиски.

И тут лес словно взорвался.

В голове раздался оглушительный вопль. Вопль, полный нечеловеческой и жуткой боли.

Руки Берроу отпустили американца. Француз, плотно прикованный к своему противнику лианами, смотрел вверх полными ужаса глазами. И Фаррис увидел, что произошло.

Что вызвало этот неистовый мучительный вопль. Маленькая пробирка со спорами гнили ударилась о ствол одного из баньянов и с треском разлетелась на кусочки. И эти брызги серо-зеленой гнили, быстрее чем пламя огня, начали расползаться по лесу. Гниль-убийца продвигалась с ужасающей скоростью!

— Боже! — воскликнул Берроу. — Нет! Нет!

Даже по обычным человеческим меркам гниль распространялась очень быстро. Но для пребывавших в состоянии замедленной жизни она была подобна яростному огню смерти.

Болезнь прошла по стволам и корням могущественных баньянов, пожирая листья и почки. С триумфом она пронеслась по земле, траве, кустарникам и перебралась на другие деревья.

Она прошла также и по лианам, крепко державшим двух человек. В смертельной агонии живые путы рванулись и сжались еще крепче.

Фаррис чувствовал споры гнили у себя во рту и в носу. Чувствовал, как сильнее сжимались тиски сдавливавших его лиан. Мир вокруг начал темнеть.

Затем мелькнула яркая вспышка, и давление ослабло. Он услышал голос Лиз. Ее руки пытались оторвать его от умирающих, но все еще цепляющихся за него лиан, которые она частично обрубила. Наконец-то он освободился.

— Мой брат! — простонала она.

С помощью тесака Фаррис обрубил остатки лиан, которые все еще держали Берроу. Когда он убрал их с лица француза, то увидел, что оно, искаженное от боли, стало темно-лилового цвета. А в глазах навечно застыл мертвый холодный ужас. Лианы задушили его.

Лиз в истерике упала перед ним на колени. Но Фаррис резким движением поставил ее на ноги.

— Мы должны уходить отсюда! Он мертв. Но я могу нести его тело.

— Нет, — простонала она. — Оставьте его здесь, в лесу.

Мертвые глаза смотрели на смерть этого чужого мира, в котором он теперь оставался навсегда. Да, это было его место.

Сердце Фарриса щемило, когда они возвращались назад через этот умирающий лес, издававший предсмертные вопли. Серо-зеленая гниль пожирала все на своем пути. Слабее становились телепатические мольбы. Он никогда не будет уверен в том, что когда-то слышал их.

— Мы умираем, братья, мы умираем!

Наконец, когда Фаррису показалось, что агония уступила место покою, наступила внезапная перемена.

Прекратилась безумная скачка дня и ночи. Каждый период света и тьмы становился все длиннее и длиннее...

Из полубессознательного состояния Фаррис вернулся к действительности. Они стояли в лесу под пылающим солнцем.

Они больше не были хунати. Хлорофилловый наркотик завершил свое действие, и они вернулись к нормальному темпу жизни.

Мутными глазами Лиз смотрела на лес, который сейчас казался неподвижным и мирным и в котором продолжала распространяться серо-зеленая смерть со скоростью, заметной для человеческого глаза.

— Все тот же лес. Но теперь он окутан смертью, — глухим голосом произнес Фаррис. — Но мы вновь живем с нормальной скоростью и не можем видеть этого.

— Пожалуйста, давайте уйдем отсюда немедленно, — простонала девушка.

Потребовался час для того, чтобы им вернуться в бунгало и собрать необходимые вещи. Они направились в Меконг. Закат застал их на пораженной гнилью части леса, которая спускалась к реке.

— Она уничтожит весь лес? — шепотом спросила девушка.

— Нет. Лес будет сопротивляться и со временем победит. Это займет много времени, много лет, возможно, даже десятилетий.

Они шли дальше, а Фаррису казалось, что он слышит в своем мозгу отчаянный крик: «Мы умираем, братья!»

Фаррис не оглядывался. Но он знал, что никогда больше не вернется ни в этот, ни в какой-либо другой лес. Он больше никогда не убьет ни одного дерева.

ДИТЯ ВЕТРОВ

Брента неумолимо влекли легендарные сокровища плоскогорья, находящегося в самом центре Турции, известного под названием Плато Ветров. Легенда гласила, что там, в этом мало кому известном месте, спрятаны несметные богатства.

Брент знал, что это место должно находиться примерно в ста милях к западу от маленькой деревушки Юрган. Он приехал в Юрган и попытался найти проводника и верблюдов для перехода через пустыню. Там он узнал, что добраться до плато будет совсем непросто.

Ему удалось нанять молодого турка по имени Дасан Ан, который раньше много путешествовал в качестве слуги с другим белым человеком. Дасан носил одежду белых людей и сносно говорил по-английски. Он обращался к Бренту так, словно только они двое были цивилизованными людьми в этом месте.

Доверительно он сообщил Бренту:

— Боюсь, что никто из этих аборигенов не пойдет с нами в качестве погонщиков. Они очень боятся Плато Ветров.

— А что там такого страшного? — спросил Брент.

Дасан Ан надменно улыбнулся.

— Они очень невежественные люди, сэр. Они боятся ветров. Они говорят, что Плато — это священное место. И ветры убивают любого, кто пытается нарушить их покой. Видите, они думают, что ветры — живые существа, а не просто движение воздуха. Они говорят, что в любом другом месте ветры не трогают человека, но там, на священном плато, все по-другому. Вот поэтому местные и боятся идти туда.

— Предложи им больше денег, — раздраженно сказал ему Брент. — Скажи, что я заплачу вдвойне.

Дасан Ан недолго посоветовался со своими смуглыми односельчанами, затем повернулся к Бренту. Выражение презрения на его лице стало еще более явным.

— Они не пойдут, сэр. Они говорят, что двойная плата не нужна человеку, которого убьют ветры.

Брент тихо выругался. Какое-то время он размышлял, затем принял решение.

— Хорошо, мы обойдемся без них. Каждый из нас справится с двумя верблюдами, а четырех верблюдов будет достаточно для перевозки необходимых нам воды и пищи.

— Вы хотите сказать, что мы пойдем одни, без погонщиков? — спросил турок. Его уверенность ослабла.

— Именно так, — сказал Брент и добавил: — А почему бы и нет? Ты ведь не боишься ветров, не так ли?

Турок шумно рассмеялся.

— Вам нравится шутить. Дасан Ан — не невежда-деревенщина, как они. Я служил у белого человека и даже бывал в Тиране.

— Хорошо. Проследи, чтобы подготовили верблюдов, — сказал ему Брент. — Мы отправимся в путь, как только все будет готово.

Все оказалось готово к походу через два дня.

Они покинули Юрган в лучах восходящего солнца в сопровождении четырех верблюдов и направились на запад в белые пески пустыни.

Через четыре дня на горизонте появились очертания Плато Ветров, но только к ночи они подошли к огромной стене в тысячи футов в высоту, раскинувшейся с севера на юг на многие мили. В ту ночь они слышали, как на плато воют ветры.

Прислушиваясь к отдаленному шуму, они вглядывались в ночную тьму.

— Сегодня очень ветрено, — сказал Дасан Ан, и Брент кивнул.

— Без сомнения, это плато является центром пересечения воздушных течений. Что и объясняет, почему ваши люди считают его священным местом ветров, — сказал Брент. — Послушай шум ветра там наверху, — добавил он. — Я рад, что сегодня ночью мы решили остаться внизу.

Завывание ветров на плато продолжалось. Их шум и крики доносились из глубины ночи подобно неровному хору голосов, перебивающих друг друга веселыми раскатистыми криками.

Слышались различные голоса. Это были и пронзительные крики, и вой, и глухой трубный звук. Раскатистый рокот сильных ветров и тихий шепот слабых. Казалось, что всевозможные ветры собрались там и теперь кружились, резвились и носились наперегонки друг с другом на этом плато. Прислушавшись к голосам резвящихся ветров, Брент и Дасан Ан уловили другой звук. Это был высокий свист, пронзительный и радостный. Он походил на свист плачущего ветра, но все же в нем звучало какое-то отличие. Он то повышался, то понижался. А когда оборвался, неровный хор ветров завопил с новой силой.

Все это продолжалось до тех пор, пока рев ветров не переместился к северу и не стих.

— Да, там должно быть очень ветрено, — повторил Брент, нарушая молчание. — Я думаю, завтра утром будет спокойнее.

— Может быть, лучше подождать, пока ветры окончательно не стихнут, прежде чем подниматься на плато, — осторожно предложил Дасан Ан.

— Чепуха. Мы не позволим каким-то ветрам стать преградой на нашем пути. Чем быстрее мы поднимемся, тем лучше.

— Правильно, правильно, — поспешил согласиться турок. — Мы не какие-нибудь невежественные дикари, чтобы бояться ветров.

На следующее утро меньше чем в миле от лагеря они нашли тропинку, ведущую на плато. Когда они взбирались по ней вверх, таща за собой верблюдов, Дасан Ан постоянно беспокойно оглядывался назад.

Время перевалило уже далеко за полдень, когда они наконец-то добрались до гребня. Перед ними лежало Плато Ветров — коричневая голая равнина. В нескольких милях впереди вздымались две огромные скалы, а вся остальная поверхность была ровной и пыльной.

На том месте, где они стояли, царил тишина. Но в не-

скольких тысячах футов от них двигалась группа слабых ветерков, поднимающих в воздух то там, то здесь небольшие струйки песка.

— В тех скалах должна быть вода, — сказал Брент, глядя против солнца. — Мы можем воспользоваться ей.

Но Дасан Ан тревожно смотрел на струйки песка.

— Смотрите, это слабые ветры. Будем надеяться, что они не переместятся к нам.

Брент повернулся и посмотрел в том направлении.

— Эти маленькие ветерки? Что они могут сделать нам?

— Я надеюсь, они не приблизятся, — повторил турок.

— Пойдем, мы должны добраться до скал до заката.

Они пошли. Дасан Ан все еще встревоженно продолжал наблюдать за слабыми струйками песка. Верблюды неохотно плелись за ними.

Брент смотрел на скалы перед ним и думал, есть ли у них шанс найти легендарные сокровища, когда услышал внезапный крик Дасан Ана.

Он обернулся и увидел, что поднятые малыми ветрами струйки песка приближались к ним. Они напоминали маленьких песочных джиннов, которые двигались группой, что было удивительно. Он насупился и повернулся к своему спутнику.

— Пойдем, — сказал он со злобой. — Эти ветры не такие сильные, чтобы причинить нам какой-то вред.

— Они приближаются, они приближаются, — повторял турок, ничего не слыша от страха.

Бормоча проклятия, Брент вернулся назад, чтобы привести его в чувства. Как раз в этот момент слабые ветры достигли их. Его глаза забил песок, и ему пришлось остановиться. Протирая глаза, он слышал повсюду вокруг себя заывание слабых ветров, словно исследующих пришельцев.

Затем внезапно направление ветров переменялось. Тихий шепот перерос в громкий и злой крик. Они стали подталкивать людей и верблюдов к краю плато.

Брент крикнул, чтобы Дасан Ан держал верблюдов. Песок забивался ему в рот.

Миниатюрный шторм прекратился так же внезапно, как и начался. Слабые ветры повернулись и понеслись через плато к скалам, поднимая на своем пути струйки песка.

Из горла Дасан Ана вырвался отчаянный, срывающийся крик:

— Они видели нас. Они видели, что мы поднялись на плато, и пошли за сильными ветрами, чтобы те убили нас.

— Сильные ветры? Чушь. Это всего лишь атмосферное явление. Оно прошло. Ты что, хочешь сказать мне, что ты такой же суеверный, как твои односельчане?

На этот раз призыв к тщеславию Дасан Ана оказался бесполезным. Весь его надменный скептицизм прошел. Он был охвачен паникой.

— Это не суеверие. Ветры живые, хотя я это и отрицал, — рыдал он. — Они видели нас и знают, что мы здесь. Если мы не повернем назад, мы погибли.

— Забудь эту чушь икрепи поклажу на своих верблюдах, — приказал Брент тоном, не терпящим возражений. — Потом мы отправимся дальше и...

Внезапно он замолчал. Он увидел, как исказилось от ужаса лицо Дасан Ана. Оно превратилось в маску животного, первобытного страха, а его глаза расширились от ужаса.

Брент повернулся и почувствовал, как волосы у него встали дыбом. Вся западная часть неба внезапно потемнела. В воздух были подняты огромные тучи песка. Это с громким стоном приближались сильные ветры.

Брент бросил поводья верблюдов и рванул в сторону ближайшей расщелины в скалах, крича Дасан Ану:

— Беги за мной. Мы не сможем удержать верблюдов. Брось их.

— Ветры, — услышал он слабый крик турка. — Идут сильные ветры.

После того как Брент протиснулся в маленькую расщелину, он больше не слышал ужасного рева ветров. Он видел, как бешено метались верблюды, охваченные страхом. Он видел, как застыл на месте Дасан Ан, словно заморожен

ный приближающейся песчаной бурей, ожидая неизбежной смерти.

Он видел, как ветры подхватили турка, подняли в воздух, а затем бросили обратно на каменную поверхность. Они бросали его вверх и вниз до тех пор, пока его тело не превратилось в большой кровавый кусок мяса.

Он видел, как, подхваченные могучими ветрами, были сброшены с обрыва его верблюды. Затем он почувствовал, что ветры начали терзать его собственное тело. Он слышал их громкое завывание. Это был рев гнева, нечеловеческой ярости. Безумное стремление вырвать его из расщелины и забить до смерти.

Спасаясь от чудовищных ветров, Brent все сильнее вжимался в землю, крепко цепляясь пальцами за камни. Он чувствовал, что несмотря на все усилия, его все равно отталкивает назад. Завывание ветров становилось все громче. Наконец они добились своей цели и, подхватив его, подбросили в воздух. Внезапно среди их рева он уловил тонкий, серебряный, взволнованный свист. Ветры бросили его на землю.

В полубессознательном состоянии Brent поднял голову и увидел, что могучие ветры отступили от него. Через песчаные струйки, поднятые ветрами, навстречу ему бежала девушка. Девушка, которая и издавала этот серебряный свист. Стройная, одетая в легкое белое платье без рукавов, из которого были видны бронзового цвета голые руки и ноги. Ее золотистые волосы развевались за спиной подобно пламени.

Она бежала к нему с такой легкостью, что, казалось, была сделана из воздуха. Он видел прекрасное лицо, серо-зеленые глаза, широко раскрытые от переполнявших ее эмоций. Brent вновь услышал серебряный свист, сорвавшийся с ее губ, и понял, что рев ветров немного отдалился. Затем Brent больше ничего не видел и не слышал. Он потерял сознание.

Когда Brent очнулся, сначала он не мог ничего понять. Он знал только то, что лежал в темноте на чем-то мягком. Что же с ним произошло? И тут он вспомнил. Он вспомнил свой подъем на плато, вспомнил, что ветры забили до смерти Дасан Ана и чуть было не убили его самого. Но внезапно

отступили. А когда они отступили, то появилась девушка с серо-зелеными глазами, которая издавала тонкий свист. Была ли она на самом деле? И если была, то где она сейчас?

Брент сел и огляделся по сторонам. Он обнаружил под собой мягкие шкуры. Вскоре он выяснил, что находится в пещере огромных размеров. Вокруг него лежали различные фрукты и цветы. А в углу била тонкая струйка воды. В противоположном конце пещеры квадратное отверстие выходило в небо, покрытое звездами.

Пораженный, он поднялся на ноги и пошел к отверстию. Там Брент понял, что оказался в пещере, которая находилась в одной из двух скал-близнецов.

Перед ним в свете звезд распростерлась равнина, Плато Ветров. Менее чем в ста ярдах от него двигалась стройная фигура в белом коротком платье. Это была та самая девушка, которую он видел, прежде чем потерять сознание. Она кружилась и танцевала под светом холодных звезд.

В тот момент девушка не знала, что он наблюдает за ней. Она бежала и пританцовывала с невероятной легкостью, а полдюжины слабых ветров танцевали вокруг нее, поднимая в воздух маленькие струйки песка. Звук танцующих ветров был похож на задорный шепот. А с губ девушки срывался веселый свист.

Внезапно она увидела Брента и замерла. Затем медленно пошла к нему. Он вновь увидел в полумраке звездного света ее красивое лицо и пристальный взгляд, всматривающийся в него. Брент поразился, какие большие у нее глаза, да что там большие, просто огромные. Глаза ясные, как безветренное небо в погожий день, в которых бился бешеный пульс свободы.

Теперь слабые ветры кружились вокруг него и девушки. Брент чувствовал, что они дергали его за плащ, проникали под одежду, подобно шаловливым детям, дурачащимся вокруг двух взрослых.

Он долго молча глядел на девушку. Затем его любопытство заставило его заговорить.

— Бог мой, вы белая. Что бы вы здесь ни делали и как бы сюда ни попали, но вы белая.

Девушка зачарованно слушала его голос, и на ее лице возникло выражение любопытства, как будто она старалась с трудом что-то припомнить. Когда она заговорила, в ее высоком голосе слышался тот же серебристый тон.

— Девушка, — повторила она неуверенно. Затем указала пальцем на себя и произнесла:

— Девушка — Лора.

— Тебя зовут Лора! — воскликнул Брент. — Тогда ты должна быть англичанкой. Я — Брент. Дик Брент.

— Брент, — повторила она. Между ее бровями пролегла задумчивая морщинка. Ее горящие глаза выражали озабоченность.

— Англичанка? — повторила она.

Он поймал ее руку. От возбуждения он забыл все на свете. Как он мог встретить здесь, на этом затерянном плато, белую девушку? Как она попала сюда и как долго здесь живет?

На многочисленные вопросы Брента она поначалу отвечала лишь озадаченным выражением лица. Внезапно речь, как ручеек, полилась из ее рта. Она говорила сладким, высоким голосом.

— Я уже почти забыла, как говорить. Я уже почти забыла, как выглядят люди.

— Забыла? Как же давно ты здесь живешь?

— С тех пор... — казалось, она с трудом подыскивала слова.

Затем, подняв руку на уровень талии, добавила:

— С тех пор, как была вот такой.

— Ты хочешь сказать, что находишься здесь с тех пор, как была маленькой девочкой? — недоверчиво спросил Брент.

Она кивнула. Казалось, что речь причиняла ей невыносимую боль.

— Давно-давно мой отец и другие мужчины пришли сюда. Я была с ними. Они искали что-то. Может, золото? Теперь я уже не помню.

— Но что с ними случилось?

Ее ответ был простым.

— Ветры убили их. Ветры сказали мне, что убили многих людей, приходивших сюда.

Брент ошарашенно смотрел на нее. Хотя это и казалось странным, он поймал себя на мысли, что в глубине души ожидал подобных слов. В самой этой девушке был что-то такое необычное, поэтому ее слова звучали вполне естественно и не могли быть неправдой. И все же ее рассказ был невероятен, фантастичен.

— Ветры сказали тебе? Ты говоришь так, словно ветры — живые существа.

Глаза Лоры расширились от удивления.

— Конечно.

Опровержение Брента прозвучало резко.

— Чушь. Ветры не живые. Это просто воздух.

— Конечно, воздух, но живой воздух, — возразила Лора. — Они движутся по небу подобно нам, людям, ходящим по земле. Подобно нам, кто-то из них сильный, кто-то слабый, кто-то маленький, кто-то большой. Они другая, не наша форма жизни. Но они живые и очень много знают. Ты думаешь, если бы они не были живыми, они бы ответили на мой призыв?

Лора внезапно вытянула губы, и с них сорвалась серебряная трель. Затем сверху из глубины ночи налетели яростные, дико ревущие ветры. Они кружились, извивались вокруг девушки. Слегка подталкивали ее и ревели, но совсем не злобно. Своим криком они заполнили тишину, которая царствовала здесь еще минуту назад. Лора засмеялась, словно отзываясь на плач ветров. Затем засвистела вновь. И могучие ветры исчезли так же быстро, как и появились.

— Теперь ты веришь, что ветры живые? — крикнула она, заливаясь серебряным смехом.

— Конечно, нет, — ответил Брент. — Это был всего лишь небольшой ураган, типичный для этого места в это время года. Это доказывает только то, что ветры — просто ветры.

Лора раздраженно топнула ножкой.

— Это не так. Я докажу тебе. Я позову их снова.

Брент схватил ее за руку.

— Нет, не надо. Я поверю, что они живые, если ты так этого хочешь. Меня интересуют не ветры, а ты. Как ты прожила столько лет на этом пустынном плато? Как ты смогла выжить, если твой отец и все остальные погибли?

Гнев девушки исчез в один момент. Она взяла Брента за руку и повела за собой в темную пещеру. Она показала на мягкие шкуры, фрукты и бьющую в углу струйку воды.

— Все очень просто. На этом я сплю. А это ем и пью.

— Но откуда ты берешь свежие фрукты?

— Ветры приносят мне все, что нужно, — просто ответила она.

Брент уставился на нее с недоверием. И ее ноздри вновь начали раздуваться от приступа внезапного гнева.

— Ты не веришь?

— Конечно, я верю тебе, — поспешно ответил Брент. — Я знаю точно, что ветры способны поднимать в воздух различные предметы и переносить их на большие расстояния. Но как получилось, что ты осталась жива, когда твой отец и его товарищи были убиты?

Прежде чем ответить, Лора взяла его руку в свои маленькие мягкие ладошки и посадила рядом с собой на шкуру. В бледном свете звезд, пробивающемся через отверстие в скале, ее лицо казалось напряженным. Брови немного нахмурились. Брент зачарованно наблюдал за ней. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было отдаленное бормотание ветров.

Девушка говорила медленно. Ей все еще было трудно подбирать слова.

— Об этом я помню немного. Я помню моего отца, еще одного белого человека и нескольких смуглых мужчин, управлявших большими животными, на одном из которых я ехала. Я также помню тяжелый подъем на это плато. Затем сильные ветры понеслись к нам в порыве ярости и злости. Я помню, что мой отец и остальные люди были сброшены ветрами с обрыва. Я помню крики падающих в пропасть людей и рев ветров.

Затем ветры подхватили и меня и подняли в воздух. Но они не стали сразу же убивать меня. Может, потому, что я была слишком маленькой. Они играли мной. Перебрасывали меня по воздуху от одного ветра к другому. Они смеялись, забыв о гневе. Затем один из них отобрал меня у других. Этот ветер был не такой, как все остальные. Он был сильным, но мягким и нежным. Ветер принес меня сюда, в эти скалы, и отпустил. Сначала я долго плакала, затем уснула. А когда проснулась, ветер был снова со мной.

Он гладил, ласкал меня, пытаясь заставить забыть мое горе. Затем он улетел, но вскоре вернулся назад и опустил передо мной фрукты, шкуры и другие вещи. Я научилась отличать его от всех других ветров и стала думать о нем, как о Матери ветров, потому что он заботился обо мне.

Я разговаривала с Матерью ветров и думала, что она меня слышит. Я больше ничего не боялась. Я знала, что ветры не причинят мне вреда. Другие сильные ветры прилетали и подхватывали меня, чтобы опять поиграть со мной, но Мать ветров им этого не разрешала. Она забирала меня от них.

Через какое-то время уже все ветры знали меня. Они привыкли ко мне. Они приносили мне пищу и другие вещи, которые подбирали в местах, где жили люди. Я научилась отличать одни ветры от других, большие от маленьких, сильные от слабых.

Я слушала звуки, которые они издавали. Чтобы общаться с ними, я научилась издавать подобные звуки. И хотя они не могут слышать так, как люди, я знаю, что каким-то образом они понимают мой свист и отвечают на него. Вот так я общаюсь с ними.

Со мной разговаривают ветры со всей земли. Это плато как раз и является местом встречи всех ветров. Они прилетают сюда и улетают отсюда, проносясь высоко над землей. Здесь они встречаются, общаются и играют. И здесь я говорю с ветрами со всего мира.

Но многие сильные ветры остаются здесь почти все время и среди них Мать ветров. Ни разу с тех пор, как я попала сюда, Мать ветров не покидала меня надолго. И хотя я лю-

блю их всех, именно Мать ветров я люблю больше других ветров.

Брент слушал, охваченный непонятным восторгом. Но теперь, когда Лора замолчала, он высказал свое недоверие.

— Но то, что ты говоришь, это фантазии. Ветры не живые существа. Ты так долго жила одна среди ветров, что стала так думать. Как могут ветры говорить или слышать? Как они могут обращаться к тебе и понимать тебя?

Лора покачала головой.

— Этого я не знаю. Но они говорят и слышат. Они приносят мне все, что я прошу. Я ведь смогла убедить их не убивать тебя, когда они уже собирались сделать то же самое, что и с твоим спутником и вашими животными.

Брент уставился на нее в замешательстве.

— Ты хочешь сказать, что буря прекратилась только потому, что это ты приказала ветрам остановиться?

Лора кивнула.

— Конечно. Когда я увидела тебя, я начала свистеть им, чтобы они тебя отпустили, хотя они этого не хотели. Они были в ярости. Они помогли мне принести тебя сюда к скалам, хотя и этого не хотели делать.

Брент отрицательно покачал головой.

— Я могу понять, что ты веришь в это, — произнес он, скорее убеждая самого себя. — Я не сомневаюсь, что на этом плато всегда ветрено. Без сомнения, ты осталась жива только по чистой случайности. Вполне разумно, что ты наделяешь ветры человеческими качествами, так как они твои единственные спутники в этом одиноком месте. Ты воображаешь, что можешь говорить с ними, а они с тобой. Но когда ты начинаешь утверждать, что...

Внезапно голос Брента оборвался от приступа неожиданной слабости. Он покачнулся, и Лора быстро вскочила на ноги.

— Ты еще совсем слаб. Я забыла об этом.

Она взяла несколько шкур и сделала из них небольшую кровать в другом конце пещеры.

— Поспи теперь, — просто сказала она.

Брент лег, а она легла на свою кровать из шкур.

Ослабевшего и обессиленного после битвы с ветрами Брента мгновенно потянуло в сон. Снаружи он слышал отдаленные голоса ветров.

Проснувшись следующим утром, он увидел, что пещера наполнена ярким золотым солнечным светом, проникающим через отверстие. В первую секунду он не мог понять, где находится. Затем он услышал снаружи задорный серебряный свист. Брент вскочил на ноги и выбежал из пещеры. Там стояла Лора и свистела. Увидев его, она закричала:

— Брент, она пришла ко мне сегодня утром, Мать ветров.

— Что? — недоверчиво переспросил Брент.

— Смотри, вот она, — воскликнула Лора. Ее лицо сияло от счастья. — Я рассказала ей о тебе.

Брент видел, что вокруг девушки вьется ветер, нежно играя в ее волосах, издавая мягкий, мурлыкающий звук.

С губ Лоры слетали короткие, высокие звуки. Затем ветер направился к Бренту.

Когда ветер коснулся его, Брент почувствовал беспричинную панику. Ему хотелось бежать, но он сказал себе, что это всего лишь ветер, движущаяся масса воздуха. Так он стоял неподвижно, пока ветер осторожно исследовал его.

Затем его прикосновения изменились. Он больше не исследовал, а ласкал. К его лицу прикоснулись воздушные пальцы. А в своих волосах он почувствовал тепло, словно дыхание любящей матери. Высокий мурлыкающий звук успокаивал его. По всему телу разлилось странное блаженство.

Еще какое-то время нежный сильный ветер кружил вокруг него и Лоры, затем, в последний раз взлохматив волосы девушки, понесся прочь. Брент видел, как он движется на запад через равнину, поднимая на своем пути небольшие клубы пыли. Он испытывал странный покой, подобно ребенку, которого только что приласкали.

— Ты ей понравился, — сказала Лора. — Я думаю, что ты понравился Матери ветров.

Брент сказал себе, что ему придется подыграть странным фантазиям девушки. Это не причинит никакого вреда.

— Я рад, что понравился ей.

И он действительно был этому рад, хотя продолжал говорить, что для этого нет никакой причины.

Когда они шли через равнину, Лора доверительно сообщила:

— Мать ветров всегда недалеко от плато, недалеко от меня. Многие другие ветры тоже живут здесь, но большинство прилетает из других мест. Даже такие маленькие, как эти.

Она показала в сторону маленькой хаотичной группки песчаных струек, танцующих неподалеку. Когда она показала на них, маленькие струйки изменили направление, внезапно рванувшись к девушке и юноше. Бренту пришла мысль, что они похожи на детей, увидевших любимых родителей.

Девушка рассмеялась, раскинув руки в стороны, словно приветствуя их. Они радостно кружились и танцевали вокруг нее.

Брент пытался убедить себя, что во всем происходящем нет никакого смысла. Он не мог позволить себе поддаться фантазиям Лоры. Но все же обнаружил, что, несмотря на свои убеждения, он начинал думать о ветрах, словно о живых существах.

Ветры убежали так же быстро, как и примчались, спеша друг за другом через равнину. Лора рассмеялась.

— Это самые маленькие ветры, но я люблю их больше других.

Внезапно Брент спросил:

— Лора, а ты никогда не хотела покинуть это плато? Жить вместе с другими людьми?

Она подняла на него ясные серо-зеленые глаза.

— Зачем мне нужны люди, если у меня есть ветры?

— Но ведь ты не хочешь прожить здесь всю жизнь?

Она отрицательно покачала головой, словно пытаясь объяснить что-то очевидное.

— Но я не могу оставить их.

Ее мягкая бронзовая рука внезапно обвила шею Брента, и их взгляды встретились. Она смотрела на него с выражением обиженного ребенка.

— Я хочу быть здесь. И теперь, когда ты пришел сюда, я хочу, чтобы ты остался со мной. Ведь ты останешься?

Руки Брента невольно обхватили ее. Он глубоко вздохнул и ответил:

— Да, по крайней мере, какое-то время.

Брент остался. Он убеждал себя, что это ненадолго, что через несколько дней ему удастся излечить девушку от ее фантазий, и она уйдет вместе с ним. Но он не смог. И Брент против своей воли, против всех законов разума начал осознавать, что уже и сам разделяет ее точку зрения.

Он начал отличать один ветер от другого, словно людей. Большие сильные ветры, которые ревели громко и торжественно, более маленькие буйные ветры, которые налетали и убегали, совсем маленькие ветры, которые кружили и гонялись друг за другом по плато. Он думал о них, как о людях.

А этот сильный, нежный ветер, которого Лора называла Матерью ветров, каждое утро приветствовал их и приносил им еду.

Здравый смысл говорил Бренту, что это место — пункт пересечения воздушных течений, что ветры постоянно переносят различные предметы на дальние расстояния. Но он не мог справиться со странным влиянием на Брента фантазий девушки.

С раннего утра до позднего вечера вокруг Лоры всегда резвились ветры. Вокруг нее их всегда было больше, чем в любом другом месте. Живые они или нет, но они постоянно сопровождали девушку.

И вскоре ему начало казаться, что ни один друг на свете не может быть более нежным, более верным, чем эти ветры, гуляющие по свету и пьющие с дикой радостью восторг свободы. Это были товарищи, которые никогда не предадут, не покинут, не забудут. Лора и Брент радостно бежали по плато под серебряный свист девушки.

Ветры могли быть игривыми, кружа шаловливо вокруг Лоры и Брента. Но только Мать ветров среди них всех одаривала их такой нежностью, которую Брент чувствовал каждый раз, когда она к нему прикасалась.

Для Брента мир, который он покинул, стал казаться нереальным. И он уже почти забыл причину, которая когда-то привела его сюда. Реальными для него сейчас были Лора, плато и ветры. И так продолжалось до тех пор, пока однажды к Бренту не пришло внезапное пробуждение.

В ту ночь, когда они вернулись с Лорой в пещеру, он, поддавшись какому-то внезапному импульсу, обнял и поцеловал ее. Сначала она сопротивлялась, а затем ответила на его поцелуй. Когда Брент отпустил девушку, его лицо выражало решимость.

— Лора, давай уйдем отсюда. Я люблю тебя. Давай вернемся в мир людей. В наш мир.

Глаза девушки сияли, но были полны печали.

— Но как же ветры?

— Ты оставишь их ради меня, — настаивал Брент.

Она молчала. Брент услышал нарастающий рев ветров снаружи и затаил дыхание. Затем Лора сильнее прижалась к нему и произнесла:

— Брент, я пойду с тобой, куда ты захочешь.

Но через несколько мгновений печаль вновь озарила ее прекрасное лицо.

— Но как же ветры? — повторила она. — Я боюсь, что они не отпустят меня.

Брент рассмеялся. Он полностью сбросил с себя влияние этого плато.

— Это же просто ветры, — сказал он. Затем добавил, чтобы убедить ее: — Почему они должны останавливать тебя, если они тебя любят?

Медленно она произнесла:

— Вот поэтому я и боюсь, что они не захотят отпустить меня.

Брент занялся приготовлениями кожаных мешков для воды и фруктов.

Через два дня они с Лорой отправились в путь.

Когда они вышли из скал, ветер, который девушка называла Матерью ветров, кружил вокруг нее, а она свистела.

Когда Лора повернулась к Бренту, он увидел, что ее ясные глаза были полны слез.

— Я прощалась с Матерью ветров.

— Попрощайся с ней и от моего имени, — насмешливо произнес Брент.

Но Лора действительно начала издавать быстрые, отрывистые звуки.

Сильный, мягкий ветер коснулся Брента, обвился вокруг него, и при этом воздушным, любящем прикосновении он почувствовал стыд за свою дерзость.

Они отправились на восток через плато. Маленькие ветры резвились и играли вокруг них. И время от времени сильные ветры спускались с высоты, чтобы пообщаться с ними.

Но когда они приблизились к краю плато, ветры изменились. Как показалось напряженным нервам Брента, теперь в их голосах слышалась озабоченная, возбужденная нотка. Брент был рад, что они покидают это место, которое так легко навеивает подобные фантазии.

Ветры начали отгонять их от края плато все сильнее и сильнее. Лора повернула к Бренту бледное лицо.

— Они не хотят, чтобы мы шли дальше.

Он взял ее руку.

— Ветры нас не остановят. Пойдем.

Но казалось, что ветров стало еще больше. Их крик перерос в смятение. Хотя Брент и Лора, наклонив головы, прорывались через них со всей силы, ветры отталкивали их назад, не яростно, но настойчиво. Их крик становился все громче.

— Брент, они не отпустят меня! Если мы пойдем дальше, они убьют тебя за то, что ты меня уводишь.

— Это всего лишь порыв воздуха. На такой высоте это обычное явление, — крикнул он в ответ.

— Мы должны вернуться, пока они не убили тебя, — повторила она, цепляясь за него.

Брент наконец-то сдался.

— Хорошо, на этот раз мы вернемся назад.

Они повернулись в направлении скал. Вскоре гнев ветров ослаб. Они снова стали игриво резвиться вокруг них.

Когда они вернулись к скалам, лицо Лоры все еще было бледным.

— Они бы убили тебя за то, что ты уводишь меня. Мы не должны предпринимать новой попытки.

— Мы попытаемся еще раз, — сказал Брент через крепко сжатые зубы. — Ветер не может остановить нас.

Но увидев лицо Лоры, он быстро добавил:

— Мы попытаемся еще раз, когда будет не так ветрено на краю.

Ее лицо стало задумчивым.

— Если мы выйдем ночью, когда ветры играют где-то вддали, они не увидят нас.

Брент сразу же отреагировал на ее слова:

— Конечно, ночью будет не так ветрено. Затем он добавил: — Мы попытаемся сегодня ночью.

В эту ночь они не спали, а ждали в пещере. Тьма уже опустилась, но они не выходили, слыша, как ветры режут и бушуют возле скал. Наконец рев стих. Ветры покинули плато.

Тогда они вышли. Снаружи все было тихо. Брент и Лора еще раз отправились в путь.

По дороге они не встретили ни единого ветерка. Только где-то вддали раздавался шум ветров. Они начали спускаться с плато. Продвигаясь на восток, они слышали, как затихают голоса ветров.

Утро застало их в нескольких милях от плато. Вокруг них простирались белые пески плоской и безжизненной пустыни.

— Никакие ветры больше нас не побеспокоят, — сказал Брент. — Я знал, что как только мы покинем плато, с нами будет все в порядке.

Лора оглянулась назад.

— Боюсь, что как только они обнаружат наше отсутствие, они погонятся за нами, — сказала она. — А мчаться они могут быстро.

Брент покачал головой.

— Они всего лишь ветры. Теперь, когда мы покинули плато, ты поймешь это.

Девушка ничего не ответила. Но он заметил, что Лора то и дело оглядывается, по ее лицу пробегают тревожные тени.

В полдень она издала слабый крик и показала в направлении облака песка на западе.

— Они мчатся за нами, Брент. Они ищут нас.

Брент посмотрел туда и почувствовал холод в груди. Но ровным голосом он смог произнести:

— Это всего лишь песчаная буря, и та не сильная. Мы должны идти дальше.

Они пошли. Но теперь уже и Брент каждую минуту оглядывался назад на эти чудовищные облака песка, движущиеся по пустыне позади них.

Они догоняли убегающую пару. Бессчетное количество песчаных гигантов, несущихся через пустыню. Вскоре они уже могли слышать отдаленный рев. Тогда Лора остановилась.

— Брент, мы должны спрятаться. Это наш единственный шанс, пока ветры не добрались до нас.

— Но это бессмысленно. Они не смогут причинить нам вред. Это только твои фантазии.

— Я знаю, что они ищут нас. И как только найдут, они убьют тебя. Мы должны...

Внезапно она издала отчаянный крик и, протянув руку вперед, произнесла:

— Уже поздно. Они нашли нас.

Она показывала на небольшие струйки песка, двигавшиеся через пустыню в их направлении. Маленькие ветры остановились возле них, закружившись, словно в безумной радости, и внезапно рванули назад к песчаному урагану.

— Они нашли нас, — повторила Лора. — Брент, если они тебя убьют, я тоже умру.

— Никто из нас не умрет, — сказал Брент, — пойдем.

Но теперь они уже бежали. Рев ветров позади них становился все громче. Они не оборачивались и продолжали бежать. Их ноги вязли в песке. Пустыня вокруг быстро начала темнеть. Лора упала. Брент остановился, чтобы помочь ей.

— Это бесполезно, — воскликнула она, пытаясь пере-

кричать приближающийся рев бури. — Мы не сможем убежать от них. Они идут. Brent, если ты умрешь, я тоже умру.

Подхватив девушку одной рукой, Brent глядел на запад. Он чувствовал себя пигмеем, которого преследуют великаны. Через пустыню в их направлении неся ураган, огромное облако песка, из которого доносился яростный, гневный, оглушительный рев. Их было великое множество, сильных и слабых, маленьких и больших, преследующих двух беззащитных людей.

Внезапно Лора вырвалась из рук Brent и побежала навстречу песчаному урагану, пронзительно свистя. Ветры подняли ее и закружили, как игрушку. Затем опустили на землю. Brent знал, что Лора теперь была в безопасности. Тогда разгневанные ветры добрались до него.

Он почувствовал, словно его подняли в воздух гигантские руки. В ушах Brent раздавался непрекращающийся рев безумной ярости, через который он слышал отдаленный крик Лоры.

Его подняли высоко в небо, а затем с огромной силой бросили вниз. Он закрыл глаза, ожидая удара о землю.

Удара не последовало. Из объятий яростных ветров, которые крепко держали его, он внезапно был вырван другим ветром, сильным и теплым, который нежно опустил Brent рядом с Лорой. Затем он поднял в воздух крепко прижавшихся друг к другу мужчину и женщину. Brent узнал этот ветер, который Лора называла Матерью ветров.

Другие ветры издали яростный крик, разрывающий сердце вопль безумной ярости. Они неистово рванулись вперед, пытаясь вырвать Лору и Brent у Матери ветров.

Это было похоже на ад. Ветры яростно атаковали, но теплый ветер продолжал крепко держать их. Вскоре безумный конфликт сражающихся ветров прекратился. Силы ветров ослабли, их гнев умолк. Они начали отступать на запад.

Улетая, они издавали громкие крики, но это не были больше крики ярости. Казалось, что они выражали сожаление, великую печаль и прощание.

Вокруг Лоры и Brent все еще вился одинокий ветер —

сильный, мягкий и теплый. Он ласкал их, крепко обнявших друг друга. Они чувствовали это мягкое прикосновение воздушных пальцев к их лицам, любящее дыхание в волосах, нежное пение в ушах. Затем он опустил их на землю и тоже улетел. Воцарилась тишина.

Лора сильно прижалась к Бренту, обхватив его руками за шею.

— Это была Мать ветров, Брент. Она спасла тебя ради меня, заставив других отступить.

Мысли Брента путались. Огромным усилием воли он взял себя в руки и начал осознать происходящее.

— Это был самый безумный ураган, который я когда-либо видел. Пойдем. Я думаю, что теперь мы дойдем до Юргана.

Они благополучно добрались до деревни. А затем до цивилизованного мира. Теперь Бренту казалось сном время, проведенное на Плато Ветров. И уж совсем невероятным представлялось, что когда-то, пусть на мгновение, он мог позволить себе поверить в странную фантазию, что ветры могут быть живыми существами.

Но и теперь, спустя годы, Брент не совсем уверен в своем рассудке. Да и Лора все еще считает, что ветры живые, и никакие его разумные объяснения не могут поколебать этой веры. Сам Брент, вспоминая некоторые вещи, продолжает удивляться.

В одном он уверен точно. Куда бы они с женой ни пошли, там всегда намного ветренее. И ему это не нравится. Ему не нравится, что ветры собираются вокруг нее. И хотя Лора, чтобы сделать ему приятное, больше не свистит им, Брент все равно говорит себе, что это только ее фантазии.

Ему так же не нравится просыпаться по ночам и видеть рядом с собой неспящую Лору, прислушивающуюся к голосам ветров, стучащихся в окна, шуршащих в деревьях, просящих, молящих снаружи, призывающих ее вернуться. Они соблазняют ее обещаниями бесконечной прошлой свободы. Хотя Брент и говорит себе, что ветры — просто движение воздуха, он все еще боится, что однажды ночью Лора ответит на этот призыв.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ

Придя в себя, Джон Вудфорд в первые несколько секунд не мог понять, где он лежит, только ощутил, что находится в абсолютной темноте и воздух, которым он дышит, тяжелый и спертый. Он чувствовал слабость, и его поначалу мало интересовало, где он находится и как сюда попал.

Впрочем, Вудфорд сообразил, что находится не у себя дома в кровати — там никогда не было так темно и душно, как здесь. Дом! Воспоминания о нем возродили в помраченном сознании Джона Вудфорда и другие: о жене и сыне. Он также вспомнил, что был болен, очень болен. Вот и все, что Джон мог припомнить на данный момент.

Что за место, куда его принесли? Почему тьма была такой непроницаемой, а тишина такой безмолвной? И почему рядом с ним больше никого не было? Он был болен, и врачам и сиделкам следовало бы лучше заботиться о нем. В его мозгу росло раздражение.

Затем он начал ощущать, что ему стало тяжело дышать. Спертый воздух, казавшийся теплым, обжег его легкие. Почему никто не откроет окно? Его раздражение поднялось до такого уровня, что привело его мускулы в движение. Он приподнял правую руку, чтобы дотянуться до звонка или кнопки.

Рука медленно продвинулась только на несколько дюймов в сторону и затем была остановлена прочным барьером. Слабые пальцы исследовали его. Перед ними, казалось, была цельная стена из дерева или металла, покрытая гладкой материей. Рука двигалась вдоль всей правой стороны, и когда он приподнял левую руку, то нащупал такую же стену с другой стороны.

Его раздражение дало волю воображению. Почему, черт возьми, они положили его, больного человека, в такое узкое место? Почему его плечи упираются с одной и другой стороны? Но он сказал себе, что скоро узнает причину. Вудфорд попытался подняться, чтобы позвать тех, кто должен был ухаживать за ним.

К его полному удивлению, его голова ударилась о подобную атласную стену. Он поднял руку и в замешательстве понял, что эта стена или потолок простирались над ним от головы до ног. И лежал он на такой же покрытой атласом поверхности. Почему, во имя всего святого, они положили его в эту атласную коробку?

Мысли Вудфорда находились в полном замешательстве, когда объявилась новая причина для возмущения. Воротничок рубашки сильно давил на горло. Это был высокий тугой воротник, вжимавшийся в его плоть. Это тоже стало для него загадкой. Зачем на нем тугой воротник? Зачем они одели больного человека в парадный костюм и положили в эту коробку?

Внезапно Джон Вудфорд издал крик, и эхо его крика отдалось в его ушах подобно отвратительному, демоническому смеху. Он вдруг все понял. Он, Джон Вудфорд, больше не был больным человеком. Он был мертвым! Или они решили, что он мертв, положили его в гроб и закрыли. Он был похоронен! Живого!

Страхи, таившиеся в нем при жизни, вырвались теперь наружу. Его секрет, его мрачное предчувствие стали ужасной реальностью. С раннего детства он боялся именно этого кошмара, так как знал, что склонен к каталептическим снам, которые едва ли можно отличить от смерти. По ночам ему снились ужасы погребения живого. Даже когда каталепсия у него прошла, страх остался.

Вудфорд никогда не говорил ни жене, ни сыну о своих страхах, но они преследовали его всю жизнь. Джон заставил своих домочадцев дать обещание, что после смерти он не будет сожжен, а будет похоронен в склепе вместо земли. Вудфорд считал, что в том случае, если он окажется мертв не по-настоящему, эти меры предосторожности смогут спасти ему жизнь. Но теперь он осознавал, что одинок перед лицом ужасной судьбы, которой так боялся. Он, Джон, лежал в гробу в каменном склепе на тихом кладбище. Его крики никто не мог услышать за стенами склепа, возможно, даже за стенками гроба. Пока он находился в каталептическом сне, то почти не дышал, но теперь, когда он проснулся,

ему требовался воздух, а воздух в гробу быстро убывал, и он был обречен умереть от удушья.

Джон Вудфорд на мгновение обезумел. Он кричал, хотя спазмы страха сдавливали его горло. Он упирался руками и ногами в твердую атласную поверхность над собой. Он стучал в крышку гроба сжатыми до боли кулаками, но крышка была прибита крепко.

Вудфорд кричал до тех пор, пока его горло не пересохло настолько, что больше не издавало ни единого звука. Он скреб изнутри по крышке гроба до тех пор, пока не поломал все ногти о металл под атласным покрытием. Он пытался стучать головой, но вскоре, обессиленный, откинулся назад.

Несколько мгновений Вудфорд лежал не в состоянии сделать ни одного движения. Его мозг рисовал живые картины ужасов. Теперь воздух казался еще более горячим, с каждым вдохом все сильнее обжигал легкие. С внезапным приливом энергии Джон закричал снова. Это не помогло.

Вудфорд оказался в ужасной ситуации. Но он должен был сделать все возможное, чтобы не поддаться панике. У него осталось не так уж и много времени, он просто обязан использовать его самым рациональным образом, чтобы найти возможность вырваться из этой тюрьмы.

С этим решением он немного успокоился и начал совершать пробные движения. Джон вновь сжал кулаки и забарабанил по потолку. Это не помогло. Руки были так близко прижаты к его телу узостью гроба, что он не мог нанести ни сильного удара, ни рвануться вперед.

А что же ноги? Лихорадочно он попытался совершить несколько движений, но вскоре понял, что удары ногами вверх еще менее эффективны. Вудфорд подумал о возможности согнуть ноги в коленях и выбить крышку, но понял, что не может поднять колени достаточно высоко и что ступни скользят по гладкой атласной поверхности.

Теперь уже каждый вдох иссушал его легкие и носоглотку. Ему казалось, что весь его мозг в огне. Вудфорд чувствовал, что силы убывают и скоро он потеряет сознание. Все, что он еще мог сделать, он должен был делать быстро. Лиш-

ний раз ощутив под руками вокруг себя мягкий атлас, он почувствовал всю ужасную иронию случившегося. С такой любовью он оказался погребен в этой смертельной ловушке.

Вудфорд попытался повернуться на бок, так как подумал, что сможет использовать плечо, чтобы надавить на крышку. Но повернуться оказалось не так-то просто в узком гробу и требовало множества маленьких толкательных движений — медленный и мучительный процесс.

Джон Вудфорд толкался до тех пор, пока не повернулся на левый бок. Тогда он почувствовал, что его правое плечо прикоснулось к потолку. Он уперся левым плечом в пол и со всей оставшейся у него силой надавил на потолок. Никакого результата. Крышка не двинулась, как и прежде.

Он надавил вновь. Отчаяние пронзило его сердце. Он знал, что очень скоро силы покинут его и он сдастся. В его ушах уже раздавался шум. У него оставалось совсем немного времени. В порыве отчаяния он вновь надавил на крышку.

И в этот буквально последний момент раздался скрежет. Этот звук для него стал подобен райской музыке надежды. Джон давил и давил на крышку, не обращая внимания на боль в плече.

Вновь раздался скрип, затем треск ломающихся металлических зажимов. И когда он предпринял еще одну отчаянную попытку, крышка распахнулась и с тяжелым клещением ударилась о каменный пол. Поток холодного воздуха устремился ему в лицо. Джон с трудом перевалился через край гроба и, сделав несколько шагов, упал на пол.

Прошло минут десять, прежде чем он взял себя в руки и, собравшись с силами, поднялся. Он стоял внутри маленького склепа, где единственным гробом был его собственный. Внутри склепа царил темнота, лишь слабый свет звезд пробивался через окошко вверх.

Джон Вудфорд доковылял до тяжелых дверей склепа и нащупал замок. Это место навевало на него слепой ужас. Там, на полке позади него, гроб с откинутой крышкой возле стены, казалось, широко раскрывал рот, пытаясь его проглотить.

Он судорожно старался отпереть замок. Что, если он не

сможет выбраться из склепа? Но вскоре Джон сообразил, что тяжелый замок на самом деле изнутри открыть легко. Ему удалось повернуть защелку и откинуть задвижку. Тяжелые двери распахнулись, и Джон Вудфорд вступил в ночь.

Он стоял на ступенях склепа, охваченный невыразимыми эмоциями. Перед ним в звездном свете раскинулось кладбище. Оно напоминало мистический город, наполненный призраками и тенями. Маленькие кусочки льда блестели там и тут, а воздух был холодным и острым. За низкими стенами кладбища мерцали огни города.

Вудфорд уверенно направился через кладбище, не обращая внимания на холод. Где-то среди огней города существовал и его огонек. Его дом, жена, сын, думающие, что он мертв, оплакивающие его. Как рады они будут, когда он вернется к ним живой. Его сердце рвалось наружу, когда он представлял себе картину их удивления и радости.

Джон подошел к низкой стене кладбища и быстро перелез через нее. Было уже за полночь. В этой отдаленной части города не было видно ни машин, ни пешеходов.

Вудфорд спешил вдоль по улице. Он проходил мимо людей, глядевших на него с удивлением, и только через некоторое время сообразил, насколько странно он выглядит. Мужчина средних лет, одетый в парадный костюм без шляпы и пальто, — довольно странное зрелище на окраине в зимнюю ночь.

Но Джон не обращал внимания на их взгляды. Он поднял воротник пиджака, чтобы немного согреться. Но и так из-за переполнявших его эмоций он едва чувствовал холод. Джон хотел скорее попасть домой, вернуться к Хелен, обрадоваться ее замешательству и смущению, когда она увидит его восставшим из мертвых.

Подъехало такси, и Джон Вудфорд сделал шаг вперед, намереваясь остановить его, но тут же отступил назад. Он автоматически опустил руку в карман и обнаружил, что тот абсолютно пуст. Конечно же, этого и следовало ожидать. В карманы покойнику денег не кладут. Не важно. Он доберется и пешком.

Дойдя до той части города, где находился его дом, он мельком взглянул на витрину магазина и увидел на отрывном календаре большую черную дату, которая заставила его замереть. Это была дата на десять дней позже той, которую он помнил. Его похоронили больше недели назад.

Больше недели в гробу. Это казалось невероятным, ужасным. Но он говорил себе, что сейчас это ничего не значит. Это только сделает радость его жены и сына большей, когда они обнаружат, что он жив. Самому Вудфорду казалось, что он возвращается скорее из путешествия, чем с того света.

Он спешил по усаженной деревьями улице, где стоял его дом, и почти смеялся вслух, представляя, какое удивление вызовет его появление у некоторых друзей. Они примут его за привидение или ходячего мертвеца и, возможно, в ужасе побегут от него.

Но с этой мыслью пришла другая. Он не должен вот так внезапно появиться перед Хелен, иначе шок может убить ее. Ему необходимо что-то придумать, чтобы смягчить удар. Он должен быть уверен, что не напугает ее слишком сильно.

С этим решением, дойдя до большого дома на краю улицы, Вудфорд повернул во двор, вместо того чтобы подойти к парадному входу. Он видел, что в доме светятся окна библиотеки, и направился к ним. Джон решил посмотреть, кто там находится и кто сможет мягко сообщить новость о его возвращении.

Вудфорд бесшумно взобрался на террасу, приблизился к створчатому переплету и посмотрел внутрь.

Через шелковые занавески он ясно видел уютную обстановку комнаты с полками книг, лампами и камином. Хелен, его жена, сидела на диване вполоборота к окну. Рядом с ней сидел мужчина, в котором Вудфорд узнал одного из своих ближайших друзей — Куртиса Доуса.

Присутствие Доуса навело на мысль. Он попытается каким-либо образом выманить его из дома и попросит рассказать Хелен о его возвращении. При виде жены сердце Вудфорда радостно забилося.

По движениям губ и жестикуляции Джон увидел, что

Куртис Доус заговорил. Его слова с трудом доносились до Вудфорда. Тогда он прижался к стеклу вплотную. Слова стали слышны четче.

— Ты счастлива, Хелен? — спросил Доус.

— Да, дорогой! Я очень счастлива, — ответила она, поворачиваясь в его сторону.

Из темноты в замешательстве Вудфорд пристально вглядывался в лицо жены. Как она может быть счастлива, если знает, что ее муж мертв и похоронен?

Он вновь услышал голос Куртиса.

— Это тянулось так долго, Хелен. О Господи, сколько же лет я ждал!

Она нежно положила свою руку на его.

— Я знаю. И ты никогда не жаловался. Я всегда уважала твою преданность Джону.

Хелен задумчиво поглядела на огонь.

— Джон был хорошим мужем, Куртис. Он действительно любил меня. И я никогда не давала ему повода догадаться, что не люблю его, что в моем сердце только ты, его друг. Ты единственный, кого я любила. Но когда Джон умер, я не могла чувствовать горя. Я, конечно же, сожалела, но глубоко в сердце осознавала, что наконец-то мы свободны и можем любить друг друга.

Рука Куртиса нежно легла на ее плечо.

— Дорогая, ты не жалеешь, что я уговорил тебя выйти за меня замуж так быстро? Тебя не волнует, что люди могут говорить о нас?

— Меня не волнует ничего, кроме тебя, — ответила она. — Джон мертв. У молодого Джека свой собственный дом и жена. И нет никакой причины в мире, почему бы мы не могли пожениться. Я рада, что мы так и сделали.

В темноте на улице ошарашенный Джон Вудфорд видел ее сияющее лицо, глядящее на мужчину.

— Я горда наконец-то стать твоей женой, дорогой. Не важно, что кто-то может сказать о нас, — услышал Джон ее слова.

Вудфорд медленно отошел от окна. Он остановился в темноте под деревьями. Он был подавлен.

Так вот каким оказалось его возвращение домой из могилы! А он-то, глупец, ожидал увидеть у Хелен радость на лице.

Это не может быть правдой. Его слух обманул его. Хелен не может быть женой Куртиса Доуса. Но все же часть его разума безжалостно твердила ему — это правда, это правда, это правда.

Джон всегда подозревал, что чувства Хелен к нему были не такими сильными, как его к ней. Но он никогда и не мог предположить, что она любила Доуса. Теперь он припомнил частые визиты Куртиса, странное молчание между ними. Он припомнил тысячи мелочей, которые говорили об их любви, которую они хранили в тайне.

Что было ему, Джону Вудфорду, делать? Предстать перед ними и заявить, что они поторопились счесть его мертвым, что он вернулся, чтобы вновь заявить свои права на место в этой жизни и на свою жену?

Он не мог сделать этого. Если бы за все эти годы Хелен дала хотя бы одну причину сомневаться в ее верности, он бы в эту минуту не испытывал угрызений совести. Но после стольких лет молчаливой, смиренной жизни с ним он не мог сейчас предстать перед ней и разрушить ее долгожданное счастье, очернить ее имя.

Вудфорд горько усмехнулся. Что ему делать? Теперь Джон не мог позволить Хелен узнать, что он жив. Не мог вернуться в дом, который когда-то был его. И все же он должен пойти куда-то. Но куда?

С внезапным содроганием сердца он подумал о Джеке, его сыне. Он мог пойти к Джеку и ему сказать, что он жив. Джек-то уж будет вне себя от радости увидеть его и сохранит в тайне от матери факт его возвращения.

С этой мыслью, придавшей ему воодушевления, Джон Вудфорд направился обратно через двор к улице, по которой всего несколько минут назад радостно приближался к своему дому. Теперь он крался подобно вору, который боится, что его заметят.

Джон пошел к коттеджу своего сына. На улице никого не было. Мороз все усиливался, и время перевалило далеко

за полночь. Он автоматически потер замерзшие руки и поспешил дальше.

Наконец Вудфорд подошел к маленькому коттеджу сына и почувствовал облегчение, увидев свет в окне первого этажа. А он-то боялся, что никого не окажется дома. Джон пересек замерзшую лужайку и направился к освещенным окнам. Он хотел убедиться, что Джек дома и один.

Джон заглянул внутрь. Джек сидел за маленьким столом, а его молодая жена, устроившись на ручке кресла, внимательно следила за тем, что он ей объяснял, глядя на лежащий на столе листок бумаги. Прижав лицо к холодной оконной раме, Джон Вудфорд мог слышать его слова.

— Смотри, Дороти, мы сможем сделать это, добавив наши сбережения к страховке отца, — говорил Джон.

— О да, — радостно воскликнула Дороти. — Это то, чего ты так долго хотел, — свое собственное маленькое дело.

Джек кивнул.

— Поначалу оно будет небольшим, но со временем вырастет. Это тот шанс, которого я так долго ждал, и я его не упущу. Конечно, — добавил он, его лицо погрузнело, — нехорошо так об отце. Но ведь он умер, а его страховка поможет нам открыть свое дело. Теперь возьми накладную... — он начал зачитывать ряд цифр внимательно слушающей Дороти.

Джон Вудфорд медленно отошел от окна. Он никогда не чувствовал себя таким растерянным и уничтоженным. Он совсем забыл о своей страховке. Теперь Джон узнал, что она выплачена, так как все думали, что он мертв.

Но ведь он не мертв. Он жив. Жив? Но если он даст знать об этом сыну, это положит конец его надеждам. Джеку придется вернуть страховку компании, поставив крест на долгожданном шансе начать собственное дело.

И тогда он, Джон Вудфорд, решил, что должен оставаться мертвым для жены и для сына. Вудфорд отошел от окна и растаял в темноте.

Дойдя до улицы, он остановился в нерешительности. Начал дуть холодный ветер, и Джон почувствовал, что замерзает без пальто. Он плотнее запахнул воротник на шее.

Вудфорд старался найти какой-то выход. Ни Хелен, ни Джек не должны узнать, что он жив, а значит, и никто в городе. Ему нужно покинуть город, убраться в какое-то другое место, жить под другим именем. Но ему не обойтись без помощи, без денег. Где он возьмет их? К кому он мог пойти, не боясь, что его воскрешение станет всем известно?

Говард Норс. Это имя невольно слетело с губ Вудфорда. Норс был его начальником, главой фирмы, в которой Вудфорд работал много лет. Джон был одним из старейших ее сотрудников. Говард Норс поможет ему устроиться на работу в каком-нибудь другом месте и сохранит его воскрешение в тайне.

Он знал, что дом Норса находится в нескольких милях от города. Но он не мог идти так далеко пешком. А на такси и трамвай у него не было денег. Ему придется позвонить Норсу.

Вудфорд пошел назад в направлении центра города, прорываясь сквозь ледяной ветер. Ему повезло найти круглосуточную закусочную, хозяин которой позволил ему воспользоваться телефоном. Онемевшими от мороза пальцами, он набрал номер Норса.

Вскоре на другом конце провода раздался сонный голос Говарда.

— Господин Норс, это Вудфорд, Джон Вудфорд, — повторил он несколько раз.

Говард Норс воскликнул:

— Да вы с ума сошли! Джон Вудфорд умер. Он похоронен две недели назад.

— Нет, я говорю вам, я Джон Вудфорд, — настаивал он. — Я вовсе не мертв. Я такой же живой, как и вы. Если вы приедете в город за мной, вы убедитесь собственными глазами.

— Я не собираюсь ехать в город в два часа ночи, чтобы посмотреть на маньяка, — резко ответил Норс. — Что бы вы там ни задумали, вы попусту теряете время.

— Но вы должны помочь мне, — кричал Вудфорд. — Мне нужны деньги, возможность выбраться из города так,

чтобы никто не узнал. Я служил вам верой и правдой многие годы, и теперь вы обязаны мне помочь.

— Послушайте меня, кем бы вы там ни были, — рявкнул Норс с того конца провода. — Мне Джон Вудфорд сильно надоедал, когда еще был жив. Он был настолько неумелым, что нам стоило выкинуть его на улицу еще давным-давно, если бы не было его жалко. Но теперь, когда он мертв, вам больше не стоит беспокоить меня от его имени.

Раздался щелчок. Вудфорд не мог поверить услышанному, уставившись на телефон. Значит, вот что они думали о нем на самом деле? Значит, он был единственным, кто считал себя самым лучшим сотрудником.

Но должен же быть кто-то, к кому он мог бы обратиться, кого бы смог убедить, что Джон Вудфорд жив. Должен, должен быть кто-то, кто будет рад это узнать.

А как насчет Виллиса Грена? Грен был его самым близким другом после Куртиса Доуса. В прошлом он не раз одалживал Вудфорду деньги, и конечно же, будет рад помочь ему сейчас.

Поспешно Вудфорд набрал номер телефона Грена. В этот раз, услышав голос на противоположном конце, он стал более осторожен.

— Виллис, я должен вам кое-что сказать, что может показаться невероятным. Но вы должны поверить мне. Вы слышите меня?

— Кто это? И что, черт возьми, такое вы говорите? — потребовал удивленный голос Грена.

— Виллис, это Джон Вудфорд, ты слышишь? Это Джон Вудфорд. Все думают, что я мертв, но это не так. Мне нужно увидеть тебя.

— Что? — закричал голос на другом конце. — Да ты, наверное, пьян, приятель. Я собственными глазами видел Вудфорда в гробу. Я знаю, что он мертв.

— Я говорю тебе, это не так. Я не мертв. — Вудфорд почти кричал. — Мне нужны деньги, чтобы выбраться отсюда, и ты должен одолжить их мне. Ты всегда раньше мне одалживал, а теперь они нужны мне, как никогда. Мне необходимо выбраться отсюда.

— Ах, так вот в чем дело! Если я и помогал Вудфорду, то ты думаешь, что можешь выманить у меня деньги, просто позвонив и назвавшись его именем. Вудфорд был самой большой занудой в мире и постоянно занимал у меня деньги. Когда он умер, я почувствовал облегчение. А теперь ты пытаешься меня заставить поверить в то, что он вернулся из могилы, чтобы снова тянуть из меня доллары?

— Но я не умер. Я действительно Вудфорд, — слабо за протестовал Джон.

— Прости, старина, — услышал Вудфорд насмешливый голос Грена. — В следующий раз для шуток выбирай живого человека.

Он отключился. Джон Вудфорд медленно повесил трубку и вышел на улицу. Порывы ветра становились все сильнее и теперь приносили с собой облака белого снега, бывшего в лицо. Он ковылял мимо закрытых магазинов. Его тело замерзло. Сознание тоже.

Не было никого, к кому он мог бы обратиться за помощью. Он все еще хотел выбраться из города. Но теперь он мог положиться только на себя самого.

Ледяные порывы ветра проникали через тонкий пиджак. Его руки онемели от холода.

Краем глаза он заметил горящую вывеску ночлежки и сразу же направился туда. Там он мог по крайней мере переночевать, а утром покинуть город.

Грязные люди, дремавшие в креслах, странно посмотрели на него, когда он вошел. Так же странно на него посмотрел и молодой клерк, к которому он направился.

— Я хотел бы переночевать здесь, — сказал он, обращаясь к клерку.

Клерк удивленно произнес:

— Вы что, шутите?

Вудфорд покачал головой.

— Нет, у меня нет ни гроша, а на улице холодно. Мне нужно где-то переночевать.

Клерк недоверчиво улыбнулся.

— Убирайся, пока я не вызвал полицейского.

Вудфорд посмотрел на свою одежду, на свой официальный костюм, высокий воротник, белую рубашку, начищенные кожаные ботинки и все понял.

Он в отчаянии произнес, обращаясь к клерку:

— Но эта одежда ничего не значит. Я говорю вам, у меня нет ни гроша.

— Может, ты все-таки сам уберешься, пока я тебя не вышвырнул отсюда, — потребовал клерк.

Вудфорд попытался к двери и вновь оказался на морозе. Ветер и снег усиливались. Вскоре весь пиджак Вудфорда оказался засыпан снегом.

Ему казалось странной шуткой, что роскошь его погребального костюма не давала ему возможности получить помощь. Он даже не мог попросить милостыню. Кто подаст нищему, одетому в парадный костюм?

Вудфорд чувствовал, как дрожало его тело, а зубы стучали от лютого мороза. Если бы он только мог спрятаться от порывов ледяного ветра. Его глаза в отчаянии шарили по улице в надежде найти хоть какое-то убежище.

Наконец он увидел глубокий дверной проем и втиснулся в него, спасаясь от ветра и снега. Но не успел он сделать это, как услышал звук тяжелых шагов, которые остановились возле него. Дубинка ударила его по ногам. Не терпящий возражений голос приказал ему встать и идти домой.

Вудфорд и не пытался объяснить полицейскому, что он не пьяница, упавший по дороге. Джон с трудом поднялся и побрел по дороге, не в состоянии видеть дальше, чем несколько футов перед собой, из-за сильного снегопада.

Снег забивался в тонкие туфли, и его ноги скоро стали холоднее, чем тело. Он волочился медленным шагом, с трудом пробиваясь через пургу.

Вудфорд с трудом осознавал, куда он движется, но неожиданно все же разглядел, что темные витрины магазинов уступили место низкой стене. Внезапно он узнал ее. Это была стена кладбища, которое он покинул несколько часов назад. Кладбища, на котором находился склеп. Его склеп. Склеп, из которого он убежал.

Склеп. Почему он не подумал об этом раньше? Склеп будет убежищем от ледяного ветра и снега. Он может остаться там на ночь, и никто его не заметит.

На мгновение Вудфорд замер, вспомнив о своих недавних кошмарах. Осмелится ли он вернуться в то место, из которого с таким трудом выбрался? Но в этот момент сильный порыв ветра ударил ему в лицо, и Джон принял решение. Склеп станет для него убежищем. А это было все, чего так хотело его замерзшее тело.

С трудом он перебрался через ограду и пошел мимо белых кладбищенских монументов к своему склепу. Падающий снег заметал его следы.

Вудфорд добрался до склепа и возбужденно дернул железную дверь. Он боялся, что захлопнул ее, когда выходил. Но, к его облегчению, дверь открылась. Джон вошел и закрыл ее за собой. Внутри было темно. Но по крайней мере здесь он оказался недосыгаем для ветра и снега, и его уставшее тело наконец-то почувствовало облегчение.

Вудфорд присел на край выступающей стены. В конце концов, это крыша на ночь. Горько, что пришлось вернуться сюда. Но он был благодарен судьбе, что у него есть хотя бы такое убежище. Утром, когда пурга окончится, он сможет выйти и покинуть город. И никто его не увидит.

Джон сидел и слушал, как снаружи завывает вьюга. В склепе было холодно, очень холодно. Он почувствовал, как немеют его ноги. Тогда он встал и начал ходить туда-сюда, пытаясь согреться.

Если бы у него только было одеяло или пальто, чтобы накрыться. Он замерзнет здесь на каменном полу. Затем, сделав случайное движение в сторону, он наткнулся на гроб. Новая идея пришла ему в голову.

Гроб. Ведь он покрыт шелком и атласом. В гробу будет тепло. Лучше уж он будет спать в нем, чем на холодном каменном полу. Но осмелится ли он вновь лечь в него?

В душе вновь зашевелились прошлые ужасы. Но они ничего не значат. В этот раз гроб не будет закрыт. Его замерзшая плоть молила о тепле, которое могла дать обивка.

Медленно, осторожно он забрался в гроб и вытянулся внутри. Шелк и атлас, окружавшие его, несли долгожданное тепло. С довольным видом он положил голову на мягкую маленькую подушечку. Так было лучше, и он даже почувствовал некоторый комфорт.

Но полежав немножко, понял, что его тело все еще мерзнет. Холодный ветер пробирает до костей. Если он закроет крышку, то холод его больше не побеспокоит.

Вудфорд поднялся, дотянулся до тяжелой металлической крышки и закрыл ее над собой. Он оказался в полной темноте. Но зато стало значительно теплее, и он согрелся.

Все же намного удобнее было с закрытой крышкой. Тепло теперь охватило все его тело, а воздух внутри гроба согрелся и поплотнел. Вдыхая этот теплый воздух, Джон неожиданно почувствовал сонливость.

Становилось труднее дышать. Вудфорд понимал, что нужно бы приподнять крышку и впустить немного свежего воздуха. Но ему так не хотелось этого делать. Снаружи было так холодно, а здесь так тепло. Его все сильнее клонило в сон.

Что-то подсказывало ему, что он может задохнуться. «Ну и что?» — пронеслась в голове мысль. Ему здесь намного приятнее, чем снаружи. Он был глупцом раньше, пытаясь убежать из этого удобного гроба, чтобы вернуться в беспокойный мир.

Нет уж, гораздо лучше здесь, в тепле и темноте. И в забытии, которое приближалось. Никто и не узнает, что он вышел отсюда. Все будет так, как прежде. И с этой спокойной уверенностью Джон Вудфорд все глубже и глубже проваливался в небытие, из которого на этот раз возврата не было.

СЕМЕНА ИЗ КОСМОСА

Стендифер нашел семена на следующий день после того, как метеорит упал на холм за его коттеджем. В ту ночь он сидел во тьме своего душистого сада и увидел вспышку света, услышал свист и треск, производимый падающим гос-

тем из дальнего космоса. Всю ночь он провел без сна, с нетерпением ожидая рассвета и возможности найти и исследовать метеорит. Стендифер знал немного об этих падающих «звездах», хотя и не был ученым. Он был художником, чьи картины висели во многих знаменитых галереях больших городов. Ими восхищались те, кто любит подобные вещи. Стендифер устал от этих людей и их восторгов. Он приехал в этот одинокий коттедж на холмах, чтобы отжаться живописи и мечтам.

Не людей и города хотел рисовать Стендифер, а зеленую жизнь земли, природу, которую он так сильно любил. Не было ни одного растения в лесу или в поле, которое бы он не знал: стройные зеленые клены, шепчущиеся друг с другом на ветру своими листьями, крепкие маленькие кусты сумаха, похожие на крошечных игривых гномов, и невинные белые розы, которые рождались, расцветали и быстро умирали. И Стендифер работал не покладая рук, чтобы перенести и сохранить навсегда их утонченную красоту на полотне.

Пришедшая весна принесла с собой новые мечты в одинокое убежище Стендифера. И вот теперь внезапно спокойствие его цветущего мира было грубо нарушено этим пришельцем из далеких миров. Он странно волновал воображение Стендифера, так что всю ночь художник пролежал без сна, мечтая и глядя через окно на белые звезды.

Утренняя роса, склоняя под тяжестью своих капель листья тополя, еще лишь коснулась травы, посеребрив ее, а рассвет едва окрасил небо, как Стендифер уже взбирался на холм в поисках метеорита. Найти его оказалось нетрудно. Космический скиталец яростно врезался в полосу зеленого весеннего леса и, пробив в земле углубление, раскололся на куски.

Зубчатые черные металлические обломки валялись повсюду вокруг проделанной им ямы. Они все еще были теплыми. Стендифер переходил от одного к другому, поднимая, переворачивая, исследуя их со все возрастающим любопытством.

Он уже собирался уходить, когда заметил среди останков метеорита маленькую квадратную рыжевато-коричне-

вую коробочку. Предмет не больше двух дюймов был сделан из какого-то прочного волокна, не пропускающего жар. Без сомнения, коробочка, находившаяся внутри метеорита, представляла собой продукт производства разумных существ.

Стендифер был очень сильно возбужден. Он поднял маленькую коробочку и попытался открыть. Но его пальцы не смогли справиться с твердым волокном. Зажав коробочку в руке, он побежал обратно в коттедж. Стендифер уже представлял себе, что найдет внутри послание из других миров.

Но в коттедже он с удивлением понял, что ни стальные ножи, ни сверло, ни зубило не оставляют ни малейшего следа на неземном материале. Он был твердым, как алмаз, гибким и упругим, как сталь.

Прошло несколько часов, прежде чем Стендифер решил капнуть воды на загадочную коробочку. Как только он это сделал, волокно сразу же размякло. Этот материал, способный противостоять чрезвычайно высоким температурам и излучениям космоса, при попадании во влажный теплый мир размягчался и раскрывался.

Стендифер осторожно открыл мягкую коробочку. Затем в замешательстве долго глядел на ее содержимое. Тень озабоченности пробежала по его лицу. Внутри не было ничего, кроме двух, по-видимому, сухих коричневых семян, каждое — дюйм в ширину.

Сначала он был разочарован. Он ожидал увидеть надписи или даже миниатюрную модель или механизм. Но через некоторое время его интерес вновь возрос, так как ему пришлось в голову, что это могут быть не обычные семена, которые жители какой-то отдаленной планеты пытались переправить в другие миры.

Он посадил их в специально выбранный для этого уголок сада на расстояние десяти футов друг от друга. В последующие дни он скрупулезно поливал их, ожидая с нетерпением, что за странные растения появятся на свет.

Его интерес был настолько велик, что он совсем забыл о своих неоконченных картинах, о той работе, которая и привела его в этот одинокий коттедж. Про свою странную на-

ходку Стендифер никому не сказал. Он понимал, что тогда набегут ученые и отберут семена для исследований. Этого он не хотел.

Через две недели его охватила безграничная радость. Первые маленькие побеги темно-зеленого цвета пробили почву. Они были похожи на твердые палочки и ничем необычным пока не отличались. Стендифер продолжал регулярно поливать их, с нетерпением ожидая, что же будет дальше.

После этого оба побега пошли в рост еще быстрее. Через месяц они превратились в зеленые шестифутовые столбы, каждый из которых был плотно укутан в чешуйчатую оболочку. В середине они имели бóльшую толщину, чем вверху или у основания, а один из них казался немного тоньше другого. Теперь они не были похожи ни на одно растение, известное на земле.

Стендифер видел, что оболочка начала потихоньку раскрываться, раскручиваясь от верхушки растений.

Затаив дыхание, он ожидал, что же будет дальше. И каждую ночь, прежде чем пойти спать, Стендифер бросал на них последний взгляд. И каждое утро, едва успев проснуться, первые его мысли были о них.

Однажды июньским ранним утром он обнаружил, что оболочка раскрылась достаточно для того, чтобы предоставить ему возможность заглянуть внутрь. Стендифер замер, широко раскрыв глаза, глядя на представшее перед ним зрелище.

Он увидел верхушки, странным образом напоминающие человеческие головы. Казалось, что в этих зеленых оболочках были спрятаны двое людей. У них даже уже начали расти волосы. Они представляли собой густые массы зеленых нитей.

Одна верхушка казалась похожей на головку девушки с мягкими пушистыми волосами. Другая головка была покрыта более грубой и темной растительностью, словно это была голова мужчины.

Весь день Стендифер ходил словно зачарованный. Он был уже готов сам раскрыть оболочки — так велико было его любопытство. Но он взял себя в руки. Через несколько дней его невероятные подозрения получили подтверждение.

К тому времени оболочки обоих растений раскрылись почти полностью. Внутри одного оказался мужчина, а в другом — женщина. Их тела странным образом напоминали человеческие. Живые, дышавшие тела из растительной зеленой плоти, с руками и ногами, которые уходили глубоко в ствол растения. Их лица тоже напоминали человеческие, особенно зелеными глазами, которые могли видеть.

Стендифер смотрел и смотрел на девушку-растение, так как ее красота превосходила все самые сокровенные мечты художника. Ее стройное зеленое тело гордо возвышалось, выходя прямо из чашечки растения. Ее горящие зеленые глаза смотрели на него. Вот она подняла гибкую руку-лиану и мягко прикоснулась к нему. Ее губы затрепетали, издавая мягкий шорох, словно это был голос.

Затем Стендифер услышал глухое, злобное шипение позади и обернулся. Звук издавало растение-мужчина. Длинные руки-лианы яростно пытались дотянуться до художника, чтобы схватить его, а в глазах горели ревность и гнев. Стендифер поспешно отошел в сторону.

В последующие дни он жил словно во сне. Он влюбился в зеленую стройную девушку-растение и практически целый день от рассвета до заката проводил в саду, глядя в ее глаза и слушая странный шорох, который был ее речью.

Душе художника казалось, что красоту ни одной земной женщины невозможно сравнить со стройной грацией этого растительного создания. Он стоял возле нее и страстно желал понять ее шуршащий шепот, когда ее руки-лианы нежно ласкали его.

Стендифер чувствовал, что мужчина-растение ненавидел его и пытался бороться с ним. А через какое-то время он возненавидел и девушку. Он протягивал свои лианы, пытаясь схватить ее, но был слишком далеко.

Стендифер видел, что эти два создания продолжают расти, и догадывался, что вскоре их ноги освободятся. Он понимал, что они были представителями жизни, совершенно не похожей на земную. Они начали свой жизненный цикл как

семена, а со временем превратятся в свободных и двигающихся людей-растений, неведомых этому миру.

Стендифер также понимал, что как бы далеко ни находился их дом, существа, подобные им, должны были достичь очень высокого уровня развития науки и цивилизации, чтобы послать через глубины космоса семена, которые положат начало их расе на другой планете. Но он мало думал об их происхождении, с нетерпением ожидая того дня, когда его сияющая девушка-растение освободится от своих корней, и понимал, что этот день уже близок. Теперь даже на минуту ему не хотелось покидать сад. Но однажды утром Стендиферу пришлось пойти в деревню за продуктами. Последняя еда закончилась два дня назад, и он чувствовал слабость от голода.

Ему было больно расставаться с девушкой-растением даже не несколько часов. Стендифер долго ласкал ее пушистые зеленые волосы и слушал ее радостный шепот. Наконец он заставил себя уйти.

Стендифер скоро вернулся. Но лишь войдя в сад, он услышал звук, который заставил кровь заледенеть в жилах. Это был голос девушки-растения, шепот агонии, произносящий ужасные вещи. Обезумев от предчувствия непоправимого, он рванулся в сад и на мгновение замер, пораженный представшей перед ним картиной.

В его отсутствие завершилась последняя стадия развития. Оба существа освободились от своих корней, и мужчина-растение в порыве своей ревности и гнева разорвал сияющее зеленое тело девушки. Она лежала на земле, и ее руки-лианы едва шевелились, в то время как мужчина взирал на нее сверху вниз с удовлетворенной ненавистью.

Обезумев от ярости, Стендифер схватил косу и побежал через сад. Ему хватило двух ударов. Мужчина-растение упал на землю, истекая темно-зеленой кровью. Тогда Стендифер бросил свое оружие и упал на колени перед умирающей девушкой.

Она посмотрела на него своими широкими, полными боли глазами. Ее жизнь уходила. Зеленая рука медленно

поднялась и коснулась лица художника, и Стендифер услышал последний шуршащий шепот существа, которое он любил и которое любило его, невзирая на непреодолимую пропасть между двумя чужеродными мирами. Вскоре он понял, что девушка умерла.

Все это было давно. И сад возле маленького коттеджа сейчас весь в цвету и уже не помнит о тех двух странных созданиях, которые родились, выросли и умерли здесь. Стендифер больше никогда так и не вернулся сюда. Теперь он живет в жаркой, бесплодной пустыне в Аризоне и больше не может выносить даже вида зеленых растений.

ТОТ, У КОГО БЫЛИ КРЫЛЬЯ

Доктор Харриман остановился в коридоре родильного дома и спросил:

— Как себя чувствует женщина в двадцать седьмой палате?

Глаза главной медсестры в хрустящем от крахмала белом халате были полны печали.

— Она умерла через час после родов, доктор. Вы же знаете, у нее было больное сердце.

Врач кивнул головой, и на его худощавое, чисто выбритое лицо набежала тень.

— Да, я теперь вспоминаю. Год назад она и ее муж пострадали от электрического замыкания в метро, на днях ее муж умер. А что с ребенком?

Сестра помедлила с ответом.

— Прекрасный здоровый, маленький мальчик, только...

— Только что?

— Только горбатый, доктор.

Доктор Харриман выругался с досады:

— Что за отвратительная судьба у этого несчастного маленького чертенка! Родился сиротой, да еще и уродом!

И затем решительно добавил:

— Я осматрю этого ребенка. Может быть, мы сможем ему чем-нибудь помочь.

Но когда он и медсестра склонились над кроваткой, в которой лежал и пронзительно кричал маленький розовощекий Дэвид Рэнд, доктор отрицательно замотал головой.

— Нет! Мы ничего не сможем сделать с его спиной. Как жаль!

Красноватое тельце крошечного Дэвида Рэнда было так же правильно сложено, как и у любого другого новорожденного, за исключением спины. На спине в районе лопаток ребенка выступали два выпирающих горба, закруглявшиеся и доходящие до ребер.

Эти горбы-близнецы были такими длинными и симметричными в своем закруглении, что это не было похоже на обычное искривление. Искусные руки доктора Харримана нежно ощупали их, и на его лице отразилось недоумение.

— Это не похоже на любую стандартную деформацию, — озадаченно произнес он. — Я думаю, надо сделать рентген. Попросите доктора Морриса подготовить аппарат.

Доктор Моррис был коренастым, рыжеволосым молодым человеком, который тоже с сожалением смотрел на этого кричащего карапуза, лежащего перед рентгеновской камерой.

Он пробормотал:

— Эта спина — просто беда для несчастного малыша. Вы готовы, доктор?

Харриман кивнул головой.

— Вперед!

Рентгеновские лучи пронзили эту визжащую и кричащую жизнь. Доктор Харриман прильнул к флюороскопу. Его тело окаменело. На минуту воцарилась мертвая тишина, затем доктор выпрямился. Его худощавое лицо приобрело мертвенно-бледный оттенок, и наблюдавшая за ним сестра недоумевала, что могло на него так повлиять.

Харриман немного заплетающимся языком обратился к Моррису:

— Моррис! Взгляните-ка на это. То ли я чего-то не по-

нимаю, то ли действительно произошел беспрецедентный случай.

Глядя на своего непосредственного шефа, Моррис озадаченно сдвинул брови и с нетерпением заглянул в флюороскоп. Он вздрогнул и воскликнул:

— О Боже!

— Вы тоже увидели? — спросил доктор Харриман. — Ну, тогда я еще не сошел с ума. Но как так получилось? За всю историю человечества — это впервые.

Харриман бессвязно залепетал:

— И кости тоже полые, все строение скелета отличается. Его вес...

Он торопливо положил ребенка на весы. Стрелка покачнулась.

— Вы видите! — закричал Харриман. — Он весит в три раза меньше, чем любой другой ребенок такого размера!

Рыжеволосый молодой доктор Моррис завороченно уставился на закругленные горбики малыша. Охрипшим голосом он произнес:

— Но это невозможно...

— Да, но это так! — воскликнул Харриман. Его глаза блестели от восторга. — Что-то изменилось в структуре генов — только это могло привести к такому результату. Какая-то предродовая травма...

Он ударил себя по лбу:

— Я понял! Электрическое замыкание, от которого пострадала его мать. Вот что послужило причиной — воздействие тока практически перестроило ее гены! Вы помните эксперименты Мюллера?

Любопытство медсестры заставило ее позабыть о приличии. Она не выдержала и поинтересовалась:

— Но что случилось, доктор? Что у малыша со спиной? Неужели все так плохо?

— Так плохо? — машинально повторил доктор Харриман. Он глубоко вздохнул и объяснил сестре:

— Этот ребенок, этот Дэвид Рэнд — уникальное создание. Еще не рождалось ни одного, подобного ему. То, что с

ним произойдет, насколько мы можем сейчас предвидеть, еще не случилось ни с одним человеческим существом. И все это из-за электрического замыкания.

— Но что с ним? — испуганно спросила она.

— У ребенка будут крылья! Крылья, вы понимаете?! Крылья! — воскликнул Харриман. — Эти выпуклости на его спине — не просто обычная аномалия, это формирующиеся крылья, которые подобно крыльям птицы очень скоро прорвутся и начнут расти.

Медсестра онемела и наконец-то, набравшись сил, все еще не веря своим ушам, спросила:

— Вы шутите?

— О Господи! Вы думаете, я могу шутить такими вещами? Говорю вам, я ведь тоже поражен не меньше. Строение тела этого ребенка отличается от строения тел всех человеческих детей, когда-либо живших на Земле.

У него полые кости, как у птиц. Его кровь тоже отличается, и весит он лишь треть от нормального веса младенца. И его лопатки выступают как проекция костей с сильно развитыми мышцами для крыльев. Рентген четко показал зачаточные крылья и их кости.

— Крылья! Крылья! — изумленно повторял и повторял молодой Моррис, а через некоторое время добавил: — Харриман, этот ребенок сможет...

— Да! Он сможет летать! — объявил во всеуслышание Харриман. — Я уверен в этом. Крылья будут очень большими, и так как его тело весит намного меньше обычного, они смогут спокойно поднять его в воздух.

— Боже мой! — бессвязно произнес Моррис.

Он диковато поглядел на ребенка. Мальчишка перестал плакать и теперь слабо помахивал своими маленькими, пухленькими розоватыми ручками и ножками.

— Но это просто невозможно! — наконец-то категорически высказалась медсестра, которая пыталась отгородиться от фактов скептическим взглядом на вещи. — Как у ребенка, у человека, могут появиться крылья?

Доктор Харриман мягко начал объяснять ей:

— Это стало возможным благодаря глубокому изменению в генах родителей. Как вы знаете, гены — это крошечные клетки, которые отвечают за строение тел рождающихся живых существ. Стоит изменить хотя бы один ген, и это отразится на детях, которые будут отличаться цветом волос, кожи или комплекцией, — в общем, множеством деталей. Такие незначительные отличия соответственно будут вызваны и незначительными изменениями в генах.

В данном случае год назад у родителей этого ребенка радикально изменилась генная структура. И виной тому стало внезапное поражение электричеством огромной силы. Если вы помните, родители пострадали от электрического замыкания. Мюллер, из Техасского университета, в своих экспериментах продемонстрировал, как сильно отражается это на генах, и доказал, что отпрыски таких родителей будут от них очень сильно отличаться и не только внешне. Тот несчастный случай создал совершенно новую генную пару у родителей малыша, которая привела к рождению человека с крыльями. Биологи назвали бы его мутантом.

Неожиданно воскликнул молодой Моррис:

— О Господи! Что же напишут газеты, когда разнюхают об этой истории?!

— Им нельзя позволить написать об этом, — заявил доктор Харриман. — Рождение этого ребенка — величайшее событие за всю историю биологии, и мы должны постараться, чтобы газеты не сделали из этого дешевую, популярную сенсацию. Мы должны сохранять все в строжайшей тайне.

Три месяца они тщательно скрывали невероятное происшествие. Все это время малыш Дэвид Рэнд занимал отдельную палату в госпитале, и за ним ухаживала только одна медсестра и навещали его лишь два врача.

И в течение этих трех месяцев правильность пророчества доктора Харримана подтверждалась. Все это время горбы на спине малыша росли с невероятной скоростью до тех пор, пока сквозь нежную кожу не прорвалась пара толстых, но коренастых обрубков, которые несомненно были крыльями.

Маленький Дэвид неистово кричал в те дни, когда у него прорезались крылья, чувствуя лишь все нарастающую боль, подобную зубной, правда, в сто крат сильнее.

А два врача тщательно и пристально осматривали эти небольшие крылья с недоразвитым оперением. И даже сейчас, наблюдая собственными глазами, они с трудом в это верили.

Они видели, что ребенок полностью контролировал и крылья, и руки при помощи сильно развитых мышц в районе лопаток, которых не было больше ни у одного человека. И они также замечали, что хотя Дэвид и набирал вес, тот все равно составлял треть веса обычного ребенка его возраста. Врачи фиксировали, что его сердце бьется значительно быстрее, а кровь намного теплее, чем у нормального человека.

И Харриман, и Моррис по-прежнему держали язык за зубами и изучали необыкновенного младенца.

И все же тайна вырвалась наружу. Медсестра, которая больше не в состоянии была удержать в себе столь потрясающий секрет, разрывавший ее душу на части, поведала о нем родственнику, пообещавшему никому ничего не рассказывать. Этот родственник поделился с другим родственником, предварительно взяв с него подобное обещание. А через два месяца эта история попала на страницы нью-йоркских газет.

Двери госпиталя стали охранять от назойливых репортеров, просивших об аудиенции, чтобы уточнить детали. Однако пока все журналисты были настроены откровенно скептически и писали свои газетные заметки в довольно ироничном ключе. Читатели посмеивались над этим:

— Ребенок с крыльями! Какую следующую забавную новую «утку» наша всезнающая пресса запустит со своих страниц?

Но спустя несколько дней тон этих историй изменился. Газетные «утки» разбудили любопытство у остальных членов персонала госпиталя, и они проникли в комнату, где, издавая радостные звуки и болтая ножками, ручками и крылышками, лежал Дэвид Рэнд. Они и выболтали журналистам с телевидения, что эта история истинна. А один из работников госпиталя по собственной инициативе сделал фотогра-

фию ребенка, используя скрытую камеру. Это было довольно непорядочно со стороны фотографа-энтузиаста, но он с помощью этого кадра наглядно продемонстрировал всему миру ребенка с крыльями, растущими из спины.

Госпиталь очень скоро стал похож на осажденную крепость. Репортеры и фотографы не отходили от его дверей, и пришлось призвать на помощь специальных полицейских, чтобы они охраняли госпиталь и удерживали прессу на расстоянии. Знаменитая ассоциация работников средств массовой информации предложила доктору Харриману огромный гонорар за эксклюзивное интервью и фотографии ребенка с крыльями. Читателей стало очень интересовать, есть ли доля правды в этих сплетнях, и газетчики использовали все способы воздействия на неуступчивого врача.

В конце концов доктору Харриману пришлось сдаться. Он пригласил группу из дюжины репортеров, фотографов, именитых врачей и разрешил взглянуть на ребенка.

Дэвид Рэнд лежал и поглядывал на них своими умными голубыми глазами, не выпуская из рук любимую игрушку, в то время как с глазами навывкате на него уставились именитые светила медицинской науки и люди прессы.

Доктора сошлись во мнении, что хотя это и невероятно, но увиденное ими — факт.

— Это не фальшивка, у ребенка действительно есть крылья, — заявили они.

Репортеры же насели на доктора Харримана.

— Когда он вырастет, сможет ли он летать?

Харриман ответил коротко и ясно:

— Сейчас мы пока не можем с точностью сказать о его дальнейшем развитии. Но если он будет развиваться так, как до сих пор, то несомненно он сможет летать.

— О Боже, где у вас тут телефон? — застонал один из этих ищек новостей.

И тут все они очертя голову бросились к телефонам.

Доктор Харриман разрешил сделать несколько новых снимков и затем, не церемонясь, указал посетителям на дверь. Но после этого не было ни одной газеты, удержав-

шейся от публикации о крылатом малыше. За одну ночь имя Дэвида Рэнда стало самым известным в мире. Фотографии заставили усомниться даже самых заядлых скептиков.

Знаменитые биологи долго и непонятно объясняли возможность рождения такого ребенка с точки зрения генетики. Антропологи выдвигали предположения, что в далеком прошлом рождение простого уродца, как в данном случае рождение ребенка с крыльями, не было такой уж редкостью. Они-то и давали пищу для всемирно известных легенд о гарпиях, вампирах и летающих людях. Различные религиозные секты видели в появлении этого ребенка знамение предсказанного конца света.

Профессиональные агенты предлагали невероятные суммы за возможность демонстрации Дэвида в застекленном гигиеническом стенде. Газеты и пресс-службы боролись за эксклюзивное право предать огласке все, что решит поведать доктор Харриман. Тысячи фирм умоляли продать им право использовать имя малыша Дэвида на игрушках, детском питании, на чем только можно.

А причина всеобщего помешательства лежала в своей маленькой кроватке, поворачивалась с боку на бок, иногда покрикивала, периодически решительно взмахивала растущими крыльями, которые вывели из душевного равновесия весь мир. Навещая Дэвида, доктор Харриман подолгу задумчиво смотрел на младенца, а затем однажды произнес:

— Я просто обязан увезти его отсюда. Управляющий госпиталем выражает недовольство тем, что толпы народа и постоянная суeta нарушают нормальный режим работы клиники.

— Но куда же вы его увезете? — поинтересовался Моррис. — У него нет ни родителей, ни родственников, совершенно невозможно сдать такого ребенка в сиротский приют.

Доктор Харриман принял решение:

— Я собираюсь отойти от врачебной практики и полностью посвятить себя наблюдению за жизнью Дэвида. Я стану его официальным опекуном и заберу подальше от этой шумихи. Если мне повезет, я найду для него остров или какое-либо другое безлюдное место.

Харриману повезло. Он нашел вдали от материка остров, частичку бесплодной песчаной земли с низкорослыми деревьями. Он арендовал его, построил там бунгало и привез туда Дэвида Рэнда и пожилую горничную. Он захватил также сильного норвежца-сторожа, который очень умело отражал атаки репортеров на лодках, пытавшихся причалить к острову. Через некоторое время газетчики отступили. Они довольствовались перепечаткой фотографий и статей о росте Дэвида, которые доктор Харриман писал для научных журналов.

Дэвид рос не по дням, а по часам. За пять лет он превратился в крепкого невысокого подростка с рыжими волосами, а его крылья стали длиннее и покрылись короткими бронзовыми перьями. Он бегал, смеялся, играл, как и все в его возрасте, только энергично помахивая крыльями.

Ему было десять лет, а он еще не летал. К этому времени он немного похудел, и его сверкающие бронзовые крылья доходили ему до пят. Когда он гулял, или присаживался, или спал, он продолжал сильно прижимать крылья к спине и производил впечатление человека в бронзовом футляре. Но когда он взмахивал ими, оказывалось, что они намного больше его разведенных в стороны рук.

Доктор Харриман пришел к выводу, что пора мало-помалу разрешать Дэвиду пытаться летать, чтобы запечатлеть и обследовать шаг за шагом этот процесс. Но все случилось не так, как он задумывал. Дэвид взлетел в первый раз так же естественно, как и птица.

Сам же мальчик никогда не задумывался о своих крыльях. Он знал, что у доктора Джона, которого Дэвид называл просто док, нет таких крыльев, их нет и у Флоры, этой мрачной старой няньки, нет и у Холфа, сторожа. Но он не встречал больше никого из людей, и таким образом решил, что все остальные люди делятся на тех, у кого есть крылья, и на тех, у кого их нет. Дэвид даже не знал, для чего нужны крылья, но ему нравилось махать ими и использовать при беге. И еще он знал, что никогда не сможет надеть рубашку поверх крыльев.

Однажды апрельским утром Дэвид узнал наконец, для чего же они нужны. Он забрался на высокий старый сухой дуб, чтобы заглянуть в птичье гнездо. Ребенок всегда проявлял незаурядный интерес к птицам на небольшом острове, прыгая от радости и хлопая в ладоши, когда видел их, проносящихся и кружащих над ним, и наблюдая каждую осень улетающие на юг стаи, а каждую весну — их возвращение на север. Дэвид подсматривал их жизнь, так как смутно чувствовал, что он и другие существа с крыльями — родственные души.

Этим утром он почти забрался на вершину старого дуба, чтобы оказаться напротив гнезда, за которым шпионил. Его крылья плотно прилегали к телу, чтобы по пути не задеть за ветки дуба. А когда ему остался последний рывок наверх, под ногу попалась прогнившая ветка. И хотя мальчик был необычно легок, даже его веса оказалось достаточно, чтобы сломать ее и сорваться вниз.

В тот момент, когда Дэвид летел камнем вниз, в его мозгу проснулись дремавшие до сих пор инстинкты. Мальчик совершенно не контролировал ситуацию, когда с оглушающим хлопком его крылья освободились. Он почувствовал ужасный толчок и ощущение вывиха в плечах. А затем, вдруг... непостижимо, но он больше не падал, а планировал вниз по большой спирали с помощью расправленных по всем правилам крыльев.

Мальчик закричал, и как будто что-то сокровенное про rvalось наружу. Дэвид испытал наивысшее чувство удовлетворения. Вниз, вниз планировал он, подобно столь любимым им птицам. Ему в лицо ударил свежий ветер, и воздушная волна накатила и подхватила его тело. Дикий, томящий трепет, который он никогда не ощущал, а затем — безумная радость жизни.

Поддавшись этому порыву, он закричал снова и взмахнул своими большими крыльями, разбивая ими воздух и инстинктивно отклонив голову строго назад, удерживая руки вдоль тела и выпрямив и сдвинув ноги.

Теперь он летел ввысь. Под ним оставалась земля, а в

глаза ему светило солнце, и ветер ласково обнимал его. Он открыл рот, чтобы снова закричать, и холодный чистый воздух ворвался в его горло. Испытывая настоящее, сумасшедшее, физическое счастье, он устремился в голубое небо, размахивая крыльями.

Так получилось, что доктор Харриман увидел его, когда спустя какое-то время случайно вышел из бунгало. Доктор услышал визг, ликующий крик откуда-то сверху, поднял глаза и заметил небольшую тень, планирующую вниз с освещенных солнцем небес.

Доктор, затаив дыхание, следил за этим завораживающим действием: Дэвид пикировал вниз, поднимался ввысь и кружился над ним, переполненный радостью от своих, наконец-то обретенных крыльев. Мальчик инстинктивно научился поворачиваться, кружиться, опускаться, несмотря на то, что пока его движения были неуклюжи и иногда его даже заносило и заваливало набок.

Когда наконец Дэвид Рэнд приземлился напротив доктора, быстро сложив крылья, глаза мальчика светились невероятной радостью.

— Я могу летать! — воскликнул он.

Доктор Харриман согласился с ним:

— Да, Дэвид, ты можешь летать. Я знаю, что не могу запретить тебе этого, но тебе не следует покидать пределы острова, и ты должен быть очень осторожным в воздухе.

К тому времени, как Дэвиду исполнилось семнадцать лет, уже давно не было необходимости напоминать ему, чтобы он был осторожным. Он чувствовал себя в воздухе как дома.

Теперь это был высокий, стройный юноша с золотистыми волосами, а на свою изящную фигуру он по-прежнему надевал одни шорты, так как только такая одежда была необходима его теплокровному телу. На его пронизательном лице ярко светились голубые глаза, и оно излучало дикую, неугомонную энергию.

Перья на его крыльях стали роскошными, блестящими и остались бронзовыми, а длина крыльев при полном размахе

составляла более десяти футов. Когда Дэвид складывал их на спине, они щекотали ему пятки.

Постоянные полеты над островом и окружающим его океаном укрепили мускулы на лопатках Дэвида до невероятной степени. Он проводил весь день, паря и кружа над островом, то взлетая ввысь, то медленно опускаясь вниз, планируя на расправленных крыльях.

В воздухе он мог догнать любую птицу. Дэвид испугивал стаи фазанов, и тогда его смех лился откуда-то сверху, когда он кружился, и вился, и мчался стрелой за испуганными птицами. Он мог выщипнуть перо на хвосте у оскорбленного этим сокола так, что птица не успевала скрыться, и бросался быстрее этого остроклювого хищника на кролика или белку, бегущих по земле.

Иногда, когда туман окутывал остров, доктор Харриман мог слышать звенящий, переливчатый смех из серых облаков над головой. И тогда он знал, что Дэвид где-то там, наверху. Или он мог часами парить над освещенной солнцем водой, затем устремиться, очертя голову, вниз и в последний момент молниеносно расправить крылья и, едва коснувшись гребня волны и кричащих, лакомящихся рыбой чаек, ракетой взмыть снова в небо.

До сих пор Дэвид не отлучался далеко от острова, но доктор знал по своим собственным, не часто случающимся поездкам на материк, что всемирный интерес к летающему юноше все еще велик. И фотографии, которые Харриман отдавал научным журналам, более не могли утолить любопытство людей, поэтому частенько у острова кружили катера и аэропланы с камерами в надежде сфотографировать Дэвида Рэнда в полете.

С одним из этих аэропланов приключился случай, создавший благодатную почву для разговоров.

К полудню, несмотря на запрет подобных полетов доктором Харриманом, пилот и фотограф этого аэроплана добрались до острова и, не скрывая своих намерений, стали кружить над островом, чтобы найти летающего юношу.

Если бы они подняли головы, то смогли бы увидеть па-

рящее высоко над ними пятнышко — Дэвида. Он наблюдал за аэропланом, испытывая одновременно и живой интерес, и презрение. Он и до этого видел эти летающие железяки и мог только сочувствовать и насмехаться над их жесткими, неуклюжими крыльями и шумящими моторами, с помощью которых бескрылые люди умудряются летать. И все же этот аэроплан, находящийся прямо под ним, возбуждал в нем такое любопытство, что он устремился вниз, облетая его сверху и сзади, инстинктивно остерегаясь лопастей пропеллера.

Пилота в открытой задней кабине аэроплана чуть было не хватил инфаркт, когда кто-то сзади похлопал его по плечу. Он вздрогнул, завертел головой, и когда заметил около себя рискованно припавшего к фюзеляжу смеявшегося над ним Дэвида Рэнда, то потерял контроль над собой. На мгновение. Но этого было достаточно для того, чтобы машину занесло и аэроплан начал падать.

Заливаясь от смеха, Дэвид Рэнд спрыгнул с фюзеляжа и расправил крылья, чтобы подняться ввысь. Пилот очнулся, и, к счастью, ему хватило присутствия духа, чтобы выровнять самолет, и вскоре Дэвид увидел, что металлическая стрекоза неуверенно разворачивается назад, к материку. Для одного дня его команда пережила слишком много.

Но увеличивающееся число подобных пытливых визитеров соответственно возбуждали в Дэвиде Рэнде все большее любопытство, касающееся всего остального мира. С каждым днем его все больше и больше интересовало, что же находится там, вдали, за голубой водой в виде низкой, неясной полоски земли. Дэвид не мог понять, почему доктор Джон запрещал ему летать туда, когда он прекрасно знал, что его крылья могут покрыть расстояние в тысячи раз большее.

Доктор Харриман говорил ему:

— Дэвид, скоро я отвезу тебя туда. Но ты должен подождать до тех пор, пока осознаешь одну единственную мысль, а именно: ты не сможешь приспособиться к остальному миру. Во всяком случае тебе еще рано в большой мир.

— Но почему? — озадаченно спрашивал Дэвид.

И доктор объяснял ему:

— Пойми, только у тебя есть крылья, больше ни у кого в этом мире их нет. И это может очень сильно осложнить твою жизнь.

— Но почему?

Харриман задумчиво гладил худощавый подбородок и говорил:

— Ты был сенсацией, так сказать, аномальным явлением, Дэвид. Люди интересовались тобой из-за того, что ты не похож на них. Но по этой же причине они будут смотреть на тебя сверху вниз. Только для того, чтобы избежать этого, я привез и вырастил тебя здесь. Тебе надо еще немного подождать, прежде чем ты увидишь мир.

Немного раздраженно Дэвид Рэнд поднимал руку и, показывая на улетающую к югу кричащую стаю диких птиц, говорил:

— А они не ждут! Каждую осень я вижу, как все умеющие летать, устремляются на юг. И каждую весну я вижу, как они возвращаются снова, проносясь надо мной. Почему же я должен оставаться здесь, на этом маленьком острове!

Огромная жажда независимости вспыхивала в его голубых глазах.

— Я хочу быть свободен, как птица! Я хочу открыть для себя все земли и там, и там, и там.

— Скоро. Скоро, мой мальчик, ты сможешь отправиться туда, — обещал доктор Харриман. — И я поеду тоже и буду присматривать там за тобой.

И так продолжалось изо дня в день.

И все чаще в сумрачные вечера Дэвид сидел, подперев подбородок, сложив крылья, задумчиво наблюдая за отставшими, улетающими на юг птицами. И с каждым последующим днем он испытывал все меньше и меньше удовольствия в более чем бесцельных полетах над островом и со всевозрастающей тоской смотрел на нескончаемый веселый перелет кричащих диких гусей, толпящихся уток и свистящих певчих птиц.

Доктор Харриман видел и понимал эту острую тоску в глазах Дэвида. И старый врач вздыхал и думал: «Да. Он вырос

и хочет, подобно молодому оперившемуся птенцу, покинуть свое гнездо. Недолго я смогу еще удерживать его от этого».

Но именно Харриман первый «покинул гнездо», правда... другим способом. С некоторых пор у доктора стало пошаливать сердце, и однажды утром он не проснулся. А Дэвид изумленно, непонимающе смотрел на побелевшее лицо своего опекуна.

В течение всего этого дня, пока старая горничная, тихо плача, прибирала дом, а норвежец пошел на лодке к материку, чтобы организовать похороны, Дэвид сидел, сложив крылья, подперев подбородок, и вглядывался вдаль.

В эту ночь, когда в бунгало воцарилась тишина и наступила темнота, он прокрался в комнату, где безмятежно, мирно лежал доктор. В темноте Дэвид дотронулся до художавой, холодной руки. Слезы навернулись на его глаза, и он почувствовал комок в горле. Потом Дэвид тихо вышел из дома в ночь. Красноватым яблоком висела луна над восточными водами и дул холодный, свежий осенний ветер. Из глубины небес доносились радостное пищание, клекот и пересвистывание большой стаи птиц.

Дэвид присел, раскинул крылья и полетел, забирая все выше и выше. Холодный ветер обдувал его тело, его ноздри жадно вдыхали его, его глаза были полны слез. На смену огромной сердечной боли пришла неумная радость полета и свободы. Он уже поднялся выше этих кричащих, свистящих птиц, и усилившийся неистовый ветер сорвал раскатистый бешеный смех с его губ, когда из-за него птицы в панике разлетелись в разные стороны.

А когда они поняли, что это странное присоединившееся к ним создание с крыльями достаточно безобидно, снова собрались в стаю. Вдали над темной восхитительно-ровной поверхностью воды пылали глупая красная луна и рассыпанные огни материка, маленькие огни не способного летать народа. Птицы громко кричали, Дэвид смеялся и пел в этом веселом хоре, а его огромные и их небольшие крылья синхронно рассекали воздух. По ночному небу они прокладывали путь навстречу приключениям и свободе. Они летели на юг.

Всю ночь напролет и весь последующий день с небольшими остановками Дэвид летел в южном направлении, оставляя под собой то бесконечные водные пространства, то зеленую плодородную землю. Опускаясь на усыпанные зрелыми плодами деревья, он утолял голод. Когда пришла следующая ночь, он заснул в кроне высокого лесного дуба, удобно расположившись в ветвях и накрывшись крыльями.

Это было незадолго до того, как весь мир узнал, что молодой уродец с крыльями покинул свое «гнездо». Люди в городах и селах недоверчиво поглядывали на парящую высоко в небе маленькую крылатую фигурку.

Невежественный народ, который никогда ничего не слышал о Дэвиде Рэнде, в панике падал ничком, когда он проносился по небу.

Всю зиму приходили новости с юга о Дэвиде. Если верить этим сообщениям, Дэвид совсем одичал. Что может быть лучше, чем парить весь длинный, залитый солнцем день над голубыми тропическими морями, бросаться вниз за появившейся над водой серебряной рыбой, собирать необыкновенные фрукты, спать ночью на высоком дереве рядом со звездами и с рассветом встречать новый день неограниченной свободы?

Снова и снова, никем не замеченный, он кружил над ночными городами, тихо паря в темноте и с любопытством всматриваясь в огромный узор разбросанных огней и сверкающих улиц, переполненных снующими туда-сюда людьми и машинами. Он не входил в эти города и не мог понять, как их жители выносят то, что они ползают по земной поверхности, задевая и толкая себе подобных. Ему было жаль, что они никогда не испытывают, хотя бы на мгновение, дикую, чистую радость полета по бесконечному синему небу.

Когда же весеннее солнце начало припекать и поднялось выше, птицы снова собрались в шумные стаи. Дэвид тоже почувствовал, как что-то тянет его на север. И он полетел туда над проснувшейся от зимней спячки землей, неустанно разрезая воздух своими могучими бронзовыми крыльями.

Его небольшая смуглая фигурка безошибочно выбирала направление.

Наконец Дэвид достиг своей цели — острова, где он прожил большую часть жизни. Остров выглядел одиноким и необитаемым, в заброшенном бунгало все покрылось толстым слоем пыли, сад зарос. Дэвид остался здесь на некоторое время, засыпая на веранде, совершая ради удовольствия долгие полеты то на запад — над деревнями и покрытыми смогом городами, то на север — над неровным, разбитым волнами побережьем, то на восток — над голубым морем до тех пор, пока цветы снова начали увядать, воздух стал морозным и что-то внутри Дэвида подсказало ему: надо снова присоединиться к большой стае крылатых существ, улетающих на юг.

С севера на юг, с юга на север. Три года он беспрепятственно мигрировал, упиваясь своей свободой. За эти три года он открыл для себя горы и долины, моря и реки, шторм и штиль, голод и жажду так, как это могут знать лишь дикие звери. И за эти годы мир привык к Дэвиду и почти забыл о нем. Он был человеком с крыльями, а по мнению людей — просто уродец; больше никогда не родится подобный ему.

Третья весна явилась концом крылатой свободы Дэвида Рэнда. Как обычно он летел домой, на север, и, когда уже стемнело, ощутил чувство голода. В полумраке он заметил пригородный особняк с огромным фруктовым садом и огородом, спустился вниз, надеясь подкрепиться ранними ягодами. В темноте он уже почти добрался до деревьев, как вдруг раздался выстрел. Дэвид почувствовал внезапную острую боль и потерял сознание.

Когда он очнулся, то оказался в кровати в залитой солнцем комнате. С ним рядом стояли пожилой мужчина с добрым лицом, девушка и другой мужчина, похожий на врача. Дэвид обнаружил повязку вокруг своей головы и заметил, что все присутствующие смотрели на него с живым интересом.

Пожилой мужчина с добрым лицом спросил:

— Вы и есть тот самый Дэвид Рэнд, юноша с крыльями? Знаете, вы просто в рубашке родились. Понимаете, мой садовник уже давно охотится за ястребом, который ворует наших цыплят. Прошлой ночью, когда в темноте вы бросились вниз, он выстрелил до того, как смог узнать вас. Одна из пуль слегка задела вашу голову.

Девушка мягко поинтересовалась:

— Вам лучше? Доктор сказал, что скоро вы будете здоровы, как и прежде.

Она помолчала, а потом добавила:

— Наверное, нам стоит познакомиться. Это мой отец, Вильсон Холл. А меня зовут Рут Холл.

Дэвид не мог отвести от нее глаз. Он подумал, что еще никогда не встречал такой красивой, скромной девушки с черными вьющимися волосами и чуткими, обеспокоенными карими глазами. Он вдруг понял, почему каждый брачный сезон птицы с непонятной ему ранее настойчивостью разыскивали друг друга и образовывали пары. Сейчас он почувствовал что-то подобное к этой девушке. Он не раздумывал — любовь ли это, он полюбил ее с первого взгляда.

Медленно он сказал:

— Со мной все в порядке.

Но она была другого мнения:

— Вы должны остаться здесь до тех пор, пока окончательно не выздоровеете. По крайней мере, хотя бы так мы сможем загладить вину нашего слуги, который чуть было не убил вас.

Дэвид остался, пока у него заживали раны. Ему не нравился дом, чьи комнаты казались ему такими темными и душными, но он приспособился: весь день он мог проводить на улице, а ночью спать на веранде.

Не нравились ему и репортеры, и фотографы, добравшиеся до дома Вильсона Холла, чтобы разнюхать историю несчастного случая с крылатым человеком; но скоро они перестали приезжать, так как теперь Дэвид Рэнд уже не являлся той сенсацией, которой был несколько лет назад. И

пока визитеры Холла смущенно поглядывали на него и на его крылья, он взлетал и убирался на это время подальше.

И всегда возвращался. Возвращался, потому что здесь была Рут.

Дэвид был готов совсем смириться, лишь бы быть поближе к Рут Холл. Его любовь к ней горела чистым огнем у него в сердце и больше всего на свете он хотел бы, чтобы она ответила ему взаимностью. Но пока он все еще ощущал себя диковатым и понимал, что из-за недостатка общения с людьми ему будет очень сложно объяснить ей, что он чувствует.

Но однажды он не выдержал и, сидя рядом с ней в освещенном солнцем саду, поведал ей о своих чувствах. Когда он закончил, мягкие карие глаза Рут выразили озабоченность.

— Ты хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж, Дэвид?

— Что? Да, — ответил он немного озадаченно. — Так это называют люди, когда спариваются, да? И я хочу, чтобы ты была моей самкой.

Она горестно заметила:

— Но, Дэвид, твои крылья.

Он засмеялся.

— А что такого? С моими крыльями все в порядке. В данном случае они не пострадали. Смотри!

Он по-прежнему мог носить только шорты на своем маленьком смуглом теле.

Рут попыталась ему объяснить:

— Дэвид, я не это имела в виду. Я хотела сказать, что твои крылья делают тебя непохожим на кого-либо еще. Конечно, прекрасно, что ты умеешь летать, но крылья настолько отличают тебя от других людей, что все смотрят на тебя, как на урода.

Дэвид опешил:

— И ты тоже так считаешь, Рут?

— Ну конечно, нет, — ответила она. — Но это немного ненормально, нелепо, что у тебя крылья.

— Нелепо? — поинтересовался он. — Но почему? Ведь это совсем не так. Это просто прекрасно иметь возможность летать. Посмотри!

И он взлетел на своих больших крыльях, поднимаясь все выше и выше, до самых небес, ныряя и мчась стрелой, кружась там, как ласточка, а затем камнем полетел вниз и осторожно приземлился рядом с ней.

— Разве есть в этом что-то нелепое? — радостно воскликнул он. — Рут, почему ты так думаешь? Я хочу, чтобы ты полетала со мной, я крепко прижму тебя к себе, и ты сможешь насладиться полетом, как и я.

Девушка содрогнулась.

— Я не могу, Дэвид. Я знаю, это глупо, но когда я вижу тебя в небе, ты больше похож на птицу, на какое-то летающее существо, на что-то нечеловеческое.

Дэвид Рэнд печально взглянул на девушку.

— Значит, ты не выйдешь за меня? Из-за моих крыльев?

Он крепко сжал ее своими сильными смуглыми руками, его губы жадно искали ее полные губы.

— Рут, теперь, когда мы встретились, я не могу жить без тебя. Я не могу!

Как-то ночью после этого разговора Рут, немного колеблясь, предложила Дэвиду выход из сложившейся ситуации. Луна серебрила своим мягким светом сад и поблескивала на сложенных крыльях Рэнда, когда он присел рядом с девушкой и заглянул ей в глаза.

Тогда она и сказала:

— Дэвид, если ты действительно меня любишь, то ты должен решиться на кое-что, и тогда мы сможем пожениться и быть счастливыми.

Он воскликнул:

— Я на все согласен! Ты ведь знаешь!

Рут все еще долго не решалась сказать ему, что он должен сделать, но наконец, собравшись с силами, заговорила:

— Твои крылья — они стоят между нами. Я не смогу жить с мужем, который представляет собой больше птицу, чем человека, с мужем, которого все будут считать капризом природы, уродцем. Но если ты решишься избавиться от них...

Он непонимающе смотрел на нее.

— Избавиться от моих крыльев?

Она поспешила объяснить ему:

— Это достаточно просто, Дэвид. Доктор Вайт, который осматривал тебя и лечил твою рану, сказал мне, что это достаточно просто: ампутировать твои крылья у их основания. Тебе не будет угрожать никакая опасность и на твоей спине останется лишь небольшой след-рубец от ампутированной конечности. И после этого ты станешь обыкновенным мужчиной, не будешь уродом. — Рут помолчала, вздохнула и добавила — ее лицо было в этот момент таким трогательным, таким искренним: — Мой отец введет тебя в бизнес, у тебя будет своя доля в фирме, и из ненормального, странствующего, получеловеческого создания ты превратишься в... в похожего на нас. И мы сможем стать такими счастливыми!

Дэвид Рэнд стоял как громом пораженный.

— Ампутировать мои крылья? — повторил он, все еще не веря своим ушам. — Ты не будешь моей, если я не сделаю этого?

— Я не могу, — с болью в сердце ответила она. — Я люблю тебя, Дэвид, правда, люблю, но хочу, чтобы мой муж был похож на мужей других женщин.

— И я больше никогда не смогу летать, — тихо произнес он.

При лунном свете его лицо стало белее мела.

— Я буду прикован к земле, как и все остальные! Нет! — закричал он и вскочил на ноги. Его чувства менялись с молниеносной быстротой.

— Я не хочу! Я не стану похожим на... на...

Он не смог закончить фразу. Рут закрыла лицо руками и заплакала. Весь его гнев прошел. Он наклонился к ней, отнял ее руки от лица и, сильно переживая, заглянул в ее нежное, мокрое от слез лицо.

— Не плачь, Рут! — умолял он. — Ты только не подумай, что я не люблю тебя. Это не так. Я люблю! Люблю тебя сильнее всего на свете! Но я никогда не думал расставаться с крыльями. Это предложение очень взволновало меня. Иди в дом, а я должен немного подумать.

Она поцеловала его дрожащими губами и пошла по

аллее, исчезнув в лунном свете, а Дэвид Рэнд остался, пребывая в замешательстве и расхаживая взад-вперед под холодным и насмешливым взглядом серебристой луны.

Отказаться от крыльев? И больше никогда не парить по небу, не нырять в облака, не бросаться вниз, рискуя разбиться, но каждый раз в последнюю секунду уходя от столкновения с землей? И больше никогда, мчась изо всех сил, не испытать опьяняющего сумасшедшего чувства неукротимой свободы? Или отказаться от Рут? Отвергнуть это слепое, непреодолимое стремление каждого его атома к любимой девушке, чтобы всю оставшуюся жизнь ощущать горечь одиночества и тоски по ней? Как же он это выдержит? Он не сможет. И НЕ БУДЕТ.

Дэвид стремительно направился к дому и встретил ждущую его на залитой лунной террасе девушку.

— Дэвид?

— Да, Рут. Я согласен. Ради тебя я готов на все.

Счастливая, она бросилась ему на грудь.

— О Дэвид! Я знала, что ты действительно меня любишь! Я знала это.

Через два дня Дэвид Рэнд очнулся от анестезии в палате госпиталя. Он чувствовал себя плохо, ощущая дикую боль в спине. И немного странно. Над его кроватью наклонились доктор Вайт и Рут.

— Ну, молодой человек, все прошло как нельзя лучше, — сказал доктор. — Через несколько дней мы вас выпишем.

Глаза Рут сверкали от счастья:

— В день выписки, Дэвид, мы и поженимся.

Когда они ушли, Дэвид тихонько ощупал свою спину. От его крыльев остались только перевязанные выступающие культяшки. Он мог двигать их мускулами, но до него не доносился характерный шум шелестящих крыльев. Дэвид чувствовал себя странно и ошеломленно, как будто потерял часть себя. Но он старался думать только о Рут. Рут его ждет!

А она действительно ждала его, и когда он покинул госпиталь, они поженились. Окунувшись в ее сладкую любовь,

Дэвид окончательно забыл и свои странные ощущения, и даже то, что у него вообще когда-то были крылья и он как птица странствовал по небу.

Вильсон Холл подарил своей дочери и зятю белый коттедж на покрытой лесами возвышенности рядом с городом, ввел Дэвида в свой бизнес и очень терпеливо относился к тому, что у зятя не было такого уж явного интереса к коммерческим делам. И каждый день Дэвид отправлялся в город на своей машине, работал в офисе, а потом спешил домой с единственной желанной мыслью: поскорее приехать и отдохнуть у камина с лежащей на его плече Рут.

И он знал, что скажет жена.

— Дэвид, а ты не жалеешь о своем решении? — первой спросит Рут, опасаясь его ответа.

А он засмеется и ответит:

— Ну конечно, нет, Рут! Быть с тобой — это единственная радость в моей жизни.

И самому себе Дэвид говорил, что он не грустит о потере крыльев. То, что он с шумом летал по небу, теперь казалось ему странным сном. И Дэвид сам себя убеждал в том, что только сейчас он проснулся и познал истинное счастье.

Вильсон Холл как-то сказал дочери:

— Дэвид очень хорошо входит в курс дела. Я боялся, что он навсегда останется диким, но он отлично справляется с работой.

Рут была счастлива и с удовольствием согласилась с отцом:

— Да, я знала, что у него все получится. И сейчас он всем очень нравится.

Она была права, так как те, кто раньше косо посматривал на молодых, теперь признали, что их женитьба все же не была ошибкой.

— Он и правда очень милый. И если бы не небольшие бугорки на его плечах, никогда и не подумаешь, что когда-то он так сильно отличался от всех остальных, — говорили люди на улице.

Так проходили месяц за месяцем.

В небольшом коттедже на возвышенности царило настоящее счастье до тех пор, пока не пришла осень. Каждое утро мороз серебрил лужайки, а листья клена стали похожи на картины абстракциониста.

Одной осенней ночью Дэвид вдруг проснулся, сам удивляясь, что вдруг потревожило его сон. Рядом с ним, тихо посапывая, продолжала мирно спать Рут. Все было тихо.

И тут он услышал. С морозного неба доносился далекий, едва уловимый свистящий призывный крик, который взволновал его. Для Дэвида он звучал смутным напоминанием о безграничной свободе.

Дэвид тотчас же понял, что это может означать. Его сердце учащенно билось, когда он распахнул окно и взгляделся в ночное небо. И вот там, наверху, рядом со звездами, он увидел их — длинные, пронзающиеся со свистом вереницы перелетных птиц, направляющихся на юг. На мгновение в сердце Дэвида зародилось дикое желание выпрыгнуть из окна и помчаться за ними в эту прекрасную холодную ночь.

Инстинктивно на его спине заиграли мускулы. Но на самом деле под пижамой задвигались лишь культи его крыльев. И вдруг силы покинули его. Дэвида затрясло. Он был поражен нахлынувшим чувством. Почему минуту назад он захотел уйти, оставить Рут? Его любимую Рут. Эта мысль его напугала, она была подобна предательству самого себя. Он еле-еле добрался до кровати и лег, решив не обращать внимания на этот далекий, неумолчный свист и хлопанье крыльев.

На следующий день он решительно взялся за работу в офисе. Но все же в течение всего дня его глаза невольно останавливались на небольшом кусочке голубого неба, видного из окна. И после этого день за днем, все долгие месяцы зимы и весны все больше росло знакомое дикое желание и все мучительнее становилась безрассудная боль в его сердце, сильнее, чем когда весной перелетные птицы возвращались домой, на север.

Дэвид был беспощаден к самому себе, говоря:

— Ты дурак! Ты больше всего на свете любишь Рут и ты ей обладаешь. Больше тебе ничего не надо.

И снова долгими бессонными ночами он уверял самого себя:

— Я — мужчина! Я счастлив, что у меня нормальная, человеческая жизнь с Рут.

Но старые воспоминания тихонько напоминали ему:

— А ты помнишь свой первый полет? Как впервые ты ощутил это дикое возбуждение, поднимаясь ввысь? А первое головокружительное вращение в воздухе, первое падение вниз и планирование?

А этим воспоминаниям вторил ночной ветер за окном:

— А ты помнишь, как состязался со мной в скорости, под звездами и над спящим миром? И как ты смеялся и пел, когда твои крылья побеждали меня?

И Дэвид Рэнд зарывался в подушку и бубнил:

— Я не жалею об этом. Нет!

В одну из ночей Рут проснулась и спросила:

— Что-нибудь случилось, Дэвид?

— Нет, дорогая, — ответил он, но когда она снова уснула, он почувствовал, что у него на глаза навернулись слезы, и прошептал:

— Я вру самому себе. Я снова хочу летать.

Но от Рут, которая была счастлива с ним, в их доме, с их друзьями, он скрывал все эти затаенные желания. Он думал, что преодолеет их, разрушит, уничтожит их в себе, но не мог.

Когда рядом не было ни души, Дэвид с болью в сердце наблюдал, как ласточка мчится и ныряет в закат, пропадая в лучах багрового солнца. Или как волнующе устремляется вниз зимородок. А потом он жестоко обвинял себя в предательстве своей собственной любви к Рут.

Этой весной, немного смущаясь, Рут сказала ему:

— Дэвид, следующей осенью у нас будет ребенок.

Его поразила эта новость:

— Рут, дорогая! А ты не боишься, что он может быть...

Она решительно замотала головой:

— Нет. Доктор Вайт говорит, что нет никакой вероят-

ности рождения ребенка с такими же аномалиями, как у тебя. Он говорит, что определенный набор генов, который повлек рождение тебя с крыльями, является не доминирующим, а рецессивным, поэтому эта аномалия не может быть унаследована. Ты рад?

— Конечно! — сказал он и крепко прижал жену к груди. — Все будет прекрасно!

Вильсон Холл просиял от этой радостной вести.

— Внук! Чудесно! — воскликнул он. — Дэвид, знаешь, что я собираюсь сделать после рождения ребенка? Я уйду на пенсию, и ты будешь возглавлять фирму.

— О отец! — закричала Рут и счастливо расцеловала его.

Дэвид, запинаясь, поблагодарил. А самому себе он сказал, что ребенок поставит крест на его смутных, безрассудных желаниях. Теперь ему надо заботиться не только о Рут, у него появятся родительские обязанности.

Он углубился в работу с новым интересом. На несколько недель Дэвид совершенно забыл о знакомом мучительном желании и с головой ушел в заботы о предстоящем.

Он почти избавился от бессонницы.

А потом вдруг все стало с ног на голову. С некоторых пор культы на плечах Дэвида воспалились и побаливали. И кроме того, казалось, что они увеличились. Дэвид решил разглядеть их в зеркале и был шокирован, обнаружив, что культы превратились в два больших дугообразных во всю спину горба.

Дэвид Рэнд все вглядывался и вглядывался в зеркало со странным подозрением в глазах. Возможно ли, что...

На следующий день он позвонил доктору Вайту под другим предлогом, но перед тем, как закончить разговор, небрежно поинтересовался:

— Да, доктор, давно хотел у вас спросить, а есть ли какая-нибудь вероятность того, что мои крылья снова станут расти?

Доктор Вайт ненадолго задумался и ответил:

— А почему нет? Я могу допустить, что такая возможность существует. Ты знаешь, что тритон может регенерировать потерянную конечность и многие другие животные обладают подобной способностью. Конечно, обычный человек

не может восстановить себе утраченную руку или ногу, но твое тело необычно и может оказаться способным восстановить крылья по крайней мере один раз. — И помолчав, добавил: — Но тебе не стоит беспокоиться об этом, Дэвид. Если они снова начнут расти, только приди ко мне, и я снова устраню их без каких-либо проблем.

Дэвид Рэнд поблагодарил его и повесил трубку. Но после этого он каждый день внимательнее и внимательнее разглядывал в зеркало свою спину, и скоро у него не осталось сомнений в том, что аномальный набор генов, который одарил его крыльями, также дал ему возможность регенерировать их.

Итак, с каждым днем крылья снова набирали силу. Его горбики на плечах становились все больше, но все же подшитыми на заказ пиджаками не было заметно какого-либо изменения в них.

И вот в конце этого лета на свет появились крылья — настоящие крылья, хотя и меньше предыдущих. Скрытые одеждой, они были незаметны.

Дэвид знал, что ему надо пойти к доктору и ампутировать их, пока они не стали еще больше. Он уговаривал самого себя, что ему больше не нужны крылья, так как теперь смыслом его жизни стали Рут, их будущий ребенок, их общее будущее.

Но все же он никому ничего не сказал. Он тщательно хранил свою тайну, а растущие крылья прятал под одеждой. По сравнению с его первыми крыльями эти были жалкими и слабыми, как будто они зачахли из-за ампутации.

«Маловероятно, что я вообще смогу на них летать, — думал Дэвид. — Даже если бы я захотел. Но ведь я не хочу».

И все же он говорил себе, что будет проще удалить их позже, когда они станут обычного размера. И потом, он не хотел волновать Рут в ее положении, сообщив, что у него снова выросли крылья.

И убедил себя.

Прошли недели, и в начале октября его вторые крылья выросли в полную величину, хотя и были чахлыми и ничтожными по сравнению с его первыми — роскошными.

В первую же неделю октября у Рут и Дэвида родился сын. Прекрасный, правильно сложенный мальчик без намека на что-либо ненормальное. У него был обычный вес и прямая гладкая спинка. Уж крыльев-то у него точно никогда не будет. Через несколько недель семьи Холлов и Рэндов собрались вместе, и родители, и бабушка с бабушкой любовались ребенком.

— Правда, он очень красивый? — спросила Рут, глядя на малыша светящимися от гордости глазами.

Дэвид кивнул в знак согласия. Его сердце разрывалось, когда он смотрел на этого розовощекого, спящего малютку. Его сын!

— Он правда красивый, — робко произнес он. — Рут, дорогая, я хочу всю оставшуюся жизнь работать на тебя и на нашего сына.

Вильсон Холл, глядя на них, просиял и сказал:

— Дэвид, ты получишь такую возможность. Как я говорил весной, так и будет. Сегодня я формально сложил с себя обязанности главы фирмы и назначил тебя своим приемником.

Дэвид поспешил высказать слова благодарности. Его сердце было переполнено радостью, любовью к Рут, к их сыну. Он чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

А когда Вильсон Холл уехал, Рут заснула и Дэвид остался наедине с собой, он вдруг осознал, что ему надо еще кое-что сделать.

Он был строг по отношению к себе:

— Все эти месяцы я обманывал самого себя, отыскивая оправдания, разрешая своим крыльям снова вырасти. Все это время в моем сердце жила надежда на то, что я еще смогу летать!

Дэвид Рэнд засмеялся.

— Но теперь все! Раньше я только говорил себе, что не хочу летать. Тогда это было ложью, теперь — это правда. Я больше никогда не загорюсь желанием летать! Теперь, когда у меня есть и Рут, и мальчик.

Нет, никогда больше. Пора с этим покончить. Этой ночью

я поеду в город и попрошу доктора Вайта убрать эти вновь выросшие вторые крылья. И Рут даже не узнает об этом.

Подстегиваемый этим решением, он быстро вышел из коттеджа в ветреную темноту осенней ночи. На востоке, прямо над верхушками деревьев, висела красная луна, и при ее бледном свете Дэвид направился в гараж. Все деревья вокруг него гнулись и скрипели от завывавшего, радостно сбивавшего с ног северного ветра.

Дэвид внезапно остановился. Сквозь морозную ночь доносился далекий, едва уловимый звук, который заставил его поднять голову. На фоне завываний стремительного ветра то рос, то пропадал, то становился все сильнее приближающийся, незаметный свист — это перелетные птицы, улетающие в эту беспокойную ночь на юг, бросали ликующий вызов ветру, пытающемуся их задержать. И это дикое биение свободы, которое, как думал Дэвид, уже позабыто, неожиданно разбредило ему душу.

Он вглядывался в темноту сияющими глазами, ветер развеивал его волосы. Хоть бы еще один раз побыть с ними там, наверху, хоть бы разочек полетать с ними...

А почему бы и нет? Почему не полетать в последний раз и удовлетворить тем самым это доставляющее боль желание перед тем, как он вновь потеряет — и на этот раз уже навсегда — крылья? Он не полетит далеко, так, маленький полет туда и обратно? Он вернется, чтобы снова ампутировать их и посвятить свою жизнь Рут и сыну. Никто даже не узнает.

В темноте он быстро скинул одежду, встал прямо, расправил крылья, которые так долго скрывал и прятал. На него напали тревожные сомнения. А сможет ли он теперь вообще летать? Выдержат ли его эти несчастные, хилые вторые крылья больше нескольких минут? Нет, не удержат — он знал, что не удержат!

Дикий ветер громче взревел среди скрипящих деревьев, а шум и крик птичьей стаи уже звучал прямо над его головой. Дэвид встал в стойку, согнул колени, расправил крылья для взлета ввысь — его лицо побледнело от страшного напряжения. Он не мог решиться на это. Лети — звали не-

беса. Рут — звучало в его сердце. Нет! Он не мог покинуть землю.

Но ветер кричал ему:

— Ты можешь! Ты снова можешь летать! Смотри, я сзади тебя, жду, чтобы поднять тебя. Я готов помчаться за тобой туда, к звездам!

И ликующие, свистящие звуки с неба призывали его:

— Наверх, с нами наверх! Ты один из нас, а не из тех — внизу! Наверх! Лети!

И он подпрыгнул! Жалкие крылья жадно схватили воздух, и Дэвид стал подниматься ввысь! Темные деревья, горящие окна коттеджа на возвышенности остались внизу, когда его крылья, ритмично взмахивая, поднимали его тело с помощью бушующего ветра.

Выше, выше! Дэвид ощутил, как холодный воздух сильно ударил в лицо, ощутил сумасшедший рев ветра вокруг, и чувство победы охватило его. А крылья несли его в небо.

И вот тогда под звездами, над ночной землей вновь раздался высокий, звенящий смех Дэвида Рэнда. Выше и выше, прямо к кричащим, улетающим на юг птицам! Выше и выше — и он вместе с ними!

Дэвид вдруг понял, что только небо было жизнью, что только сейчас он проснулся. А та его жизнь на земле — всего лишь сон. Сон, от которого он наконец пробудился. Это не он работал в офисе, любил женщину и ребенка. Другой Дэвид Рэнд пребывал на земле. Но теперь наваждение развеялось.

На юг, на юг! Он спешил. Ревел ветер. Луна поднималась все выше. И вот под ним уже не было земли, и он, Дэвид Рэнд, летел вместе с птицами над залитым луной океаном. Он знал, что это безумие лететь на таких слабых крыльях, которые уже устали и ослабли, но в его голове даже не возникла мысль повернуть обратно. Лететь! Лететь в последний раз! Этого было достаточно!

И когда его уставшие крылья стали терять последние силы и он начал спускаться все ниже и ниже, к серебряным водам океана, Дэвид не испугался. Как раз так он и хотел

уйти из этого мира. И он был рад — рад, падая вниз, чтобы умереть, как все птицы в конце своей жизни, после короткого, последнего, дикого, опьяняющего полета.

ОТВЕРЖЕННЫЙ

Ему казалось, что Бродвей никогда не выглядел таким гнетущим, как в это раннее зимнее утро со все еще горящими газовыми фонарями и голыми старыми тополями, дрожащими на холодном ветру. Копыта и колеса стучали по тротуару, и под ними разлетался снег.

Он думал, что любое другое место было бы лучше, чем это — Ричмонд, Чарльстон, даже Филадельфия. Но они не были лучше. Их просто не было. Он стер их все. Он всегда стирал места и даже большинство людей из своей памяти. Впрочем, возможно, это сказывалось сегодняшнее разочарование. В конце концов, все другие разочарования заставляли его чувствовать себя таким же образом. Он вошел в маленький, обшарпанный, состоящий из двух комнат офис, и блеклый человек, пишущий что-то за столом, быстро взглянул на него с надеждой.

— Нет, ничего.

Надежда покинула лицо человека. Он пробормотал:

— Мы так долго не продержимся. — И затем добавил: — Здесь молодая дама. Она ждет вас в офисе.

— Я не в настроении писать автографы в альбомы молодых дам.

— Но она выглядит очень состоятельной...

Он улыбнулся своей белозубой саркастической улыбкой.

— Понятно. У состоятельных молодых дамочек — состоятельные папаши, которые могут пожелать вложить свои деньги в умирающий литературный журнал.

Но когда он вошел в офис, то превратился в джентльмена и раскланялся перед сидящей девушкой.

— Для меня большая честь, мисс...

Не поднимая глаз, она произнесла:

— Эллен Донсел.

Она была очень богато одета, начиная с пальто с меховым воротником и заканчивая голубой кашемировой шляпкой. Ее личико казалось пухленьким, розовым и глупеньким. Но вот она взглянула на него. И По сильно удивился. Глаза на этом круглом личике горели жизнью и интеллектом.

— Что привело вас ко мне? — заговорил По. — Впрочем, не отвечайте. Я думаю, вы хотели бы, чтобы я почитал свои стихи на каком-то собрании, то, чем я сейчас не занимаюсь. Или вам нужна копия «Ворона», написанная моей собственной рукой...

— Нет, — просто ответила она. — У меня для вас сообщение.

По выглядел вежливо-удивленным.

— Да?

— Послание от... Аарна.

Слово, казалось, зависло в воздухе, отозвавшись отдаленным колокольчиком. И на какое-то время в комнате воцарилась такая тишина, что По мог слышать шум движения на улице.

— Аарн, — в конце концов повторил он. — Какое прекрасное, звонкое имя. А кто это?

— Это не человек, — сказала мисс Донсел. — Это место.

— А! — сказал По. — И где же оно находится?

Она просверлила его взглядом.

— Разве вы не помните?

По начал чувствовать себя немного неудобно. Из-за того, что он писал занимательные и подчас невероятные рассказы, фантастически настроенные, ментально нестабильные, люди пытались разыскать его. Эта девушка выглядела нормально, даже обыденно. Но выражение ее глаз...

— Сожалею, — сказал он, — но я никогда раньше не слышал этого названия.

— А имя Лалу вы слышали? — спросила она. — Это мое имя. Или имя Яанн? Это ваше имя. И мы прибыли из Аарна. Хотя вы задолго до меня.

По успокаивающе улыбнулся.

— Это очень забавно, мадам. Расскажите мне... Что же это за место, из которого мы прибыли?

— Оно находится между Лиловыми Горами. — Ее глаза пристально смотрели в его. — И там с гор бежит речка Заир. И башни Аарна блестят над ней в лучах заходящего солнца...

По прервал ее внезапным взрывом смеха. Затем продекламировал:

— ...Блестят в красном солнечном свете сотни фонарей, минаретов и скал и напоминают фантомы, созданные эльфами, феями, джиннами и гномами.

Он вновь засмеялся, качая головой.

— Это заключительные слова моей сказки «Поместье Арнгейм». Ну конечно же... Аарн... Арнгейм. А имя Лалу производное от имени Улялум, а Яанн — от Яаанка. Что ж, мадам, поздравляю вас, вы очень изобретательны!

— Нет. Нет, — дважды повторила она. — Все было наоборот, мистер По. Это вы взяли свои имена из тех, которые я только что назвала.

Он с любопытством рассматривал девушку. С ним раньше ничего подобного не происходило. По был заинтригован.

— Итак, я прибыл из Аарна. Правильно? Тогда почему я его не помню?

— Помните немного, — пробормотала она. — Вы почти помните место, вы почти помните имена. Вы используете их в своих историях и стихах.

Его интерес возрос. Эта девушка могла бы походить на дурочку, если бы не ее глаза. Но она, без сомнения, обладала необычным воображением.

— Ну и где же этот Аарн? На другой стороне мира? В саду Гесперид?

— Совсем рядом, мистер По. Совсем рядом в пространстве, но не во времени. Далеко-далеко в будущем.

— Тогда вы... и я, как вы сказали... пришли из будущего в настоящее. Моя дорогая, юная леди, это вам, а не мне нужно писать фантастические истории.

Ее прямой взгляд не изменился.

— Вы написали это. В рассказе о «Крутых Горах» вы написали о человеке, который прошел через время.

— Ну и что? — спросил По. — Я уже забыл об этой неуклюжей попытке. Но это была всего лишь фантазия.

— Разве? Явилось ли случайностью то, что заставило вас писать о путешествии во времени, о чем до этого никто не писал? Или это была память подсознания?

— Хорошо, если бы это было так, — сказал он. — Могу вас уверить, мне совсем не нравится этот XIX век, но, к сожалению, я помню всю мою жизнь очень хорошо. И совершенно ничего не помню об Аарне.

— И это говорит мистер По, — воскликнула девушка. — Он помнит только свою собственную жизнь. Но вы не только мистер По, вы еще и Яанн.

Он усмехнулся.

— Два человека в одном теле? Скажите мне, мисс Донсел, вы когда-нибудь читали мой рассказ «Вильям Вильсон»? В нем говорится о человеке, в котором заключены сразу две личности. Второе я...

— Я читала его, — сказала она. — И я знаю, что вы написали его потому, что в вас две личности. Хотя одну из них вы подавляете.

Она наклонилась вперед, и По увидел, что ее глаза еще более завораживающие, чем у гипнотизера.

Девушка заговорила почти шепотом:

— Я хочу, чтобы вы вспомнили! Я заставлю вас вспомнить! Вот почему я пришла к вам...

— Раз уж мы заговорили об этом, как возможно путешествовать во времени? — прервал ее По, пытаясь привести свои мысли в порядок. — В какой-то летающей машине?

Ее лицо осталось серьезным.

— Тело не может путешествовать через время, как не может ни один физический и материальный объект. Но сознание нематериально. Это паутина электрической энергии, запертая в физическом мозге. Если сознание выпустить из мозга, оно как чистая энергия может путешествовать по из-

мерениям времени и найти свой новый дом в мозгу человека, отделенного веками.

— Но с какой целью?

— С целью доминировать над мозгом и телом и исследовать историческое прошлое глазами человека-современника. Не всегда это просто сделать. Существует опасность выбрать хозяина, чье сознание настолько сильно, что может подавить пришельца. И это случилось с Янном, мистер По. Он находится в вашем мозге, но он подавлен и лишь частично оказывает влияние на ваше подсознание, посылая вам воспоминания, которые вы воспринимаете как мечты и фантазии. У вас должна быть очень целеустремленная волевая душа, мистер По, если вы смогли подавить сознание Яанна.

— Меня по-разному называли, но тупицей — никогда! — ответил он.

И затем ироничным движением руки он окинул свой ветхий офис:

— Видите высоты, до которых вознес меня мой интеллект?

— Это случалось и раньше, — пробормотала она. — Один из нас был заперт в мозгу римского поэта Лукреция...

— Тит Лукреций Кар? Я читал его книгу «О природе вещей» и его странные теории об атомной науке.

— Это не теории, — настаивала она, — воспоминания. Они так мучили его, что он покончил с собой. Но были и другие, на других уровнях времени.

— Какая великолепная идея! — воскликнул По восхищенно. — Я, конечно же, напишу рассказ...

Девушка снова перебила его:

— Я говорю с вами, мистер По, но пытаюсь говорить с Яанном. Хочу вытащить его из плена вашего мозга и заставить вспомнить Аарн.

Она продолжала говорить. Быстро и почти яростно. И все это время ее взгляд не отрывался от его лица. И По слушал как замороженный, как с ее губ слетали имена, места и другие вещи из его рассказа.

Что-то оказалось частично изменено, что-то — нет. Но все это было, несомненно, плодом богатого воображения девушки.

— Был... Нет! Я лучше скажу — будет Век Насилия. Насилия, которого человек и не может себе представить. И его высшей точкой станет прорыв на свободу яростных сил, которые станут причиной беспрецедентного разрушения.

По вспомнил о своем рассказе, в котором человечество погибло в результате всемирного взрыва, и девушка, казалось, угадала его мысли, судя по улыбке на его лице.

— О нет! Не все человечество было... или будет уничтожено! Но очень многие погибнут. Когда пройдет Век Насилия, останутся тысячи там, где были миллионы. Наш мир через века от сегодняшнего — мир, в котором находится Аарн, не такое густонаселенное, суматошное место, как это.

Яанн, вспомни! Вспомни наш красивый, чистый мир! Вспомни тот день, когда мы плыли по Заиру в твоей лодке весь путь от Гор, по желтым водам, в которых плескались огромные водяные лилии, а позади нас оставался темный, мрачный лес. Мы плыли до тех пор, пока не достигли Долины Многоцветной Травы. Вспомни, как мы шли через рощи серебряных деревьев и смотрели на флайеры, парящие в солнечном свете над башнями Аарна.

Разве ты не помнишь? Это было в тот день, когда ты впервые сказал мне, что побывал в Лаборатории Времени в Тсалале и вызвался добровольно перенестись в прошлое. Ты хотел перенестись во время незадолго до Века Насилия и посмотреть на мир, каким он был до войн, посмотреть глазами очевидца на все те вещи, которые были потеряны для истории в результате разрушения.

Ты помнишь мои слезы? Как я умоляла тебя не уходить, как напоминала тебе о тех, кто так никогда и не вернулся, как я прижималась к тебе? Но исторические исследования так захватили тебя, что ты не слушал меня. И ты ушел. И произошло то, чего я и боялась.

Яанн! Это Лалу говорит с тобой! Ты знаешь, как мучительно ожидание? Я больше не могла терпеть и добилась разрешения от Лаборатории Времени перенестись в это время, чтобы найти тебя. Те недели, которые я пробыла здесь в теле другого человека, я искала тебя, пока наконец-

то не наткнулась на имена, которые мы знаем на Аарне, в рассказах, которые стали популярными. Я знала, что только их автор может быть твоим хозяином. Яанн!

По слушал в полузабытьи, как имена из его собственных фантастических миров проплывали по воздуху. Но этот финальный мучительный крик, эта мольба заставили его вскочить на ноги.

— Моя дорогая мисс Донсел! Я очень ценю ваше воображение, но вы должны контролировать себя...

Ее глаза вспыхнули.

— Контролировать себя?! А что я делала все эти недели в этом ужасном и отвратительном мире, запертая в тело этой мясистой девчонки?

Холодный шок прорезал его при этих словах. Ни одна женщина даже в шутку не будет думать о себе или говорить таким образом. Но тогда это должно означать...

Комната, яростное лицо — все вокруг, казалось, начало тускнеть. Он почувствовал в себе какую-то странность. Мир как будто уплывал от него. И на мгновение ему показалось, что его старые мечты стали реальностью.

— Яанн?

Смеялась ли девушка? Конечно же! Дерзкой девчонке удалось обмануть знаменитого мистера По с помощью этой чуши, и она с радостью будет рассказывать об этом своим друзьям. Гордость и высокомерие, которые жили в глубине его натуры, вырвались наружу и подавили эту странность.

— Я сожалею, — сказал он, — что не могу посвятить больше времени вашему идеальному воображению, мисс Донсел. Я могу только поблагодарить вас за ту скрупулезность, с которой вы изучали мои маленькие рассказы.

Он открыл дверь и поклонился ей. Девушка встала. На ее лице отразились печаль и боль.

— Бесполезно! — наконец прошептала она. — Нет никакого смысла продолжать эту мучительную пытку воспоминаниями.

Она посмотрела на него и сказала тихим голосом:

— Прощай, Яанн!

И закрыла свои глаза. По сделал шаг в ее сторону.

— Моя дорогая юная леди, пожалуйста...

Ее глаза вновь открылись. Он был поражен. Вся жизнерадостность и весь интеллект исчезли из них, и на него глупо и растерянно смотрели обычные испуганные глазки недалекого создания.

— Что? — спросила она. — Кто...

— Моя дорогая мисс Донсел... — начал он снова.

Девушка издала истошный крик. Отшатнувшись от него, она спрятала свое лицо в руки и через них смотрела на него, словно он был дьявол.

— Что случилось? — закричала она. — Я... все исчезло... Я уснула в середине дня... Как я... Что я делаю здесь?

«Так вот в чем дело, — подумал По. — Конечно же! Сыграв роль воображаемой Лалу, теперь она должна показать, что «гость» оставил ее сознание».

Он произнес, кисло улыбаясь:

— Я поздравляю вас! У вас не только богатое воображение, но и великолепные актерские способности!

Девушка не обратила на него никакого внимания. Она пробежала мимо него и распахнула дверь. Было уже поздно. Его помощник ушел домой. И к тому моменту, когда По последовал за ней в другую комнату, мисс Донсел уже выбежала на улицу.

Он поспешил за ней. Хотя газовые фонари горели, но из-за уличного движения он не сразу увидел ее. Затем он услышал ее крик и увидел, как она забирается в кеб. По ринулся за ней. Ее глаза — круглые от страха — смотрели назад, на него. Затем она исчезла в кебе. Возничий что-то крикнул лошадям, щелкнул кнутом, и кеб уехал. По — темпераментный человек — чувствовал злобное беспокойство. Он позволил одурочить себя! Эта актерка заставила его выслушать всю эту болтовню. Возможно, сейчас она лжет.

И все же...

Он вернулся в офис. Снежинки поблескивали в свете желтых ламп, а снежная пороша на улице начала превра-

щаться в липкую грязь. Порыв ветра принес звук громких голосов с другого конца улицы.

«Этот ужасный, отвратительный мир...» Ну что же? Таким он всегда ему и казался. Но сегодня он злее чем когда-либо посмеялся над ним. По думал, что причиной тому были фантазии об окутанных лучами заходящего солнца башнях Аарна, о которых девушка прочитала в его собственной книге и вложила ему в уши.

Он вошел в свой офис и сел за стол. Когда его гнев поух, ему стало интересно, была ли доля правды в этой искусной лжи. И хотя она перекликалась со всеми его другими историями — идея была интригующей: человек, потерявшийся в чужом времени.

Я пришел недавно в эти земли,
Из далекой тьмы Туле,
Из дикого, странного мира,
Который находится вне пространства,
Вне времени...

Это я написал? Или ... Яанн?

На мгновение По пронзила тоска. Если это правда? Если за завтрашним днем находится более совершенный мир — Туле, Аарн, Тсалал? Если фантом, любимые образы, которые он никогда не увидит — Улялума, Леонора, Морелла, Лигейя... были памятью...

По хотел верить, но он был разумным человеком. А вера в подобные вещи нарушает здравый смысл и даже может убить. Но его она не убьет.

Нет!

Рукой, которая слегка тряслась, он открыл ящик и потянулся за бутылкой.

ИЗГНАНИЕ

Теперь, по прошествии времени, я очень жалею, что мы говорили в ту ночь о научной фантастике! Мне кажется, если бы не та застольная беседа, сейчас меня не преследова-

ла бы одна странная, невероятная история, правдивость которой нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Но четверо из нас были писателями-фантастами, и совершенно очевидно, что разговор в кафе не мог не коснуться нашей работы. И именно я заговорил об этом. Мы воздерживались от профессиональных тем, пока ели и пили. Сначала Мэдисон красочно и с большой любовью описал свою поездку на охоту. Затем Брэзилл завел дискуссию о шансах Доджерсов. А потом я перевел разговор на фантастику.

У меня получилось это непроизвольно. Но я заказал двойной виски, а это всегда настраивало меня на аналитический лад. И мне показалось довольно завлекательным, что, сойдясь за столом, мы составили квартет из нормальных, обычных людей.

— Это защитная окраска, — произнес я. — Как тяжело нам работать в этом бизнесе, будучи обычными, хорошими ребятами.

Брэзилл, не поняв моей фразы, вроде бы не соотносившейся с темой беседы, недоуменно и обеспокоенно взглянул на меня и переспросил:

— О чем ты говоришь?

— О нас, — ответил я. — Как у нас искусно получается выглядеть солидными, обыкновенными гражданами! Но мы не такие, как все. Я уверен. Мы совершенно недовольны Землей и тем, что с ней связано, поэтому и живем, выдумывая один воображаемый мир за другим.

— Я полагаю, то, что мы получаем за это деньги, не имеет с недовольством ничего общего? — скептически усмехнулся Брэзилл.

— Конечно, — согласился я. — Но все мы выдумывали наши невероятные миры задолго до того, как начали писать об этом. Разве не так? Ведь это все происходило с детства. И причина в том, что мы не чувствуем себя здесь как дома.

Мэдисон фыркнул.

— Мы еще меньше будем чувствовать себя дома в каком-либо описанном нами мире.

И тут в дискуссию вступил Кэррик, четвертый из нас.

До этого он в своей обычной манере тихонько сидел и потягивал виски, размышляя о чем-то своем и не обращая на нас внимания. Во многом он здорово отличался от нас и казался несколько странным малым. Мы не так хорошо его знали, но любили и восхищались его произведениями. Он написал несколько прекрасных рассказов о воображаемой планете — удивительно достоверные и тщательно проработанные истории.

Он-то и сказал в ответ на реплику Мэдисона:

— Это случилось со мной.

— Не понял. Что случилось с тобой? — переспросил Мэдисон.

— То, о чем вы говорите. Однажды я писал о выдуманном мире, а потом мне пришлось пожить в нем, — ответил Кэррик.

Мэдисон засмеялся.

— Надеюсь, это оказалась более приспособленная к жизни планета, чем те зловещие миры, о которых пишу я.

Но Кэррик даже не улыбнулся. Словно беседуя с самим собой, он пробормотал:

— Я бы описал ее иначе, если бы знал, что мне придется жить на ней.

Брэзилл, многозначительно взглянув на опустошенный Кэрриком бокал, улыбнулся и, вложив в слова немалую долю иронии, попросил:

— Расскажи об этом, Кэррик.

Кэррик, продолжая вяло заглядывать в свой пустой бокал, медленно повертел его между пальцами и начал свой рассказ, делая паузы через каждые несколько слов.

— Это случилось лишь после того, как я переехал жить в местечко, расположенное рядом с большой электростанцией. Можно представить себе, что это было за шумное место, но на самом деле мне оно казалось очень спокойным, а главное, находилось на краю города. Что тоже меня устраивало.

Я приступил к работе над новыми рассказами, действие которых происходило в одном и том же воображаемом мире. Я начал разрабатывать детали устройства этого мира, и не только его, но и вселенной, в которой он существовал. Це-

лый день я был поглощен этим, но когда закончил, что-то перевернулось в моем сознании!

Меня поразило странное ощущение, что придуманный мною мир внезапно материализовался. Я видел его, я был там, не забывая в то же время интересоваться у себя, не схожу ли я с ума.

Скоро ощущение притупилось, я закончил писать и забыл об этом. Но на следующий день все повторилось снова. Этот день я посвятил описанию населения моего мира. Я создал их явно похожими на людей, но решил, что они будут менее культурными, так как основой моего рассказа стали раздражавшие этот мир конфликты и насилие.

Таким образом, я создал свой воображаемый мир, в котором жители только лишь ступили на дорогу прогресса и цивилизации. Я придумал религии и предрассудки, приводившие к неоправданной жестокости. Мысленно, но в красках я представил их варварские города. И тут в моем сознании вновь что-то перевернулось.

Во второй раз меня это очень напугало, так как теперь я еще больше поверил в то, что мои фантазии — это существующая реальность. Я знал, что думать так — сплошное безумие, и все же был абсолютно убежден в подлинности существования выдуманного мною мира. И не мог уйти от этого ощущения.

Я пытался привести свои мысли в порядок, чтобы избавиться от этой убежденности. Если мой воображаемый мир действительно существует, где они тогда находятся? Естественно, не в нашем измерении. В нем не могут существовать две вселенные, полностью отличающиеся друг от друга.

Но, возможно, этот воображаемый мир материализовался в какой-то иной системе координат? А вдруг он уже существовал и раньше, но в виде бесформенной мертвой материи до тех пор, пока мое воображение не вдохнуло в него жизнь? Как случилось, что мои воображаемые миры не материализовывались до сегодняшнего дня? И я нашел этому разумное объяснение. Причиной была большая электростанция по соседству. Какая-то часть энергии, вырывавшаяся из нее,

подобно какой-то сверхсиле, придавала моим фантазиям определенную форму, воплощала их.

Верил ли я в это? Нет, я не верил в это. Я просто знал, что это именно так, и иного объяснения не существует. Есть некоторая разница между знанием и верой. Все люди знают, что они умрут, но никто не верит в это. Со мной было то же самое. Я понимал, невозможно, чтобы мой воображаемый мир стал реальностью в каком-то другом измерении. И в то же время был абсолютно убежден, что это так.

В мою голову пришла любопытная мысль. Что, если я представлю себя в этом другом мире? Смогу ли я тоже материализоваться в нем?

Я попытался сделать это. Я сидел за столом, представляя себя одним из миллионов в этом придуманном мире, выдумав себе новую судьбу и семью.

И снова в моем сознании все перевернулось.

Кэррик замолчал, все еще глядя на свой пустой бокал и продолжая медленно вращать его между пальцами.

Нарушил затянувшуюся паузу Мэдисон.

— И, конечно же, ты очнулся в том мире, а над тобой склонилась красивая девушка и ты у нее спросил: «Где я?», — явно насмехаясь, спросил он.

— Все было совсем не так, — грустно заметил Кэррик, не обративший на иронию коллеги никакого внимания. — Совсем не так. Да, я действительно очнулся в том, другом мире. Однако это оказалось совсем не похоже на реальное пробуждение. Я просто внезапно очутился на другой планете.

Я все еще был самим собой, но при этом был таким, каким я себя представил в том воображаемом мире. Тем, который всегда там жил, и предки его там жили. И все это я выдумал сам.

Но в том придуманном мире я чувствовал себя таким же реальным, как и в моем собственном. В этом-то и заключалось самое страшное! Все в этом полудивилизованном, заполненном войнами и кровью мире было абсолютно реальным.

Кэррик вновь замолчал. Но на этот раз никто из нас не

бросил ни единой реплики, и спустя минуту он продолжил рассказ:

— Сначала это показалось мне странным. Я бродил по улицам варварских городов, я смотрел в лица этих людей, и мне казалось, что я кричу им: «Я всех вас выдумал! Вы не существовали до того, как я выдумал вас!»

Но в действительности я не стал этого делать. Они бы мне все равно не поверили. Для них я был обычным средне-статистическим представителем их расы. Как могли люди догадаться, что все они, их традиции и история, их мир и вселенная стали существовать только благодаря моему воображению?

После того как прошло первое возбуждение, я понял, что это место мне не нравится. Я сделал его слишком диким. Насилие и жестокость, которые казались мне такими привлекательными в рассказе, теперь вызывали отвращение. Я страстно желал вернуться в мой собственный мир.

Но я не мог вернуться. Я попытался представить себя в моем реальном мире так же, как я сделал, чтобы попасть в этот. На этот раз трюк не сработал. Та сила, которая совершила чудо, была не способна совершить его во второй раз.

Я пережил немало неприятных минут, поняв, что попал в ссылку, в изгнание, в этот ужасный, варварский мир. Сначала я хотел покончить с собой, но не смог. Человек может привыкнуть ко всему. И я заставил себя, насколько мог, привыкнуть к этому миру, который сам же и создал.

— И что ты делал там? Чем занимался? — спросил Брэзилл.

Кэррик пожал плечами.

— Я не умел ничего, кроме того, чем занимался в моем собственном мире, — сочинял истории.

Я усмехнулся.

— Ты что, хочешь сказать, что ты начал писать фантастические истории?

Он кивнул.

— Мне пришлось. Это единственное, что я умел делать. Я писал истории о моем родном, реальном мире. Для всех

других людей мои рассказы были плодом больного воображения. Но они им нравились.

Мы рассмеялись. Но Кэррик оставался очень серьезен, и Мэдисон решил подколоть его напоследок.

— И как же ты, в конце концов, выбрался из этого воображаемого мира?

— А я и не выбрался, — сказал Кэррик, тяжело вздохнув.

— Да ладно! — запротестовал Мэдисон. — Это же очевидно, что время от времени ты возвращаешься.

Кэррик покачал головой и поднялся, чтобы уйти.

— Нет, — грустно сказал он. — Я так и не вернулся. Я все еще в мире, в который сам себя и заточил. Я все еще в изгнании.

ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТОРА ПОЛЛАРДА

В ту ужасную ночь, которую я всеми силами пытаюсь забыть, нас в доме доктора Полларда было трое: сам доктор Джон Поллард, Хью Даттон и я, Артур Райт. В ту ночь доктор Поллард встретился со своей судьбой, столь страшной и трагической, что даже трудно себе представить. Теперь только я могу рассказать об этом, так как самого Полларда уже нет, а Даттон с тех пор доживает свой век в сумасшедшем доме.

По приглашению Полларда я и Даттон приехали в его уединенный коттедж. Мы все трое долгое время были друзьями и соседями по комнате в техническом университете Нью-Йорка. Наша дружба, возможно, казалась немного необычной, так как Поллард был на несколько лет старше нас и обладал более спокойным характером. Мы с Даттоном готовились стать инженерами в то время, как Поллард учился на биолога.

Направляясь на север от Гудзона, мы с Даттоном пытались припомнить, что нам известно о карьере Полларда. Мы знали, что, получив научную степень магистра, а затем доктора, он долгое время работал в Вене с биологом Брауном, чьи смелые идеи внесли немалый переполох в умы всего ци-

визированного мира. Мы также знали, что, вернувшись на родину, он полностью посвятил себя частным исследованиям, поселившись в отдаленном коттедже близ Гудзона, доставшемся ему по наследству, и сделавшись настоящим затворником. С тех пор мы ничего не слышали о нем, поэтому были сильно удивлены, получив телеграмму с приглашением провести вместе с ним уик-энд.

Ранним летним вечером мы подъехали к прибрежной деревушке, где местные жители любезно объяснили нам, как добраться до коттеджа Полларда. Мы легко нашли его деревянный дом, построенный около сотни лет назад на небольшом холме над рекой.

Поллард вышел нам навстречу.

— Ого, мальчики, да вы выросли, — радостно воскликнул он. — Я-то помню вас как Хью и Арта, университетских заводител, а теперь вы выглядите так, словно регулярно посещаете бизнес-клуб и ведете разговоры только о купле-продаже.

— Такова участь тех, кто занимается коммерцией, — пояснил Даттон. — Что о тебе не скажешь, старая ученая устрица. Ты выглядишь так же, как и пять лет назад.

И это было действительно так. Его долговязая фигура, спокойная улыбка и задумчиво-любопытный взгляд не изменились. Однако вид Полларда наводил меня на некоторые размышления. В его поведении сквозило какое-то необычное возбуждение. Словно почувствовав, что я думаю, он произнес:

— Если я и выгляжу немного взволнованным, то это только потому, что сегодня у меня великий день.

— Да, тебе действительно повезло, если удалось затащить таких славных парней, как мы с Даттоном, в твое убежище отшельника, — начал было я, но он покачал головой.

— Я не это имел в виду, Арт, хотя и очень рад, что вы приехали. Что же касается моего убежища, то ничего не говорите об этом. Я добился в этом доме таких результатов, каких никогда бы не получил в городских лабораториях.

Его глаза горели.

— Если бы вы только знали... Ну да ладно. Скоро вы все увидите. А сейчас давайте пройдем в дом. Думаю, вы голодны.

— Голодны, но только не я, — уверил я его, — мне вполне будет достаточно такой малости, как полбычка.

— Я тоже, — сказал Даттон. — Я недавно обедал. Дай мне пару дюжин сандвичей и цистерну кофе, и этого мне вполне хватит.

— Посмотрим, что мы сможем сделать, чтобы удовлетворить ваш изысканный вкус, — сказал Поллард, проводя нас вовнутрь.

Его большой дом оказался вполне удобным — с большими комнатами и широкими окнами, глядящими на реку. Мы сложили вещи в спальне, и Поллард повел нас осматривать его коттедж. В это время экономка и кухарка готовили обед. Нас больше всего интересовала его лаборатория.

Она находилась в маленькой пристройке, которая вполне гармонировала с коттеджем. Внутри была комната с белыми, покрытыми плиткой стенами, в которой стояло множество отполированных до блеска приборов. В центре комнаты находилась кубическая конструкция из сверкающего металла, заключенная в металлическую цилиндрическую оболочку, похожую на вакуумную трубу. В прилегающей комнате с каменным полом находились динамомашинa, генераторы и движки его собственной электростанции.

Когда мы покончили с ужином, во время которого долго предавались воспоминаниям, уже наступила ночь. Экономка и кухарка ушли домой. Поллард объяснил, что прислуга у него не ночует. С сигарами мы удобно устроились в гостиной. Даттон бросил по сторонам оценивающий взгляд.

— Твое убежище совсем неплохо, — сказал он, — я бы и сам не отказался при возможности пожить здесь такой беззаботной жизнью.

— Беззаботной жизнью? — переспросил доктор. — Ты не прав, Хью. Дело в том, что за всю свою предыдущую жизнь я еще никогда не работал так неистово, как два последних года.

— Так над чем же ты, Бог мой, трудишься, — спросил

я. — Ты занимаешься чем-то таким непристойным, что нужно прятаться здесь, в глуши?

Поллард захихикал:

— Именно так и думают в деревне. Они знают, что я биолог и что здесь у меня лаборатория. Эти бедняги суеверно полагают, что я занимаюсь здесь вивисекцией, причем в самой ужасной форме. Вот почему прислуга не остается здесь на ночь. Но откровенно говоря, если бы они знали, чем на самом деле я здесь занимаюсь, то давно бы уже умерли от страха.

— Ты пытаешься разыграть перед нами загадочного великого ученого? — спросил Даттон. — Если это так, то ты напрасно теряешь время. Маска, маска, я тебя знаю.

— Да, — подтвердил я. — Если ты хочешь заставить нас умирать от любопытства, то мы можем задать тебе хорошую трепку, как пять лет назад.

— Ага, только эта трепка обычно заканчивалась синяками и шишками на ваших лбах, — парировал он. — Но я не собираюсь мучить вас. Собственно говоря, я пригласил вас сюда именно для того, чтобы показать то, над чем я работаю, и чтобы вы помогли мне завершить мой труд.

— Помочь тебе? — переспросил Даттон. — Чем мы можем помочь тебе? Поддержать червяка, пока ты будешь его препарировать? Вот тебе и выходные.

— Дело намного сложнее, чем вскрытие червяка, — сказал Поллард. Он откинулся на спинку кресла и некоторое время задумчиво курил, не произнося ни слова. Затем Джон неожиданно спросил: — Вы двое без сомнения знаете, что такое эволюция.

— Я знаю, что в некоторых штатах это слово принимают за ругательство, поэтому, произнося его, надо улыбаться, чтобы дать понять, что не имеешь в виду ничего обидного, — ответил я.

Поллард улыбнулся:

— Я думаю, вы знакомы с тем фактом, что вся жизнь на Земле началась с простейшей одноклеточной амебы и в результате последовательных эволюционных мутаций и изме-

нений развилась до своих нынешних форм. Но эволюция все еще продолжается.

— Мы все это знаем, — подтвердил Даттон. — Если мы не биологи, то это еще не значит, что мы абсолютно невежественны в этой области.

— Замолчи, Даттон, — вмешался я. — Какое отношение имеет эволюция к тому, чем ты здесь занимаешься?

— Самое прямое, — ответил Поллард.

Он наклонился вперед.

— Я попытаюсь объяснить все с самого начала. Вы знаете или говорите, что знаете, основные шаги эволюционного развития. Жизнь зародилась на этой планете в форме простейшей протоплазмы, желеобразной массы, из которой развились маленькие протоплазменные организмы. Из них, в свою очередь, в результате последовательных мутаций развились водоплавающие, ящерицы, млекопитающие. Венцом эволюции стал человек. Но процесс эволюции все еще хоть и медленно, но продолжается.

Все это известно биологам. Но есть два важнейших вопроса, которые все еще остаются без ответа. Первый: какова причина этих эволюционных изменений, этих медленных, но постоянных мутаций от низшего к высшему? Второй: как в результате дальнейшей эволюции будет выглядеть человек в будущем? В какие формы он эволюционирует и когда эта эволюция остановится? На эти два вопроса биологи пока не в состоянии ответить.

На мгновение Поллард замолчал, затем внезапно произнес:

— Я нашел ответ на первый вопрос, а сегодня собираюсь найти ответ на второй.

Мы в удивлении уставились на него.

— Ты нас разыгрываешь? — спросил я наконец.

— Нет, Арт, я абсолютно серьезен. Я действительно установил причину эволюции.

— И в чем же она заключается? — воскликнул Даттон.

— В том, в чем и предполагали некоторые биологи. В космических лучах.

— В космических лучах, — повторил я. — Вибрации из космоса, открытые Миллиганом?

— Да, космические лучи, ультракоротковолновое излучение, обладающее самой мощной пронизывающей вибрационной силой. Известно, что лучи приходят к Земле из далекого космоса. Давно предполагалось, что они оказывают огромное влияние на все формы жизни на Земле. И я доказал, что они действительно имеют значение, оказывая прямое воздействие на то, что мы с вами называем эволюцией. Эти лучи, пронизывая все живое, вызывают изменения в структуре организма, которые мы именуем мутацией. Эти изменения происходят очень медленно, но именно благодаря им за миллионы лет жизнь на Земле развилась от протоплазмы до человека и продолжает развиваться.

— Бог мой, ты это серьезно, Поллард? — воскликнул Даттон.

— Я настолько серьезен, что сегодня вечером готов рискнуть своей жизнью, чтобы подтвердить правоту своего открытия, — спокойно ответил Поллард.

Мы были ошарашены.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что в космических лучах я нашел причину эволюции, то есть ответ на первый вопрос. А сегодня ночью с их помощью я собираюсь ответить на второй и выяснить, что будет представлять из себя эволюция человека в будущем.

— Но как это возможно...

Поллард перебил:

— Вполне возможно. За последние несколько месяцев мне удалось сделать то, что не снилось ни одному физiku в мире. Я сконцентрировал космические лучи, при этом снизив до нуля их смертоносный эффект. Вы же видели цилиндр в моей лаборатории. Этот цилиндр собирает космические лучи, попадающие на землю, и рефлектором направляет их в центр кубической камеры.

Теперь предположим, что поток лучей в миллион раз сильнее, чем в естественных условиях, пронзает тело чело-

века, стоящего внутри куба. Что станет с человеком, который попадет под этот интенсивный поток? Он будет эволюционировать в миллион раз быстрее, чем в обычных условиях. За несколько часов или минут он пройдет через мутации, на которые человечеству понадобятся миллионы лет.

— И ты предполагаешь провести этот эксперимент? — воскликнул я.

— Да, предполагаю провести его на себе, — гордо произнес Поллард. — И узнать на собственной шкуре, какие эволюционные изменения ожидают человека в будущем.

— Но это безумие, — воскликнул Даттон.

Поллард усмехнулся.

— Это вызов. Никогда еще не было предпринято попытки вступить в борьбу с силами природы. Но теперь этот вызов брошен.

— Но Даттон прав, — воскликнул я. — Поллард, ты работал здесь один так долго, что, возможно, это повлияло на твой рассудок.

— Вы пытаетесь сказать мне, что я немножко сошел с ума? — спросил Поллард. — Нет, я здоров и вполне осознаю то, что собираюсь сделать.

Выражение его лица изменилось, глаза горели.

— Неужели вы двое не понимаете, что это может значить для всего человечества? Возможно, люди будущего будут относиться к нам так, как мы сейчас относимся к обезьянам. Если мы используем мой метод и проведем человечество через миллионы лет эволюции одним прыжком, это ли не прекрасно?

Мои мысли путались.

— Боже правый, вся эта идея безумна от начала до конца, — протестовал я. — Ускорить эволюцию человеческой расы? Это что-то из области запретного.

— Это из области великого, — ответил он. — И я знаю, что это можно сделать. Но кто-то должен быть первым, должен пройти шаг за шагом по пути развития человека, чтобы узнать, какая стадия эволюции самая выгодная для него. Я знаю, такая стадия есть.

— И ты нас просишь принять в этом участие?

— Да, я войду в сконструированную мной кубическую камеру и позволю концентрированным лучам провести меня по дороге эволюции. Но мне нужен кто-то, кто бы включал и отключал лучи в нужные моменты.

— Это невероятно, — воскликнул Даттон. — Если все это шутка, то она слишком далеко зашла.

Вместо ответа Поллард поднялся.

— Сейчас мы пойдем в лабораторию, — спокойно сказал он. — Я горю желанием поскорее начать эксперимент.

Я не помню, как мы добрались до лаборатории. В голове у меня все перепуталось. Только когда мы оказались у огромного куба, я начал осознавать реальность происходящего.

Поллард вошел в комнату с электростанцией. Пока мы с Даттоном в замешательстве смотрели на куб и цилиндр, на колбы и реторты с кислотами и все это странное оборудование вокруг нас, мы слышали жужжание генераторов. Поллард подошел к панели возле цилиндра и повернул один из выключателей. Раздался треск, и цилиндр засиял ослепительно белым светом.

Поллард указал на белый кварцевый диск в потолке куба, из которого исходил мощный поток ярких лучей.

— Сейчас цилиндр собирает космические лучи, — сказал он, — и эти лучи проходят через диск внутрь куба. Чтобы прервать пучок лучей, нужно всего лишь разомкнуть цепь.

Он показал нам, как это сделать.

Пока мы наблюдали за установкой, он быстро переоделся в спортивный костюм для бега.

— Это для того, чтобы было удобнее наблюдать за изменениями своего тела, — объяснил он. — Теперь я встану в куб, а вы на пятнадцать минут включите лучи. В грубом приближении это составит период в пятьдесят миллионов лет эволюции. Через пятнадцать минут вы разомкнете цепь и увидите, какие изменения произошли со мной. Затем мы возобновим процесс и будем продолжать такими же отрезками по пятьдесят миллионов лет.

— И когда же все это прекратится? — спросил Даттон.

Поллард пожал плечами.

— Когда прекратится сама эволюция, то есть когда лучи прекратят действовать на меня. Вы ведь знаете, как биологов всего мира интересует, какой будет последняя мутация человека. Сегодня мы это увидим.

Он было направился к кубу. Затем остановился. Вернулся к столу и достал из него запечатанный конверт, который передал мне.

— Это на случай, — сказал он, — если со мной произойдет нечто непредвиденное. В нем подписанное мной свидетельство, что вы не несете никакой ответственности за этот эксперимент.

— Поллард, оставь эту затею, — закричал я, цепляясь за его руку. — Еще не поздно. Все, что ты задумал, просто отвратительно.

— Боюсь, уже слишком поздно, — с усмешкой произнес он. — Если я отступлю сейчас, то уже никогда не смогу встретить свой собственный взгляд в зеркале. Мне будет стыдно. Ни один исследователь до меня никогда не был так одержим идеей пройти по дороге будущей человеческой эволюции.

Поллард вошел в кубическую камеру и встал прямо под диском. Он махнул нам, и я автоматически закрыл дверь и поднял рычаг в положение «включено».

Цилиндр наполнился ослепительно белым светом. И когда лучи из диска начали падать на Полларда, мы увидели, что все его тело начали сотрясать судороги, словно от ударов невиданной по мощности силы. Мы с трудом различали контуры его фигуры, окутанной белым светом. Я знал, что сами космические лучи были невидимыми, но Полларду удалось каким-то образом трансформировать их.

С замиранием сердца мы с Даттоном смотрели внутрь кубической камеры, едва различая очертания тела Полларда. В одной руке я держал часы, другая лежала на рычаге. Пятнадцать минут тянулись, словно пятнадцать столетий. В комнате зависла гробовая тишина, которую нарушало лишь жужжание генераторов и цилиндра, собирающего космические лучи.

Наконец-то минутная стрелка показала четверть часа, и я разомкнул цепь. Свет внутри цилиндра погас. У нас обоих вырвался крик.

Внутри цилиндра стоял Поллард, все еще дрожа. Но это был уже не тот самый Поллард, который вошел в цилиндр пятнадцать минут назад. Он превратился в божество. Его тело излучало великолепную физическую силу и красоту. Он стал на несколько дюймов выше и шире в плечах. Его кожа приобрела нежно-розовый цвет. Под тканью спортивного костюма выделялся каждый мускул, словно вылепленный великим скульптором.

Его лицо также изменилось. Исчезло выражение беспечного добродушия, которое заменило выражение безграничного интеллекта и энергии, светившееся в его ясных карих глазах. Я, помню, подумал, что перед нами не Поллард, а существо, настолько превосходящее нас, насколько мы превосходим троглодитов.

Он вышел из куба. До наших ушей донесся голос ясный и чистый, как звук колокола. Это звучал голос триумфатора.

— Вы видите! — воскликнул он. — Все получилось, как я и ожидал. Я обогнал все человечество на пятьдесят миллионов лет.

— Поллард, — я мог с трудом произносить слова. — Это ужасно, это...

Его глаза ослепительно сверкнули.

— Ужасно? Это прекрасно. Вы что, не понимаете, кто я теперь? Вот такое тело будет у всех людей через пятьдесят миллионов лет.

Он показал рукой вокруг.

— Вся эта лаборатория и вся моя предыдущая работа теперь кажутся мне детскими играми. Проблемы, над которыми я трудился годами, я теперь способен решать за несколько минут. Сейчас я могу сделать для человечества больше, чем все живущие на Земле люди, вместе взятые.

— Значит, ты остановишься на этой стадии? — радостно воскликнул Даттон. — Ты не пойдешь дальше?

— Конечно же, пойду. Если за пятьдесят миллионов лет

эволюции человек так сильно изменился, что же будет с ним через сто, двести миллионов лет? Я собираюсь это выяснить.

Я изо всех сил вцепился в его руку.

— Поллард, послушай меня. Твой эксперимент удался. Стали реальностью твои самые несбыточные мечты. Теперь остановись. Подумай, что может произойти. О Боже. Я знаю твои амбиции. Ты хочешь стать величайшим благодетелем человечества. Но ты и так им станешь, остановившись сейчас. Ты можешь быть живым доказательством того, что станет с человечеством через пятьдесят миллионов лет. И с таким примером перед глазами все захотят стать такими же, как и ты.

Он с легкостью освободился от моего захвата.

— Нет, Артур. Я прошел лишь часть пути. И я пойду дальше.

Он вновь вошел в куб, а мы с Даттоном, разинув рты, беспомощно смотрели друг на друга. Происходящее вокруг казалось каким-то кошмарным сном; лаборатория, кубическая камера, цилиндр, богоподобная фигура в нем, которая принадлежала Полларду или уже не Полларду.

— Включите излучение еще на пятнадцать минут, — скомандовал он. — Увидим, что будет через сто миллионов лет.

Его голос и взгляд были повелительными. Я взглянул на часы и поднял рычаг. Вновь цилиндр озарился ярким светом, вновь словно разряд тока прошел по телу Полларда.

Со все нарастающим нетерпением мы с Даттоном ожидали, когда истекнут эти минуты. Поллард стоял в лучах света, который скрывал его от наших глаз. Что же он скрывал? Будет ли он изменяться дальше? Может быть, он превратится в какого-то гиганта? Или останется прежним, так как уже достиг наивысшей стадии человеческого развития?

Когда время истекло, я резким движением разомкнул цепь. И в этот момент мы с Даттоном пережили шок. Поллард изменился вновь. Но теперь произошедшая с ним метаморфоза не была похожа на первое чудесное перевоплощение. Исчезли совершенная фигура и прекрасное лицо. Вместо этого его тело стало худым и сморщенным, через се-

рого цвета кожу выпирали кости. Оно потеряло не только вес, но и рост, что компенсировалось за счет размеров головы.

Эта голова, которую поддерживала слабая тонкая шейка, казалась похожей на громадный восемнадцатифутовый шар, практически лишенный растительности. Но она торжественно возвышалась над хилыми плечами. Его лицо также сильно изменилось. Глаза стали больше, а рот и уши — меньше. Теперь казалось, что лицо состояло из одного лба.

Неужели это был Поллард? До наших ушей донесся его слабый тоненький голосок:

— Вы удивлены? Вы видите перед собой человека, опередившего вас в развитии на сто миллионов лет. На меня вы сейчас производите такое же впечатление, как на вас дикие волосатые пещерные люди.

— Но, Поллард, это чудовищно, — воскликнул Даттон. — Это перевоплощение ужаснее предыдущего. Если бы ты только остановился на первой стадии.

Глаза сморщенной головастой фигуры в кубе загорелись гневом.

— Остановиться на первой стадии? Теперь я рад, что не остановился. Человек, которым я был пятнадцать минут назад, вернее пятьдесят миллионов лет назад... теперь мне кажется полуживотным. Что представляло из себя его огромное звероподобное тело по сравнению с моим нынешним мозгом!

— Ты так говоришь, потому что на этой стадии теряешь все человеческие чувства и эмоции, — взорвался Даттон. — Ты понимаешь, что ты делаешь? Ты теряешь все человеческое.

— Я прекрасно понимаю это, — фыркнуло существо, которое было когда-то Поллардом. — И не вижу в этом ничего ужасного. Это означает лишь то, что через сто миллионов лет у человека будет доминировать интеллект, и его совершенно не будет интересовать физическая оболочка, в которую заключен мозг. Вам, двум отсталым существам, это кажется чудовищным, но для меня это естественно. Включайте опять лучи.

— Не делай этого, Арт, — крикнул Даттон. — Это безумие зашло слишком далеко.

Холодные глаза Полларда наблюдали за нами с презрением.

— Вы включите лучи, — приказал его писклявый голос. — Если нет, то я в течение секунды уничтожу вас и буду продолжать сам.

— Ты убьешь нас, — не веря своим ушам, промолвил я, — нас, твоих лучших друзей?

Его узкий рот, казалось, изогнулся в кривой усмешке.

— Друзей? Я на миллион лет перерос такую нелепую эмоцию, как дружба. Единственная эмоция, которую вы у меня вызываете, это презрение. Включайте лучи.

Его глаза вспыхнули каким-то странным огнем и, словно поддавшись непреодолимой внутренней силе, я поднял рычаг. Вновь поток ярких лучей скрытал его от наших глаз.

Я не могу ничего сказать, какими были наши мысли в последующие пятнадцать минут, так как нас обоих переполнял ужас, не дававший мыслить спокойно. Однако я никогда не забуду того момента, когда установленное время истекло и я разомкнул цепь.

Эволюция продолжалась. Поллард, я не могу уже называть его этим именем, стоял в цилиндре. Его вид поразил нас.

Он превратился в громадную голову. Огромную лысую голову в ярд в диаметре, которую поддерживали хрупкие ножки, а над головой торчали маленькие отростки-ручки. Глаза стали еще огромнее, как блюдца, а вместо ушей, носа и рта остались маленькие дырочки.

Когда он выбрался из куба на своих смешных ножках-палочках, мы с Даттоном в ужасе отшатнулись. Существо заговорило. В его еле слышном голосе звучала гордость.

— Вы хотели удержать меня. Теперь-то вы видите, чем я стал? Для подобных вам, без сомнения, я кажусь ужасным. Но мне вы кажетесь червями.

— Бог мой, Поллард, ты превратился в чудовище, — эти слова невольно вырвались у меня.

Его огромная голова повернулась в мою сторону.

— Ты называешь меня Поллардом? Но я уже больше не тот Поллард, которого вы знали, который когда-то вошел в этот цилиндр. Все человечество, подобное вам, узнает силу того, кто превосходит его в развитии на сто пятьдесят миллионов лет.

— Что ты хочешь этим сказать? — воскликнул Даттон.

— Я хочу сказать, что с таким колоссальным мозгом я покорю без труда эту населенную жалкими людишками планету и превращу ее в свою лабораторию, в которой буду проводить эксперименты над людьми, как над кроликами.

— Но, Поллард, вспомни, зачем ты все это затеял! — крикнул я. — Пойти вперед и проложить дорогу будущей эволюции человека, чтобы принести пользу всему человечеству, а не поработать его.

Огромные глаза на безобразной голове не изменились.

— Да, я помню, что у существа по имени Поллард, которым я был до сегодняшней ночи, имелись такие глупые амбиции. Сейчас я бы просто рассмеялся, если бы был способен на подобные эмоции. Благо человечества. А вы, люди, думаете о благе животных, которых покорили? Вот и я больше не думаю о благе людей.

Неужели вы, двое, не понимаете, как далеко я ушел от вас? Так же далеко, как вы от мамонтов. Посмотрите на это...

Он вскарабкался на кресло перед одним из лабораторных столов и начал возиться с ретортами и пробирками. Затем быстро смешал несколько компонентов.

Раздался взрыв, и в воздух взлетело зеленое облако дыма. Затем огромная голова, я не могу называть его иначе, перевернула колбу. На стол упал кусок сияющего металла. У нас просто перехватило дыхание. Это был слиток чистого золота, созданный за минуту путем смешивания компонентов.

— Вы видите, — спросила гротескная фигура, — что означает трансформация элементов для мозга, подобного моему. Вы, двое, уже не в состоянии понять уровень моего интеллекта. Если бы я захотел, я мог бы уничтожить всю жизнь на этой планете одним усилием мысли. Я мог бы создать телескоп, позволяющий мне заглянуть на планеты самых да-

леких галактик. Я способен при помощи мысли вступить в контакт с другими цивилизациями, даже не выходя из этой комнаты. И вы все еще считаете, что такой правитель не нужен вашему миру? Но я не буду править вами, я буду владеть вами, как владеют зверинцем.

— Ты не можешь, — воскликнул я. — Поллард, если в тебе осталось хоть что-то от Полларда, оставь эту мысль. Мы убьем тебя собственными руками, прежде чем позволим осуществиться твоим чудовищным планам.

— Да, Боже, да! — кричал Даттон. Его лицо нервно подергивалось.

В отчаянии мы рванулись к этой огромной голове, но внезапно замерли на месте, встретившись с ней взглядом. Я почувствовал, что мы с Даттоном, словно два автомата, начали отступать назад.

— Вы хотите убить меня? — спросила голова, которая когда-то была Поллардом. — Я мог бы без слов заставить вас убить друг друга. И вы бы сделали это не задумываясь. Что может ваш примитивный мозг против моего? Что могут все силы людей сделать мне, если лишь один мой взгляд превращает вас в марионеток, послушных моей воле?

Внезапно в моем мозгу пронеслась отчаянная мысль, вселившая в меня надежду.

— Поллард, подожди, — воскликнул я, — ты же соби-
рался продолжить эксперимент. Если ты остановишься сей-
час, то так никогда и не узнаешь, какие перевоплощения
ждут тебя впереди.

Казалось, он размышлял.

— Это так, — наконец согласился он, — и хотя мне ка-
жется, что я вряд ли смогу достичь более высокого уровня,
я все же хочу убедиться в этом.

— Тогда тебе вновь придется встать под лучи еще на
пятнадцать минут? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Но сразу хочу предупредить
вас, что даже изнутри цилиндра я смогу читать ваши мысли
и убью вас обоих прежде, чем вы сумеете навредить мне.

Он вновь вошел в кубическую камеру. Мы с Даттоном

подошли к выключателям. Несколько секунд мы смотрели на огромную голову перед нами, прежде чем белые лучи спрятали ее от нас.

В этот раз казалось, что минуты тянулись еще медленнее. Словно прошло несколько часов, прежде чем я разомкнул цепь.

В первый момент нам показалось, что огромная голова внутри цилиндра не изменилась. Но затем мы увидели, что это было не так. Вместо покрытой кожей головы с рудиментами рук и ног нашему взору предстала головообразная форма еще более огромных размеров, которую поддерживали два серых мускулистых щупальца. Она была вся сморщена и скукожена. Единственными чертами лица, если то, что предстало нашим глазам, можно назвать лицом, оставались два глаза, такие же маленькие, как и у нас.

— Боже мой, — простонал Даттон. — Из головы он трансформируется в мозг. Он полностью теряет человеческую внешность.

В наших головах раздалась мысль, которую послало это головообразное существо.

— Вы правильно догадались. Даже мое бывшее тело с огромной головой исчезло. Все атрофируется, кроме мозга. Я становлюсь ходячим, зрячим мозгом. Так, как я выгляжу сейчас, будет выглядеть все человечество через двести миллионов лет.

Казалось, он читал наши мысли.

— Вы не должны бояться. Того существа, каким я был на предыдущей стадии и которое угрожало вам, больше нет. Мой мозг значительно вырос. Я больше не хочу править людьми и вашей маленькой планетой.

Мой мозг ушел от вас в своем развитии еще на пятьдесят миллионов лет и обладает теперь такой силой и знаниями, которых я не мог и представить на той, предыдущей, стадии и которую не можете представить вы.

— Боже правый, Поллард, — воскликнул я. — Во что ты превратился?

— Поллард? — Даттон истерически захихикал. — Ты на-

зываете это существо Поллардом? С Поллардом мы обедали три часа назад. Тогда он был человеком, а не этим монстром.

— Я стал тем, чем со временем станет все человечество, — раздался у меня в мозгу ответ существа. — Я уже и так далеко зашел по дороге человеческой эволюции и собираюсь пойти еще дальше до конца. Я хочу познать последнюю мутацию. Включайте лучи, я чувствую, что приближаюсь к последней стадии.

Я вновь дернул вверх переключатель, и вновь сильный поток ярких белых лучей скрыл от нас существо, бывшее когда-то Поллардом. Я чувствовал, что схожу с ума от напряжения и ужаса последнего часа. Даттон все еще бился в истерике.

В проходящих минутах жужжание и треск этой адской машины отдавались в моих ушах подобно грому. Уже на грани нервного срыва я опустил рычаг. Лучи погасли, вновь открыв нашему взору существо внутри цилиндра.

Даттон начал истерически смеяться. Внезапно его смех перерос в рыдание. Не знаю, может быть, и я издавал подобные звуки, так как в тот момент я с трудом осознавал происходящее.

В кубической камере находился огромный мозг. Но на что он походил? На полу лежала серая мягкая масса размером в четыре фута. Она то и дело вздрагивала от прорезавших ее бесчисленных конвульсий. У этой серой массы-мозга не оказалось никаких конечностей. Это был просто гигантский сгусток, который мой разум должен был бы все же называть мозгом.

Его мысль раздалась в наших обезумевших от страха головах.

— Теперь вы видите, что я стал только великим мозгом, каким в будущем станут все люди. Да, вы могли предположить и я тоже мог, когда был подобным вам, что именно таким и будет путь человеческой эволюции, что будет развиваться только мозг, а тело, которое станет ненужной ношей, атрофируется. Человек превратится в один гигантский мозг.

У меня не осталось никаких других органов, никаких

других чувств, и все же я лучше вас осознаю Вселенную. Я знаю о существовании таких вещей, о которых вы даже не подозреваете. Я могу питаться чистой энергией, не прибегая к помощи неуклюжего тела, могу трансформировать ее. Я способен двигаться и действовать, несмотря на отсутствие конечностей посредством сил, не подвластных вашему пониманию.

Если вы все еще боитесь моих угроз, то забудьте о них. Теперь я превратился в чистый мозг и поэтому не испытываю никаких эмоций: ни любви, ни дружбы, ни амбиций, ни гордыни. Единственная эмоция, сохранившаяся у меня, если ее можно так назвать, это научное любопытство, стремление к познанию, горящее в каждом человеке, как только он взял в руки палку. Это будет единственным желанием, которое останется у человека.

— Мозг, гигантский мозг, — бормотал Даттон в замешательстве. — Здесь, в лаборатории Полларда. Но где же сам Поллард? Он же был здесь.

— Значит, со временем все люди станут такими? — воскликнул я.

— Да, — прозвучал ответ у меня в голове. — Через двести пятьдесят миллионов лет человечество, каким вы его знаете сегодня, прекратит свое существование. Пройдя через все стадии, через которые прошел я сегодня вечером, человеческая раса разовьется в гигантский мозг, который заселит не только Солнечную систему, но и другие миры.

— Так вот каков конец дороги человеческой эволюции?

— Нет, я думаю, что из этого гигантского мозга он разовьется еще в более высокую форму, — ответил мозг. Мозг, который еще три часа назад был Поллардом. — Сейчас я собираюсь выяснить, какой будет эта высшая форма. Я думаю, что это будет самая последняя мутация, вместе с которой я достигну конца человеческой эволюции, последняя и высшая форма, в которую мы все разовьемся. Включайте опять лучи, — скомандовал мозг, — и через пятнадцать минут мы узнаем, какова будет она.

Моя рука легла на переключатель, но Даттон, вцепив-

шись в меня железной хваткой, пытался оторвать меня от пульта управления.

— Нет, Арт, — громко кричал он. — Мы уже достаточно пострадали. Давай не будем смотреть на ужасный конец. Бежим отсюда.

— Я не могу, — воскликнул я. — Я хочу увидеть результат, я должен его увидеть!

— Включайте лучи, — приказал мозг.

— Конец пути, последняя мутация, — бормотал я. — Мы должны увидеть, должны.

Я повернул выключатель. Из рефлектора вновь хлынули лучи, спрятав от нас огромный мозг. Глаза Даттона безумно застыли в одной точке. Он просто повис на моей руке.

Минуты шли. Каждый удар часов отдавался колоколом в моей голове. Я не мог пошевелиться. Стрелка приближалась к роковой отметке. Когда она достигла ее, я внезапно вырвался из оцепенения и в порыве нахлынувшей на меня силы дернул рычаг и рванулся к цилиндру.

Огромный серый мозг исчез. Вместо него на полу лежала бесформенная масса прозрачного желеобразного вещества. Она не шевелилась. Я протянул трясущуюся руку и, открыв дверцу кубической камеры, дотронулся до нее. Из моего горла вырвался душераздирающий крик. Это был крик мученика ада, который не способен издать ни один человек.

Масса внутри цилиндра оказалась простейшей протоплазмой. Так вот каков конец эволюции, высшая форма человеческого развития, последняя мутация! Дорога человеческой эволюции оказалась спиралеобразной, вернувшись к своим первоисточкам. На поверхности Земли появились первые простейшие организмы, затем морские, земноводные, млекопитающие и человек. И человек, пройдя в будущем через все формы, которые мы видели сегодня ночью: сверхсущество, бестелесная голова, гигантский мозг, — вновь превратится в протоплазму, из которой возник.

Теперь я точно не могу сказать, что потом произошло. Я помню, что рванулся к этой гротескной массе, отчаянно выкрикивая имя Полларда и еще что-то, чего сейчас не могу

вспомнить. Я помню только то, что Даттон тоже что-то кричал, перемежая крики припадками безумного смеха. Словно умалишенный, он носился в приступе ярости по лаборатории. И тут я услышал звук разбивающегося стекла и шипение вырвавшихся на свободу газов. Затем вспыхнуло яркое пламя, охватившее своими языками все вокруг.

Наверное, я тоже лишился бы рассудка, не начнись пожар. Придя в себя, я потащил безумно хохочущего Даттона к двери и выволок его на улицу. Я помню, как мы упали на прохладную и мокрую от утренней росы траву. Помню, как взвились в небо языки пламени, охватившие дом Полларда. В тот момент я взглянул в лицо Даттона, извивающегося в безумном хохоте, и понял, что теперь ему суждено смеяться так всю оставшуюся жизнь.

Так заканчивается мое повествование об ужасной судьбе доктора Полларда. Как я сказал в самом начале, теперь только я остаюсь единственным свидетелем происшедшего, так как из Даттона с тех пор нельзя вытянуть ни одного разумного слова. В больнице, где он сейчас находится, считают, что его состояние — это результат шока, полученного во время пожара, в котором погиб Поллард.

Я рассказал эту историю с единственной целью, чтобы разделить с людьми переполюющий мою душу ужас и избавиться от глубокой депрессии. Я снова и снова вспоминаю события, произошедшие в ту ночь в доме Полларда. Своими собственными глазами я наблюдал за процессом человеческой эволюции, за этим бессмысленным прыжком от простейшей протоплазмы через мириады форм бесконечной боли и борьбы, результатом которого стало возвращение к самому началу.

Будет ли этот цикл эволюции повторяться снова и снова в нашем и других мирах бесконечно и так бессмысленно? Является ли этот колоссальный цикл неизбежным и необходимым так же, как и цикл развития Вселенной, создающей из туманностей мириады солнц, из солнц — черные дыры, а из них вновь туманности?

Или же это еще не конец? Возможно, есть еще какая-то

форма, которую мы не способны воспринять? Не знаю, что из этого правда. Но если правда то, что я видел своими глазами в ту ночь в доме Полларда, то она будет преследовать меня как кошмарный сон до конца жизни. И если мир поверит в мою историю, то, думаю, уже никто не сможет после этого спокойно уснуть. Но я буду молить Бога, чтобы в нее никто не поверил.

ОСТРОВ БЕЗРАССУДСТВА

ГЛАВА 1

Управляющий городом N 72 в североамериканском шестнадцатом секторе вопросительно посмотрел из-за своего широкого стола на Помощника.

— Следующее дело: Аллан Манн, личный номер 2473R6, — доложил Помощник. — Он обвиняется в нарушении законов логики.

— Арестованный доставлен? — спросил Управляющий, и когда его подчиненный кивнул, добавил: — Введите!

Первый Помощник вышел и сразу же вернулся в сопровождении арестованного и двух охранников. Аллан Манн оказался молодым человеком, одетым в униформу: белые шорты и белую майку без рукавов. Голубой квадрат на плече указывал на его принадлежность к отделу механики.

Он неуверенно оглядел большой офис, скользнул взглядом по пультам вычислительных и прогнозирующих машин, по телеэкранам визуального контроля, на которых можно было увидеть города половины мира, по широким окнам, за которыми раскинулись гигантские кубы зданий города № 72.

Управляющий зачитал бумагу, лежащую перед ним на столе:

— Аллан Манн, личный номер 2473R6 был задержан два дня назад по обвинению в нарушении логики.

Обвинение гласит, что Аллан Манн, в течение двух лет

работавший над созданием атомного двигателя нового типа, отказался передать свою работу Майклу Рассу, личный номер 1877R6, когда ему приказал руководитель. Он не смог дать разумного объяснения своему поступку, заявив только, что разрабатывал двигатель в течение двух лет и хотел бы завершить работу сам. Поскольку налицо нарушение логики в поступке обвиняемого, были вызваны соответствующие органы.

Управляющий взглянул на арестованного.

— Что вы можете сказать в свою защиту, Аллан Манн?

Молодой человек покраснел.

— Ничего, сэр. Я хочу сказать, что теперь понимаю, как я был не прав.

— Почему вы не подчинились приказу своего руководителя? Разве он не сказал вам, что Майкл Расс лучше подходит для окончания работы над новым двигателем?

— Конечно, сказал. Но я так долго работал над ним, что очень хотел закончить сам, хотя и понимал, что это займет больше времени... Но теперь я осознаю, что вел себя безрассудно.

Управляющий отложил документ в сторону и наклонился вперед.

— Вы правы, Аллан Манн, это было безрассудно с вашей стороны. Ваш проступок явился типичным нарушением логики или, если угодно, здравого смысла, что является подрывом всех основ нашего мира, всей нашей жизни.

Он поднял тонкий палец в выразительном жесте.

— Что, по-вашему, Аллан Манн, создало наш сегодняшний мир и объединило массу воюющих государств? В прошлые века безрассудства на этом месте находился город под названием Нью-Йорк, в котором жители боролись друг с другом со слепой яростью, не пытаясь сотрудничать, и только напрасно расходовали силы и ресурсы.

Все это изменил здравый смысл. Старые эмоции, которые переполняли человеческие умы, были преодолены, и теперь мы прислушиваемся только к точной логике здравого смысла. Здравый смысл вывел нас из состояния варварства, в котором мы пребывали до XX века. Поэтому нарушение

логики стало самым серьезным преступлением в нашем разумном мире, так как это преступление направлено против нашего порядка.

Под напором неотразимых аргументов Управляющего Аллан Манн совсем сник.

— Я понимаю это, — сказал он, — и надеюсь, что нарушение мной здравого смысла будет рассматриваться как временное помутнение сознания.

— Именно так я это и воспринимаю, — произнес Управляющий. — Я думаю, что сейчас вы уже понимаете нелогичность своего поведения. Но, — продолжил он, — осознание вами вашего неправильного поступка не оправдывает вас. Если вы совершили нарушение здравого смысла, то, согласно закону, должны будете пройти курс перевоспитания.

— А каков этот курс? — спросил Аллан Манн.

— Вы не первый, Аллан Манн, кто совершает такой проступок. В прошлом некоторых людей уже охватывали подобные порочные эмоции. Но таких становится все меньше.

Уже давно мы разработали план по перевоспитанию безрассудных, как мы их называем. Конечно же, мы их не наказываем, так как наказание само по себе является нарушением здравого смысла. Но мы стараемся излечить их. Мы посылаем их на так называемый Остров Безрассудства.

Это маленький остров в нескольких сотнях миль от побережья. Туда доставляют всех нарушителей законов логики. Там, где живут безрассудные, нет никакого государственного устройства, нет никаких удобств, к которым привыкли мы. Они живут в примитивном мире.

Если они сражаются друг с другом, мы не обращаем на это внимания. Если они крадут друг у друга, нам тоже нет до этого никакого дела. Живя таким образом в обществе, в котором отсутствуют здравый смысл и логика, они скоро понимают, к чему это может привести. Понимают и больше никогда не забывают, а когда заканчивается их срок, то, вернувшись домой, они бывают только рады провести остаток своей жизни в разумном мире. Правда, некоторые, самые безнадежные, остаются там навсегда.

Согласно закону, все нарушители законов логики долж-

ны пройти перевоспитание на этом острове. И поэтому я отправляю вас туда.

— На Остров Безрассудства? — произнес Аллан Манн, побелев. — Но на какой срок?

— Мы никогда не сообщаем нарушителям сроки их ссылки. Мы хотим, чтобы они знали: впереди у них вся жизнь. Благодаря этому урок лучше усваивается. Когда срок вашей ссылки истечет, сторожевой флайер, что доставит вас туда, заберет вас обратно.

Управляющий встал.

— У вас есть возражение против приговора?

Аллан Манн некоторое время молчал, затем тихим голосом произнес:

— Нет, сэр, вполне разумно, что я должен буду пройти перевоспитание, согласно закону.

Управляющий улыбнулся.

— Я рад, что вы уже начинаете исправляться. Когда истечет ваш срок, я надеюсь увидеть вас абсолютно излечившимся.

Сторожевой флайер, подобно торпедо, рассекал воздух над седыми волнами. Уже давно земля исчезла из поля зрения, и теперь повсюду от горизонта до горизонта простирался только безбрежный океан.

Аллан Манн в состоянии душевного упадка постоянно смотрел в окно. Выросший в большом городе, подобно всем остальным людям цивилизованного мира, он питал врожденную неприязнь к одиночеству. Он пытался вступить в разговор с двумя охранниками — единственными, не считая его и пилота, пассажирами флайера. Однако вскоре убедился, что они с неохотой беседуют с безрассудными.

— Ты скоро увидишь остров, — сказал один из охранников в ответ на его вопрос.

— Где вы меня посадите? — спросил Аллан Манн. — Там есть какой-нибудь город?

— Город на Острове Безрассудства? — охранник отрицательно покачал головой. — Нет, конечно. Эти безрассуд-

ные не могут сотрудничать друг с другом достаточно долго, чтобы построить город.

— Но там же должно быть какое-то место, чтобы жить?

— Ничего, кроме того, что ты сам найдешь для себя. Некоторые безрассудные образовали что-то вроде поселка, а некоторые ушли в лес и живут там дикой жизнью.

— Но даже им нужно где-то спать и что-то есть, — настаивал Аллан Манн, привыкший к тому, что государство обязано обеспечивать своих граждан всем необходимым.

— Они спят там, где смогут устроиться, — сказал охранник. — Они едят фрукты и ягоды. Убивают мелких животных и тоже съедают.

— Едят животных? — это было шоком для Аллана Манна, чей род насчитывал пятьдесят поколений вегетарианцев. Идея показалась настолько возмутительной, что он умолк и молчал всю оставшуюся дорогу. Наконец пилот бросил через плечо:

— По курсу — остров.

Аланн Манн подавленно смотрел вниз, пока флайер по спирали спускался к земле.

Остров оказался совсем небольшим, всего лишь скромный кусочек суши в безбрежном океане, похожий на спящего кита. Густые зеленые леса покрывали его низкие холмы и неглубокие овраги, спускаясь к песчаным берегам.

Но Аллану Манну он казался чудовищным, диким, запретным.

Он не мог не заметить поднимающийся в небо дымок над западной оконечностью острова. Но это свидетельство присутствия человека скорее беспокоило его, нежели приободрило. Этот дым шел от костров, возле которых люди, возможно, жарили и ели плоть еще недавно живых существ.

Флайер спустился ниже, пролетел вдоль берега и наконец сел, поднимая тучи песка.

— Выходи, — сказал охранник, открывая дверь.

Ступив на горячий песок, Аллан Манн мертвой хваткой вцепился в дверь флайера, которая в данный момент представляла для него последний зыбкий мост, связывающий с цивилизацией.

— Вы же вернетесь за мной, когда закончится мой срок? — кричал он. — Вы будете знать, где найти меня?

— Мы найдем тебя, если ты будешь на острове. Но не волнуйся об этом, может быть, у тебя пожизненное, — с усмешкой произнес охранник. — А если это не так, то мы заберем тебя, если, конечно, кто-нибудь из безрассудных не убьет тебя раньше.

— Убьет меня? — в ужасе произнес Аллан Манн. — Вы что, хотите сказать, что они убивают друг друга?

— Да, и делают это с большим удовольствием. Ты лучше побыстрее уходи с пляжа, пока тебя никто не видел. Помни, ты теперь не живешь в мире разумных людей!

Одновременно с треском захлопывающейся двери взревел мотор, и флайер взмыл в небо. Аллан Манн в замешательстве наблюдал, как тот набирает высоту, разворачивается и направляется на запад, в мир разумных людей, где идет тихая и спокойная жизнь. А на этом острове ему угрожали опасности.

Внезапно Аллан Манн понял, что, оставаясь на берегу на открытом пространстве, он повышает риск быть обнаруженным. Манн все еще не мог понять, зачем кому-то из безрассудных убивать его, но все равно боялся. Он побежал по песку в направлении леса.

Его ноги вязли в песке. Каждую секунду Манн ожидал увидеть разъяренные толпы безрассудных, внезапно появившихся на пляже. Он совсем забыл о том, что теперь и он сам был безрассудным. Манн чувствовал себя одиноким представителем цивилизации на этом диком острове.

Он добежал до леса и, обессиленный, упал возле куста, стараясь восстановить дыхание. Вокруг было очень тихо и пусто, и лишь золотистые лучи солнца пронзали полумрак густого леса. Аллан слышал пение птиц.

Он обдумал свое положение. Ему придется прожить на этом острове неизвестный период времени. Может быть, месяц, может быть, год, а может быть, несколько лет. Теперь он понял правдивость того факта, что незнание срока делает наказание более эффективным. Но, как сказал охранник, он может провести здесь всю свою оставшуюся жизнь!

Аллан пытался убедить себя в том, что его приговор не может быть суровым. Но не важно, как долго ему придется пробыть здесь, он должен выжить. И прежде всего ему нужно позаботиться об убежище и еде. Он решил, что сначала попытается найти какое-нибудь подходящее место, где будет себя чувствовать в безопасности от других безрассудных, построит шалаш, а затем постарается найти фрукты и ягоды, о которых упоминал охранник.

Аллан осторожно поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Лес казался тихим и мирным, но его воображение населяло его множеством опасностей. Из-за каждого куста за ним могли наблюдать враждебные глаза. Но, несмотря на это, ему нужно найти более безопасное место подальше от западной части острова, где он видел дым костров.

Не пройдя и нескольких шагов, он замер, услышав шум. Через кусты кто-то продирался. Его мозг еще не успел принять никакого разумного решения, когда в прогалине показалась фигура бегущей девушки, которая, увидев его, отпрянула.

Она была одета в короткую тунику. Ее волосы были коротко стрижены, а смуглая рука сжимала острое копьё.

Сделай он шаг в ее направлении, она бы несомненно вонзила в него копьё. Но Аллан стоял, замерев на месте. В конце концов девушка поняла, что он не представляет для нее никакой опасности, и ее взволнованный взгляд смягчился. Не сводя с него огромных глаз, девушка отступила к кустарнику. Вероятная возможность мгновенного бегства придала ей смелости.

— Ты новичок? — спросила она. — Я видела флайер.

— Новичок? — повторил Аллан.

— Ну, новичок на острове, — быстро сказала она. — Они тебя только что оставили, да?

Аллан кивнул. Его все еще слегка трясло.

— Да, они только что оставили меня. Я нарушил законы логики...

— Конечно, — перебила она его, — мы все здесь по этой причине. Эти динозавры, подручные управляющих, каждые несколько дней доставляют сюда кого-нибудь.

Аллан Манн опешил, услышав подобную ересь.

— А почему им не доставлять вас сюда? — настаивал он. — Это благородно — пытаться исправить безрассудных.

Ее карие глаза удивленно раскрылись.

— Ты говоришь не как безрассудный.

— Надеюсь. Я нарушил здравый смысл, и я сожалею об этом.

— Понятно, — произнесла она с разочарованием. — Как тебя зовут? Меня Лита.

— А меня Аллан Манн, личный номер... — но, не окончив, замолчал.

ГЛАВА 2 ПЕРВЫЕ БИТВЫ

Где-то в ветвях вскрикнула птица, и Лита насторожилась. Ее глаза вновь наполнились страхом.

— Нам лучше уйти отсюда, — быстро сказала она. — Скоро здесь будет Хара. Он преследует меня.

— Преследует тебя? — с холодом в груди Аллан припомнил предостережение охранника. — Кто такой Хара?

— Хара — босс этого острова. Он пожизненный. Его доставили несколько недель назад, но он уже успел победить самых сильных людей острова.

— Ты хочешь сказать, что вы деретесь здесь, чтобы доказать, кто лидер? — не веря своим ушам, спросил Аллан.

Лита кивнула.

— Конечно, это не цивилизованный мир, где твое положение зависит от ума.

— Он хочет убить тебя?

— Конечно, нет. Он хочет сделать меня своей женщиной, а я не хочу и никогда не захочу. — Ее карие глаза вспыхнули.

Аллану Манну казалось, что он попал в какой-то невероятный мир.

— Своей женщиной? — спросил он, нахмутив брови.

Лита с нетерпением кивнула.

— Понимаешь, здесь, на острове, нет Евгенистического Совета, чтобы выбрать пару, поэтому мужчины просто сражаются за женщин. Хара хочет меня, а я его нет. Сегодня он разозлился и сказал, что возьмет меня силой. Тогда я убежала из деревни. А когда он и несколько других бросились за мной... Слушай!

Лита замолчала. Из глубины леса доносились топот и хриплая перекличка голосов. Сквозь шум и треск долетали отдельные слова.

— Это они, — крикнула Лита. — Побежали!

— Но они не могут... — попытался что-то сказать Аллан, но в ту же минуту понял, что уже бежит вслед за девушкой.

Ветки и шипы цеплялись, оставляя царапины на теле. Лита бежала к центру острова, и Аллан изо всех сил старался не отставать от нее.

Хотя он и был в великолепной физической форме, но быстро понял, что убегать от опасности — совсем не то же самое, что заниматься бегом в спортивных залах города.

Его грудь болела, спина покрывалась холодным потом, когда он слышал позади себя грубые голоса.

Когда Лита и Аллан бежали, девушка постоянно оглядывалась назад. Ее загорелое лицо побледнело. Аллан не мог найти ни одной разумной причины, почему ему надо было ввязываться в неприятности этой незнакомой девушки. Но прежде чем он попытался что-нибудь придумать, на узкой полянке перед ним внезапно появился коренастый мужчина.

Победный вопль, словно рев носорога, потряс воздух. Мужчина был просто гигантом. Огненно-рыжие волосы покрывали его голую могучую грудь, руки и голову. Лита бросилась к Аллану, но жесткие пальцы вцепились в ее руку.

— Хара! — закричала она, пытаясь освободиться.

— Убегала, да? — прохрипел Хара.

Затем его взгляд упал на Аллана.

— С этой белолицей овцой? Посмотрим, достаточно ли он хорош, чтобы отобрать девушку у Хары. У тебя нет ни копыя, ни дубины. Тогда разберемся на кулаках.

Он бросил свое копье и дубину на землю и с поднятыми кулаками начал приближаться к Манну.

— Что вы имеете в виду? — удивленно произнес Аллан.

— Драку, конечно, — прогремел Хара. — Тебе нужна эта девушка, так отбери ее у меня!

Мысли быстро мелькали в голове Аллана. У него не было практически никаких шансов против этого громилы. И к тому же он не видел никакой разумной причины для применения насилия.

— Но мне она не нужна, — сказал он. — Я не хочу за нее драться.

Хара замер, ошарашенный. Аллан видел, что карие глаза девушки смотрели на него с удивлением.

— Не хочешь драться? Тогда беги!

Скривившись от презрения, Хара отвернулся и направился к девушке.

Как только он отвернулся, Аллан схватил его тяжелую дубину и ударил по могучей спине незнакомца. Хара рухнул на землю как подкошенный.

— Бежим, — крикнул он Лите. — Мы успеем далеко убежать, прежде чем он придет в себя.

Они рванулись в кусты. Когда за спиной уже не были слышны голоса, они остановились, чтобы отдышаться.

— Головой надо работать, — гордо произнес Аллан. — Хара не придет в себя раньше, чем через час.

Лита презрительно посмотрела на него.

— Это нечестная драка, — неожиданно сказала она.

Аллан Манн был ошарашен.

— Честная драка, — повторил он. — Но если ты хотела убежать от него, ты же не рассчитывала на то, что я смогу победить его голыми руками?

— Все равно это нечестно, — повторила она. — Ты ударил его в спину, как трус.

Если бы Аллан Манн не был цивилизованным человеком, он бы выругался.

— А что в этом плохого? — спросил он удивленно. —

С моей стороны, вполне разумно было использовать хитрость против его силы.

— На этом острове мало кто верит в здравый смысл, тебе бы следовало это знать. Но мы верим в честный бой.

— В таком случае, в следующий раз спасайся сама, — раздраженно произнес он. — Вы безрассудные...

Вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль.

— А ты за что попала на этот остров?

Лита улыбнулась.

— У меня пожизненное. Так же, как и у Хары, и у большинства других жителей деревни.

— Пожизненное? Что же ты такое натворила, чтобы быть сосланной на этот дикий остров?

— Ну, шесть месяцев назад Евгенистический Совет нашего города назначил мне мужа. А я от него отказалась. Совет обвинил меня в нарушении здравого смысла. Но я настаивала на своем отказе, и они сослали меня сюда.

— Не удивительно, — возмущенно произнес Аллан Манн. — Отказаться от мужа, назначенного Советом, — я никогда ничего подобного не слышал! Почему ты сделала это?

— Мне не нравилось, как он на меня смотрел, — сказала Лита таким тоном, словно эти ее слова все объясняли.

Аллан беспомощно покачал головой. Он никак не мог понять мыслительного процесса безрассудных.

— Нам лучше не задерживаться, а продолжать двигаться в глубь острова, — сказала Лита. — Скоро Хара придет в себя и очень на тебя разозлится.

При этой мысли Аллан похолодел. Видение огромного Хары, который словно тисками сжимает своими ручищами его горло, показалось ему чудовищным. Он стоял рядом с Литой и с опаской поглядывал по сторонам.

— Куда нужно идти? — шепотом спросил он.

Девушка кивнула в сторону центра острова.

— Там непроходимая чаща. Мы не должны приближаться к деревне.

Они побежали через лес. Лита впереди с копьём наготове. Через несколько минут бега Аллан присмотрел и подо-

брал тяжелую палку, которая вполне могла заменить дубину. Он неловко держал свое оружие.

Они продвигались в глубь леса. Для Аллана окружающий его мир казался странным. Раньше он видел леса только из окна флайера. Теперь сам попал в один из них. Птицы и насекомые, мелкие зверюшки в кустах — все это было новым для него. Несколько раз Лита одергивала его, когда он начинал слишком громко топтать. Девушка пробиралась по лесу бесшумно, словно кошка.

Наконец они взобрались на холм и прошли по его гребню. С холма Лита показала ему на запад, где виднелись кособокие хижины деревни. Аллан Манн увидел мужчин и женщин, несколько детей играли на солнцепеке. Его очень заинтересовала эта деревня. Но Лита повела его в сторону.

Теперь лес вокруг них был настолько густым, что Аллан наконец-то почувствовал себя в безопасности: Он уже достиг некоторого искусства в ходьбе. Но затем внезапно сбился с шага. У него из-под ног к ближайшему кусту метнулся кролик, ища в нем убежище. Лита с быстротой кошки метнула копые, и зверек упал.

Девушка подбежала и подняла его. Ее лицо светилось гордостью. Она сказала Аллану, что это будет их ужин. Аллан смотрел на нее, не веря своим ушам. Он испытывал такое же отвращение к ее поступку, как и их далекие предки к убийству. Но все же попытался ничем не выразить своих эмоций.

Достигнув небольшого овражка, Лита остановилась. Солнце садилось, и тьма уже опустилась на лес. Лита сказала ему, что они проведут здесь ночь. Она начала собирать ветки для двух шалашей.

Следуя ее указаниям, Аллан отламывал от деревьев ветки и укладывал их. Девушка несколько раз поправляла его, отчего он чувствовал себя ужасно неуклюжим. Когда они закончили, перед ними стояли два маленьких шалаша. Взглянув на эти жилища, сделанные практически из ничего, Аллан в первый раз почувствовал уважение к своей спутнице.

Он наблюдал, как она, достав из-за пояса камень и кусок стали, разводила огонь. Вскоре разгорелся костер. Он

был настолько маленьким, что можно было не опасаться, что кто-то заметит их издалека.

Затем Лита спокойно освежевала кролика. Аллан наблюдал за ней полными ужаса глазами. Когда она закончила, то нанизала куски мяса на импровизированный вертел и начала жарить его.

Девушка предложила ему самому зажарить небольшой кусочек розового мяса.

— Я не смогу это есть, — быстро сказал он.

Лита посмотрела на него с улыбкой.

— Со мной было то же самое, когда я только попала сюда. Все из нас через это проходят.

— Через поедание плоти животных? — спросил Аллан. — Я никогда не сделаю этого.

— Сделаешь, когда сильно проголодаешься, — сказала спокойно девушка, продолжая жарить свой кусок.

Аллан смотрел, как она ела поджаренное сочное мясо, и внезапно почувствовал, как сильно он голоден. Аллан ничего не ел с самого утра. Но эта пища совсем не походила на те блюда, которые подавались в Пищевом Распределителе.

Было уже слишком темно, чтобы пытаться найти ягоды. Аллан сел, наблюдая за девушкой. Запах жареного мяса, который поначалу вызывал у него отвращение, теперь уже не казался таким неприятным.

— Ну давай. Поешь, — сказала ему Лита, протягивая один из румяных кусочков. — Не важно, как плохо это выглядит, но вполне разумно будет поесть, чтобы восстановить силы, не так ли?

ГЛАВА 3 МИР ХАОСА

Аллан кивнул. Действительно, вполне разумно поесть, когда это необходимо.

— Не думаю, что смогу сделать это, — тем не менее сказал он, поедая глазами мясо.

Наконец Аллан решился и осторожно откусил кусочек. При мысли, что у него во рту находится плоть другого животного существа, его желудок откликнулся острым спазмом. Но с усилием он заставил себя эту плоть проглотить.

Мясо было горячим и не казалось неприятным. А вкусом не напоминало ничего из того, что он когда-либо пробовал в Пищевом Распределителе. Неуверенно Аллан потянулся за вторым куском.

Из-под полузакрытых ресниц Лита с улыбкой наблюдала за ним. А он поглощал кусок за куском. Его челюсти болели от непривычной пищи, но желудок испытывал полное удовлетворение. Аллан так и не смог остановиться, пока не доел всего кролика. И даже более того, он тщательно обсосал все косточки.

Затем он взглянул на Литу. Она загадочно улыбалась. Аллан покраснел и опустил глаза. Его пальцы покрылись слоем жира.

— Вполне разумно было доесть все до конца, раз уж мы начали, — сказал он, оправдываясь.

— Тебе понравилось? — спросила девушка.

— А какое отношение имеет вкус к питательной ценности пищи?

Лита рассмеялась. Они затушили огонь и направились в шалаши на ночлег. Лита держала свое копьё, а Аллан не расставался с дубиной.

Поначалу Аллан долго лежал в темноте своего шалаша. Ему было очень неудобно.

Он не мог не сравнивать это место со своей мягкой кроватью в городе № 72. Когда теперь он вернется туда? Когда?

Аллан сел, протирая глаза. Яркий солнечный свет пробивался через ветки. Он все-таки уснул на жестких ветках. И проспал всю ночь как убитый. Он выбрался наружу, разминая затекшие конечности.

Хотя солнце ярко светило, было еще только раннее утро. Второй шалаш оказался пустым. Литы нигде не было видно.

Аллан почувствовал внезапный приступ тревоги. Вдруг с ней что-нибудь случилось?

Он уже приготовился выкрикнуть ее имя, когда кусты раздвинулись, и из них появилась Лита. В ладошках она держала пригоршню красных ягод.

— Завтрак, — с улыбкой произнесла девушка.

Они поели.

— Что мы теперь будем делать? — спросил Аллан.

Лита нахмурилась.

— Я не осмелюсь вернуться в деревню, так как там может быть Хара. И ты теперь тоже не можешь пойти туда.

— А я и не хочу туда идти, — быстро запротестовал Аллан. У него не было никакого желания вновь встречаться с безрассудными, подобными Харе.

— Мы лучше продолжим двигаться в глубь острова, — сказала девушка. — Еще какое-то время нам стоит пожить в лесу.

Они отправились в путь. Девушка держала наготове копьё, а Аллан свою дубину.

Мышцы Аллана вскоре адаптировались к необычным нагрузкам, и он стал более ловким. Он даже начал получать удовольствие от бега по лесу.

Они не слышали звуков погони и расслабились. Это оказалось ошибкой. Аллан Манн почувствовал это, когда получил сильный удар по руке и оказался лицом к лицу с двумя мужчинами.

Один из них бросил свою дубину в направлении Аллана. Второй же с поднятой над головой палицей попытался довершить то, что не вышло у его товарища. Аллан услышал испуганный крик Литы, когда, обезумев от гнева и боли, он бросился на своих противников, яростно махая кулаками. Затем он внезапно понял, что один из мужчин уже не стоял возле него, а лежал на земле. Второй бежал в направлении своей брошенной дубины.

Копьё Литы полетело в сторону бегущего человека, но она промахнулась. Но как только тот нагнулся за своим оружием, Аллан нанес ему оглушительный удар палкой.

Удар пришелся по ногам, и тот, упав на колени, быстро пополз в кусты.

— Хара, — кричал он. — Хара, они здесь.

Лита подбежала к пораженному Аллану.

— Ты не ранен? — кричала она. — Ты победил их обоих. Это было великолепно.

Но тут уверенность покинула Аллана, уступив место ужасу.

— Он приведет Хару и остальных, — крикнул Аллан. — Мы должны бежать...

Девушка подхватила свое копье, и они рванули в лес. Позади они слышали громкие голоса.

— Ты не должен бояться, если ты так хорошо дерешься, — радостно кричала Лита, когда они бежали через лес. Но Аллан покачал головой.

— Я не соображал, что делал. Это ужасное место с его дикостью, хаосом и безумием. Оно заставило меня действовать, как другие безрассудные. Если я когда-нибудь выберусь отсюда...

Громкие голоса приближались. Судя по шуму, их преследовало не меньше десяти человек.

Аллану показалось, что среди них он различил громоподобный голос Хары. При мысли об этом рыжеволосом гиганте Аллан pokrылся холодным потом.

Лита и Аллан перебрались через еще один овраг и оказались на открытом пространстве пляжа. За ним синело море.

— Нас загнали на восточный конец острова, — воскликнул Аллан. — Мы не можем продвигаться дальше и не сумеем скрыться от них.

Лита остановилась. Ей в голову пришло внезапное решение.

— Ты можешь попытаться проскочить мимо них, — сказала Лита. — Я останусь здесь. Когда они увидят меня, то бросятся ко мне. Это даст тебе возможность прорваться.

— Но я не могу оставить тебя одну, — растерянно произнес Аллан.

— Почему нет? Для тебя будет неразумным остаться здесь и встретиться с Харой, не так ли? Ты знаешь, что он с тобой сделает?

Аллан озадаченно покачал головой.

— Нет, это будет неразумно. Но даже если это неразумно, я не хочу уходить.

— Убегай быстрее, — кричала Лита, толкая его в лес. — Они будут здесь через минуту.

Неохотно Аллан Манн сделал шаг в направлении леса и вошел в кусты. Он остановился и посмотрел назад, туда, где стояла Лита. Теперь он слышал треск кустов, что означало близость преследователей.

Аллан стоял в нерешительности. Какой-то изъян имелся в его рассуждениях. Но какой? Он не мог найти никакого разумного объяснения своему поведению. Ведь до сегодняшнего дня он никогда не видел этой девушки. К тому же она безрассудная с пожизненным сроком, и, казалось, для него абсолютно нелогично продолжать вмешиваться в ее дела и защищать от Хары. Это было бесспорно, но... Но он продолжал стоять.

Громадный мужчина вынырнул из кустов рядом с Алланом, и победный рык потряс воздух, когда он увидел Литу. Прежде чем девушка успела увернуться от него, он схватил ее за руку и вырвал у нее копье. В следующую минуту весь здравый смысл был забыт Алланом. Мозг захлестнула безумная волна ярости, и с диким криком он выскочил на берег.

— Отпусти ее! — крикнул он, угрожая Харе дубиной.

Гигант повернулся, выпуская девушку, и с такой силой парировал удар Аллана, что его дубинка разлетелась на кусочки, которые упали на песок.

— Так это опять ты?! — рявкнул Хара. Он бросил свою дубину и сжал в боевой готовности кулаки.

— Хорошо, давай-ка посмотрим, как ты выкрутишься на этот раз.

Аллан почувствовал, как какая-то неведомая сила подняла его на ноги и бросила на Хару. Сквозь кровавый туман он видел жестокое лицо гиганта. Внезапно оно дернулось, и боль в руке подтвердила, что его удар достиг цели. Хара взвыл и яростно размахнулся. Аллан почувствовал тошноту от сильного удара и упал на песок. Из его рта потекло что-

то теплое. Но он вскочил на ноги и вновь бросился на Хару, колотя беспрерывно своими кулаками по рыжему лицу.

Он почувствовал сильную боль в груди, и почва вновь ушла у него из-под ног. Пляж, море, небо — все поплыло перед глазами.

Почти сразу же, придя в себя, он увидел нависшее над собой широкое лицо Хары, который продолжал наносить ему яростные удары. В стороне улюлюкали его спутники, толпившиеся вокруг вспаханной ногами песчаной площадки. Аллан снова оказался на земле, но вновь вскочил, продолжая яростно отбиваться.

Он бил вслепую в красный туман, в котором плавало ненавистное лицо рыжеволосого громилы. Он не мог четко видеть, но ему показалось, что лицо его противника тоже было в крови.

Тяжелый удар по голове бросил Аллана на колени, но он заставил себя подняться и вновь выкинул сжатые в кулаках руки вперед. Теперь глаза Хары выражали удивление, перемешанное с гневом. Он отступал под яростными ударами Аллана.

Чувствуя, что силы покидают его, он всем своим телом рванулся вперед, держа кулаки на уровне пояса. На него посыпались сокрушительные удары, но в следующую секунду он заметил, что Хара с посеревшим лицом заваливается на бок. А спустя мгновение уже Аллан увидел, как яркий песок рванулся ему навстречу. Мужчины что-то кричали. И теряя сознание, ему показалось, что среди их криков он различил голос Литы.

Он чувствовал, как ее руки гладят его, убирают что-то с его лица. Руки Литы...

Руки внезапно стали большими и грубыми. Аллан открыл глаза, но Литы не было. Над ним нависло лицо одетого во все белое охранника.

Аллан огляделся. Не было больше ни пляжа, ни леса, только металлическая внутренняя оболочка флайера во круг. Он видел пилота и слышал рев двигателей.

— Ну, пришел в себя? — спросил охранник. — Ты был в отключке полчаса.

— Но где? Как... — с трудом пытался выговаривать Аллан.

— Ты не помнишь? Не удивительно. Когда мы подлетели, ты как раз отключился. Срок твоего заключения был всего лишь один день. Мы прилетели за тобой, когда увидели, что у тебя неприятности с одним из безрассудных. Мы подобрали тебя и отправились назад и сейчас уже подлетаем к городу № 72.

Аллан Манн беспокойно сел.

— Но Лита? Где Лита?

Охранник удивленно посмотрел на него.

— Ты имеешь в виду ту безрассудную, которая была на пляже? Она осталась там. Она же пожизненная. Когда мы забирали тебя, она подняла ужасный скандал.

— Но я не хочу оставлять ее там! — кричал Аллан. — Я говорю вам, я не хочу оставлять ее.

— Не хочешь оставлять ее? — повторил удивленный охранник. — Слушай, ты опять ведешь себя нелогично. Если будешь продолжать в том же духе, то получишь новый срок ссылки, и на этот раз он будет больше, чем один день.

Аллан хитро посмотрел на него.

— Вы хотите сказать, что если я буду вести себя неразумно, меня снова отправят на остров? На всю жизнь?

— Вот именно. На этот раз тебе повезло, что ты отделался одним днем.

Аллан Манн больше не проронил ни одного слова, пока не оказался перед лицом Управляющего.

Тот посмотрел на его покрытое синяками лицо и с улыбкой произнес:

— Я вижу, что даже один день, проведенный на острове безрассудных, позволил вам хорошо понять, что такое жить не по законам здравого смысла.

— Да, — ответил Аллан.

— Я рад, — продолжал Управляющий. — Теперь, надеюсь, вы понимаете, что единственной причиной, заставив-

шей меня послать вас туда, стало мое желание излечить вас от тенденций к безрассудству.

Аллан спокойно кивнул.

— С моей стороны, было бы безрассудным препятствовать вашим попыткам помочь мне, не так ли?

Управляющий довольно улыбнулся.

— Именно так, мой мальчик, это безусловно оказалось бы пределом безрассудства.

— Да, — ответил Аллан тем же самым спокойным голосом. Затем его кулак с хрустом врезался в подбородок Управляющего.

Охрана демонстрировала полное отсутствие симпатии, когда флайер во второй раз нес Аллана Манна на остров.

— Сам виноват, что получил пожизненное, — сказал охранник. — Где это видано, чтобы человек совершил подобное безумие? Отправить в нокаут Управляющего городом?

Но Аллан молчал, с нетерпением смотря вперед.

— Вот он, остров, — наконец воскликнул он.

— Ты что, рад вернуться сюда? — с отвращением спросил охранник. — Из всех безрассудных ты самый безнадежный.

Флайер плавно опустился на песок и замер в лучах полуденного солнца. Аллан выпрыгнул и понесся по пляжу. Он не слышал, что кричали ему вслед охранники. Не видел, как флайер поднялся и улетел.

Аллан бежал через лес в направлении западной части острова.

Через несколько минут он выбежал к деревне. На ее окраине стояло множество людей, и в следующее мгновение из этой толпы выступила хрупкая фигура. Лита.

Аллан подбежал к ней, и ему показалось вполне разумным заключить ее в свои крепкие объятия.

— Они же забрали тебя этим утром? — неожиданно расплакалась девушка. — Я думала, что никогда тебя уже не увижу.

— Я вернулся навсегда, — сказал Аллан. — Теперь я пожизненный, — добавил он с гордостью.

— Ты пожизненный?

Аллан кратко поведал ей о том, что произошло.

— Теперь я здесь навсегда. Да мне здесь и больше нравится, — закончил он.

— Так, значит, ты вернулся, — раздался рядом грохочущий голос Хары. Аллан резко повернулся, издав угрожающее рычание.

Но Хара добродушно улыбнулся и протянул Аллану руку.

— Я рад, что ты вернулся. Ты первый человек, кто смог отправить меня в нокаут. Ты мне нравишься.

Аллан удивленно уставился на него.

— Но именно по этой причине я и не могу тебе нравиться. Это нелогично...

Дружный хохот собравшихся вокруг мужчин и женщин прервал его на полуслове.

— Не забывай, что ты живешь на Острове Безрассудства, приятель, — улыбнулся Хара.

— Но Лита? Ты не получишь ее...

— Успокойся, — снова улыбнулся рыжеволосый гигант. Он кивнул, из кустов вышла бойкая блондинка и направилась к нему.

— Посмотри, кого они сюда доставили, пока ты отсутствовал. Она тоже пожизненная. Когда я ее увидел, то сразу же забыл о Лите. Клянусь, дорогая.

— Тебе же лучше, если это так, — ответила она. Затем улыбнулась Аллану. — Сегодня вечером мы собираемся пожениться.

— Пожениться? — переспросил Аллан.

Хара кивнул.

— Согласно древнему обряду, которого мы здесь придерживаемся. У нас есть здесь религиозный проповедник, когда-то тоже сосланный на остров. Ведь религия это тоже безрассудство. Он-то и совершает эти обряды.

Аллан Манн посмотрел на девушку, которую обнимал. Ему в голову пришла неожиданная мысль.

— Лита, тогда ты и я...

В этот вечер после двойной свадьбы, отмеченной шумным застольем, Аллан с Литой и Хара со своей женой сиде-

ли на берегу и любовались тем, как последние отблески заката угасают в темном небе.

— Однажды, — сказал Хара, — когда нас, безрассудных, станет больше, мы вернемся, завоюем весь мир и снова сделаем его безрассудным... и человечным.

— Однажды, — повторил Аллан.

НА ЗАКАТЕ МИРА

Мрачные башни и минареты из черного мрамора отбрасывали зловещие тени в багровых лучах заходящего солнца. Вздыхающиеся в небо шпили города Зора были окружены высокой стеной из латуни, двенадцать ворот которой открывали вход в город. За стеной раскинулась пустыня, покрывавшая теперь всю Землю. Ужасная, от горизонта до горизонта ослепительно белая равнина, чей монотонный пейзаж не нарушали ни холм, ни долина, ни река. Давным-давно высохло и исчезло последнее море. В результате веков геологических изменений сравнялись с землей горы и долины.

Заходящее солнце окрашивало кровью центральное здание города Зора. Тусклые лучи пробивались через окошко внутри башни, где в вечерних сумерках понуро сидел Галос Ганн.

Он бросил взгляд через пустыню на умирающее солнце и сказал:

— Вот и еще один день. Скоро придет конец.

Он подпер подбородок рукой.

Солнце опускалось все ниже и ниже, и тени вокруг него в огромном зале становились все гуще.

На темнеющем небе появились первые звезды. Они смотрели на человека сверху вниз холодными белыми глазами. Ему казалось, что он слышит их тонкие серебряные голоса, перекликающиеся между собой. «Скоро, скоро придет конец расе Галоса Ганна», — твердили звезды.

Он оставался последним человеком на Земле. Сидя один

на вершине башни в сумерках приходящей ночи, он знал, что нигде на покрытой пустыней планете больше не шевельнется ни одно человеческое существо, не прозвучит ни один голос. Он был тем, кого не коснулась разрушительная сила времени, последний, оставшийся в живых. Он познал одиночество, не ведомое никому другому. Миллионы людей мелькнули перед ним и ушли навсегда. Он мысленно переносился в то время, когда Земля была еще совсем молода, когда в ее морях только зародилась жизнь, которая затем менялась под сильным влиянием космической радиации. Венцом эволюции стал человек. Ганн видел, как люди прошли путь от первобытного племени до мировой цивилизации, которая в конце концов дала ему могущество и силы и на века продлила его существование. Он стал свидетелем, как не знающий пощады механизм сил природы обрушился злым роком на светлые города того Золотого века.

Не спеша тянулись тысячелетия. Пересыхали моря, а знойные пустыни покрывали мир. Увидев приближение конца своего мира, люди отказались рожать детей.

Они были истощены бесконечной, бесплодной борьбой и не прислушивались к мольбам Галоса Ганна. Лишь ученые пытались еще что-то сделать. Но в небытие ушло последнее поколение, и в мире не осталось ни одного живого существа, кроме него — Галоса Ганна.

В темном зале башни Галос Ганн сидел, укутавшись в свои одежды, и размышлял. Его покрытое морщинами лицо застыло, черные глаза смотрели в одну точку. Затем он внезапно поднялся и пошел через зал к балкону. Его длинные одежды потянулись за ним. Сквозь тьму он взглянул в смеющиеся глаза белых звезд и сказал им:

— Вы думаете, что смотрите на последнего человека? Что все великие люди моей расы стали историей, когда-то рассказанной и забытой? Но вы ошибаетесь. Я Галос Ганн, величайший человек из всех когда-либо живших на Земле. И мое желание — чтобы люди не умерли, а продолжали жить для новой славы.

Белые звезды молчали, глядя с-усмешкой на пустыню, охватившую погруженный в ночь Зор.

Галос Ганн протянул руку в направлении Ригеля, Канопуса и Ахернара. В его жесте чувствовались вызов и угроза.

— Как-нибудь, когда-нибудь я найду возможность сохранить жизнь человеческой расы, — кричал он. — Да! И придет время, когда наши потомки освоят ваши миры и подчинят их.

Галос Ганн принял решение. Он отправился в лабораторию и взял там необходимые инструменты и механизмы. Затем спустился с башни и двинулся по темным улицам Зора.

Проходя под блеклым звездным светом, мимо зловещих теней по улицам когда-то великого города, Ганн казался очень маленьким и одиноким. Но все же он был горд. В его сердце горело непреодолимое желание бросить вызов судьбе, и это желание наполняло его решимостью. Он подошел к низкому квадратному строению. С его приближением дверь распахнулась с поющим звуком. Галос Ганн пересек маленькую темную комнату и начал спускаться по ступеням. Винтовая лестница вела в огромный подземный зал из черного мрамора, освещаемый слабым голубым светом, не имеющим видимого источника.

Когда Галос Ганн наконец-то вступил на выложенный мозаикой пол, он надолго остановился, оглядывая прямоугольный зал. Его высокие стены украшали сотни панелей, на которых была изображена история человечества. Первая из этих картин показывала примитивную протоплазменную жизнь, из которой со временем вышел человек. А на последней был изображен этот зал. В склепах под полом лежали мертвые жители города Зора, последнее поколение человечества. Остался один пустой склеп, ожидавший Галоса Ганна. Это была завершающая глава истории человечества, изображенная на последней картине.

Но Галос Ганн прошел через зал мимо картин, открывая склеп за склепом до тех пор, пока перед ним не оказалось огромное количество мертвых мужчин и женщин. Их тела

великолепно сохранились, и они казались скорее спящими, нежели мертвыми.

Галос Ганн сказал им:

— Я думаю, что даже вы, которые мертвы, можете мне сохранить человечество. Грешно нарушать ваш вечный покой. Но кроме вас никого не осталось.

Затем Галос Ганн начал работать над мертвыми телами, применяя все накопленные за тысячелетия знания. Им двигала непоколебимая решимость.

С помощью химии он синтезировал новую кровь, которой наполнил пустые вены. Сильными электрическими стимуляторами и инъекциями он заставил сначала конвульсивно, а затем ровно биться сердца. Когда кровь начала омыwać мозг, мертвые стали приходить в себя, медленно поднимаясь из могил, с удивлением глядя друг на друга и на Галоса Ганна.

Галос Ганн испытывал великую гордость, глядя на этих сильных мужчин и стройных женщин. Он сказал им:

— Я возвратил вас к жизни, потому что решил, что наша раса не должна погибнуть. Благодаря вам человечество продолжит свое существование. Таково мое намерение.

Один из мужчин прервал Ганна. Его голос был хриплым, первые слова дались с большим трудом.

— Что это за безумие, Галос Ганн? Ты дал нам подобие жизни, но мы все равно мертвы. А как можем мы, мертвые, продлить жизнь человечества?

— Вы двигаетесь и говорите, следовательно, вы живы, — настаивал Галос Ганн. — Вы должны объединиться в пары и рожать детей, которые станут основателями новой расы людей.

Мертвый мужчина хрипло произнес:

— Ты борешься против неизбежного подобно ребенку, стучащемуся в заколоченную наглухо дверь. Таков закон Вселенной. Все, что живет, должно непременно прийти к своему концу. Планеты рождаются и умирают и падают на свои солнца, а солнца взрываются и превращаются в туманности, а туманности превращаются снова в солнца и миры, которые в свою очередь тоже умирают.

Как ты можешь надеяться обойти этот вселенский закон и сохранить человеческую жизнь? Мы прошли достойный путь. Мы боролись, побеждали и терпели поражения, смеялись под солнечным светом и мечтали под звездами. Мы сыграли свою роль в великой драме вечности. И теперь мы пришли к назначенному концу.

Когда мужчина закончил говорить, глухой, низкий шепот донесся из уст других мертвецов.

— Да, пришло время уставшим детям Земли отдохнуть в благословенном сне.

Но лицо Галоса Ганна было преисполнено решимости. Его глаза горели, а желание возродить человеческую расу было непоколебимым.

— Отговорки бесполезны, — сказал он мертвым. — Несмотря на ваше холодное смирение перед смертью, я решил, что человечеству нужно жить, чтобы бросить вызов слепым законам Вселенной. Вы должны подчиниться мне. Вы знаете, что с моими силами и знаниями я могу подчинить вас своей воле. Сейчас вы не мертвые, а живые. Вы должны вновь населить город Зор.

С этими словами Галос Ганн пошел к лестнице и стал подниматься вверх. В угрюмом молчании покорные мертвецы поплелись за ним, с трудом переставляя ноги.

Это было странное зрелище, когда Галос Ганн вывел молчаливую толпу на ночные улицы города. Город Зор заполнили те же люди, которые жили в нем до своей смерти. Галос Ганн приказал им, чтобы они поселились в тех же домах, где жили раньше, а те, кто был раньше женат, должны снова стать супругами, чтобы вести тот же самый образ жизни, как и до смерти.

Так день за днем под палящим солнцем мертвецы ходили по улицам Зора, делая вид, что они по-настоящему живы. Они приветствовали друг друга глухими скрипучими голосами. Те, что когда-то были ремесленниками, вновь занялись своим ремеслом, и живые звуки работы наполнили город.

По вечерам они собирались в огромном театре и сидели

неподвижно, пока те, что когда-то были актерами, танцорами и певцами, неуклюже передвигались по сцене. Мертвая аудитория аплодировала и смеялась. И их смех странным эхом отдавался в ночи.

А по ночам, когда звезды с любопытством взирали на Зор, те, что были юношами и девушками, выходили на улицы и грубыми, неуклюжими жестами разыгрывали пантомиму любви. Они вступали в брак, так как это был приказ Галоса Ганна.

Из своей высокой башни Галос Ганн наблюдал за ними день за днем, ночь за ночью. Месяцы проходили за месяцами. И он сказал себе:

— Они живы не по-настоящему. Что-то все-таки я не смог вернуть к жизни. Но даже такие, какие они есть, послужат человечеству, став новым началом во Вселенной.

Медленно тянулись месяцы. И вот наконец у одной из пар родился ребенок. Услышав эту новость, Галос Ганн преисполнился надежд. Охваченный радостью, он несясь через город, чтобы увидеть младенца. Но увидев его, почувствовал, как холод сковал его сердце. Этот младенец оказался подобием своих родителей. Он двигался, смотрел, издавал звуки, но они были неуклюжими и странными, а в глазах его застыл отпечаток смерти.

Но Галос Ганн не сдался. Он еще не оставил надежду воплотить в жизнь свой великий план. Он ждал, когда родится другой ребенок. Но тот оказался таким же.

Вот тогда действительно его вера и надежда стали ослабевать. Он созвал мертвых жителей Зора и обратился к ним:

— Почему вы не рождаете живых детей, зная, что вы сами сейчас живы? Вы делаете это назло мне?

Из мрачной толпы раздался голос мертвого мужчины:

— Смерть не может породить жизнь, так же как тьма не может породить света. Несмотря на твои слова, мы знаем, что мы мертвы и можем рожать только мертвецов. Теперь, когда ты убедился в бессмысленности своего плана, позволь

нам вернуться к покою смерти и дай человеческой расе с миром прийти к своему концу.

Галос Ганн мрачно сказал им:

— Вернитесь к забвению, которого вы так жаждете, если вы не способны служить моей цели. Но знайте, что ни сейчас, ни потом, никогда я не отступлюсь от своего решения возродить человеческую расу.

Мертвецы ничего не ответили, а повернулись к нему спиной и молча двинулись через город к низкому приземистому зданию, которое так хорошо знали.

Не издав ни звука, они спустились по винтовой лестнице в освещенный синим светом зал склепов, где каждый занял свое место. Две женщины, родившие детей, положили младенцев себе на грудь. Каждый захлопнул над собой крышку. И вновь воцарилось священное безмолвие в погребальной палате города Зора.

Со своей башни Галос Ганн наблюдал за тем, как они уходят. Еще два дня и две ночи он пребывал в раздумьях. Наконец сказал себе:

— Моя надежда оказалась призрачной. Правда в том, что человечество закончит свое существование вместе со мной, так как те, что были мертвыми, не могут продолжить жизнь. Но нигде в мире не осталось живых мужчин и женщин, способных послужить моей цели.

После этих слов его внезапно поразила мысль. Она была подобна блестящей огненной вспышке света, пронзившей тьму его мрачного сознания. Его мозг мгновенно начал обдумывать эту дерзкую идею. Настолько сильно было его отчаяние, что он ухватился даже за этот невероятный план.

Он пробормотал себе под нос:

— Сегодня в мире не осталось живых мужчин и женщин. Но они существовали в прошлом. Они отделены от меня бездной времени. Если я смогу как-то преодолеть эту бездну, я перенесу много живых людей из прошлого в настоящее.

Мозгу Галоса Ганна не давала покоя эта головокружительная мысль. И он, величайший ученый, когда-либо жив-

ший на Земле, предпринял попытку перебросить через океан веков живых мужчин и женщин, которые станут прародителями новой расы.

День за днем, когда солнце озаряло безмолвный Зор, ночь за ночью, когда величественные звезды кружились над городом, ученый пропадал в своей лаборатории. В конце концов он создал механизм, способный пробить толщу времен.

Когда машина была закончена, Галос Ганн предпринял первую попытку. Несмотря на твердость своего решения, его сердце содрогнулось, когда он положил руку на пульт управления. Он понимал, что его грандиозный план мог нарушить целостность материи, а это, в свою очередь, могло привести к чудовищному катаклизму во Вселенной. Но все же Галос Ганн нажал клавишу дрожащей рукой.

Невероятный гул, раскаты космического грома и сияние ослепительно белой энергии наполнили лабораторию. Весь мертвый город Зор взлетел над своим основанием, словно унесенный порывом могучего ветра.

Галос Ганн знал, что титаническая сила, выпущенная им, прорывалась сквозь время и пространство, разрывая никем не тронутые измерения Вселенной. Белая энергия пылала, гром гремел, а город висел в воздухе до тех пор, пока он наконец-то вновь не надавил клавишу на пульте управления. Сияние и гул исчезли. Галос Ганн взглянул на машину и разразился триумфальным криком:

— Мне удалось. Мозг Галоса Ганна победил время и судьбу.

В лаборатории стояли мужчина и женщина, одетые в странные одежды прошлых времен. Галос Ганн торжественно произнес:

— Я пронес вас через время, чтобы вы стали основателями новой расы. Не бойтесь. Вы только первые из многих, кого я перенесу сюда таким же образом из прошлого.

Мужчина и женщина посмотрели на Галоса Ганна и внезапно разразились смехом. Их смех был похож на маниакальный хрип. Дико и долго смеялись мужчина и женщина. И Галос Ганн понял, что они абсолютно безумны.

Используя сверхчеловеческую науку, ему удалось пронести через океан времени их неведимые тела, но не разум. Их интеллект был уничтожен. Ни одна наука не смогла бы перенести через время разум, не повредив его. Разум — это не материя, и он не подчиняется ее законам. Но Галос Ганн не желал отступать.

— Я перенесу других через время, — сказал он себе, — может быть, хоть кто-то из них сохранит здравый рассудок.

С помощью своего великого механизма он перенес много мужчин и женщин через океаны времени в город Зор. Но каждый раз, хотя их тела и оставались неведимы, он не мог сохранить их разум. Из машины выходили только безумные обитатели всех времен и стран.

Вскоре несчастные безумцы заселили Зор. Они бродили по его улицам, издавая безумные вопли. Они забирались на величественные башни и с них ревели что-то мертвому городу и пустыне за стеной. Весь город превратился в кошмар. Город сумасшедших был хуже города мертвых.

В конце концов Галос Ганн перестал переправлять мужчин и женщин из прошлого, поняв, что попытка не удалась.

В этом ревящем городе Галос Ганн стал бояться, что сам сойдет с ума. У него возникло желание заорать вместе с другими и понестись по улице.

С отвращением он уничтожил безумцев всех до одного. И Зор вновь окунулся в безмолвие, в котором проходила одинокая жизнь последнего человека. Наконец настал тот день, когда Ганн снова вышел на балкон, пристально посмотрел на белую пустыню и сказал:

— Я пытался вернуть людей из мира мертвых, затем я пытался перенести их через время, но ни те ни другие не смогли положить начало новой расе. Как могу я надеяться создать человечество в ничтожный момент времени, когда силам природы потребовалось на это миллионы миллионов лет? Значит, новая раса должна пройти такой же путь. Я изменю лицо Земли так, как это было когда-то, когда зародилась жизнь. И со временем она разовьется в человека.

Охваченный новой идеей, Галос Ганн, последний вели-

чайший ученый Земли, начал воплощать в жизнь грандиозную задачу, о которой не помышлял ни один человек.

Он начал пробивать скважину в твердой земной коре. Все дальше и дальше через песчаник, гранит и гнейс, пока не достиг сердца планеты.

В железном ядре он соорудил огромную кабину, которую оснастил необходимым для выполнения его задачи оборудованием. И когда все было готово, он спустился вниз в этой своей кабине и взорвал шахту, ведущую на поверхность.

Затем Галос Ганн начал сотрясать Землю. Из своей кабины в глубине ядра он посылал на поверхность маленькие интенсивные импульсы энергии с определенными интервалами. Период ритмов был абсолютно точно равен периоду ритмов движения Земли.

Сначала это не имело никакого эффекта. Но мало-помалу их влияние стало расти, пока наконец вся земная кора не начала неистово содрогаться. Эти толчки создавали огромное давление и поднимали температуру мантии, превращая ее в лаву. Эта лава, вырвавшись огненной массой, залила всю планету. Так же, как это случилось много миллионов лет назад.

С помощью оптических инструментов Галос Ганн наблюдал из своей подземной кабины, как огненные массы лавы выпускали газы, которые, сочетаясь между собой, создавали новую атмосферу над поверхностью планеты.

Земля проходила по тому пути эволюции, по которому уже проходила много веков назад. Ее поверхность начала остывать. Из облаков стал капать дождь, который собирался на поверхности в моря.

Галос Ганн с напряжением наблюдал через свои совершенные инструменты, как в водах этих морей из простых элементов углерода, водорода и кислорода под действием солнечных лучей зародилась примитивная протоплазменная жизнь.

Тогда Галос Ганн сказал:

— Начался новый цикл. Солнечная радиация порождает

ет жизнь из неорганических элементов, как это было многие века назад. Жизнь должна развиваться при тех же условиях и таким же образом. И когда пройдет время, на Земле вновь появятся люди и заселят эту планету.

Он просчитал, сколько потребуется времени для появления на поверхности Земли человеческой расы. Затем Галос Ганн взял точно отмеренное количество прозрачной жидкости, приготовленной им самим. Это было вещество, способное отключать все функции человеческого организма, но оставлять его живым в глубоком сне. Он лег на кушетку в своей кабине, погребенной в центре Земли.

— Теперь я буду спать до тех пор, пока не появится новая раса людей, — сказал Галос Ганн. — Когда я проснусь, планета вновь будет населена победоносной и бессмертной расой людей. Я смогу выйти и увидеть их, а после умереть с миром, зная, что человек жив.

Сказав так, он сложил руки на груди. Вскоре вещество начало действовать, и он уснул.

В первый момент после пробуждения Галос Ганн не мог поверить, что действительно проспал так долго. Но его хронометры, которые измеряли время, используя принцип распада радиоактивного урана, подтвердили, что он действительно проспал много миллионов лет.

Тогда он понял, что момент его триумфа настал. За эти века должна была появиться новая раса людей, которая к этому времени уже заселила всю поверхность Земли. Его руки дрожали, когда он готовился пробить новую скважину на поверхность.

— Смерть моя уже недалеко. Но сначала эти глаза увидят новую расу, которую я создал вместо старой.

Пробив туннель через литосферу, Галос Ганн поднялся на поверхность и вышел на солнечный свет.

Он стоял и смотрел по сторонам. Он находился в центре белой пустыни, которая монотонно простиралась от горизонта до горизонта. Нигде не было видно ни холма, ни долины, ничто не нарушало ее гладкую поверхность.

Жуткий холод пронзил сердце Галоса Ганна, хотя он стоял под палящим солнцем.

— Но как это могло произойти? — спрашивал он себя. — Силы природы вновь иссушили Землю так же, как и много веков назад. Но даже если и так, то где-то должны остаться люди.

Он посмотрел в одном направлении, затем в другом и наконец увидел на горизонте высокие шпили города. Его сердце радостно забилося. Переполненный надеждами, он отправился к городу. Но приблизившись, он вновь был озадачен. Перед ним возвышались черные мраморные стены и минареты, обнесенные тяжелой латунной стеной. Город так был похож на город Зор, исчезнувший с поверхности Земли миллионы лет назад.

Галос Ганн прошел через одни из открытых ворот. Словно во сне он бродил по улицам, озираясь по сторонам. Как и древний Зор, этот город был лишен жизни. Ни в домах, ни на улицах не было видно человеческой тени, не было слышно ни единого голоса. В этот момент на Галоса Ганна снизошло ужасное откровение, которое привело его в мрачный темный зал наверху высокой башни.

Там, в глубине зала, закутанный в длинные одежды сидел старик. Казалось, жизнь еле держалась в его теле.

Голосом, показавшимся самому себе странным, Галос Ганн спросил:

— Кто ты? И где остальные люди Земли?

Старик приподнял трясущуюся голову и, пристально посмотрев на Галоса Ганна, ответил:

— Нет больше никого. Я последний из всей расы людей, оставшийся в живых. Миллионы миллионов лет назад наша жизнь зародилась из простейшей протоплазмы в теплых морях и, пройдя через различные формы, увенчалась человеком. Цивилизация и сила людей достигли высочайшего уровня.

Но моря и суша высохли. И пришел конец человеческой расе. Я остался один в мертвом городе. Вот идет и моя смерть.

С этими словами дряблый, трясущийся старик упал на пол и, испутив тяжелый вздох, скончался.

А Галос Ганн, последний человек на Земле, стоял и смотрел вверх его тела на заходящее солнце.

РЕКВИЕМ

Келлон горько подумал, что управляет не космическим кораблем, а руководит бродячим цирком. На борту собрались газетчики и тележурналисты с тоннами оборудования, маститые комментаторы, которые знали ответы на любые вопросы, красивые девушки-ведущие, помпезные бюрократы, заинтересованные в рекламе, поп-звезды, оказавшиеся здесь по той же самой причине.

У него были самый лучший корабль и команда во всем Управлении. Вот именно, были. Вместо экспедиции в один из неисследованных уголков Вселенной их послали с этим дорогостоящим людским грузом для выполнения абсолютно никому не нужной миссии.

Про себя он горько произнес: «Черт бы побрал всех этих...» Но вслух спросил:

— Позиция корабля соответствует рассчитанной вами орбите, мистер Риней?

Риней, второй помощник, серьезный молодой человек, который в данный момент возился с приборами в астронавигационной каюте, оторвался от своей работы и сказал:

— Да, идем точно по курсу. Можно готовиться к посадке?

Келлон ответил не сразу. Он стоял напротив капитанского мостика, мужчина средних лет, крепкий, широкоплечий, с загорелым, спокойным лицом, на котором не отражалось ни единой эмоции. Он не хотел отдавать подобный приказ, но был вынужден подчиняться.

— Хорошо. Идем на посадку.

Мрачно, через иллюминаторы он следил за спуском. На окраине этого витка Галактики было сравнительно мало

звезд, дрейфующих через бездонные просторы Космоса. Впереди, подобно бриллианту, сияло маленькое солнце. Оно относилась к группе белых карликов вот уже около двух тысяч лет и давало так мало тепла, что планеты, вращающиеся вокруг нее, были покрыты льдом. Все, кроме одной, ближайшей к звезде.

Келлон смотрел на рыжевато-коричневый комочек под ним. Лед, укрывавший его с тех пор, как солнце взорвалось и превратилось в белого карлика, теперь растаял. Несколько месяцев назад темная кочующая звезда прошла очень близко от этой солнечной системы. Мощная гравитация воздействовала на планетные орбиты, миры начали медленно по спирали приближаться к солнцу, и лед начал отступать.

Вирессон, один из младших офицеров, поднялся на мостик и взволнованным голосом доложил Келлону:

— Они хотят видеть вас внизу, сэр. Особенно мистер Борродайл. Он говорит, это срочно.

Келлон подумал утомленно:

«Придется спуститься и встретиться лицом к лицу со всей этой сворой, каковой они все на самом деле и являются».

Он кивнул Вирессону и пошел вниз, в кают-компанию.

Вид ее вызвал у него отвращение. Вместо членов его команды, отдыхающих или занятых делом, в ней находилась маленькая, но шумная толпа расфуфыренных людей, громогласных мужчин и женщин, которые, казалось, все одновременно пытались что-то сказать и неприятно, нервно смеялись.

— Капитан Келлон, я хочу вас спросить...

— Капитан Келлон, пожалуйста...

Он терпеливо кивнул и с улыбкой начал пробиваться к Борродайлу. Ему были даны специальные инструкции сотрудничать с Борродайлом, который слыл самым популярным телекомментатором во всей Федерации.

Борродайл был полнеющим мужчиной с круглым розовым лицом и неестественно огромными и глубокими черными глазами. Его богатый оттенками бархатный голос так часто звучал в различных программах, что был известен всем.

— Моя первая передача начнется через тридцать минут,

капитан. При посадке я бы хотел получить полную картину. Если бы мои люди могли поместить камеру на мостик...

Келлон кивнул:

— Конечно. Там мистер Вирессон, он окажет им всякое содействие.

— Спасибо, капитан. Вы хотели бы увидеть передачу?

— Да, но...

Он был прерван Лорри Ли, чье сияющее красивое лицо и фигура, искусный раскат голоса сделали ее идолом женщин-телерепортеров.

— Не забудьте, что моя передача начинается сразу после приземления. Я хочу ее сделать одна на фоне безжизненного мира. Вы можете проследить за тем, чтобы никто не испортил эффекта? Пожалуйста!

— Мы сделаем все, что сможем, — пробормотал Келлон. А когда на него набросилась остальная свора, он резко огрызнулся:

— Я поговорю с вами позже. Мистер Борродайл, прошу вас.

Он пробился сквозь толпу, следуя за Борродайлом к каюте, которая была превращена в телерадиокомментаторскую. Однажды, горько подумал Келлон, она служила более благородным целям. В ней хранились пробы воды и почвы и другие образцы из далеких миров. Но это было тогда, когда они выполняли исследовательскую работу, а не тащили с собой всю эту толпу болтливых дураков, совершающих сентиментальное паломничество.

Просмотр материалов не входил в обязанности Келлона. Но здесь, по крайней мере, было тише, чем там, внизу, в кают-компании. Он наблюдал за тем, как Борродайл подал сигнал, и экран монитора ожил.

На нем возник серовато-коричневый глобус, вращающийся в Космосе, увеличивающийся в размерах по мере их приближения. Теперь на нем можно было различить даже редкие моря.

Проходили минуты, но Борродайл молчал, давая воз-

можность приглядеться к этой картине. Затем зазвучал его глубокий, с ноткой драматической простоты голос:

— Вы смотрите на Землю, — произнес комментатор.

И вновь замолчал. Вращающийся коричневый шар теперь стал больше. Его покрывали белые облака. Затем Борродайл продолжил свою речь:

— Вы, жители многих миров Галактики, знайте, что это родная планета нашей расы. Ее имя говорит само за себя. Земля.

Келлон почувствовал всевозрастающее отвращение. Все, что говорил Борродайл, было правдой. И все же это фальшивка. Что сейчас Земля значила для него, или для Борродайла, или для миллиардов его зрителей? Это была история, сентиментальная случайность, а куча журналистов собиралась превратить ее во что-то помпезное.

Борродайл продолжал:

— Около трех с половиной тысяч лет назад наши предки впервые покинули свой мир. Это произошло тогда, когда они вышли в Космос, отправившись сначала к ближайшим планетам, а затем и к другим звездам. Вот так зародилась наша Федерация, наше человеческое сообщество на миллионах миров.

Теперь на мониторе изображение коричневого глобуса сменило лицо Борродайла крупным планом. Он сделал драматическую паузу.

— Затем две тысячи лет назад было установлено, что солнце Земли находится на грани взрыва и превращения в белого карлика. Тогда оставшиеся люди Земли покинули свой мир, солнце взорвалось, после чего стало резко остывать, а его планеты начали покрываться льдом. И вот теперь через несколько месяцев придет конец нашей старушке Земле. Она медленно приближается к солнцу и вскоре упадет на него, разделив участь Меркурия и Венеры. Когда это произойдет, то родина человечества исчезнет навсегда.

Снова пауза. И вновь Борродайл продолжил. Только теперь его голос звучал на более низких нотах:

— Мы, находящиеся на этом корабле простые репорте-

ры, слуги огромной телерадиоаудитории из всех миров, прибыли сюда, чтобы в эти недели дать вам возможность в последний раз взглянуть на Землю. Мы думаем, мы надеемся, что вы сочтете для себя интересным вспомнить прошлое, которое уже стало легендой.

Келлон вновь подумал: «Этому ублюдку нет никакого дела до этой старой планеты, так же как и мне. Но у него неплохо получается скрывать это».

Как только передача закончилась, Келлон вновь был атакован шумной толпой в кают-компании. В жесте протеста он поднял руку.

— Пожалуйста, прошу вас. Сначала мы должны сесть. Вы не могли бы пойти со мной, доктор Дарноу?

Представитель Исторического бюро, доктор Дарноу являлся титулованной главой всей экспедиции, хотя никто не обращал на него особого внимания. Это был пожилой мужчина, похожий на воробья, который что-то щебетал себе под нос, когда они с Келлоном шли на мостик.

Он, по крайней мере, подумал Келлон, был искренен в своем интересе. Так же, как и еще более дюжины ученых на борту. Но их значительно превосходили числом эти жирные коты, большие боссы, заинтересованные в рекламе, профессиональные жлыщи и прочая шушера. Да, ну и удружило мне работку Управление Исследований!

С мостика он смотрел на серую планету и ее спутник. Затем спросил Дарноу:

— Вы говорили что-то об определенном месте, где хотели бы приземлиться?

Историк поднял голову и начал произносить торжественную, старомодную речь:

— Вы видите там континент? На его побережье было очень много больших городов, таких, как Нью-Йорк.

Келлон вспомнил это название. Давным-давно он учил его на уроках истории в школе.

Палец Дарноу уткнулся в карту.

— Если бы вы могли приземлиться здесь, прямо на острове...

Келлон внимательно изучил рельеф, затем покачал головой.

— Слишком низко. Скоро будет прилив. Мы не можем рисковать. Но вот та точка на материке может нам подойти.

Дарноу выглядел разочарованным.

— Надеюсь, что вы правы.

Келлон приказал Ринею произвести расчеты для посадки, затем скептически спросил Дарноу:

— Вы, надеюсь, не рассчитываете найти очень много в руинах этих древних городов, после того как они простояли подо льдом две тысячи лет?

— Конечно, города были сильно повреждены, — согласился ученый, — но, возможно, сохранилось огромное количество реликтов. Я мог бы годами проводить там исследования...

— У нас не так много времени, только несколько месяцев, прежде чем эта планета подойдет слишком близко к солнцу, — сказал Келлон, а про себя добавил: «И слава Богу».

Корабль опускался по точно рассчитанной траектории. За бортом выла атмосфера, бурлили и кипели вихри, метались облака. Корабль миновал облачный слой и направился к мрачной коричневой равнине, покрытой белыми пятнами снежников. Где-то далеко впереди мерцал серый океан. Корабль совершил посадку. Зависло гробовое молчание, которое всегда следует за остановкой двигателей.

Келлон посмотрел на Ринею, который на минуту оторвался от пульта управления. На его лице было написано легкое удивление.

— Давление, кислород, влажность — все параметры благоприятные.

Затем он добавил:

— Ну конечно же, ведь когда-то на этой планете жили люди.

Келлон кивнул и сказал:

— Мы с доктором Дарноу выйдем первыми. Вирессон, постарайтесь удержать наших пассажиров внутри.

Когда Келлон и Дарноу подошли к нижнему шлюзу, они

услышали недовольный шум, донесшийся из кают-компаний. Келлон понял, что Вирессону приходится нелегко. Эти люди не привыкли слышать «нет», и он мог представить их негодование.

Когда они вышли из шлюза, холодный пронизывающий ветер ударил в лицо. Они ступили на влажную каменистую почву, которая расползалась у них под ногами при каждом шаге. Дрожа от холода, они замерли, осматриваясь.

Под низким, серым, покрытым облаками небом распростерся мрачный коричневый ландшафт. Ничто не нарушало его монотонной одноцветности, если не считать сугробов, все еще белевших в низинах. Тишина царила в этом мире, нарушаемая лишь порывами ветра и треском остывающей обшивки корабля позади них. Келлон подумал, что этот мрачный мир не может вызывать никаких чувств.

Но глаза Дарно сияли.

— Мы должны использовать каждую минуту, — бормотал он, — каждую минуту.

Через два часа тяжелое телерадиооборудование было выгружено из корабля и на двух мотоциклах отправлено на восток. Одним их мотоциклов управляла Лорри Ли, одетая в лиловый синтетический костюм.

Келлон боялся, что тяжелые машины могут засесть в зыбучих грунтах, поэтому отправился вместе с журналистами. Но вскоре пожалел об этом.

Красотка Лорри Ли, чьи светлые волосы сияли даже в этом мрачном свете, дала волю всем своим журналистским жестам, выработанным долгими годами позирования перед камерой, когда она возбужденно указывала на руины Нью-Йорка.

— Это просто невероятно! — кричала она в микрофон своей многомиллионной аудитории на тысячах миров. — Быть здесь, на Земле, увидеть колыбель человечества. Это кое-что значит.

Это что-то значило и для Келлона. Он почувствовал спазм в желудке. Повернувшись, пошел к кораблю, ощущая в тот

момент, что если на обратном пути Лорри Ли затаянут зыбучие пески, это не станет большой потерей.

Но этот первый день явился только началом. Космический корабль быстро превратился в центр бесчисленных и бесконечных телерадиопередач. Он был оснащен специальным оборудованием, с помощью которого сигнал передавался по лучу на ближайшую ретрансляционную станцию Федерации, а оттуда несясь дальше к населенным планетам.

Келлон обнаружил, что Дарноу, который должен был координировать все это действо, оказался совершенно бесполезным. Планета, которая была скрыта от человеческого глаза несколько тысячелетий, представляла для него, историка, рай. Поэтому большую часть времени он проводил вдали от корабля, совершая свои собственные вылазки. На плечи его помощника, серьезного беспокойного молодого человека, свалилась неприятная обязанность противостоять жалобам и требованиям неугомонных, темпераментных телезвезд.

Келлон чувствовал переполняющую его скуку, когда стоял и наблюдал за всей этой происходящей вокруг него чепухой. Эти люди работали не покладая рук, но его не интересовали ни они сами, ни их передачи. Рой Квейли, молодой модельер мужской одежды, провел полусмешной, полуностальгический показ древней земной моды, в котором приняли участие хорошенькие девушки, одетые в глупые костюмы, с которых он снял копию. Барден, известный телевизионный продюсер, возглавил постановку фильма из времен старой Земли. Джей Максон, восходящий политический деятель в Конгрессе Федерации, обсуждал с Борродайлом правительственные законодательные системы прошлых времен, пытаясь таким образом заручиться поддержкой избирателей для своей Общегалактической партии. «Арктурус Плейерс», великолепная группа исполнителей фольклора, читала старые земные стихи.

Келлон подумал с отвращением, что все это только показуха. Взрослые знаменитые люди вцепились зубами в возможность, предоставленную им внезапной гибелью забытой

всеми планеты, подобно кривляющимся детям. А ведь в Галактике много настоящей работы, например, работы в Управлении Исследований, бесконечного, выматывающего, но увлекательного труда по изучению других систем и миров. И вместо того, чтобы заниматься ей, он был обречен находиться здесь несколько недель и даже месяцев вместе с этими клоунами.

Но ученых и историков он уважал. Они сделали всего лишь несколько передач, и их интерес не был фальшивым. Среди них оказался Галлер, биолог, который с восторгом показал Келлону пригоршню влажной почвы через неделю после их прибытия.

— Посмотрите на это! — гордо сказал он.

Келлон опешил.

— На что?

— На эти семена. Это обычный сорняк. Посмотрите.

Келлон посмотрел и увидел, что из каждого семени торчал маленький усик.

— Они дают ростки? — произнес он, не веря своим глазам.

Галлер радостно кивнул.

— Я на это надеялся. Понимаете, в северном полушарии уже наступила практически весна, согласно нашим заметкам, когда солнце внезапно взорвалось и превратилось в белого карлика. В течение нескольких часов температура упала, и поверхность начала покрываться снегом и льдом.

— Но это должно было убить всю растительную жизнь.

— Нет, — сказал Галлер. — Большие растения, деревья и кусты погибли. Но семена более мелких впали в спячку. Теперь тепло, которое растопило лед, вызвало их обратно к жизни.

— Тогда здесь скоро появятся трава и цветы?

— Очень скоро, по мере поступления тепла.

И действительно становилось все теплее по мере того, как проходили первые недели пребывания на планете. В один из дней исчезла облачность, и бриллиантовое солнце начало одаривать землю бело-золотым светом. И однажды наступи-

ло утро, когда весь ландшафт перед ними оказался покрытым зеленой травой.

Трава росла. Росли сорняки и вьюнки с такой скоростью, словно знали, что это их последний сезон, который не будет длиться долго. Пробивались новые ростки и начали появляться цветы. Печеночницы, колокольчики, одуванчики, фиалки расцветали вновь.

Теперь, когда больше не приходилось пробиваться через грязь, Келлон выходил на долгие прогулки. Снующие люди вокруг корабля, постоянное столкновение темпераментов, громкие, взволнованные голоса — все это окончательно dokonало его. Он чувствовал себя намного лучше вдали от них.

Трава и цветы вернулись, но все равно это был пустынный мир. Прогулки по длинным неровным склонам действовали успокаивающе. Теперь солнце стало ярким и приветливым, облака редко появлялись на небе, а теплый ветер что-то нашептывал, когда он сидел на склоне и глядел на запад, где не было никого и не будет уже никогда.

— Проклятая скука, — думал он. — Но, по крайней мере, здесь намного лучше, чем там с этими болтунами.

Долгими часами он сидел так под лучами ласкового солнца, чувствуя, как успокаиваются его нервы. Вокруг него волнами колыхалась трава, а цветы склоняли свои головки под ветром.

Ни одного другого движения, никакой другой жизни. С жалостью он подумал об отсутствии птиц в эту последнюю весну на старой планете. Не было даже ни единой бабочки. Но теперь это не имело значения. Все равно этот мир обречен.

Когда однажды в сумерках Келлон возвращался назад, он внезапно заметил сияющий предмет в темном небе. Келлон остановился, глядя на него, а затем вспомнил. Конечно, это была луна старой планеты. Он совсем о ней забыл во время облачных ночей. Он двинулся дальше, озаряемый ее слабым светом.

Когда он вошел в кают-компанию, то в миг лишился своего недавнего спокойствия. Завязалась очередная перепалка, и все присутствующие принимали в ней участие.

Лорри Ли с видом обиженного ребенка заявляла, что завтра она должна получить время для ее специальной передачи для женщин, а кто-то еще оспаривал ее требование. Молодой Веллей, помощник Дарноу, выглядел уставшим и расстроенным. Келлон незаметно прошел мимо них, закрыл дверь в своей каюте и налил себе выпить, в очередной раз проклиная Управление за это дурацкое задание.

Он позаботился о том, чтобы выбраться из корабля рано утром, прежде чем опять разразится столкновение темпераментов, привычно оставив Вирессона за главного, и пошел к зеленым склонам, прежде чем кто-либо успел его окликнуть.

Келлон думал о том, что осталось еще пять недель. Затем, слава Богу, Земля подойдет так близко к солнцу, что кораблю придется отойти в космос на безопасное расстояние. Пока не наступил этот долгожданный день, он будет держаться, насколько это возможно, вне поля зрения остальных.

Каждый день он проходил по нескольку миль. Он старался уйти подальше от восточной части и развалин Нью-Йорка, где так часто бывали остальные. Но он ходил в западном, северном и южном направлении по зеленым, цветущим склонам пустынного мира. По крайней мере, там было тихо.

Но вскоре Келлон понял, что если хорошенько присмотреться, то можно было кое-что увидеть. Например, как менялось небо. Оно никогда не было одинаковым дважды. Иногда оно казалось темно-голубым, и по нему, подобно кораблям, плыли облака. Но затем небо внезапно становилось серым и печальным, начинал капать дождь, который прекращался лишь тогда, когда лучи солнца пробивались через облака, превращая их в парящие ленты. Были моменты, когда, сидя на краю холма, он слушал раскаты грома и видел, как на западе темнело и собирались грозовые облака, которые с громом и блеском молний проходили над землей, словно армия гигантов.

Ветры и солнечный свет, сладость воздуха и вид луны, ощущение растущей травы под ногами — все это казалось Келлону странно естественным. Келлон бывал на многих

планетах под многими солнцами. Некоторые из них нравились ему больше, чем эта, некоторые не нравились совсем, но нигде и никогда он не встречал такого мира, который бы так соответствовал состоянию его души, как эта пустынная планета.

Ему стало интересно, на что она была похожа, когда на ней росли деревья и жили птицы и животные. Какие города существовали на Земле. Он брал фильмы-книги в библиотеке, которые привезли с собой Дарноу и другие ученые, и просматривал их по ночам, заперевшись в своей каюте. Не то чтобы все это его сильно волновало, просто давало возможность держаться вдали от каждодневных ссор и перебранок, к тому же ему было интересно.

После, совершая свои долгие прогулки, он пытался увидеть, представить, какими были эти места в далеком прошлом. Должно быть, в этой низинке обитали дрозды и скворцы, желто-черные пчелы, опыляющие цветы, и росли огромные деревья с такими странными названиями: вязы, ивы, клены. И бегали маленькие пушистые зверьки, и в воздухе танцевал жужжащий рой насекомых, и плавали рыбы и лягушки в озерах и ручьях — симфония давно прошедшей, давно забытой жизни.

Но были ли окончательно забыты все мужчины, женщины и дети, жившие здесь? Борродайл и остальные много говорили в своих передачах о людях старой Земли, но фразы звучали как-то безлико, словно набор терминов, который давно ничего не значил. Наверняка никто из тех миллионов не думал о себе, как о части бесчисленного множества. Каждый из них был для себя и своих близких уникальным и неповторимым созданием. Что все эти болтуны могут знать о тех индивидуумах? Что может знать хоть кто-нибудь?

Келлон время от времени находил их следы, останки цивилизации, которые пощадил даже лед. Согнутый кусочек стали, балка или брусочек, сделанные кем-то. Куски бетона, который когда-то представлял из себя дороги. По ним ходили мужчины и женщины, спешащие по зову любви, амбиций, жадности или страха.

Но он обнаружил больше. Это была неожиданная находка. Он шел вдоль ручья, протекавшего по узкой долине. В одном месте он перепрыгнул его, а когда приземлился, подняв голову, увидел дом.

Сначала Келлон подумал, что он сохранился каким-то невероятным образом, хотя это казалось просто невозможным. Но, подойдя поближе, понял, что это была всего лишь иллюзия. Время-разрушитель поработало и над ним. И все же это был дом.

Это был каменный коттедж с шиферной крышей и низкими стенами, стоящий недалеко от края зеленой долины. Келлон предположил, что природная арка из льда сохранила его от той участи, которая постигла все остальные строения.

Вместо окон и дверей зияли дыры. Он вошел внутрь и взглянул на холодную тень того, что когда-то являлось комнатой. Сохранились остатки прогнившей мебели, а стены покрывала сухая грязь, под которой можно было разглядеть ржавый металл. Больше ничего не было. Атмосфера внутри оказалась холодной и какой-то давящей. Он вышел наружу и устроился на террасе.

Келлон смотрел на дом. Он предположил, что его, должно быть, построили не позднее, чем в XX веке. Келлону показалось странным, что аэросъемка, которую производили люди Дарноу, не обнаружила этого строения. Но, с другой стороны, и неудивительно — серые стены были такими незаметными и так плотно вросли в зеленый полог долины.

Его взгляд упал на едва заметную надпись на цементной террасе. Он подошел и счистил грязь. Буквы выцвели от времени, но ему все же удалось прочитать. «Росс и Дженни — Их Дом».

Келлон улыбнулся. Теперь он по крайней мере знал, кто когда-то жил здесь, кто, возможно, построил этот дом. Он мог представить себе двух молодых людей, радостно царапающих буквы на мокром цементе. Кто были эти Росс и Дженни? И где они сейчас?

Он обошел вокруг. К своему удивлению, он обнаружил запущенный цветочный сад с другой стороны. Полдюжины

различных видов цветов, не похожих на те, что росли на склоне, беспорядочно цвели здесь. Когда пришла зима Земли, семена этого старого сада надолго заснули, а когда начал таять снег, вновь с готовностью вернулись к жизни. Он не знал, что это были за цветы, но от них веяло духом смелости, и ему это понравилось.

Возвращаясь в сумерках назад, Келлон думал о том, что должен рассказать об этом месте Дарноу. Но если он скажет ему, то мгновенно вся болтливая свора устремится туда. Он представлял себе те торжественные, бесценные и просто милые передачи, которые Борродайл, Ли и другие будут ставить, используя этот дом как декорацию.

— Нет, — подумал он, — пусть убираются к чертовой матери.

Дело было не в том, что сам дом имел для него какое-то значение, а в том, что он представлялся для него убежищем, в котором он мог найти покой от всей этой шумной орды.

На следующий день Келлон был рад, что никому ничего не сказал. Дом стал тем местом, куда он мог уйти, которое он мог исследовать, чтобы заполнить время ожидания. Он проводил там часы и никому не говорил об этом.

Галлер, биолог, одолжил ему книгу о растениях Земли, и он брал ее с собой, чтобы идентифицировать цветы, растущие в заброшенном саду. Вербены, гвоздики, вьюнки и ярко-красные и желтые настурции. Он прочитал, что многие из этих видов не прижились в других мирах. Если это так, то для цветов наступила самая последняя весна, после которой эти виды исчезнут навсегда.

Он рассматривал интерьер дома, пытаясь себе представить, как люди когда-то жили здесь. Дом совсем не походил на современные металлоидные дома. Внутренние стены были слишком толстыми, а окна казались маленькими и убогими. В самой большой комнате Росс и Дженни, наверное, проводили большую часть своего времени. Ее окно выходило на маленький сад, зеленую долину и ручей.

Келлону было интересно, что представляли из себя эти Росс и Дженни, которые когда-то сидели здесь и смотрели в

окно. Что было для них важно? Что доставляло им боль, а что радость? Он сам никогда не был женат. Капитаны космических кораблей редко вступают в брак. Но его интересовал этот древний обряд. Были ли у Росс и Дженни дети? Продолжает ли в ком-то на свете течь их кровь? Но даже если и так, что теперь это могло значить для этих двоих, давно ушедших?

В конце книги, которую одолжил ему Галлер, было стихотворение о цветах. Он вспомнил несколько строк:

Все они теперь едины, розы и незабудки,
Они не знают ни ветров, ни полей, ни морей,
Время проходит,
В мягком воздухе пахнет летом.

Да, думал Келлон, все они сейчас едины, эти Россы и Дженни, и все, что они делали, все, о чем думали, все сейчас превратилось в пыль на этой планете, которая вскоре войдет в свое последнее лето. С физической точки зрения, все, что было сделано, все, кто когда-то жил на Земле, оставались здесь в ее атомах, не считая той небольшой части материи, которая осела в других мирах.

Он думал об именах, которые были известны среди всех галактических миров, имена мужчин, женщин и мест. Шекспир, Платон, Бетховен, Блейк, старый блистательный Вавилон и храмы Ангкора, неуклюжие дома его собственных предков, все это было здесь.

Келлон мысленно прервал себя. Он не должен был размышлять о подобных вещах. Он уже видел все, что осталось в этом странном месте, и не было смысла возвращаться к этому.

Но он вернулся. Он говорил себе, что дело не в том, что в нем проснулся какой-то сентиментальный интерес к этому месту. Об этом он слишком много слышал от сияющих клоунов у себя на корабле. Он был человеком Управления Исследований, и все, что он хотел, так это вернуться к своей работе. Но так как он, не по своей вине, застрял здесь, он предпочел бродить по зеленеющей земле или исследовать этот старый дом, чтобы избежать необходимости слушать бесконечную болтовню и грызню остальных.

Они ругались все чаще и все больше, потому что устали от всего этого. Поначалу для них было сенсацией вещать на всю галактику о кончине Земли, но по мере того, как шло время, их энтузиазм остывал. Они не могли улететь, так как экспедиция была рассчитана на то, чтобы показать гибель Земли, а это произойдет только через несколько недель. Дарноу с его учеными, занятыми изучением реликтов, могли бы оставаться здесь бесконечно долго. Но другие уже пухли от тоски.

В старом доме Келлон находил много интересного, что не позволяло ему скучать. Он уже много прочитал о том, какой была та давняя жизнь. Часами он просиживал на старой террасе под солнцем, пытаясь представить себе, как было тогда, когда здесь жили мужчина и женщина, которых звали Росс и Дженни.

Эта старая жизнь сейчас казалась ему такой странной! Он прочитал, что в те дни многие люди передвигались на наземных машинах туда и обратно в города, где они работали. В этих машинах ездили и мужчины, и женщины или только мужчины? Может быть, женщина оставалась дома с детьми, если они были, и занималась садом, в котором все еще цвели некоторые цветы? Думала ли она когда-нибудь о том, что в далеком будущем, когда их уже не станет, дом останется пустым и безжизненным, и никто не придет в него, кроме чужака с далеких звезд? Он вспомнил одно место из старых земных пьес, которые исполняли «Арктурус Плэйерс»: «Пришли, как тени, такие же далекие».

Нет, думал Келлон, Росс и Дженни сейчас стали тенью, но не тогда. Это для них, для всех людей, живших тогда на этой древней Земле, он, человек из далекого будущего, был тенью. Иногда Келлону, сидящему на этой террасе и представляющему прошлое, живые образы людей, многолюдные города, движение и смех, казалось, что это они были реальностью, а он — наблюдающим призраком.

Приходило лето. Дни становились все жарче и жарче. Теперь белое солнце стало огромным и изливало на Землю столько света и тепла, сколько эта планета не видела не-

сколько тысяч лет. И вся зеленая жизнь вокруг, казалось, ответила порывом невиданного роста, актом безумного пробуждения, который Келлон считал наиболее трогательным. Теперь даже ночи стали теплыми. Дули мягкие ветры, а на волнах огромного серого океана переливалась белая пена.

Внезапно, словно проснувшись от сна, Келлон осознал, что осталось всего несколько дней. Планета движется все быстрее, и вскоре жара станет невыносимой.

Он говорил себе, что будет рад улететь. Они подождут в космосе, пока все не закончится, а затем он вернется к своей работе, к своей жизни и прекратит мечтать о тенях. Здесь больше нечего было делать.

Да, он будет рад.

Затем, когда осталось всего несколько дней, Келлон вернулся снова в старый дом и бродил по нему. Внезапно он услышал за спиной голос:

— Великолепный, — сказал Борродайл, — великолепный реликт.

Келлон был удивлен и в то же время почувствовал уныние. Глаза Борродайла горели, когда он осматривал дом. Затем он повернулся в сторону Келлона.

— Я гулял, когда увидел вас, и решил догнать. Так вот где вы пропадали все это время.

Келлон виновато ответил:

— Я был здесь всего несколько раз.

— Но почему, черт возьми, вы не сказали нам об этом? — воскликнул Борродайл. — Почему? У нас могла бы получиться великолепная заключительная передача из этого места. Типичное древнее жилище Земли. Наш модельер Рой мог бы одеть группу «Плейерс» в старые костюмы, и мы бы показали их в качестве людей, живших здесь...

Неожиданно для себя Келлон сорвался. Он грубо произнес:

— Нет.

Борродайл поднял брови.

— Нет? Но почему?

Действительно, почему нет? Какая ему-то разница, если они будут носиться по этому дому, насмехаясь над его древ-

ностью и неадекватностью, позируя и кривляясь перед камерами, делая очередное шоу. Что ему до всего этого? Ведь ему не было никакого дела до этой забытой планеты?

Все же что-то в нем сопротивлялось тому, что они собирались здесь сделать. Он сказал:

— Мы можем стартовать очень внезапно. Если вы все будете находиться здесь, то это подвергнет опасности ваши жизни.

— Но вы же сами сказали, что старт произойдет через несколько дней, — воскликнул Борродайл. И твердо добавил: — Я не знаю причины, по которой вы что-то скрываете от нас. Но мне придется обратиться к вашему начальству.

Он ушел, и Келлон подумал с грустью, что Борродайл сообщит в Управление, и он получит серьезный нагоняй. Почему, черт возьми, он скрыл от других свою находку? Он и сам не знал. Он должен был вместо непонятной, гложащей сердце тоски испытывать радость.

Келлон вернулся на террасу и сидел там до тех пор, пока сумерки не коснулись неба. Взошла белая бриллиантовая луна. Этой ночью начал дуть горячий сухой ветер. Сказывалось приближение планеты к солнцу. Колышущаяся от ветра трава была словно живой. Казалось, что в воздухе забился слабый пульс планеты. Солнце звало, и Земля готовилась к ответу. Дом дремал в серебряном лунном свете, а сад что-то тихо нашептывал.

В ночи возникла темная фигура. Это вернулся Борродайл. Триумфально он заявил:

— Я обратился в вашу штаб-квартиру. Они приказывают вам оказывать мне полное содействие. Наша первая передача пойдет отсюда завтра утром.

Келлон встал.

— Нет, — твердо сказал он.

— Вы не можете пренебречь приказом...

— Завтра нас здесь не будет. Я отвечаю за то, чтобы увести корабль с Земли, не подвергая опасности ваши жизни. Мы стартуем завтра утром.

Борродайл какое-то время молчал, а когда заговорил, в его голосе послышалась нотка замешательства.

— Вы продолжаете препятствовать нашей работе? Я не могу понять почему.

Келлон подумал, что и сам этого не понимает. Как он мог объяснить? Он молчал. Борродайл посмотрел на него, а затем на старый дом.

— Возможно, я понимаю, — неожиданно проговорил Борродайл задумчиво, — вы часто приходили сюда один. Здесь легко можно подружиться с привидениями.

Келлон грубо отрезал:

— Не мелите чепухи. Нам лучше сейчас вернуться на корабль. У нас еще много дел. Нужно готовиться к старту.

Борродайл молчал, когда они возвращались по залитой лунным светом долине. Один раз он оглянулся и посмотрел на дом. Келлон не оглянулся ни разу.

Они стартовали через двенадцать часов следующим утром, мрачным из-за сильной облачности. Когда они прошли атмосферу и оказались в холодном пространстве космоса, Келлон почувствовал внезапное облегчение. Здесь, в космосе, он был на своем месте. Он человек космоса. Позже ему придется ответить за свои действия, но он не сожалел.

Корабль отошел на безопасную орбиту и стал ждать. Земля, казалось, совсем близко подошла к солнцу, а ее луна изменила свою орбиту. Но все равно, пройдет еще немало времени, прежде чем они смогут показать галактике гибель их родной планеты.

Большую часть времени Келлон проводил в своей каюте. Шумиха вокруг передач, по мере того как приближался финал, заставляла его испытывать отвращение. Ему хотелось, чтобы все скорее закончилось.

— Почему вы должны получить целый час? — язвительно говорила Лорри Ли Борродайлу. — Это несправедливо.

Квейли рассерженно кивнул.

— Это будет самая большая аудитория в истории человечества, и каждый из нас должен получить свой шанс.

Борродайл отвечал им. Шум и споры продолжались.

Келлон заметил, что техники выглядят взволнованными. За их спинами через иллюминаторы он мог видеть темное пятнышко планеты, которая приближалась к белой звезде. Солнце звало, а Земля медленно, но уверенно отвечала на этот призыв. И внезапно эти кричащие, ссорящиеся голоса журналистов привели Келлона в гнев.

— Послушайте, — сказал он техникам, — выключите все звуковые передатчики. Пусть останется только картинка, но без звука.

Этот выпад заставил всех замолчать. В конце концов Ли выразила протест:

— Капитан Келлон, вы не можете!

— В Космосе я командую кораблем. И я могу это сделать и сделаю.

— Но передача, комментарий...

Келлон устало произнес:

— Ради Бога, заткнитесь все и дайте Земле уйти с миром.

Он повернулся к ним спиной. Он не слышал их возмущенных голосов, не слышал даже, как они замолчали, глядя через иллюминаторы на то, на что смотрел он, камера и вся Галактика.

На что он смотрел? На темную точку, которую почти притянуло к себе солнце. Он думал о том, что, наверное, камни старого дома уже начали плавиться. Теперь лучи солнца уже полностью поглотили планету. Звезда забирала себе то, что когда-то принадлежало ей.

Келлон думал, что все атомы Земли в этот момент вырвались наружу и слились с солнечной массой. Все, что было когда-то Россом и Дженни, Шекспиром и Шубертом, цветы и ручьи, океаны и горы, небо и ветер стали одним светом, который когда-то дал им жизнь.

Они смотрели в молчании. Но вот больше не на что стало смотреть. Камера отключилась.

Келлон отдал приказ, и корабль, сорвавшись с орбиты, направился домой. К этому моменту все уже покинули кабину, кроме Борродайла. Не поворачиваясь, Келлон сказал:

— Теперь можете жаловаться в штаб-квартиру.

Борродайл покачал головой.

— Молчание — самый лучший реквием. Жалоб не будет.
Я рад, что все так случилось, капитан.

— Рады?

— Да, я рад, что, в конце концов, хоть один человек во Вселенной действительно оплакивает гибель Земли.

СОДЕРЖАНИЕ

РОКОВАЯ ЗВЕЗДА. Роман. *Перевод С. Сухинова* 5

РАССКАЗЫ. *Перевод В. Мартова.*

Чужая Земля.	203
Дитя ветров	233
Человек, который вернулся	254
Семена из космоса	268
Тот, у кого были крылья.	274
Отверженный	304
Изгнание	312
Эволюция доктора Полларда	318
Остров Безрассудства	338
На закате мира	359
Реквием	371

Литературно-художественное издание

Эдмонд Гамильтон
РОКОВАЯ ЗВЕЗДА

Редактор *Е. Арсиневич*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Технические редакторы *Н. Носова, И. Ковалева*
Корректор *В. Видулкина*

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 06.10.97.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 18,4.

Тираж 15 000 экз. Заказ 5456.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

индекс: 423

ТАЛАНДЯКРБСА

ЗОЛОТОЙ ФОНД ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Романтика дальнего Внеземелья. Падение могущественных звездных империй. Безжалостные столкновения космических армад. Отчаянные авантюры галактических мошенников. Решительность и бескомпромиссность. Предательство и коварство. Благородство и бескорыстие. Читайте обо всем этом **в лучших книгах, когда-либо выходивших под маркой фантастики.**

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

Все издания объемом 400-580 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

Цена одной книги 18 500 руб.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 413

А «АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

Лучшие произведения современных российских писателей-фантастов в рамках одной книжной серии. Сама мысль о том, что ареной фантастического боевика могут быть не только бескрайние просторы Вселенной с множеством обитаемых планетных систем, но даже и наша современная российская действительность, еще недавно казалась кощунством. В.Головачев, Е.Гуляковский, В.Михайлов, В.Звягинцев – классики жанра и целая плеяда молодых, чрезвычайно талантливых авторов блестяще доказывают, что российская боевая фантастика – это просто здорово. В их книгах заключена энергия завтрашнего дня, а напряженный сюжет, тонкий лиризм и обаятельные герои никого не оставят равнодушными.

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:

**В.Головачев, В.Михайлов,
В.Ильин, И.Стальнов,
М.Ахманов, Е.Гуляковский,
В.Звягинцев, Л.Вершинин,
М.Симонова, О.Дивов.**

Все издания объемом 400-600 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

Цена одной книги 18 500 руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

«АБСОЛЮТНАЯ МАГИЯ»

индекс: 421

ФЭНТЕЗИ, ПОМНОЖЕННАЯ НА РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

Находятся писатели, богатому воображению которых тесно в рамках даже фантастического жанра. Их призвание – **конструирование собственных миров**, в которых любят и сражаются мужественные герои, не страшась острых мечей, метких арбалетов и всемогущего волшебства. На Западе это направление именуется «фэнтези».

Фэнтези, помноженная на русские литературные традиции, – это «Абсолютная магия».

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:

**Г.Л.Олди, Н.Перумов,
М.Ахманов, Ю.Брайдер,
Н.Чадович, В.Свержин.**

Все издания объемом 400-550 стр., целлофанованный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

Цена одной книги **18 500 руб.**

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

**ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ**

Лев Гуров – любимый герой миллионов читателей.

СЕРИЯ «ЧЕРНАЯ КОШКА»

**Впервые! Полное собрание сочинений Н.Леорова
в великолепном полиграфическом исполнении.**

Такого еще не было!

Полное собрание сочинений Н.Леорова в 15-ти томах.

У сыщика Гурова, героя детективных повестей и романов, принадлежащих перу Николая Леорова, сегодня, пожалуй, нет достойных соперников в сфере криминального сыска. Обаятельный, парадоксальный, умный и бесстрашный герой завораживает читателя с первых страниц. И не случайно многие произведения Николая Леорова были положены в основу остросюжетных фильмов. Кто не читал или хотя бы не слышал о таких его романах, как «Трактир на Пятницкой», «Один и без оружия», «Ринг», «Операция «Викинг», кто не разыскивал на книжных прилавках книги «Мент поганый», «Наркомафия», «Бросок кобры»? Каждая повесть, каждый роман этого автора – открытие и гарантия острого наслаждения для читателя. Роман Н.Леорова «Шакалы» просто сразит вас наповал. И конечно же, Полное собрание сочинений Николая Леорова – поистине бесценный подарок всем поклонникам детективного жанра. Эти книги украсят любую книжную коллекцию.

**индекс собрания
сочинений: 300005**

Индексы отдельных изданий:

- «ШАКАЛЫ», 16
- «ПРИСТУПИТЬ К ЗАДЕРЖАНИЮ», 14
- «МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ», 5
- «УДАЧИ ТЕБЕ, СЫЩИК», 6
- «ОДИН И БЕЗ ОРУЖИЯ», 8
- «ОБРЕЧЕН НА ПОБЕДУ», 12
- «ПЛАТА ЗА ЖИЗНЬ», 13
- «БРОСОК КОБРЫ», 15
- «МЕНТ ПОГАНЫЙ», 9
- «НАРКОМАФИЯ», 10
- «ЛОВУШКА», 11
- «РИНГ», 7
- «ЗАЩИТА ГУРОВА» 300017
- «ДЕНЬГИ ИЛИ ЗАКОН» 300018
- «СТЕРВЯТНИКИ» 300019

Вы можете подписаться на Полное собрание сочинений (индекс 300005) и получить все 15 томов сразу или выписать любой из указанных томов.

Все издания объемом 400-420 стр., бумвинил с золотым тиснением, целлофанированная суперобложка, шитый блок.

Цена одной книги 19 900 руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 425

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ИЗВЕСТНАЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРАМ СО СТАЖЕМ КАК «РАМОЧКА»

Серия составлена из бесценных жемчужин фантастико-приключенческого жанра. Аркадий и Борис Стругацкие, Василий Звягинцев, Владимир Михайлов, Станислав Лем – из-под их пера вышли поистине «вечные» книги. Яркий талант, высочайшее писательское мастерство, смелые и глубокие идеи, увлекательные сюжеты, запоминающиеся герои – вот что отличает произведения этих авторов. Выпуски серии «КП и НФ» не только украсят книжные полки коллекционеров приключенческой литературы, они доставят истинную радость Вам и Вашим подрастающим детям.

**СЕРИЯ «КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ» –
ВЫБОР ЛЮДЕЙ С БЕЗУПРЕЧНЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ВКУСОМ!**

425001 А. и Б. Стругацкие. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 10-ти томах

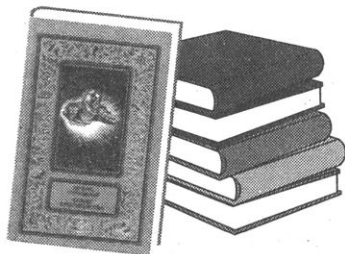
425011 В. Звягинцев. «ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ». В 4-х томах

425041 Е. Гуляковский. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 5-ти томах

425031 В. Михайлов. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 5-ти томах

425046 С. Лем. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 10-ти томах

Цена одной книги **19 900 руб.**

Все издания объемом 450-540 стр.,
цельнотканевый переплет, золотая
фольга, шитый блок.

Вы можете подписаться на всю серию
целиком (индекс 425) или на любое
собрание сочинений в отдельности по
вашему выбору.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки,
не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

«АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

Василий ГОЛОВACHEВ

индекс: 413

ИЗБРАННОЕ В 10-ТИ ТОМАХ

На сегодняшний день Василий Головачев является самым популярным российским писателем-фантастом. Его книги пользуются бешеным успехом, любая новинка сразу же становится бестселлером. Отличительные черты его произведений:

- головокружительные сюжеты,
- яркие, запоминающиеся образы героев,
- впечатляющий поток информации, обогащающей даже самого эрудированного читателя.

В предлагаемое собрание сочинений В. Головачева войдут последние книги знаменитого автора, в которых ему удалось в полной мере выразить все грани своего замечательного таланта.

- 413030 «СМЕРШ-2»
- 413006 «ПЕРЕХВАТЧИК»
- 413029 «РАЗБОРКИ ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ»
- 413028 «БИЧ ВРЕМЕН»
- 413020 «СХРОН»
- 413031 «ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ»
- 413026 «ИЗЛОМ ЗЛА»
- 413032 «ИСТРЕБИТЕЛЬ ЗАКОНА»
- 413033 «ПОСЛАННИК»
- 413034 «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Вы можете подписаться на всю серию целиком (индекс 413) или на любой отдельный том В. Головачева по вашему выбору.

Все издания объемом 400-550 стр., целлофанованный переплет, шитый блок.

Цена одной книги **19 900 руб.**

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

КНИГА – ПОЧТОЙ

ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

Удовольствие, говорят, не купишь... Неправда! «Книга – почтой» в любой момент опровергнет эту расхожую истину. По индивидуальному заказу, без лишних усилий с вашей стороны она обеспечит вам несколько часов необыкновенного наслаждения, которое по нашим временам стоит недорого: отпускная (издательская) цена книги плюс стоимость пересылки, только и всего! И никаких «накруток» торговых точек, превращающих книжный товар в недоступную роскошь!

«Книга – почтой» – шанс для любителя книги!
 «Книга – почтой» – минимум денег и времени!
 «Книга – почтой» – удобнее не придумаешь!
 Вместо одной книги с прилавка – две или три от
 «Книга – почтой»!

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!
ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЭТИ СЕРИИ И ПОЛУЧАТЬ
ПО ПОЧТЕ ЕЖЕМЕСЯЧНО НОВЫЕ КНИГИ.
В ТВЕРДОМ ПЕРЕПЛЕТЕ – 2 КНИГИ,
В МЯГКОМ ПЕРЕПЛЕТЕ – 3–4 КНИГИ.

Разборчиво заполните почтовую карточку по образцу и отправьте ее по указанному адресу:

	ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА	
г. Москва, а/я 30,		
Куда _____	_____	
Кому «ЭКСМО-ПРЕСС» _____		

 Почте налить, ориентировать своим жестом извещения		Подпись: _____ 433510 Ульяновская обл., г. Лимитовград, ул. Королева, д. 2, кв. 255, з. Петров И. С.

Я заказываю следующие серии:

413. «Абсолютное оружие»	2 кн.
421. «Абсолютная магия»	2 кн.
423. «Стальная Крыса»	2 кн.
413006. «Перехватчик»	1 кн.
425001. А. и Б. Стругацкие. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ	1 компл.
425011. В. Звягинцев. «ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ»	1 компл.
425041. Е. Гуляковский. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ	1 компл.
425031. В. Михайлов. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ	1 компл.

Внесерийные издания:

300021. Собрание сочинений Д. Корецкого	2 комплекта
300005. Собрание сочинений Н. Леонова	1 комплект

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧАТЬ С ВАМИ

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

ТАБЛАЯКРЫСА